

Ю.М. АНТОНЯН

ЗНБ ВГУ

0000620636

Ю.М. АНТОНЯН

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ

*106
Г.Ф.07.09*

КАМЕРОН
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Москва

2006

УДК 343.6
ББК 67.99(2)8
А 72

Антонян Ю.М.

А 72 Почему люди совершают преступления. Причины преступности. — М.: ИД «Камерон», 2006. — 304 с.

ISBN 5-9594-0033-2

В книге изложена новая концепция природы преступности, разграничены причины преступности вообще и причины преступности в конкретной стране. К числу первых отнесено отчуждение и одиночество, переживание угрозы со стороны окружающего мира и особое отношение к смерти. Особое внимание уделено бессознательному в преступности и вопросам мотивации преступного поведения. Подробно проанализированы причины высокого уровня преступности в современной России.

Приводятся эмпирические материалы.

Для преподавателей и научных работников, юристов и психологов, аспирантов, студентов, сотрудников правоохранительных органов и всех, кто интересуется проблемами преступности и обеспокоен ее высоким уровнем в России.

© Антонян Ю.М., 2005

ISBN 5-9594-0033-2

© ИД «Камерон», 2006

Юрий Миранович Антонян

Почему люди совершают преступления

Причины преступности

Научное издание

Главный редактор Тимошкина Г.И.
Корректор Постникова Е.А.
Компьютерная верстка Митрикова С.В.

ООО Издательский дом «Камерон»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 3/5, стр. 4
факс: 261-19-31
E-mail: redaktor@kameron.ru

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001602.04.05 от 04.04.2005

Подписана в печать 15.12.2005.
Формат 60x88/16. Усл. печ. л. 19,0. Печать офсетная.
Бумага газетная. Тираж 500 экз.
Заказ № А-576

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	^
Глава I. Природа преступности.....	8
Понятие преступности, ее вечность.....	8
Отчужденной одиночество.....	••• 25
Ощущение и переживание угрозы со стороны	
окружающего мира.....	54
Особое отношение к смерти.....	81
Глава II. Причины преступности в современной России.....	108
Общие методологические вопросы.....	Ю8
Причины высокого уровня преступности.....	• 118
Глава III. Проблемы криминальной мотивации.....	133
Понятие мотива.....	133
Мотивы преступного поведения.....	• 144
Глава IV. Причины отдельных видов преступного поведения	
и роль бессознательного.....	165
Разные криминологические грани бессознательного.....	165
Возвращение невольного общечеловеческого	
опыта и его криминологическое значение.....	107
Бессознательное в совершении убийств.....	i=" 213
Бессознательное в совершении изнасилований.....	226
Бессознательное в совершении корыстных преступлений.....	253
Причины террористического преступного поведения	
и роль бессознательного.....	• 283

*Не скоро совершается суд
над худыми делами; от этого
и не страшится сердце сынов
человеческих делать зло.*

Эккл., 8:11

ПРЕДИСЛОВИЕ

Усилия всех поколений отечественных и зарубежных криминологов всегда были сосредоточены на выяснении того, какие причины порождают преступность, причем стали выделяться причины всей преступности и причины индивидуального преступного поведения. Уяснение и оценка тех и других, помимо общетеоретической значимости, преследовали очень важную практическую цель — доказать необходимость сосредоточения профилактической деятельности государства и общества на конкретных криминогенных факторах. Назывались и такие причины, которые носят общечеловеческий характер, например, В.И. Ленин считал, что таковыми главным образом являются нужда и нищета широких масс трудящихся. Правда при таком понимании причин преступности остается не ясным, почему совершают преступления представители материально обеспеченных групп населения, не говоря уже о богатых людях. Еще менее понятны причины многих миллионов преступлений, совершенных коммунистами разных стран против своих народов (СССР, Китай, Камбоджа).

В российской криминологии последних лет внимание специалистов сконцентрировано на выявлении и объяснении экономических, нравственных, политических и иных явлений и процессов, порождающих и поддерживающих высокий уровень преступности в России. При этом соответствующие суждения, как правило, отличаются глубиной и аргументированностью, приведением многочисленных эмпирических и иных данных, результатов выборочных исследований. Еще в советское время был достигнут немалый прогресс в познании причин индивидуального поведения, его механизмах и мотивациях, роли бессознательного.

В целом мы имеем неплохие итоги исследований причин преступности, которые опираются на прочную доказательственную базу. Однако они еще недостаточны для объяснения того, почему преступность существовала всегда, во всех обществах, даже в первобытных, даже при отсутствии писанных уголовных законов, почему она является неизбежным и неистребимым спутником человечества. Иными словами, необходимо сосредоточить усилия на познании общечеловеческих причин преступности, вытекающих, с одной стороны, из природы человека, а с другой — из природы общества, попытаться ответить на вопрос, почему люди всегда совершали и будут совершать преступления, невзирая на то, какими социально-экономическими или иными особенностями отличается то общество, в котором они живут и действуют.

Еще раз подчеркнем, что недостаточно знать, какие социальные причины порождают преступность в данной стране, не менее важно и понимание того, почему вообще люди совершают преступления, т. е. в чем сущность и природа преступности. Но при этом нужно, во-первых, выйти за рамки чисто психологических подходов к проблеме, не отталкиваться только от мотивов и иных субъективных стимулов, однако максимально учитывать такие подходы. Во-вторых, следует изменить и традиционное объяснение преступности только социальными факторами, но в то же время учитывать их во всей генетической полноте. Так еще проблема природы преступности в отечественной криминологии не ставилась и, насколько нам известно, не было этого и в западной криминологической науке.

Иначе говоря, нужно соединить человека и общество в их криминогенном единстве. Носителем этого единства в конечном итоге выступает личность, являющаяся объектом неблагоприятных воздействий. Люди совершают преступления потому, что общество и в немалой степени природа всегда (!) формируют у них такие особенности, которые затем проявляют себя в качестве причин преступлений. Эти особенности возникают и функционируют спонтанно и имманентно, можно предположить, что они (не полностью, хотя бы частично) наследуются. Но последнее обстоятельство вовсе не говорит о фатальности преступного поведения применительно к конкретному лицу. Возможность криминального срыва зависит от воспитания, негативных, психотравмирующих обстоятельств прожитой жизни и т. д. Фатальна преступность, а не преступное поведение, но сумма таких поведений составляет преступность.

В философии и психологии были высказаны суждения о причинах ненадлежащего, аморального поведения. К той постановке проблемы, которая сформулирована выше, достаточно близко учение Р. Мертона об аномии, однако оно, на наш взгляд, недостаточно полно раскрывает природу именно преступных действий. З. Фрейд, которого советские философы, психологи и криминологи так любили упрекать за отсутствие бодрого оптимизма в отношении природы человека, тем не менее не считал его фатально осужденным на низкие и тем более преступные поступки. Но цивилизация обязана Фрейду открытием таких глубин психологии личности, которое позволило сформулировать принципиально новые подходы к пониманию ее поведения и, соответственно, предупреждению преступной разновидности последнего. Вина не З. Фрейда в том, что достижения психоанализа и психотерапии еще очень плохо используются в профилактике преступлений, а наших правоохранительных органов, а также психологов, психиатров и психотерапевтов, которые «обслуживают» эти органы.

Преступление не равнозначно злу, хотя они во многом совпадают: не всякое деяние, расцениваемое законом как преступление, есть зло, и наоборот. Преступление имеет свои вполне постижимые для понимания основания и истоки, оно, как и зло, привнесено в мир человеком. В качестве проявления зла преступление все время находится в определенном соответствии с добром, но опыт человечества, в том числе современный, со всей очевидностью доказывает, что порой преступление очень мощно определяет ход истории и развитие социальной жизни.

Через первородное падение Адама грех вошел в мир, писал С. Кьеркегор. Но так мог бы сказать не только христианский мыслитель. Мифология разных религиозных культур сохранила для нас множество примеров совершения недолжных поступков легендарными предками, из-за чего зло пришло в мир. Но, строго говоря, отсчет преступлений надо вести, конечно, не от Адама, он просто не послушался доброго совета Яхве и уступил давлению Евы, а от Каина, который, как ни странно, был прощен Богом. С тех пор множество каинов без угрызений совести жили в процветании и в свое удовольствие, в том числе совсем недалеко от Эдема.

Преступление выступает объектом правового, криминологического, психологического, социологического, этического, психиатрического познания, каждая из соответствующих наук освещает в нем

то, что относится к их предмету, находится в пределах их методологии и возможностей. Но ни одна из них, ни все они в системном взаимодействии не должны претендовать на то, что преступление ими понято до конца и без остатка, что не означает принципиальной непознаваемости этого объекта. Просто все движение к его глубинам постоянно открывает новые возможности и горизонты. Научный поиск природы и причин преступности, причин ее причин будет вестись всегда, но они не находятся в пределах сфер, которые недоступны пониманию и о которых можно лишь строить предположения и догадки, а истинные смыслы и механизмы никогда не откроются разуму. Отсюда следует, что борьба с преступностью вполне в пределах человеческих возможностей, только не надо ставить абсурдную задачу ее искоренения.

Задача этой книги в том, чтобы показать, что преступность порождается не только социальными конфликтами, т. е. внешними по отношению к человеку явлениями, как это принято считать в отечественной криминологии. Необходимо доказать, что преступления совершаются и вследствие внутриличностных конфликтов и бессознательных установок, имеющих архетипический характер. Возможно, «установка» — не самый удачный термин для обозначения тех целей, которые преследуются в этой книге: речь идет об особом ракурсе восприятия себя и мира, который характерен именно для преступников и в решающей степени обуславливает их преступное поведение.

За долгие годы исследовательской жизни автор имел достаточно уникальную возможность наблюдать и изучать «живых» преступников, применяя для этого разнообразные научные методы: в местах лишения свободы разных регионов бывшего СССР, в Государственном научном центре (ГНЦ) социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, с которым сотрудничает уже много лет.

Глава I

ПРИРОДА ПРЕСТУПНОСТИ

Понятие преступности, ее вечность

Преступления совершались всегда. Даже в первобытном обществе и на этапах его перехода в иные формации, причем эти этапы могли быть весьма длительными. Исследования историков и этнологов не оставляют в этом сомнений: даже в сообществе дикарей существовал некий свод неписаных правил, нарушения которых влекли карательные санкции, начиная от наказаний имущественного характера (например, таких, которые мы сейчас называем штрафом) до изгнания из племени и лишения жизни. То, что тогда не было написанных уголовных законов, не свидетельствует об отсутствии преступности, просто общество еще не достигло необходимого для этого уровня, люди попросту еще не умели писать. Однако уже в то время действовали известные всему сообществу запреты, которые и выполняли функции таких законов и которые нарушались.

Эти правила были обычаями, освященными традициями, авторитетом предков, магическими либо примитивными религиозными предположениями, одним словом, сугубо жизненной практикой тех лет. Без подобных обычаев общество не могло жить и развиваться, они обеспечивали его целостность, ограждали от наиболее опасных посягательств на жизнь, здоровье и достоинство людей, имущественные интересы общины в целом или ее отдельных членов, на все те ценности, которые носили сакральный характер и составляли духовную основу всего их существования. Последние имели исключительное значение, поскольку первобытный человек немислим без своих идолов, духов предков и духов природы, духов животных и неодушевленных предметов, своих тотемов и табу. Посягательства на такие ценности таили величайшую социальную и психологическую уг-

розу, в том числе для самой жизни дикарей, которые, если лишить их собственного анимистического мира и его символов, могли просто погибнуть. Поэтому покушения на указанные ценности карались весьма сурово.

То же самое можно сказать и о современных дикарях. Они практически безграмотны и воспринимают уголовные и прочие законы государства, на территории которого проживают (если они, конечно, вообще знакомы с ними), в качестве правил, многие из которых противоречат их обычаям, но которым вынуждены подчиняться. Вместе с тем система собственных запретов у них сохраняется, а механизм их функционирования примерно тот же, что и в далекие времена первобытной дикости. Столь же велика среди них значимость духов и различных компонентов магии, они ревностно оберегают свой внутренний мир и те обычаи, которые регулируют их жизнь. Нарушение последних влечет за собой санкции, которые накладывают не только вожди племен, но и шаманы и колдуны, само сообщество.

Самые древние уголовные законы (Законник Хаммурапи, Законы Ману) зафиксировали то, что уже давно существовало в жизни и вызывало реакцию общества. Эти законы не выдумали, например, убийство или кражу, они лишь в письменном виде изложили то, что уже давно расценивалось сообществом в качестве опасного для него, но, конечно, подобная фиксация означала несомненное движение вперед. Могут возразить, что история знает великое множество случаев, когда не закон приспособлялся к жизни, а с помощью закона старались приспособить жизнь к тому, что в данное время требовалось правящей элите. Такими были многие законы германского Третьего рейха и коммунистического СССР. Однако к тем древним законам, которые впервые письменно установили уголовную ответственность за общеуголовные преступления, наказуемые в любом обществе, это по понятным причинам не относится.

Известно, что в древних законах правовая норма еще не имела четких форм, в нее входили и иные нормы, в том числе религиозные, религиозные же санкции и сила обычая или общественного мнения были призваны активно содействовать реализации нормы. Священные тексты многих религий содержали по-существу правовые предписания и санкции за их нарушения. Подобные предписания во множестве имеются в Библии, например, в Книге Исход.

Для подтверждения предположения о наличии преступлений в первобытном сообществе особое значение имеют данные эмпири-

ческих исследований, осуществленных Б. Малиновским, который несколько лет в начале XX в. прожил среди дикарей Меланезии.

В деревне, где остановился исследователь, жили три брата, из них старший, глава клана, был слепым. Самый младший брат привык пользоваться этим его недостатком, срывая орехи бетеля с пальм, прежде чем они созревали. Слепой тем самым лишался принадлежащей ему части. Однажды, когда он в очередной раз обнаружил, что его надули, он впал в ярость, схватил топор и, затемно пробравшись в хижину брата, нанес ему удар. Раненый убежал и спрятался в доме третьего брата. Тот, разъяренный нападением на младшего брата, схватил копье и убил слепца. Убийца был посажен в тюрьму на год. В давние времена — в этом были согласны все информаторы Б. Малиновского — он совершил бы самоубийство.

Б. Малиновский отмечает, что ни одно из этих преступлений не играет значительной роли в жизни туземцев. Кража выражается двумя понятиями: квапату (буквально «схватить») — незаконное присвоение предметов личного потребления, орудий и ценных предметов, и вайла'у — кража пищи растительного происхождения с огородов или из хранилищ ямса, а также похищение свиней и птиц. Если кража предметов личного потребления считается большим злом, то кража продуктов является наиболее позорной для вора. В каждом из этих случаев наказание заключается в насмешках и позоре, которые обрушиваются на виновного.

Убийство случается крайне редко. Б. Малиновскому, кроме вышеописанного, стал известен только один случай убийства: ночью копьем пронзили колдуна, пользующегося дурной славой, когда он скрытно подбирался к деревне. Это было сделано для защиты больного, жертвы колдуна. Кроме того, рассказывают о нескольких случаях убийств за прелюбодеяния, когда виновных ловят на месте преступления, за обиду, в драках и поединках, во время военных действий. Во всех случаях, когда мужчина погибает от рук людей из другого субклана, существует долг мести, но его можно избежать, заменив «платой за кровь»¹.

Большое внимание Б. Малиновский уделяет сексуальным преступлениям. Он пишет, что как и многие другие народы южных морей, меланезийцы очень свободны и раскованы в сексуальном поведении, особенно до вступления в брак. Между тем, адюльтер являет-

• я наказуемым проступком. Величайшим преступлением в глазах местных жителей является инцест в любой его форме. Уже сама идея такого прегрешения, связи между братом и сестрой, наполняет их непреодолимым ужасом. Брат и сестра, соединенные в обществе, где господствует материнское право, ближайшей родственной связью, не могут даже свободно разговаривать друг с другом, никогда не должны друг над другом подшучивать и улыбаться друг другу, а всякий намек на одного из них в присутствии другого считается крайним проявлением невоспитанности¹.

Б. Малиновский предлагает новое определение права (в контексте рассматриваемых вопросов) как особой совокупности требований обычая и приходит к выводу, что помимо основного деления на право квазигражданское и квазиуголовное, надо различать такие степени права, которые можно выстроить в некоторую иерархию: начиная от основного закона клегално терпимому обычаю и, наконец, к отклонению от закона и традиционным способам его нарушения².

В первобытном обществе тяжким проступком (преступлением) считались не только такие общеуголовные деяния, как, например, кража, убийство или инцест. Острую реакцию общества вызвали посягательства на запреты духовного и магического характера.

Д.Д. Фрезер дает обстоятельный обзор действовавших в первобытном обществе запретных действий и запретных слов. Нарушение запрета могло вызвать санкции, иногда довольно суровые.

Так, акты принятия пищи и питья связаны, по мнению дикаря, с особой опасностью. Ведь в это время душа может выскользнуть через рот или быть извлечена с помощью враждебной магии. Поэтому человеку следует проявлять осторожность, открывая рот, чтобы бездомный дух не воспользовался предоставившейся возможностью и не вошел в тело. Считается, что это скорее всего может иметь место во время принятия пищи. Поэтому на такие случаи предпринимались меры предосторожности, которые применительно к верховным правителям достигали чрезвычайной степени. Например, ни один человек и ни одно животное под страхом смертной казни не смеют посмотреть на правителя Лоанго во время еды или питья. Когда в комнату, где обедал этот правитель, вбежала его любимая собака, вождь приказал убить ее на месте. Однажды собственный сын вож-

¹ См.: Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. — М., 2004. С. 272.

¹ См.: Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. — М., 2004. С. 328.

² Там же. С. 277.

дя, мальчик двенадцати лет, по оплошности застал его за питьем. Отец незамедлительно приказал четвертовать его.

Увидеть за приемом пищи царя Дагомея являлось уголовно наказуемым преступлением.

У дикарей панический страх вызывали женщины во время менструаций (он скорее всего порождался кровью как символом смерти. — Ю.А.). Поэтому австралийским женщинам в такой период под страхом смерти было запрещено прикасаться к вещам, которыми пользуются мужчины, и даже проходить с мужчинами по одной тропинке. У индейцев брибри (Коста-Рика) женщина в период менструации пьет из особого сосуда, из которого под угрозой смерти не должен пить никто другой.

Строгие табу существовали на лиц, которые лишали кого-либо жизни, в том числе на убийц и даже воинов, убивших врагов. Фрезер полагал, что поводом для обременительных ограничений, налагаемых на победителей в час их триумфа, возможно, является боязнь гнева духов убитых или врагов. Но можно, на наш взгляд, предположить наличие и другой, не менее весомой причины: любое лишение жизни есть безусловное соприкосновение со смертью, она же всегда вызывала особый, ни с чем не сравнимый страх. По этой же причине большинство религий осуждает самоубийство и самоубийц — они входят в непосредственный контакт со смертью, причем по собственной инициативе. Фрезер приводит многочисленные примеры наложения табу на лиц, которые совершили убийство. Так, у индейцев омаха из Северной Америки существовал обычай, согласно которому за родственниками убитого оставалось право предать смерти убийцу, но иногда, соглашаясь принять от убийцы подарки, они от этого права отказывались¹.

«В большинстве племен Мадагаскара произнесение имени умершего родственника считается святотатством, а имени усопшего вождя или царя — еще большим святотатством. Они боятся, что, услышав знакомое имя, дух умершего вернется, а встречи с духами мертвых они боятся больше всего. Только колдун может отважиться совершить такое святотатство, в иных случаях этот проступок карается смертью. Есть даже народы, например, салакава, у которых под страхом жесточайшего наказания запрещается использовать в обыч-

ной речи слова, которые составной частью входят в имена усопших царей или имеют сходное с ними звучание. Такие слова замещают специально создаваемыми для этой цели синонимами»¹.

В низших обществах, отмечает Л. Леви-Брюль, весьма часто смертные случаи, самые естественные в наших глазах, будучи отнесены за счет действия мистических причин, рассматриваются как случаи насильственной смерти, вопреки самой очевидной, казалось бы, действительности. Так, в Торресовом проливе смерть, последовавшая в результате змеиного укуса, рассматривается обычно как следствие того, что змея подверглась влиянию какого-нибудь колдуна. Туземцам всегда необходима тайная причина. Одна женщина, которая чистила колодец, была укушена в большой палец черной змеей. Через 24 часа женщина умерла. Однако туземцы утверждали, что смерть не была случайной, ибо она указала на одного мужчину как на своего убийцу. На основании этого свидетельства, подкрепленного тем фактом, что рана не кровоточила, муж умершей и его друзья вызвали на суд обвиняемого и его друзей. Мир, однако, был сохранен, ибо сторона мужа признала, что женщина ошиблась насчет личности преступника. Тем не менее, так как укус змеи не мог быть причиной смерти, то обнаружили другого виновника. Точно также поступают и тогда, когда от старческого истощения умирает старик.

Приемы, употребляемые для обнаружения «истинной» (т. е. мистической) причины, соответствуют, естественно, представлению о ней. Обычно прибегают к гаданию, и преступник, избалованный гаданием, немедленно подвергается казни. В Африке, у кафров, во французском Конго и в других частях этого материка, где колдовские процессы особенно часты, общая схема судопроизводства представляется в следующем виде. Сразу после смерти какого-нибудь важного лица или в случае подозрительной смерти вообще собираются родственники, слуги покойного, а иногда и все население деревни, и «доктор» начинает свои магические операции, которые должны обнаружить преступника. Имеются захватывающие картины этих трагических собраний, где самый мужественный человек дрожит при мысли, что указания падут на него и меньше чем в минуту он погибнет как жертва всеобщей ненависти и злобы. Иногда подозреваемый подвергается ордали: например, он обязан проглотить известное ко-

¹ См.: Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М., 1986. С. 188-215.

¹ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Дополнительный том. — М., 1998. С. 275.

личество яда, так что те, которые готовят эту дозу, наперед решают исход испытания. Л. Леви-Брюль справедливо расценивает подобные приемы как вполне естественные для мистического и пра-логического мышления.

В Австралии один весьма распространенный обычай заключается в рытье рва в том месте, где кладется тело покойника, и в наблюдении за направлением, в котором движется насекомое, вырытое лопатой. За его движением все следят с напряженным вниманием: в том направлении, куда ползет насекомое, должен находиться убийца. Сходные приемы обнаружения преступника имеются у многих первобытных народов¹.

Если преступность была и в первобытном обществе, следовательно, она не является классовым явлением, о чем так любили говорить и писать марксисты, тем самым прогнозируя, что ее не будет при коммунизме. Но материальное неравенство не следует считать единственной причиной совершения преступлений, есть и другие, не менее существенные, о которых будет сказано ниже. Между тем, неравное распределение материальных благ существовало (и существует) среди дикарей, там были более обеспеченные (элита — царьки, вожди, их приближенные) и менее обеспеченные. К тому же переход от примитивного строя к более прогрессивным формам жизни был весьма длительным, со стойкими переходными периодами, в числе прочих включавших в себя рабовладение и работорговлю.

Итак, практически не должно быть сомнений в том, что преступность существовала всегда. Этот вывод имеет огромное методологическое значение, поскольку в нем имманентно содержится утверждение, что она, как неизбежный спутник человечества, никогда не исчезнет, чтобы не думали по этому поводу разные создатели «городов солнца». В коммунистической колыбели постоянно звучали успокоительные гимны по поводу блистательного будущего, рисовавшие благодатные картинки, в которых, в частности, не было места преступности.

Утверждение, что преступность — исторически обусловленное явление в жизни общества — пустое сотрясение воздуха, ничего не говорящее. Ее возникновение не связано с появлением частной собственности, разделением общества на классы и образованием госу-

¹ См.: *Леви-Брюль Л.* Сверхестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 219–222.

дарственной власти. Марксизм-ленинизм подходил к пониманию преступления лишь как к проявлению воли господствующих классов, которые, защищая свои интересы, устанавливают посредством права, какие деяния являются преступными. Такой подход и примитивен, и ложен. Невозможно представить себе, что именно защищая свои интересы, эти классы устанавливают уголовную ответственность за убийства, изнасилования, развращение малолетних, бандитизм, разбои, кражи и т. д., хотя, конечно, преступлениями признаются и такие действия, которые действительно посягают на интересы названных классов. Сторонники классовой теории, во-первых, не признают общечеловеческие ценности, защищаемые, в частности, с помощью уголовного права; во-вторых, они, обманывая, лицемерно, по-фарисейски делали вид, что при социализме господствовал пролетариат, который на самом деле никогда не был правящим классом, а власть всегда принадлежала классу номенклатуры.

Не только советские политики и идеологи, но и многие криминологи, не моргнув глазом, бестрепетно писали, что бесправное положение и эксплуатация большинства в классовом обществе, основанном на частной собственности, являлись той силой, которая неизбежно и закономерно вовлекала это большинство в конфликт с эксплуататорами. Стремясь преодолеть или, скорее, подавить возникающие конфликты, господствующие классы якобы определяли в зависимости от складывающейся обстановки, что именно является преступным.

Это писалось не в 40–60-е годы жесточайшей цензуры, идеологического пресса и суровых расправ с любым свободным словом, а в середине 80-х годов, когда активно развенчивались коммунистические иллюзии, а людей потрясали оглушительные данные о ленинско-сталинских репрессиях. Они унесли, по разным источникам, от 20 до 40 млн человеческих жизней. Воистину юриспруденцию можно назвать третьей древнейшей профессией.

Так называемые классики марксизма-ленинизма считали задачу ликвидации преступности вполне решаемой и связывали ее с уничтожением эксплуатации человека человеком. Очень оптимистичен был В.И. Ленин. Он писал: «...мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отми-

рять. С их отмиранием отомрет и государство»¹. Никаких доказательств для подтверждения столь важного прогноза В.И. Ленин, конечно, не приводил, поскольку исходил из общей концепции построения коммунизма, при котором все будут счастливы и довольны и причин для совершения преступлений попросту не будет. Нетрудно заметить, что он видел их причины исключительно во внешних обстоятельствах, игнорируя личность и все то, что тысячелетиями аккумулировалось в ней. Иными словами, не будет средовых стимулов, не будет и реакций в виде преступного поведения. Этот существенный теоретический изъян — игнорирование личности и вульгарно социологический подход к ней — стал родимым пятном всей советской криминологии.

Приведенная ленинская концепция стала краеугольным камнем всей социалистической теории причин преступности и возможности ее преодоления. Например, в первом отечественном учебнике по криминологии утверждалось: предвидение основоположников марксизма-ленинизма о том, что с победой коммунизма, с изменением общественных отношений будет искоренена и преступность, отнюдь не означало, что они исключали ее существование, хотя и в качественно иных формах, в период перехода от капитализма к социализму. В процессе развития социалистического общества подрываются основные социальные корни преступности, но сохраняются некоторые ее причины. Они не связаны с природой социализма, а вызваны конкретной исторической обстановкой, в которой строится социализм, преодолевающий ряд противоречий и трудностей внутри страны и ведущий острую классовую борьбу на международной арене. Преступность в коммунистическом обществе как социальное явление окончательно отомрет².

Не будем комментировать эти положения, всем известно, чем закончился грандиозный всемирно-исторический спектакль. Известно также, что ни одно государство в мире, кроме самых микроскопических, не смогло уничтожить преступность, если она там вообще была. Никто теперь и не строит таких утопических планов, поскольку понятно, что она есть неизбежный и естественный спутник человечества на все времена, подобно болезни и смерти. Но это не зна-

чит, что с преступностью не нужно бороться. Актуальной задачей остается ее удержание на так называемом цивилизованном уровне, т. е. на таком, когда в процентном отношении корыстная преступность превалирует над насильственной, когда жизнь, здоровье и достоинство человека более или менее ограждены от преступных посягательств и люди не боятся выйти на улицу, когда коррупция не душист общество и не ложится непосильным «налоговым» бременем на плечи граждан, когда они могут найти защиту в суде и правоохранительных органах, когда они, во всяком случае большинство из них, уважают закон и осуждают преступления и т. д.

Вот почему утверждение о естественности преступности вовсе не должно парализовать деятельность по ее предупреждению. Ослабление усилий в этом направлении способно привести к самым печальным последствиям, таким, например, которые можно было наблюдать в России в середине 90-х годов и которые не удастся существенно преодолеть и в настоящее время. Необходимо признать, что преступность одновременно является и патологией, и нормой: патологией потому, что она резко нарушает этические и правовые установления, нормой потому, что человечество не может и не сможет ее преодолеть. Конечно, под преступностью надо понимать только совокупность (сумму) совершенных преступлений и больше ничего. Нас при этом не должно смущать, что некоторые поступки исчезают из Особенной части Уголовного кодекса, а другие, часто неведомые ранее, появляются в ней. Это неизбежно, поскольку все время изменяются условия жизни людей, их взгляды на то, что следует карать по уголовному закону, а что нет. Но всегда сохраняется группа деяний (убийства, кражи, изнасилования, разбои и некоторые другие), которые во всех обществах признаются преступлениями — это и есть ядро преступности. Наличие такого ядра тоже свидетельствует о вечности преступности. Наряду с ядром имеется ее периферийная часть, которая обладает тоже вечным свойством — она постоянно меняется.

Преступлением можно считать только то, что названо таковым в уголовном законе. Эту на первый взгляд банальную истину иногда подвергают сомнению, исходя из того, что уголовные запреты не всегда справедливы, а некоторые поступки, не расцениваемые в качестве преступных, на самом деле являются преступными. Поэтому криминология якобы должна выработать собственное определение преступления, а не ориентироваться только на уголовное право. Такая постановка вопроса вызывает резкое возражение, по-

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 33. С. 91.

² Криминология: Учебник / Под ред. А.А. Герцензона, И.И. Карпеца В.Н. Кудрявцева. — М., 1966. С. 54.

скольку она может привести к произволу. Определять то, что является преступлением, а что нет, может исключительно уголовное право. Однако криминология в результате собственных исследований может прийти к выводу о криминализации или декриминализации каких-то поступков и на этом основании сделать необходимые предложения уголовному праву. Иначе говоря, нет никакого преступления в криминологическом понимании, а только в уголовно-правовом.

Уголовный закон, очерчивающий рамки преступности, может, как известно, противоречить праву и морали. Но тем не менее даже в самых репрессивных тоталитарных обществах уголовные законы всегда появляются на свет ради чьих-то интересов — всех, большинства людей, иной группы или только властной верхушки, иногда небольшой, или единоличного диктатора. В этом (и только в этом!) смысле он целесообразен. Наверное, противоречие морали или устоявшимся обычаям можно обнаружить и в неписаных уголовно-правовых запретах дикарей, когда такие запреты появились в результате самодичного усмотрения какого-нибудь местного царька.

Уголовное право и криминология связаны друг с другом не только тем, что криминология родилась в недрах уголовного права. Они и сейчас обязаны выполнять по отношению друг к другу цензорские обязанности: криминология обязана производить экспертизы действующих и намечаемых к принятию уголовных законов, а уголовное право — следить, чтобы криминология не своевольничала, изобретая свои уголовные «законы», а всегда оставалась в правовых рамках. Криминология, конечно, может и должна изучать околопреступные, но не преступные явления, но только в связи с преступностью, в качестве способствующих ей факторов. Каждая из названных наук суверенна.

Если взять уголовное право в целом, то окажется, что оно не выражает интересов всего общества, причем это является его отличительной чертой не только в современную эпоху, но и во все времена. Просто так уж создан человек, что суждения людей не всегда совпадают, и дело здесь отнюдь не в их социальной неоднородности, а в том, что личности индивидуально неповторимы. Даже в тех случаях, когда все (или почти все) люди полностью солидарны по поводу какого-нибудь уголовно-правового запрета, например, на убийство, на практике они находят немало причин, чтобы делать исключения из этого общего правила. Таким образом, они одобряют этот уголовный

закон лишь как некий принцип, идеал, абстрактную модель, но не как то, чему нужно неусыпно следовать всегда.

Преступность и преступление нарушают условия существования общества, его согласие по поводу тех правил, которые регулируют жизнь его и отдельных граждан, способов реагирования на нарушение этих правил. Это максимально сближает преступление, преступность и право. Наличие права, писанного или не писанного, означает стремление людей к организации, а не к хаосу. Кокетливое суждение о том, что единственной причиной преступности является уголовный закон, мало что добавляет к пониманию такой сложной проблемы, как природа преступности.

Преступление — онтологическая реальность, его таким сделало общество и (или) государство, поэтому оно и объект, и продукт уголовной политики. Реальностью является и преступность, состоящая из отдельных преступлений — преступных поведений, которые есть ни что иное, как сплав социальных, индивидуально-психологических и социально-психологических факторов. Хотя преступление и представляет собой продукт и объект уголовно-правовой политики государства, оно тем не менее не всегда вольно в решении вопроса о том, признавать или не признавать какие-то деяния в качестве преступных. Например, государство обречено всегда считать преступными убийства, кражи, изнасилования и другие поступки, относящиеся к ядерной части преступности, даже если оно само убивает и грабит своих граждан. Иначе говоря, уголовная ответственность за эти преступления определяет их же природа, точнее — степень их общественной опасности. Так было в древние времена, так будет всегда.

Другое дело, что само понятие убийства или изнасилования менялось в разные эпохи и по-разному представлялось в разных странах. Так, если в рабовладельческом обществе убийство раба или изнасилование рабыни не считалось преступлением, то все равно убийство свободного человека или изнасилование свободной женщины (даже у дикарей) обязательно признавалось таковым. Несколькими гипертрофируя, можно сказать, что уголовному наказанию подлежит нарушение самого принципа: «нельзя убивать», «нельзя завладевать чужим имуществом», «нельзя посягать на женскую честь и достоинство», «нельзя предавать Родину (интересы клана, племени)» и т. д. Конечно, не только государство, но и отдельные люди, запрещая преступления, отлично знали, что они все равно будут совершаться.

Государство, а до его появления родо-племенная верхушка, помимо наказаний за так называемые ядерные преступления, постоянно стремилось покарать людей, чтобы ограничить или лишить их возможности преодолеть социальное и политическое неравенство, не дать им завладеть материальными благами и т. д., одним словом, вести себя иначе, чем предписывают общество и власть. Чаще всего такие деяния составляют периферийную часть преступности. Она в целом (с ядерной частью) определяется законом не прямо, а лишь опосредовано, через отдельное преступление. При всей ее изменчивости ничто другое не может в нее входить. И в древности наказывалось лишь то, что признавалось опасным давним обычаем или усмотрением местного царька (вождя). Появление новых уголовно наказуемых деяний в первую очередь определяется их общественной опасностью (в современную эпоху, например, экологические преступления или преступления в сфере компьютерной информации).

Отличительной особенностью преступлений, которые, возможно, не очень удачно названы периферийными, является то, что они не посягают на общечеловеческие ценности или эти посягательства не слишком опасны. К ним прежде всего следует отнести те, которые не направлены против жизни, здоровья, чести и достоинства личности. Они обычно имеют локальный характер (например, нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней, нарушение законодательства о континентальном шельфе и т. д.). В числе периферийных могут быть даже и такие посягательства на личность, которые отрицательно оцениваются моралью лишь в данной стране или в данной культуре.

При всем том, что преступность изменчива и ее составляют весьма отличающиеся друг от друга по своему характеру и степени общественной опасности деяния, необходимо постоянно, не ослабляя усилий, искать ее причины — всей преступности или отдельных ее видов, выделенных по самым разным признакам. Объяснения причин могут быть различными, в том числе неполными и недостаточными, вообще ошибочными, исследователь может оказаться в тупике перед внушительной массой причудливо изменчивых и разнородных явлений. Безуспешность исследовательских попыток можно объяснить неадекватностью применяемых методик, нечеткой или неправильной постановкой вопросов или общей порочностью научной позиции, недостаточностью знаний и т. д., но только не принципиальной непознаваемостью природы и причин преступности. Можно даже реконст-

вать причины преступности в первобытном обществе, впрочем, конструкция здесь не всегда к месту, поскольку первобытные сообщества и сейчас достаточно распространены на земле.

Есть ли собственно причины преступности, т. е. такие, которые порождают только преступность (или способствуют только ей в качестве условий) и больше ничего другого? Думается, что таких социальных или психологических обстоятельств не существует, они наряду с преступностью детерминируют и другие явления, причем не всегда лишь антиобщественные и не всегда прямо, но и опосредовано. Так было и в первобытном обществе, жизнь в котором только современным людям с вершин прошедших тысячелетий кажется простой и примитивной, а дикарям представлялась столь же сложной, трудной, даже пугающей и враждебной, как и нам наше сегодняшнее существование.

Преступность не есть нечто такое, что синхронно и немедленно изменяется вслед и в зависимости от изменений, которые претерпевают общественные отношения или производительные силы. Новые криминогенные или антикриминогенные факторы порождают изменения прежде всего в периферийной ее части. Однако природа преступности от дней Каина остается неизменной, поэтому можно говорить о колебаниях и новых явлениях больше в ее структуре и динамике. Устойчивость природы преступности определяется отнюдь не тем, что она детерминируется биологическими причинами, а тем, что социальная структура общества и особенности личности неизменно продуцируют посягательства на уголовный закон. К тому же преступность обладает способностью к самовоспроизводству, что, впрочем, опять-таки восходит к общественным и личностным факторам.

• * Человек предрасположен к преступлению, как к болезни или смерти, но в силу не биологических, а социальных программ, которые наследуются им по архетипическим механизмам. О биологической природе преступности не свидетельствует распространенность среди преступников психических аномалий: во-первых, некоторые из них вполне социального происхождения (например, травмы головы на производстве); во-вторых, расстройства психической деятельности можно обнаружить и среди лиц, которые никогда не нарушали уголовный закон. Одним словом, патологии в психике создают лишь предпосылки к преступному поведению, но ни в коем случае фатально не обрекают на него.

Имеющиеся результаты биолого-криминологических исследований не доказывают, что даже агрессивное преступное поведение имеет

биологическую природу. Сошлемся на работу биологов — сотрудников ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Они указывают на биологически обоснованную предрасположенность к агрессивному поведению. Среди лиц с таким поведением отмечается высокий процент больных эндогенными психозами, эпилепсией, лиц с поражениями височной доли, лиц с алкогольной и наркотической зависимостью (на это же ранее указывали Э. Фромм, 1994; Р. Бэрон, Д. Ричардсон, 1998). Показано, что агрессивность в значительной мере связана с функциональным состоянием универсальных модуляторных систем головного мозга. Изучение базовых свойств личности также свидетельствует о биологической обусловленности различных поведенческих паттернов (об этом см. также: ВД. Небылицын, 1966; В.М. Русалов, 1990).

В качестве психологических факторов, создающих предпосылки для агрессивного поведения, рассматривались агрессивные влечения, входящие в структуру личности, а также склонность к агрессивным реакциям (или повышенная эмоциональная реактивность на негативную стимуляцию, которая наиболее часто проявляется как фрустрация потребностей индивида). Для изучения центральных механизмов насильственного поведения была выбрана группа расстройств, обозначенных как органические, что подразумевает их обусловленность биологическими факторами. Целью работы, как обозначают ее авторы, явилось проведение количественных ЭЭГ — исследований, направленных на выяснение нейрофизиологических особенностей лиц с органическими психическими расстройствами, которые обвинялись в убийстве. Всего было обследовано 67 человек.

Исследователи делают вывод, что предислокация к насилию определялась главным образом левополушарными нарушениями, проявляющимися, с одной стороны, снижением функционального состояния левой лобной коры и ее контролирующей функции прежде всего по отношению к подкорковым импульсам, исходящим из лимбической системы, и с другой — повышением уровня активации моторных систем; полученные данные позволяют, по мнению авторов, высказать предположение о важной роли дисфункции дофаминергической модулирующей системы. Выявленные сдвиги можно рассматривать как нейрофизиологическую основу наблюдающихся у таких больных расстройств самосознания и повышенной готовности к непосредственным действиям. Обнаруженные особенности ЭЭГ,

связанные с нарушениями эмоционально-мотивационной сферы, СБ яли на механизм деликта с реализацией в одних случаях ситуативных форм реагирования, в других — искаженных внутренних программ сексуального поведения¹.

Эти данные представляют огромный интерес, в том числе для профилактики агрессивного поведения. Стоит подчеркнуть, что изучение преступников именно биологами — достаточно редкое исследование, во всяком случае в России. Это профессиональная работа, а не общие соображения, почерпнутые из доступных книг по биологии, не имеющие никакого отношения к преступному поведению и преступникам. Только такими соображениями пользовались И.И. Карпец и И.С. Ной в дискуссии друг с другом о роли биологического в преступности, не располагая при том никакими эмпирическими материалами. Тем не менее результаты, полученные биологами ГНЦ им В.П. Сербского, не доказывают биологическую природу преступного поведения.

Во-первых, органические расстройства могут быть вызваны и такими социальными причинами, как травмы или отравления.

Во-вторых, можно быть уверенным, что левополушарные нарушения имеются не только у убийц, они встречаются и среди вполне законопослушных людей. Это очень важный вопрос, но тем не менее нужно высоко оценить научную ценность названного биологического исследования. Скорее всего криминогенный эффект упомянутого нарушения может быть снят воспитанием (перевоспитанием), созданием соответствующих условий жизни и деятельности.

Любое поведение человека связано с его животным происхождением, а животные всегда действуют в соответствии с заложенными в них генетическими программами, и они движимы своими потребностями в первую очередь в еде, питье и продолжении рода. Поэтому многие животные агрессивны, но агрессия является условием их выживания. Человек во многом унаследовал названные программы, однако общество со своей моралью и правом постоянно, чуть ли не на каждом шагу, ограничивает его, заставляет, принуждает жить и поступать так, как ему, обществу, это выгодно и полезно. Такое отношение личности вызывает ее протест, который, в частности, находит выход в преступлении. За это следует наказание, но общество (государство) не способно наказать всех преступивших уголовно-правовой запрет, как не может воспитать всех своих членов законо-

¹ См.: Агрессия и психическое здоровье. — СПб., 2002. С. 323—368.

послушными и удовлетворить их потребности, даже самые элементарные и обыденные.

В преступном поведении участвует не только личность, но и организм, т. е. весь человек. Проблема же заключается в установлении того, социальная или биологическая «часть» играет определяющую роль в совершении преступлений. Пока что известно решающее значение в этом личностных особенностей, из чего отнюдь не следует, что социальное поглощает, полностью стирает биологическое. Биологическое действует в любом поступке и можно привести множество примеров, которые убедительно говорят, что биологическое весьма активно при совершении преступлений, особенно агрессивных и сексуальных. Но * даже в этих случаях не приходится сомневаться в том, что главное — антиобщественные ориентации, бессознательные влечения и установки личности, ее страхи и надежды, все то, что сформировано в ней в течение тысячелетий и составляет глубины ее психики.

Криминология не должна с постоянством попугая твердить одно и то же: преступность социальна, она порождается обществом, она представляет собой разновидность социальных отклонений и т. д., недопустимо ограничивать этим свой научный поиск. Однако именно этим занято множество исследователей, не замечающих, что идут по пути, протоптанному много лет назад, и не желающих проводить эмпирические изыскания. Разве можно, используя лишь социологические результаты изучения преступности и ее причин, объяснить, например, серийные убийства, в том числе сексуальные, террористические акты, развратные действия в отношении несовершеннолетних, длительное ведение бродячего образа жизни и ряд других. Между тем, социологические объяснения в криминологии продолжают доминировать даже тогда, когда это противоречит элементарному здравому смыслу.

Так называемые теоретики криминологии, видимо, получают не сказанное удовлетворение в том, чтобы без конца полемизировать друг с другом, подвергать критике те или иные выводы, подходы и особенно определения, даже невзирая на их давность и утрату актуальности. Найдется очень мало таких, которые пожелали бы непосредственно участвовать в эмпирических социологических, психологических, психиатрических и иных исследованиях. Между тем, только такие исследования позволяют понять, что такое преступность, каковы связи и соотношения между преступным поведением и преступностью, по каким механизмам осуществляется между ними связь, в чем их причина.

Отчуждение и одиночество

1

Отчуждение есть реальность независимо от того, как понимать это явление. Оно носит всеобщий характер, проявляется в человеке по отношению и к самому себе, и к другим людям, и к окружающему миру. Даже Бог есть отчужденное «Я», с помощью которого личность видит себя со стороны, оценивает и принимает решения. Но отчуждение ни в коем случае не есть просто отрицание всего и вся, это не бунтарство, в том числе примитивное. Это — произвольное, спонтанное, стихийное неприятие мира, его базовых ценностей и уход (отнюдь не обязательно физический) от людей; это — постоянное ощущение непреодолимой дистанции между собой и ими; это — восприятие среды и самого себя как чуждых, непонятных, враждебных.

В криминологических целях нас в первую очередь должно интересовать отчуждение человека от других людей и морали, в несколько меньшей степени — от труда, производства, результатов, государства, его институтов, хотя и такое отчуждение может иметь криминогенный эффект.

Проблема отчуждения человека принадлежит к числу наиболее актуальных в философии и социологии. Особенно нас должны интересовать те учения, которые могут быть использованы для объяснения природы преступности. К ним относится, например, теория социальной дезорганизации общества, поставленная и глубоко исследованная Э. Дюркгеймом, а затем Р. Мертоном, Т. Селлином и их последователями. Но, на наш взгляд, она не уделяла должного внимания тому, что дезорганизация в обществе имеет место и по причине разобщения людей, их взаимного непонимания, ухода от общественных идеалов и ценностей. Р. Мертон в связи с причинами преступности отмечал, что не просто бедность и не просто ограничения в возможностях, а навязывание всему населению цели материального успеха, господство единых. Для всех символов социального продвижения при недоступности или явно неравной доступности законных средств для завладения ими — в этом суть аномии как фактора роста преступности. Таким образом, аномия объясняет не существование преступности вообще, а только ее высокий уровень, который наблюдается в развитых странах.

Аномия выражает также отсутствие эталонов, стандартов сравнения с другими людьми, которые позволили бы оценить свое положение

ние, место в социальной структуре, выбрать образцы поведения, без чего оно становится неопределенным, колеблясь (в социальном плане) от нормы до патологии. Э. Дюркгейм рассматривал аномию как постоянное и нормальное состояние современного общества. Поскольку оно провозглашает одинаковые для всех цели и ценности, то индивиды, лишенные богатства, власти, престижа, неизбежно вступают в конфликт с обществом, пытаясь достичь этих целей и приобрести эти ценности противоправным путем.

Объявляя преступность неизбежным явлением и даже полезным для общества, Э. Дюркгейм считал, что преступление наносит ущерб очень сильным коллективным чувствам. В обществе, в котором более не совершается преступлений, чувства, страдающие от преступлений, должны были бы обнаруживаться в индивидуальном сознании всех без исключения членов и проявляться в той же степени, в какой проявляются противоположные им чувства. Если в сознании человека замолкнут мотивы, побуждающие его к воровству, он станет более чувствителен к нарушениям, которые до этого лишь слегка затрагивали его. Люди станут энергичнее реагировать на такие нарушения, будут считать их более позорными. Это приведет к тому, что некоторые нарушения из области моральных проступков перейдут в область деяний, характеризующихся как преступные. С другой стороны, преступное поведение становится таковым не в силу каких-либо присущих данному деянию качеств, а в связи с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, обладает достаточным авторитетом, чтобы подавить эти отклонения, то само делается более чувствительным, взыскательным и, выступая против малейших отклонений с энергией, проявляемой до этого только в отношении более значительных нарушений, придаст им столь же серьезное значение, какое раньше придавалось преступлениям¹.

Э. Дюркгейм связывал аномию и с самоубийствами, отмечая, что они «в своем корне определяются отчужденностью, недостаточной близостью общества к индивиду»². В то же время он отмечал, что «аномия порождает состояние отчаяния и раздражительной усталости, которая может, смотря по обстоятельствам, обратиться против самого субъек-

или против других; в первом случае мы имеем самоубийство, во втором — убийство. Что касается причин, определяющих направление, в котором разряжаются перевозбужденные таким образом силы, то они колеблются, вероятно, в моральной организации действующего лица. Смотри по степени оказываемого им сопротивления, он склоняется в ту или иную сторону.. Иногда эти два проявления происходят одно вслед за другим и представляют из себя две стороны одного и того же акта...». Аномичные самоубийства и убийства, поданным Э. Дюркгейма, встречаются преимущественно в крупных центрах и в странах, отличающихся высоким уровнем развития цивилизации. Именно здесь, как он считает, аномия имеет наибольшее распространение.

Так как аномия, считал Дюркгейм, вызывает в одинаковой степени и убийство, и самоубийство, то все, что может уменьшить ее развитие, уменьшает и развитие ее последствий. Не следует опасаться, что если ей помешают проявляться в форме самоубийства, то она выразится в большом количестве убийств; ибо человек, оказавшийся настолько чувствительным к моральной дисциплине, чтобы из уважения к общественному сознанию и его запретам отказаться от мысли покончить с собой, — еще с большим трудом решился бы на убийство, подвергаящееся более суровому осуждению и влекущему за собой более суровое возмездие¹.

Можно согласиться с тем, что аномия действительно может быть почвой, на которой развиваются антиобщественные проявления. Как отмечает А.М. Яковлев, состояние аномии, во-первых, может характеризовать общество, в котором нормативные стандарты поведения, а также существующие в нем убеждения либо серьезно ослаблены, либо отсутствуют. Во-вторых, состояние аномии может быть констатировано и применительно к отдельному лицу, если оно социально дезориентировано и переживает чувство изолированности от общества².

Первое положение весьма характерно для современного российского общества. Отсутствие или ослабление стандартов и убеждений можно встретить и среди отдельных, небольших по численности групп, что, в частности, питает этническую преступность. Что касается криминогенной социальной дезориентированности и изолиро-

¹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. — М., 1994. С. 353-354.

² -М.: Яковлев А.М. Преступность и социальная психология (социально-психологические закономерности противоправного поведения). — М., 1971.

¹ См.: Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности (современные буржуазные теории). — М.: Прогресс, 1966. С. 40—42.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. — СПб., 1912. С. 345.

ванности отдельных людей, то они будут существовать всегда в качестве одного из факторов, питающих преступность.

Для нас важно сосредоточить внимание на отстраненности индивидуального сознания от коллективного, т. е. отчуждении первого от второго. Коллективное сознание может быть враждебно индивидуальному, оно может стремиться подавить любые нарушения со стороны отдельных индивидов. Конфликт между индивидуальным сознанием и господствующими социальными нормами носит вечный характер. Поэтому и преступность вечна и неизбежна. К тому же не только социальные структуры (государственные и гражданские) оказывают давление на отдельных людей, толкая их скорее на путь неподчинения, чем законопослушного поведения. Индивид может быть не согласен с целями, намерениями и интересами общности, которые определяются культурой последней.

Можно выделить следующие аспекты индивидуального отчуждения:

- социальную изоляцию, чувство своей отверженности, неприязнь к окружающим, в первую очередь наиболее престижными группами, а также представителями противоположного пола;
- бессилие, переживание своей неспособности направлять события и контролировать, что особенно болезненно на уровне микрогрупп и повседневной жизни;
- бессмысленность, чувство непонятности, непостижимости общественных и личных дел, и особенно других людей, мотивов их поступков, их намерений;
- нормативную дезориентацию, необходимость прибегать для достижения своих целей к нравственно неодобряемым средствам, а также непонимание важности и необходимости действующих норм и стандартов;
- культурное отстранение, отрицание принятых в обществе или группе ценностей;
- самоотстранение, отказ от участия в действиях, которые хотя и служат показателем определенной социальной (групповой) принадлежности, тем не менее воспринимаются лишь как внешнее давление и не могут принести удовлетворения.

Каждый из названных аспектов индивидуального отчуждения может иметь криминологически значимые последствия, но они совсем не неизбежны и не фатальны.

Все эти субъективные факторы могут быть значимы и для анализа причин и природы антиобщественного поведения. Вместе с тем,

это не просто части одного явления, они взаимосвязаны и взаимовлияют. Так, культурное отстранение и социальная изоляция порождают нормативную дезориентацию. С другой стороны, нормативная дезориентация может усугубить социальную изоляцию. В то же время каждая из этих модальностей обуславливается и иными причинами. Например, бессилие и бессмысленность в значительной мере могут определяться психическими особенностями личности, ее развитием, социальным статусом и т. д. Разумеется, перечисленные аспекты отчуждения не только не равнозначны, но и не исчерпывают всех сторон этого явления даже на индивидуальном уровне. Наше последующее изложение будет преследовать цель показать все его многообразие.

Отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения¹. Недостаточность координации целей и средств ведет к аномии².

Р. Мертон отмечал, что его соображения о связи социальной структуры и аномии не носят характера морализации. Однако напрашивается вывод, что аномия означает не просто отсутствие координации между целями и средствами, она представляет собой отчуждение личности от этических норм, запрещающих использовать определенные средства для достижения успеха. Если бы такого отчуждения не было, отсутствовала бы и отмеченная выше несогласованность. В целом же концепция отклоняющегося поведения, предложенная Р. Мертоном, не универсальна, потому что он пытается объяснить личным успехом или, вернее, недостижением его все виды отклоняющегося поведения: от «ухода от жизни» до мятежа против существующего строя.

Разумеется, далеко не всегда отчуждение приводит к преступному и иному отклоняющемуся поведению. Оно способно порождать и вполне достойные действия.

Марксизм понимал отчуждение как социальный процесс, присущий классово-антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Истоки

См.: Мертон Р.К. Социальная культура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории). — М., 1966. С. 300-302.
¹там же. С. 312

отчуждения — в частной собственности и антагонистическом разделении труда. Отчуждение выражается в господстве овеществленного труда над трудом живым, в превращении личности в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих классов, в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктами труда. В работах Маркса и Энгельса доказана также отчужденность социальных институтов и норм от трудящихся, идеологии от жизни, приводящая к формированию у членов общества такого уровня притязаний и ожиданий, который не соответствует действительным возможностям общества, что нередко вызывает отклоняющееся поведение.

Такое понимание отчуждения не вызывает возражений, за исключением того, что отнюдь не только частная собственность и так называемое антагонистическое разделение труда порождает исследуемое явление. Социалистическая форма собственности, при которой орудия и средства производства коллективно принадлежали классу номенклатуры, также порождала отчуждение людей от производства и результатов их труда, от государства и социальных институтов, активно порождала девиантные поступки. Однако их уровень был ниже, чем после реставрации капитализма, по той, в частности, причине, что социализм формировал у членов общества такой уровень притязаний и ожиданий, который соответствовал его действительным возможностям. Он всячески насаждал непритязательность и серость, формировал минимальные потребности. Впрочем, иначе и не могло быть, поскольку ленинско-сталинский социализм не был в состоянии удовлетворить более высокие потребности.

Исключительное внимание уделяли отчуждению экзистенциалисты М. Хайдеггер, К. Ясперс, А. Камю, Ж.-П. Сартр. У М. Хайдеггера категория «отчуждение» выступает в виде понятия «нигилизм», означающего всеобщую опустошенность сознания и утрату ценностных характеристик бытия. Высшая стадия нигилизма означает полное и притом совершенно добровольное самоотчуждение человека, опустошенность духа, но уже с полным осознанием корней абсурдности бытия и глубинных причин страха. Такую опустошенность некоторые экзистенциалисты, особенно А. Камю, толкуют как своего рода победу человека, поправшего свои иллюзии и решившего смело посмотреть в глаза трагической правде, отказаться от рутины повседневности с ее кажущимся преодолением кардинальных вопросов жизни и смерти. Но это не победа, а лишь примирение с состоянием отчаяния. Оно

ранее не осознавалось, а только переживалось как непонятный разрыв сознания. Теперь оно осознается в своем экзистенциальном значении, но это осознание ведет к еще более мучительной безысходности. Саму эту безысходность экзистенциалисты пытаются осмыслить как выход из положения: пассивную правду отчаяния они предложили превратить в активную работу по углублению экзистенциального отчаяния. Предпринимаются попытки объяснить с помощью концепции отчаяния причину преступного поведения как реакцию на безысходность жизни.

Тема отчуждения и одиночества явственно звучит в творчестве Ж.-П. Сартра, более того, она у него доминирует. Его герои по большей части находятся «За запертой дверью» — так называется его самая знаменитая пьеса. Ее действующие лица находятся в гостиничной комнате, где испытывают страшные мучения, однако с мазохистским упорством не покидают ее, хотя дверь не заперта и можно свободно уйти. Другие персонажи Сартра, мучаясь из-за абсурдности своего существования, постоянно ощущают разлад с миром, они тяготеют к контактам с людьми и в то же время остро нуждаются в них. Это же остро переживал убийца Раскольников у Достоевского, соединившийся наконец с людьми на каторге. Жизнь, по Ж.-П. Сартру, лишняя божественности и полета, людей не только не привлекает, но отталкивает от себя, вызывая тошноту: «Тошнота» — такое эпатирующее название дал он своему роману.

Необходимо отметить, что герои Ж.-П. Сартра не отдают себе отчета в том, что отрицательное отношение к миру, людям, нежелание быть с ними очень часто означает бессознательную потребность теснейшей связи с ними же, их исключительное значение для данной личности. Она бессознательно ориентирована только на них, все ее переживания связаны с ними. Отчужденная, она становится ненужной сама себе.

Убеждения Ж.-П. Сартра являются обобщением определенного действительного социального опыта. Его концепция человеческого существования служит отражением деформаций жизни в условиях современной цивилизации. Ж.-П. Сартр, разоблачая определенные «иллюзии общности», исходит из анализа действительных механизмов обезличивания и овеществления человека, которые он вскрыл в ходе изучения культуры XX в.; из анализа различных форм инструментальной трактовки индивидов в материальном производстве, политической борьбе или интимных семейных отношениях (брак по расчету, лю-

бовь в качестве психотерапии, отсутствие признания, ощущаемое нам* на работе и в общественной жизни). Следовательно, Ж.-П. Сартр анализирует явления гомогенизации позиции людей, обособления и «защитности индивидов в толпе» и одновременно возникновения из сознания чувства бессмысленности и безнадежности жизни.

Тема отчуждения продолжает относиться к числу центральных в современном западном искусстве. Помимо Ж.-П. Сартра ее успешно разрабатывали такие крупнейшие мастера, как Т. Манн, У. Фолкнер, К. Гамсун, Ф. Кафка, А. Камю в литературе, М. Антониони, Ф. Феллини в кино. Так, в творчестве Ф. Кафки отчуждение личности, его одиночество, отсутствие контактов, беззащитность, зависимость и унижение, бесчеловечная и бездушная власть государства, его институтов и бюрократических учреждений вскрыты с исключительной убедительностью.

Эта тема возникла из острого ощущения человеком потери своей индивидуальности, своего внутреннего одиночества в обществе и вместе с тем зависимости от него. Многие работы, посвященные ей, выражают протест против обезчеловечивания личности, растущую тревогу за распад общества на изолированные составные элементы. Например, в фильмах М. Антониони контакты между людьми случайны, непрочно и недолговечны, распад связей возводится в ранг фатальной закономерности, а стремление убежать от одиночества и себе подобных неизбежно оказывается бесплодным.

В произведениях А. Камю, особенно в его повести «Посторонний», внешний мир чужд и непонятен главному герою, вызывает у него ощущение призрачности. Он равнодушен ко всему, в том числе к браку, любви, приятельству, служебному и даже сыновнему долгу. Как следствие этого, посторонний видит то, что скрыто для других, не почитает условностей, не лжет и не играет в игру тех, с кем контактирует, пренебрегает лицемерием, из которого соткана мораль формального долга. Он бродит в стороне от людей по окраинам жизни частной, уединенной, чувственной. Именно поэтому он вызывает тревогу у других, страх разрушения привычного для них миропорядка.

Герой А. Камю, совершивший убийство, полностью отчужден от окружающих его людей и их нравов, и он действительно посторонний. Он аутичен и не нуждается ни в ком. Он абсолютно одинок, даже на суде воспринимает себя как бы со стороны.

Мысль о тотальном одиночестве и разобщенности людей, об отсутствии взаимопонимания между ними пронизывает и творчество К. Гамсуна. Его герои — это замкнутые в себе монады среди таких же замкну-

тых монада⁶, оп⁷тянутых пеленой загадочности и непостижимости. Личность К. Гамсуна — загадочный феномен, неуютно и неловко чувствующий в цивилизованном мире и, подобно героям А. Камю, находящий счастье и свободу в общении с природой, в полном одиночестве. И хотя К. Гамсун в мировой литературе занимает одно из самых видных мест как поэт-любви, его любящие персонажи не могут понять друг друга.

Несомненно, эта тема в искусстве Запада, как и у нас, социально значима и актуальна, но исследование ее, независимо от конкретных общественных отношений, неизбежно превращается в констатацию тоски, отчаяния, обреченности, неизлечимой всеобщей «болезни века». Однако тему отчуждения «открыли» отнюдь не в середине XX в. Известно, что Маркс для подтверждения своего положения об отчуждении людей и вещей частной собственностью ссылался на У. Шекспира. И позже великие реалисты (О. Бальзак, Ф.М. Достоевский) анатомировали явление расчленения личности под давлением социальных отношений, в результате чего возникает отчуждение в общественной и психологической сферах.

2

Многие криминологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что преступников отличает психологическая дистанция от других людей, многие из них одиноки и замкнуты, у них мало друзей и близких знакомых, они не имеют семьи и не стремятся завести ее, долго нигде не работают и переезжают из одного населенного пункта в другой, некоторые даже ведут бездомное существование, занимаются бродяжничеством. Для них характерно стремление к уединению, еще в детстве они предпочитали игры в одиночку. Такие особенности чаще наблюдаются среди насильственных, насильственно-корыстных преступников и воров.

Одиночество и отчуждение от общества и его ценностей формируют особый психологический настрой, особую позицию по отношению к окружающему миру и самому себе, нередко ощущение своей ненужности, выброшенности⁸, неприспособленности к жизни. Такие преступники в отличие от не преступников хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Эти люди очень часто не понимают, что от них требует общество. Можно предположить, что это связано с необычностью их установок и восприятия, из-за чего любые жизнен-

ные ситуации существенно искажаются. В итоге человек не может понять, чего от него ждут и почему он не должен совершать то или иное действие. Причем, что весьма важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуаций осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем, влечений и инстинктов.

Нарушение социальной адаптации часто связано с отсутствием мотивированности к соблюдению социальных требований. В этом случае человек понимает, что от него требует окружение, но не желает эти требования выполнять. У таких людей плохая социальная приспособляемость, поэтому возникают немалые сложности при попытках адаптироваться в малых группах. Отчужденность преступников проявляется, например, в том, что среди них больше, чем среди законопослушных граждан, тех, у кого невысокий уровень образования и производственной квалификации, отсутствует семья и слабые связи с родственниками, кто часто меняет место работы и жительства.

Об этом убедительно свидетельствуют истории жизни отдельных преступников и преступниц, и особенно из числа рецидивистов. Многие из них никогда не были женаты (замужем), а если и были, то утратили связи с семьей и не стремятся к их восстановлению. Иногда даже женщины, предназначенные, казалось бы, самой природой для сохранения домашнего очага, в результате длительного антиобщественного существования теряют контакты с родственниками, детьми. Нет сомнения в том, что у таких лиц вырабатываются особый взгляд на жизнь, свое, специфическое ее ощущение и реагируют они на возникающие жизненные ситуации в соответствии с этим. Поэтому не должны удивлять их на первый взгляд странные, иногда нелепые, резко выходящие за рамки обычного поступки, к тому же вроде бы ничем не мотивированные. Но они лишь внешне кажутся таковыми, а на самом деле в результате глубокого анализа всегда можно обнаружить, что их преступное поведение внутренне закономерно, субъективно, целесообразно и во всех случаях мотивированно.

Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными взглядами и ориентациями отличают преступников от непреступников, а их сочетание (необязательно, конечно, всех) у конкретного лица выступает в качестве непосредственной причины совершения преступления.

Негативные психологические особенности личности функционируют в рамках индивидуального бытия, на базе собственного жиз-

о опыта, а также биологически обусловленных особенностей. о многие особенности, так же, как и психологические черты, как бы нейтральный характер и в зависимости от условий жизни воспитания наполняются тем или иным содержанием, т. е. приобретают социально полезное или антиобщественное значение.

Сочетание указанных выше психологических особенностей, потенциально предрасполагающих к совершению преступлений, обнаружено исследователями и в других странах. Например, обследование подростков, проведенное в США, показало, что те, у кого были установлены эти сочетания, чаще совершали преступления.

Исследование насильственных преступников с помощью методологии Леонгарда-Шмишека, осуществленное автором совместно с Е.Г. Самовичевым в 70-х годах, показало, что для них типично отсутствие эмпатии, умения и желания поставить себя на место другого, идентифицироваться с ним. Это объясняет ту жестокость, часто и особую жестокость, которая проявляется такими преступниками в отношении жертвы. Не только результаты тестирования, но и беседы с конкретными лицами, осужденными за убийства, изучение их жизненного пути, отношений в семье и на работе убеждают в том, что они не только крайне уязвимы и ранимы в межличностных контактах, но и не умеют строить и поддерживать такие контакты, т. е. общение для них затруднено. Эта психологическая особенность в дальнейшем была выявлена и у тех, кто совершил изнасилования: неумение устанавливать должные отношения с женщинами тесно связаны с мотивацией сексуальных нападений и является ведущей чертой практически всех так называемых маньяков, особенно тех, которые убивают жертвы своей сексуальной агрессии.

Проблемы затрудненного общения в отечественной социальной психологии интенсивно разрабатываются на протяжении последних 20 лет. Пристальное внимание ученых и практиков к этой сфере объясняется сложностью феномена затрудненного общения, многоаспектностью его форм и сфер проявления, социальной значимостью. Так, многие межнациональные и межконфессиональные конфликты были бы успешно предупреждены и разрешены, если бы преодолели трудности в повседневном общении представителей разных этносов и религий. Излишне объяснять, насколько это важно для профилактики терроризма.

В социальной психологии затрудненного и незатрудненного межличностного общения с целью описания субъекта общения используются такие характеристики личности, как ее направленность,

установки, ценностные ориентации, системы отношений, стиды стратегии взаимодействия, социально-перцептивные образования, навыки и умения в области коммуникативной деятельности, роль высших статусных позиций и соответствие поведения социокультурным и нравственным нормам/ В социальной психологии предлагаются следующие характеристики субъекта затрудненного общения, которые представляют несомненный интерес для криминологии.

Приведем их в несколько сокращенном виде:

- обесценивание себя, недоверие к себе, людям, миру, поверхностные, непрочные, малоосознаваемые, противоречивые, разобщенные, направленные против людей отношения;
- внешняя мотивация одобрения, достижения, эмоционального обладания, фрустрированность собственной потребностной сферы;
- эмоциональная нестабильность, частая смена настроений, холодность, вспыльчивость, свернутость сочувствия, отчужденность, апатия, преобладание негативно окрашенных эмоций, низкий самоконтроль;
- низкий уровень развития способностей к пониманию другого человека, эмпатии, сензитивности и чувствительности, использованию и пониманию глубоких семантических значений языковых структур, прогнозированию событий;
- робость, замкнутость, неуверенность, необщительность, слабая «Я», безынициативность, беззастенчивость, невоспитанность, ригидность, подозрительность, тщеславие, гипертребовательность, самолюбие, нетерпимость;
- отсутствие умения аргументировать свои замечания, поддерживать контакт и выходить из него, выбирать адекватную форму сообщений, давать обратную связь, стремление больше говорить, чем слушать, перебивать разговор, нарушение социальной и персональной дистанции, симуляция, ложь, угрозы;
- нарушение ролевых ожиданий при нахождении на периферии группы;
- дефицит, незрелость нравственных эталонов;
- фрустрация социальных потребностей, разрыв эмоционально-значимых связей, создание внутриличностного напряжения, искажение понимания себя и других, отказ от рефлексии по поводу своей представленности в других, смещение отношений и установок¹.

¹ См.: Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. - М, 2001.

еется, это обобщенная абстрактная теоретическая модель сти испытывающей затруднения в межличностном общении, авторы отнюдь не имели в виду преступников, однако названные психологические черты как нельзя более точно описывают преступников, главным образом насильственных. Мы не имеем сказать, что среди последних встречаются лишь отчужденные одинокие люди, полностью исключенные из нормального общения. Даже среди убийц немало общительных людей, не испытывающих никаких затруднений в общении: это, например, те, которые совершили преступления в острых конфликтных ситуациях, при стечении тяжелых психотравмирующих обстоятельств. Преступные действия лишь эпизод в их жизни, и они чаще всего характеризуются достаточно хорошо. Но при этом следует понимать, что положительные и даже хвалебные характеристики могут даваться тем, кто испытывает самые серьезные затруднения в общении, но в целом не нарушают нравственных и правовых предписаний.

Осуществленное вместе с В.П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым изучение 500 преступников с помощью Методики многостороннего исследования личности (ММИЛ), представляющей собой адаптированный вариант Миннесотского многофакторного личностного опросника, показало, что для них характерны пики по таким шкалам, как изоляция (отчужденность), импульсивность и ригидность (шкалы 4, 6, 8). Удельный вес преступников, характеризующихся названными пиками, намного выше, чем среди законопослушных граждан.

Профиль ММИЛ преступников указывает прежде всего на плохую социальную приспособленность и общую неудовлетворенность своим положением в обществе. У них выражена такая черта, как импульсивность, которая проявляется в сниженном контроле своего поведения, необдуманных поступках, пренебрежении последствиями своих действий, эмоциональной незрелости.

Выраженная психологическая изоляция преступников, установленная нами, может свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с окружением, невозможности встать на точку зрения Другого, посмотреть на себя со стороны. Это также снижает возможность адекватной ориентировки, способствует возникновению аффективно насыщенных идей, связанных с представлением о враждебности со стороны окружающих людей и общества в целом. В этом случае может создаться такое представление субъекта об обществе, с которым реальное общество не тождественно. С другой стороны,

одновременно идет формирование **таких** черт, как уход в себя, *эз*^{III} нутость, отгороженность и т. д. По мнению большинства **исслед**³ вателей, работавших с тестом, подобные личностные тенденции вы³ ваны повышенной сензитивностью и чрезмерной стойкостью **аффе**^к та. Правильная оценка ситуации затрудняется, так **как поведени**^ы управляется аффективными установками. Одиному, замкнутому¹ человеку их трудно разрешить, поскольку он не общается или мало общается с другими, а поэтому не может и не умеет обращаться к[!] ним за советом или помощью. В результате аффект накапливается и может привести к взрыву.

Приведем для иллюстрации следующий пример.

Т., 52 года, ранее привлекался к уголовной ответственности 4 раза (хулиганство, кражи, грабежи, разбои), в местах лишения свободы в общей сложности провел свыше 20 лет. Освободился в 1997 г. Женится, но незадолго до взятия под стражу разошелся с женой, поскольку она обвинила его в изнасиловании ее дочери 18 лет.

Обвиняется в том, что нападал на малолетних девочек и под угрозой ножа совершал развратные действия (одной из жертв было всего 8 лет). Кроме **того**, учинил несколько разбоев, в том числе отбирал деньги у своих сексуальных жертв, у одной из них похитил один (!) рубль.

Известно, что Т. был единственным ребенком в семье. Отец сильно пил и часто в доме буянил, сыну приходилось его связывать. До 10 лет отец его наказывал часто, в том числе бил ремнем и «ставил на горюх». После достижения 10 лет отец вообще перестал им интересоваться, никакого участия в воспитании не принимал. С матерью отношения были хорошие, но не близкие, жива ли она сейчас, не знает, отец же умер. Примерно до 12 лет жил и учился в туберкулезном санатории, так как у него обнаружили туберкулез, но после излечения стал жить дома и учиться в обычной школе. В ней он проучился до 8-го класса, а затем перешел в техникум, но вскоре был арестован за кражу. Больше не учился.

Со слов обследуемого, близких друзей у него никогда не было («с ребятами дружил мало»), часто дрался «за справедливость, за девочек».

Первый сексуальный контакт имел в 13 лет с женщиной, которой был 21 год, «все хорошо получилось». С тех пор жил активной **половой** жизнью, часто менял женщин, испытывал, как пояснил, повышенную сексуальную потребность, когда не имел возможность сексуального контакта, мастурбировал, в том числе во время отбывания уголовного наказания.

наш взгляд, тяжкие сексуальные преступления, совершенные Т.,
 объясняются его повышенной сексуальностью, хотя он в беседе
 поминает о ней. Дело не в такой сексуальности, а в том, что он не
 сумел ее сдерживать. Скорее всего, об этом и не думал по той
 причине, что он не умел ее сдерживать. Скорее всего, об этом и не думал по той
 причине, что он не умел ее сдерживать. Скорее всего, об этом и не думал по той

Н, и не что является отчужденной личностью, причем его отчуждение в Семье. Трудно сказать, является ли в данном случае отчуждением особенностей психики, но не вызывает сомнений, что не след

тели максимально способствовали развитию этой черты, не уделяя сыну должного эмоционального тепла. Его депривации в семье помогало то, что он до 12 лет жил без родителей в туберкулезном санатории.

Т. сам пояснил, что друзей у него не было даже в школе, не приобрел он их и в местах лишения свободы. Напротив, пребывание там скорее всего лишь усилило его дезадаптацию. Его частые драки безусловно свидетельствуют о том, что он был в конфликтных отношениях с окружающими.

Преступник действовал по схеме: появилось сексуальное желание — оно тут же удовлетворяется, не будучи опосредовано правовыми и нравственными нормами, которые строжайше запрещают половые контакты с детьми. Конечно, ему были известны эти нормы, но не принимались им, они были не его, а той самой среды, того самого общества, с которыми он не имел необходимых контактов. Его дезадаптация проявилась и в том, что он изнасиловал падчерицу, и в том, что он отбирал у своих малолетних жертв жалкие гроши, наконец, и в том, что ему абсолютно чуждо раскаяние.

Конечно, одиночество и отчуждение присущи не всем преступникам. Так, среди них особое место занимают расхитители, взяточники и другие должностные преступники. Эти лица по сравнению с другими преступниками являются более адаптированными, приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям; лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Одним словом, они очень мало или ничем не отличаются от других людей. Расхитителям не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Они более общительны, большинство из них не испытывают трудностей в установлении социальных контактов, у многих встречаются такие черты, как стремление к лидерству, потребность в социальном признании. Большинство из них женаты, имеют детей и к семье относятся заботливо.

Одиночество и отчуждение человека может проистекать из разных источников, в связи с чем можно выделить отдельные типы соответствующих фундаментальных личностных состояний. Одиночество как состояние и потребность в нем вырабатываются в результате неблагоприятного воспитания в семье, когда родители эмоционально выталкивают сына или дочь из семьи и они, по существу, растут одинокими, в изоляции от отца и матери, что со временем становится их привычной личностной позицией. Одиночество способно возникнуть в результате длительной болезни, когда ребенок или подросток не только не общается со сверстниками, но, будучи изолирован недугом, как бы вынужден погрузиться в себя. Человек может очертить вокруг себя замкнутый круг, чтобы не делиться с другими тем, чем он обладает или думает, что обладает, либо потому, что он самодостаточен, живет только по своим внутренним канонам \ ему действительно никто не нужен, особенно если он эмоционально холоден и не способен идентифицироваться с другими людьми. Такими были «великие» преступники XX в. Гитлер и Сталин, самодостаточные и действительно одинокие люди.

Сама природа в содружестве с обществом создала людей в амбивалентном единстве тяготения — отвергания друг друга, стремлении к одиночеству или обязательному объединению. Одни боятся быть отверженными больше смерти, в то время как другие могут существовать только в социально-психологической изоляции.

Э. Фромм писал, что человек по своему происхождению является стадным животным. Его действия детерминированы инстинктивным побуждением следовать за вожаком и находиться в тесном контакте с окружающими его животными. Поскольку мы похожи на овец, для нас нет большей угрозы, чем утратить этот контакт со стадом и оказаться в одиночестве. Хорошее и плохое, истинное и ложное — все это определяется стадом. Однако мы ведь не только овцы. Мы еще и люди, наделенные самосознанием и разумом, которые по своей природе независимы от стада. Наши действия могут определяться результатами нашего мышления независимо от того, разделяют нашу истину другие или нет.

Различие между нашей стадной и человеческой природой лежит в основе двух видов ориентации: стадной и разумной. Рационализация — это компромисс между нашей стадной природой и человеческой способностью мыслить. Последняя вселяет в нас уверенность в том, что все, что мы делаем, удовлетворяет требованиям разума, и именно поэтому мы стремимся показать, что наши

нальные мнения и решения являются вполне разумными. Но поскольку мы — овцы, не разум является нашим настоящим «ководителем; мы руководствуемся совершенно иным принципом — принципом стадной сплоченности. Истинная природа мышления, дихотомия разума и рационального интеллекта являются выражением основной дихотомии человека — сосуществующих потребностей в зависимости и свободе¹.

Мысль о том, что человек является стадным животным, совсем не нова. Но в той же мере она и не точна, и не учитывает всей сложности природы человека и его отношений с обществом. Действия одних людей (и очень многих, всех людей толпы!) действительно детерминированы потребностью следовать за вожаками и находиться в тесном контакте с окружающими. Однако за свою многотысячную историю человек привык не доверять другим, даже, казалось бы, близким и преданным, поскольку он убежден, что эти другие вполне могут покуситься на его жизнь, здоровье, достоинство, имущество, на его женщин и социальные статусы. Они способны сделать его несчастным и обездоленным, отсюда его эмотивность, подозрительность, недоверчивость, ранимость, агрессия как способ защиты. Поэтому в нем, как справедливо отмечал Э. Фромм, сосуществуют потребности в зависимости и свободе. Одиночество очень часто предоставляет свободу, которая может быть и иллюзорна.

Преступники не склонны доверять другим, об этом свидетельствует возрастная динамика совершения преступлений в группе: подростки до 70—75% преступлений совершают в соучастии, для лиц старше 30 лет этот показатель вдвое, даже втрое ниже. Еще меньше с возрастом правонарушители доверяют сотрудникам правоохранительных органов, поддаются их уговорам и обещаниям, а также другим преступникам, в том числе тем, с кем они отбывают наказание.

Итак, те, кто совершает преступления — более одинокие и отчужденные личности. В силу отчуждения они не усвоили социальные нормы, регулирующие поведение людей, не выработали в себе солидарность с ними. Совершая преступления, некоторые из них тем самым защищают свое одиночество, другие — пытаются получить то, чего они лишены как раз в силу отчуждения, третьи — потому, что у них нет привязанностей и они не ощущают ответственности перед

¹См.: Фромм Э. Иметь или быть? - М., 1990. С. 263.

кем-либо. Чтобы преодолеть свое одиночество, человек вполне может согласиться участвовать в совершении преступных действий группы, поддаваться ее влиянию. Одиночество иногда начинает внушать страх, повышает тревожность, формирует стремление защитить себя от реальных или мнимых врагов путем агрессии.

Как показывают исследования, среди насильственных преступников велика доля лиц с психическими аномалиями (в пределах приемлемости). Их примерно 18—20%. Среди них особенно часто можно встретить отчужденных и дезадаптированных людей: само расстройство психической деятельности, во-первых, создает дистанцию между аномальными личностями и социальной средой; во-вторых, препятствует усвоению ими нравственных и правовых норм, что особенно заметно среди дебильных индивидов; в-третьих, аномальные правонарушители быстрее, чем «нормальные» лица, начинают совершать преступные действия. В целом их поведение намного хуже опосредовано нравственными и правовыми нормами, более спонтанно и труднее поддается саморегуляции и самоконтролю.

В жизни человека может произойти событие, которое резко меняет ее. Такое событие может привести к отчуждению личности, но; при этом она сама не желала того. Достаточно красноречив следующий пример.

С. обвинялся в совершении развратных действий в отношении двух девочек (в подъезде раздевал их, гладил гениталии, целовал).

Об обвиняемом известно, что его родители разошлись, когда ему был один год. Отец сильно пил. Сестра — от первого брака матери. С отцом виделись лишь изредка — он жил в другом населенном пункте. Более или менее часто стал посещать его, когда исполнилось 14 лет и мог самостоятельно выезжать из дома. В 14 же лет произошло событие, оказавшее определяющее влияние на всю жизнь: летом на речке к нему пристали взрослые молодые люди, их было 5 человек, один из них провел ему по лицу половым органом. Об этом стало известно другим ребятам и девушкам, и с ним перестали общаться.

Закончил лишь 9 классов, дальше учиться не захотел, пошел в ПТУ, но и там проучился всего три месяца, поскольку постоянно возникали конфликты с другими подростками из-за того, что он был «опущен». Закончилось большой дракой, во время которой его избили.

Пить начал с 12 лет, из-за чего мать постоянно ругала.

С отцом никогда доверительных отношений не было, поскольку он все время был пьян.

Ближних друзей никогда не было и нет. Дважды осуждался за кражи. Первый сексуальный опыт — в 23 года. Половых контактов всего

5 при этом женщины всегда были не удовлетворены ввиду быстрого семяизвержения.

Таким образом, мотив развратных действий в отношении девочек-подростков очевиден: сексуальные неудачи, даже провалы со взрослыми женщинами стимулировали поиск компенсаций с теми, которые никак не могли критически отозваться о его сексуальных возможностях, с ними он не боялся оказаться несостоятельным как мужчина. Поэтому возникает другая задача: установить личностные особенности обвиняемого, значимые для понимания природы его преступного поведения.

Психологическое тестирование С. показало, что он отличается сексуальной неполноценностью и озабоченностью сексуальными проблемами, женщина воспринимается им как сексуально враждебная. При этом у него нехватка самоуверенности в деятельности и социальных отношениях, в них он испытывает серьезные трудности, более того, он дезадаптирован, испытывает страх перед агрессивными импульсами, не проявляет достаточного упорства и настойчивости. При своей дезадаптации тем не менее ощущает неуверенность в себе и незащищенность, даже зависимость от внешних условий и собственных переживаний. Эмоционально нестабилен, скорее всего и в тот период жизни, когда он еще не был подвергнут сексуальному издевательствам.

Отдельного рассмотрения заслуживают его отношения с родителями. Тестирование показало доминирование матери и зависимость от нее, в то же время она бессознательно связывается им с какими-то неприятными, даже трагическими событиями (рассказ по картинке № 6 Тематического апперцептивного теста «Пожилая женщина и молодой мужчина»). Рассказывая о них, испытуемый заметил, что они любят друг друга, но он в ее помощи не нуждается, а она — в его.

исунок № 7 («Пожилой и молодой мужчина») не вызвал рассказ об отце и сыне: это, по мнению С, просто беседа двух мужчин, знакомых или друзей. Данный факт свидетельствует о том, что он вообще не представляет себе отношений между отцом и сыном, поскольку в его личном опыте. В целом можно констатировать отчуждение обвиняемого от семьи, точнее — от отца и матери, что оложило начало его дальнейшему общему отчуждению.

отличается скудностью внутреннего мира, его рассказы кратки, Маловыразительны и однообразны, недостаточно спокойны; он

опирается на свой опыт и старается прогнозировать будущее. В лом не злобен, но способен проявлять грубость и черствость, что явилось в его преступных действиях — сексуальных посягательствах на девочек-подростков. Вообще секс и все относящееся к нему занимает в его мировосприятии и восприятии самого себя особое место, выполняя тест «Нарисуйте человека», он изобразил **мужчину** женщину голыми по пояс.

Можно предположить, что преступление, в котором обвиняют С. было совершено им не только в качестве компенсации сексуальных неудач со взрослыми женщинами, но и потому, что в силу общей дезадаптации им не восприняты многие социальные нормы, регулирующие поведение, в частности сексуальное. То, что он вновь в тюрьме, воспринимается им абсолютно спокойно, хотя он принадлежит к категории «опущенных» — утверждает, что другие арестованные относятся к нему хорошо. Все это дает основания весьма осторожно предположить, что обвиняемый бессознательно стремится попасть в тюремное учреждение как в место, где он защищен, в первую очередь психологически; здесь автоматически снимается вопрос об его отношениях с женщинами, а именно этот вопрос для него весьма болезненный.

В этой связи нельзя не учитывать обстоятельства совершенно им первой кражи. Как он сам поясняет, материально он не нуждался, и почему ее совершил, не знает. Изобличили его быстро и довольно просто. Вторую кражу, по его же словам, он вообще не совершал, но его якобы уговорил следователь признаться в ней, и он согласился после чего был взят под стражу.

3

Изучение жизненного пути и особенно раннесемейных ситуаций преступников, в том числе их репрезентативный опрос, осуществленный с нашим участием, приводит к однозначному выводу, что неблагоприятные условия воспитания в семье, отчуждение от родителей, прежде всего от матери, по каким бы причинам это не происходило, может иметь серьезное криминогенное значение. Но при этом надо подчеркнуть, что любые недостатки семейного воспитания, в частности, эмоциональное отвержение ребенка, не могут прямо и непосредственно приводить к совершению преступлений. Иные воздействия, в том числе специальные воспитатель-

благоприятные жизненные ситуации, внимание и забота, ^{НЬ,е} ленные к человеку на более поздних этапах развития, ^{ПР,ЯВ} изменить его внутренние установки и побуждения, скор- ^{собрны} ^ тем самым его поведение. Следовательно, преступ- ^{р^екТ} поведениелиц, отвергнутых родителями в детстве, может быть ^{Н,е} педованно их последующим опытом. Важно отметить, что ^о анные психотравмирующие факторы на ранних этапах онто- ^г генеза при отсутствии благоприятных обстоятельств главным об- ^з зом и формируют мотивы преступного поведения дезадаптиро- ^в ванных личностей. Однако эти факторы сами по себе не могут, конечно, рассматриваться в качестве непосредственных побудите- ^л лей, детерминант такого поведения.

В целом предлагаемая нами концепция ориентирована именно на социальные условия в детстве и на последующих этапах жизни, но в ее основе лежат особенности формирования психологии воз- ^м можных преступников.

Тот аспект семейных отношений, которому придается исключи- ^т тельное значение и который является сейчас предметом рассмотре- ^н ния, связан с невключением ребенка в эмоциональные семейные кон- ^т такты. Между тем специфика и необходимость семейного воспитания, как известно, состоит прежде всего в том, что оно более эмоциональ- ^н но по своему характеру, чем любое другое воспитание, ибо «проводни- ^к ком» его являются родительская любовь к детям и ответные чувства (привязанность, доверие) детей к родителям. Ребенок, особенно в ран- ^н нем возрасте, больше предрасположен к воздействию семьи, чем к лю- ^б бому другому воздействию. Представляя собой малую группу, своего ^р рода социальный «микрокосм», семья наиболее соответствует требо- ^в ванию постепенного приобщения ребенка к социальной жизни, ее ^н нормам и правилам, поэтапного расширения его кругозора и опыта.

Качества, привитые с детства, очень прочны и активно воздейству- ^ю ют на весь процесс дальнейшего формирования личности, мотивов ее ^п поведения, участвуя в сборе и оценке тех многочисленных влияний, ^к которым каждодневно подвергается человек. Результатом действия ^э этого своеобразного закона психологической «инерции» является то, ^в воспитывать человека всегда легче, чем перевоспитывать. Посколь- ^к качества, привитые с детства, так или иначе сказываются в течение ^р яет ^ж жизни человека > семья не только сама воспитывает, но и «удоб- ^н ^ J * или > наоборот, «истощает» почву для последующего обществен- ^н го воспитания. В раннем детстве, когда семья является монополис-

том в воспитании, формируются те элементы «автоматизма», кото-
свойственны поведению каждого человека.

Родители составляют центр вселенной ребенка, поэтому он и
пытывает острую потребность общения с ними. Его мир делится
«маму и папу» и на всех остальных и все остальное, причем перв[
игрывают ни с чем не сравнимую главную роль. Поскольку он еще ч[
умеет отделить «Я» от «не-Я», в его «Я» включены и родители, преж-
де всего мать. Отсутствие родителей, вообще людей, которые **могли** **!**
бы о нем заботиться и обеспечивать его жизнедеятельность. **может!**
ощущаться им (конечно, очень смутно) как отсутствие защиты и **оц[**
собствовать появлению страхов, в целом высокого уровня тревож-
ности. Именно отсутствие родителей в структуре «Я» потом опреде-
ляет, в частности, этот уровень, постоянно присутствующее беспо-
койство и формирование концепции не только враждебной среды,
но и каких-то очень непонятных, очень размытых, но тем не **менее**
реально ощущаемых разрушительных сил в глубинах собственн[
психики. Поэтому человек так страшится совершать путешествия в **!**
собственные глубины, боясь встретить там чудовищ и демонов. **Оа[**
могут возникнуть в качестве следов, оставленных родителями, но **Я**
только, конечно, монстров, например, доброго пастыря (заботлив[**Я**
отец) или добрая фея (нежная мать). И тех, и других он уже **очень**
давно «выбрасывает» из себя в **мифы**, легенды, сказки.

В столь сильном влиянии семейного воспитания на эмоциональ-
• ный мир человека не последнюю роль играет вся обстановка семей-
ной жизни и, в частности, преимущественно эмоциональный харак-
тер взаимоотношений между родителями и маленькими детьми. Эмо-
циональные задатки, закладываемые в семье, в большей степени
определяют будущий психологический склад человека, чем интел-
лектуальные задатки — последующее содержание его интеллекта. **!**

Можно считать установленным, что формирование личности ре-
бенка определяется соотношением между тем местом, которое он **Щ**
нимает в системе доступных ему человеческих отношений, с одной
стороны, и теми психологическими особенностями, которые у **Нас[**
сформировались в результате предшествующего опыта, с другой
Именно из этого соотношения возникает та внутренняя позиция ре-
бенка, т. е. та система его потребностей и стремлений (субъективна
представленных в соответствующих переживаниях), которая, пре-
ломляя и опосредуя воздействия среды, становится непосредствен-
ной движущей силой развития у него новых психологических качеств

«психологический центр» в лице матери, отца или любого
его их лица не выполняет возложенные на него функции,
заменя **вначале** появляется ощущение своей незащищенности и
у млад **ва** **ЕСЛИ** ситуация его развития не изменится в лучшую
^СПП **В** подобные ощущения способны прогрессировать, находя вы-
СТ,Р ние в постоянной неуверенности и тревожности.
Р^а **Если** потребности ребенка другим человеком не удовлетворяются
надлежащей мере, а некоторые из них не удовлетворяются вообще, у
него может не сформироваться потребность в других людях, в обще-
нии с ними, что явится следствием той дистанции, которая образова-
лась между ним и родителями на раннем этапе развития. Этим могут
быть заложены основы будущего психологического отчуждения че-
ловека, его личностной позиции неприятия окружающей среды,
непонимания ее и даже ожидания угрозы с ее стороны. Неразвитость
социальной по своему происхождению потребности в общении берет
начало в упомянутом сензитивном, т. е. наиболее чувствительном к
влияниям окружающей действительности, периоде жизни.

В этот период ребенок наиболее чувствителен к определенным
социально-психологическим воздействиям, к ожидаемым отно-
шениям со стороны окружающих. При благоприятных условиях
социальное окружение адекватно отвечает на сензитивность, устрем-
ленность к этим воздействиям индивида. Только при таком оптималь-
ном соотношении характера воздействий с возникшей готовностью
к их принятию возможно ожидать нормального развития отдельных
сторон, полноценного функционирования личности в качестве ак-
тивного члена общества.

По-другому складывается личность, у которой в те или иные сен-
зитивные периоды возникают отрицательные, опасные для ее даль-
нейшей судьбы социально-психологические новообразования. По-
степенно обобщаясь и углубляясь, становясь все более устойчивыми
и ригидными, они деформируют личность, препятствуют форми-
рованию одних ее сторон, подчиняют себе другие. Начинается
самостоятельное развитие подобных новообразований, обретающих
собственную логику движения и становящихся стержневыми свой-
ствами личности. Создаются аномальные структуры и искаженные

туры отдельных сторон, которые начинают избирательно реаги-
ТЬ ТОЛЬКО на некоторые, как бы для них подготовленные со-
бные воздействия, отфильтровывая их из массы одновременно
нствующих на человека факторов.

Роль отца, представляющего определенный тип поведения, ата же источник уверенности и авторитета, осознается в более позд³ возрасте, но существенна уже в ранние годы жизни ребенка. Ес³ родители к ребенку не только безразличны и недостаточно внимательны, но еще явно отвергают его, отрекаются от него, иногда да³ с очевидной жестокостью, то он оказывается в эмоциональной и социальной изоляции, подвергается грубому травмированию и вовлекается в конфликты, решать которые весьма трудно.

Представляются очень интересными результаты наблюдений некоторых зарубежных психологов за привязанностью ребенка к матери. Ее он выделяет по голосу очень рано, и она, как правило является основным объектом привязанности, которая далее распространяется на отца, брата, сестер и т. д. Таким образом, у ребенка формируется привязанность сразу к нескольким объектам. Возникает вопрос: хорошо ли это? Можно предположить, что бо³ количество объектов привязанности должно отрицательно влиять на интенсивность привязанности к основному объекту. Однако эмпирические исследования показали, что это не так. Чем благо³ получнее отношения между ребенком и матерью, тем прочнее контакт между ребенком и другими объектами привязанности. Этому дается следующее объяснение: чем менее надежной является связь с матерью, тем больше ребенок склонен подавлять свое стремление к другим социальным контактам.

Отсюда можно сделать весьма важный вывод: именно альтруистическое отношение матери к ребенку создает у него ощущение защищенности и безопасности, что становится базой для расширения его позитивных контактов с другими лицами. Отсутствие такого отношения со стороны матери заставляет предположить возникшее ощущение угрозы, исходящей от среды.

Отсутствие или значительное сужение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвержение его одним из них и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, закладывающее начало дальнейшей дезадаптации. Отвержение в детстве, депривация в семье представляют собой и социальное отчуждение, порожденной конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имеет социальное происхождение. Здесь нужно руководствоваться одним из основных принципов психологии, что к³⁵ да³ психическая функция, прежде чем стать интрапсихической (внут

присущей отдельной личности), первоначально в своем развитии, являясь функцией интерпсихической (межличностной). Этот принцип положен в основу одной из центральных гипотез исследования, а именно: криминологически значимые психо-психологические особенности имеют свои аналоги в характере ранних внутрисемейных отношений.

Здесь мы не останавливаемся на объективных социальных факторах влияющих на нравственно-психологические и социально-психологические отношения в семье, которые в свою очередь участвуют в формировании психической депривации ребенка. Однако несомненно, что такие причины существуют, поскольку семья множеством нитей связана как с иными сферами микросреды, так и с более широкими социальными процессами, находится в фокусе экономических, идеологических, нравственных и иных отношений.

Итак, нарушение первичных связей социализации, лишение ребенка необходимого эмоционального контакта с родителями предопределяет его дальнейшее социальное и психологическое отчуждение, а поэтому имеет криминогенное значение.

Такой очень важный для криминологии вывод полностью подтверждается результатами осуществленного нами эмпирического исследования. Анкетный опрос законопослушных граждан и убийц показал, что, например, степень уверенности в любви матери в десять раз меньше среди вторых по сравнению с первыми. Среди законопослушных лиц значительно больше тех, кто уверен в своей любви к матери, чем среди преступников. Среди законопослушных оказалось больше людей, которые хотели быть вместе с отцом и матерью.

Аналогичными оказались результаты изучения с помощью Тематического апперцептивного теста (ТАТ) лиц, совершивших присвоение, растрату, кражи и убийства. Для выявления отношений с матерями и отцами были интерпретированы рассказы испытуемых по двум картинкам методики: № 6 («Пожилая женщина и молодой мужчина») и № 7 («Пожилой и молодой мужчины»). Рассказы по первой дают возможность охарактеризовать отношения с матерями, а по второй - с отцами.

Изучение показало, что примерно в 95% случаев отношения с матерями носят конфликтный характер, матери и сыновья плохо контактируют. Дружеские контакты развиваются на фоне конфликтов. Следующим этапом исследования несчастия. Типичны высказывания: «Что случилось», «Какое-то горе», «Они переживают большие непри

ятности» и т. д. Несколько иначе складываются отношения с ми: сыновья находят общий язык с отцами, понимание и подд^тад ку с их стороны в 45% случаев. Однако в остальных случаях МРМ, ! ними имеют место конфликты или непонимание друг друга. Харак терно, что отдельные испытуемые вообще ничего не могли сказД об отношениях между «пожилой женщиной и молодым мужчиной и «пожилым и молодым мужчинами». Это может свидетельствовать о том, что они вообще не представляют себе сущности и содерж ния контактов между родителями и детьми в силу невключеннос ти. Поэтому некоторые преступники не видят в пожилой женщине мать, а в пожилом мужчине — отца.

Приведем следующий пример.

Д., 1953 года рождения, родился и проживал в Москве, образова ние среднее техническое. Родители расстались, когда ему было око ло трех лет. Отца не помнит. Со слов матери знает, что он спился, его лишили отцовства, отбывал уголовное наказание. Жив он сейчас пни нет, не знает. Никогда не пытался его найти и чувствует, что повто рил его судьбу.

Мать относилась к Д. хорошо, и хотя была властной, с характером, он ее не боялся. «Мать отбила у меня в детстве самостоятельность сво ей строгостью, и я думал, что к своему ребенку не буду так строп».

Семьей руководил отчим, но с ним Д. мог общаться не всегда, так как тот был замкнутым, физически наказывал пасынка, хотя и нечасто. Один раз убежал из дома. Отчим считал, раз у него нет своих детей, то Д. и его сестра должны стать такими, чтобы его никто не мог упрекнуть, ! поэтому «требовал от нас хорошую учебу. Я его в детстве очень не лкя бил, а потом мне его стало жалко, так как все его попытки были безуя пешными. Можно всего было достичь добротой. Он и сестру замучили В последние годы, считает Д., чувствовал, что мать как бы упрекает себя

Д. учился в техникуме, служил в армии. После армии, в 1975 г.1 заочно поступил в МАИ, работал, оклад составлял 110 рублей. В свя! зи с женитьбой денег не хватало, подрабатывал в магазине, на фабя рике. С рождением ребенка жена не работала. Он не мог удовлетво рить ее запросы в вещах, она была недовольна им, хотя и не упрекая ла. Пошел на мыловаренный завод рабочим, получал больше, но стая чаще выпивать из-за углубления конфликтов с женой, которая при стоянно была недовольна материальным положением.

В 1976 г. украл в такси деньги и был на месте задержан. Жена узна³, что он совершил кражу, но тогда от него не ушла. Из-за постоянной Н»

денег она все-таки потом уехала к матери в Рязань, хватки ^ ^ «здорово пил». Еще когда жили вместе, Д. подозре- 3 этот ^ ^ «изменяет, поэтому пил, чтобы отомстить за ее «гуляния». 1йЛ Чт^е ей тоже изменять. Жена, со слов Д., «с характером», как и его мать. ^"т^1 жды ездил в Рязань, но она не соглашалась вернуться. Стал систематически. «Пить — выход из положения, чтобы ни о чем ПИТ умать Я мучился около года от того, что она меня бросила. Даже Н опал в психиатрическую больницу с диагнозом депрессии. Стал ча- П менять место работы, совершал мелкие кражи, в основном из ма- газинов. Однажды в столовой украл портфель-дипломат, и меня за- держали на месте». Был осужден на четыре года лишения свободы.

После освобождения вернулся в Москву. Не мог устроиться на ра- боту в течение двух месяцев. Пил не очень много, не воровал, прода- вал свои книги. Потом совершил кражу портфеля и был задержан. Осужден на четыре года лишения свободы. У него диагноз: алкого- лизм второй стадии.

Д. — отчужденная, дезадаптированная личность. Основы ее деза- даптации заложены в детстве путем эмоционального отчуждения от родителей. Они были ориентированы на внешний успех, которого пытались достичь с помощью запретов и строгости в ущерб внутрен- ним контактам между членами семьи. Этим объясняется, что его в первую очередь с помощью строгих мер пытались заставить хорошо учиться. Семье нужно было в основном внешнее подчинение, а не подлинная близость.

Необходимо подчеркнуть: у Д. не было нужных эмоциональных кон- тактов с матерью на ранних этапах жизни, являющихся важнейшим условием успешной социализации личности, что положило начало дезадаптации. По его рассказам видно, что он чувствует ее виновность перед собой, о чем мы говорили выше. Однако ощущает сильную пси- хологическую зависимость от матери и ее решающую роль в его жиз- ни, что достаточно четко проявляется в рассказе по картинке № 6 ТАГ: * ни переговорили обо всем и он ждет ее последнего слова. Если она скажет, он останется, если нет, он уйдет». Эти данные свидетельствуют выраженной тенденции к выходу из психотравмирующей ситуации.

Целом у него сохранились тягостные воспоминания о детстве, -рд^ ОВл^етв^еренность им, что звучит в его рассказе по картинке № 1 него здорово не получается» (игра на скрипке).

'тчим усугубил его отчуждение. Д. боялся его, в том числе физи-

^x Расправ, и даже убегал из дома. Такие отношения с отчимом

помешали формированию «мужских» черт в характере Д., во мн о я предопределив его слабоволие, инертность, полчиняемость обст⁰ тельствам, желание «плыть по течению», столь характерное для прг⁰ ступников асоциального типа. Мать не стала для него основным адМ тирующим фактором. Логично, что эту роль могла бы сыграть дрД И женщина, поскольку его социализация, хотя и неудовлетворительная, главным образом шла все-таки через мать. Однако жена, на коJ торую он бессознательно возложил эту функцию, достаточно быст-ро отказалась от нее. Следует заметить: до этого он совершил кражу денег в такси, чтобы обеспечить материальные потребности жены что еще раз подтверждает его психологическую зависимость от нее. В то же время совершение им кражи ускорило ее уход, так как она по-видимому, оценила подобный способ добывания средств как неприемлемый.

Жена ушла от Д. сразу и решительно, не поддаваясь уговорам. Он бессознательно ощущал свою зависимость от нее и предвидел «бедствия», которые его ждут в случае окончательного разрыва с ней. Поэтому он трижды ездит к ней в Рязань, но ничего добиться не смог.

Его дезадаптация (и деградация) началась тогда, когда он проявил свою социальную несостоятельность обеспечить запросы жены. Именно в этот период и по этой причине он начал выпивать и совершил новую кражу. Окончательный, после длительных конфликтов, уход жены определил его дальнейшую дезадаптацию: он стал постоянно пить, часто менял места работы, подолгу не работал, продавал из дома вещи, совершал кражи. Употребление алкоголя снимало состояние тревоги, фрустрации, но в то же время активно способствовало его десоциализации. Уход жены был настолько травматичен, что он заболел и лечился в психиатрической больнице по поводу депрессии.

Можно отметить и такую важную деталь, характеризующую его общую дезадаптацию и свидетельствующую о стремлении к пассивному уходу из психотравмирующей ситуации: у него были веские осц нования подозревать жену в неверности, однако он отреагировав лишь тем, что сам стал ей изменять и еще больше выпивать.

Нельзя не видеть сходства в характерах матери и жены Д., равно как сходства судеб его и его отца, что отмечает и сам Д. Можно предположить, что мать Д. сыграла в жизни его отца примерно ту же роль, которую сыграла жена в его жизни. Характерно в этой связи, что Д. отношения между пожилым мужчиной и мужчиной помоложе на картинке № 7 интерпретирует не как родственные, т. е. не допускает

... ^пьяпишеских отношений между отцом и сыном или отчизблизких, товарищ
Том и пасынком.

л вы краж, совершенных им, не носят, так сказать, чисто ко-го характера. Как и в других случаях совершения имуществен-рЫСТ еступлений лицами алкогольно-дезадаптированного типа, мо-ных личностным смыслом этих преступлений является сохране-ТИВОМ, личл

е определенного асоциального образа жизни. По-видимому, их""жно назвать дезадаптивными мотивами.

М Возможность рецидива преступлений у таких лиц в 'силу дезадаптации и алкоголизации чрезвычайно велика, тем более, что они обычно слабо опираются на прошлый опыт и не извлекают из него урока.

д _ подавленный, с постоянно сниженным настроением человек, что подтверждается не только диагнозом, но и многими его рассказами по картинкам ТАТ. Для него характерна общая пессимистическая оценка жизни при одновременном желании построить ее заново. Ему не хватает решимости и воли, он неуверен в себе, что является в значительной мере следствием воспитания в семье. Не случайно у него вызывают антипатию сильные, довольные собой, уверенные в себе люди (рассказы по картинкам ТАТ № 17 и 18), умеющие за себя постоять, т. е. именно те, кто демонстрирует черты, которых у него нет. Это тоже может способствовать рецидиву преступлений.

В приведенном примере имело место отчуждение от родителей в детстве. Отсутствие необходимых воспитательных мероприятий и воздействие при этом различных криминогенных факторов, о которых было сказано выше (и которые достаточно типичны), приводят к преступному поведению, развивающемуся на фоне утраты контактов с позитивной средой и значительном ослаблении ее контроля. В том и другом случае совершение краж является способом под-Держания определенного образа жизни, когда алкоголизация играет роль мощного мотивирующего фактора при общей дезадаптации.

Попытаемся в заключение сделать некоторые выводы.

1 • Отчуждение и одиночество могут быть следствием неблагоприятных влияний социальной среды, особенно семейной (раннесемей-Нои), депривации родительского, в первую очередь материнского, эмоционального тепла.

ной ^тч у ждение и одиночество могут быть следствием субъектив-нредислокаци личности, ее бессознательных стремлений, обус-енных осо ^енностями психики > в том числе унаследованными, Ярко выраженная самодостаточность, некоммуникативность и эмо-53

циональная холодность в совокупности — безусловный показатель такой predisposition. Сталин и Гитлер — типичные самодостаточные и эмоционально холодные личности.

3. Отчуждение и одиночество могут быть результатом действия среды при субъективной предрасположенности к этому, т. е. совокупного влияния внешних и внутренних факторов.

4. Отчуждение и одиночество — не синонимы, хотя выражаемые ими явления тесно связаны между собой и могут существенно влиять друг на друга. Одиноким люди могут быть отнюдь не отчужденны, как и отчужденные — не одиноки. Отчуждение — это субъективная позиция по отношению к окружающему миру, а через него и к самому себе. Одиночество означает и физическое положение человека. Робинзон Крузо до появления Пятницы был совсем одинок, но не отчужден.

5. Для некоторых людей отчуждение столь же необходимо, как для других — постоянная принадлежность группе. Человек за свою многовековую историю привык не доверять другим, и это было условием его выживания. Он давно понял, что страшны не только дикие звери, наводнения или пожары, но и другие люди, не только враги, но и соплеменники. Страх — его вечный и неизменный спутник.

Ощущение и переживание угрозы со стороны окружающего мира

М., 29 лет, отбывавший в исправительной колонии наказание за ряд краж, заболел и был помещен в стационар межобластной больницы для осужденных. У него было диагностировано заболевание желудка и он находился на излечении уже двадцать второй день, когда! неожиданно напал на лежащего на соседней кровати другого больного, совершенно обездвиженного, и, накрыв его подушкой, задушил. Никаких внешних поводов для убийства не было, помимо того, что! сосед был обездвижен, он по большей части находился в бессознательном состоянии и с М. практически не общался. Убийцу привлекли к уголовной ответственности и осудили, но мотив совершенного преступления (в котором он сразу признался) остался непонятен.

Все дальнейшее изложение в этом разделе будет посвящено раскрытию психологической тайны этого убийства: наука и существование для того, чтобы раскрывать тайны природы, общества и человека.

Человек появился на земле во враждебной среде: среди животных, постоянно угрожали его жизни, в природных условиях, неблагоприятные условия жизни которых тоже грозило ему. Он еще боялся тех, с кем жил — охотился, работал, и боязнь здесь была отнюдь небезосновательной. Страх древнего человека были связаны и с духами природы и с духами предков и покойников, особенно убитых врагов. Он опасался нападения других племен, колдовства, небесных светил и, наконец, голодной смерти. Страх, как стена, плотно окружал его.

Вспользуемся исследованиями Л. Леви-Брюля¹. Он писал, что первобытный человек никогда не в состоянии хладнокровно помыслить об окружающих его невидимых силах, об этих неуловимых влияниях, постоянное присутствие и действие которых он замечает или подозревает. При одной мысли, что какая-нибудь из этих сил угрожает ему, он лишается самообладания от страха, если не уверен в своей способности отразить удар. Один эскимосский шаман Ауа сделал интересное сообщение о своей жизни Кнуду Расмуссену. Столь же искренне, сколь и умно откликнулся этот шаман на усилия знаменитого исследователя проникнуть в самые глубины эскимосского мышления. Чтобы выразить преобладание эмоциональных элементов в представлениях о невидимых силах, он нашел пленительную формулу: «Мы не верим, мы боимся».

Формулу эту Ауа развил следующим образом:

«Все наши обычаи исходят из жизни и направлены к ней. Мы не объясняем ничего, мы не верим ни во что. Мы боимся духа земли, который вызывает непогоду и заставляет нас с боем вырывать нашу пищу у моря и земли. Мы боимся Сила (бога луны). Мы боимся нужды и голода в холодных жилищах из снега... Мы боимся Така-нагапсалук, великой женщины, пребывающей на дне моря и повелевающей морскими животными. Мы боимся болезни, которую мы постоянно встречаем вокруг себя. Не смерти боимся мы, а страдания. Мы боимся коварных духов жизни, воздуха, моря, земли, которые могут помочь злым шаманам причинить вред людям. Мы боимся».

Духов мертвых, как и духов животных, которых мы убили. Мы не знаем, что происходит... и мы пребываем в таком неведении, несмотря

¹См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. - М. 1994. - С. 26, 29, 143-146.

на шаманов наших, что все необычное вызывает у нас страх. Мы к¹ имея всего, что видим вокруг себя. Мы боимся всех невидимых! шей, которые нас окружают. Мы боимся всего, о чем говорид- преданиях и мифах наших предков».

Этот рассказ, записанный К. Расмуссеном, Л. Леви-Брюль н² вает уникальным, и он действительно таковой. В нем недвусмысл но, просто и в то же время очень емко и глубоко изложены чувс вания современного первобытного человека в плане его отногле с окружающим миром, точнее — его полной зависимости от н³Л неизменно и во всем внушающей страх.

Л. Леви-Брюль отмечает, что для эскимосов мир видимый и миг невидимый таят в себе одинаковые ужасы. Всюду их окружают угр- зы страданий, голода, болезни и смерти, но у них нет ни малейше представления ни о небесном провидении, ни о высшем божестве чья попечительская отеческая благодать простирается на людей. Един ственная возможность спасения заключается в том, чтобы сообразо вать свое поведение со спасительными преданиями. унаследованны ми от минувших поколений. Поэтому упрямая, почти непреодолим" приверженность к традиционным предписаниям и табу, которую кон- статируют не только у эскимосов, но и у других обществ того же по- рядка, проистекает не из одного только желания угодить предкам и не прогневить их. Она рождается из страха, вернее из того нагроможд- ения страхов, для которого Ауа нашел столь сильные выражения.. До тех пор пока сознание человеческое таким образом одержимо и| заполнено этим страхом, оно в состоянии сделать лишь незначитель- ные успехи в познании природы.

Множество свидетельств, приводимых Л. Леви-Брюлем, подтвер-1 ждают слова эскимосского шамана, отмечая то место, которое при-] надлежит страху в том, что можно было бы назвать религией перво-1 бытных людей, если понимать этот термин в достаточно широком: смысле. Вот эти свидетельства.

Когда-то на Таити ни одному самому ревностному служителю ка- кого-нибудь божества и в голову никогда не приходило, что объект! его поклонения и покорности может относиться к нему с любовью и благосклонно; да и сам он со всем его рвением и благочестием был | чужд всякому чувству, которое приближалось бы к любви. Страх был | тайной причиной могущества богов, главным и часто единственным мотивом, определявшим поступки наиболее упорных и ревностных | служителей этих богов.

андии весь маорийский ритуал находился под влия- в новой зел⁴ богам а страха перед ними; даже к Ио, благодетель- ном не лю⁵ВИ п'итал не любовь, а благоговейный страх. Также СПИМУ божеством, м с ^ и.г.л.непо-восточной Индии. Туземцу из племе- о дело и с нага в северо-восточной Индии. Туземцу из племе- обстояло^ религия представляется как серия церемоний и обрядов, нил⁶та IX 0бычаем. Пренебрежение хотя бы одним из обрядов заКре н0 с опасностью. Ао-нага, соседи лота, убеждены, что если с „ гтмнесут своим божествам всех причитающихся им жертв, те 0ни не 1 Ф и № .

огут в любой момент погубить их посевы и наслать болезни.

Однако чувство страха отнюдь не покрывает, как можно было бы по- думать флером печали и тоски всю повседневную жизнь туземца. На- против, жизнь среди постоянных опасностей не исключает у него ни бес- печности, ни хорошего настроения. Он знает, что в любое мгновение на него может обрушиться непредвиденное несчастье. Но именно потому, что опасность угрожает из стольких различных направлений и в такой разнообразной форме, стоит ли о ней думать, раз угроза еще не воплоти- лась в реальность и беда пока не свалилась на голову? Беспокойство гнез- дится у него в подсознании и не мешает наслаждаться жизнью.

Оценивая обряды фетишизма в Южной Африке, Л. Леви-Брюль делает вывод, что совокупность обрядов и церемоний, завещанных предками, составляет единственную действственную гарантию против всякого рода дурных влияний, внушающих опасения и страх. Иссле- дователь ссылается на А. Швейцера, который считал, что фетишизм у первобытного человека родился из чувства страха. Первобытный че- ловек хочет обладать талисманом против злых духов и покойников, против зловредной силы себе подобных. Он приписывает эту защит- ную, предохранительную силу некоторым предметам, которые он но- сит на себе или с собой. В верхнем Конго религия болоки покоится на том страхе, который внушают им многочисленные невидимые духи, окружающие их со всех сторон и постоянно старающиеся навлечь на них болезнь, несчастье или смерть. Единственная цель религиозных

Рядов болоки — в том, чтобы обольстить, утихомирить, обмануть

Даже припугнуть и убить этих духов, беспокоящих человека. Вот ны с)⁷ берутся кол Дуны и знахари, их обряды, церемонии и талисма- они ^ агунде, живущих в соседнем районе, этнологам известно, что всех НаХОДЯТСЯ В. власти закона

тех зол, которые причиняются либо преступными людьми, либо дет Ми, ^ с я жизнь язычника бергдама, племени в Южной Африке, от

^a До старости отмечена страхом смерти.

Л. Леви-Брюль считает, что в представлениях первобытного человека о невидимых силах ведущую роль играют не черты, **КОТонJ** эти силы определяются, а страх, внушаемый ими, и потребность] защите против них. Такие же выводы можно сделать и из **исследоЗ** ний Д.Д. Фрезера о первобытной магии. В ее рамках совокупное! позитивных предписаний составляет колдовство, совокупность **на** гативных — табу. Дикарь уверен, что стоит ему поступить в соответ! ствии с известными ему законами, неизбежно произойдут какие-т; последствия. А если последствия какого-то поступка, как **ему** кажется, нежелательны или опасны, он, естественно, старается поступай так, чтобы не навлечь их на себя. Другими словами, он воздерживается от совершения того, что, как он полагает в соответствии с ошибочными представлениями о причинно-следственных **связях**, может ему повредить. Такие вещи он табуирует.

В «Золотой ветви» Д.Д. Фрезера содержится множество примеров того, что страх всегда окружал первобытного человека, а его поклонение божествам, духам природы, жрецам, верховным правителям и т. д. преследовало одну цель — отвести несчастья от народа. Так, дикари пребывали в уверенности, что порядок природных явлений и даже само существование мира связаны с жизнью верховного правителя или жреца, они видят в нем источник беспредельных благодеяний и бесчисленных опасностей.

С одной стороны, народ должен быть благодарен правителю за дождь и свет солнца, которые благоприятствуют созреванию плодов, за ветер, который пригоняет к берегу суда, и даже за твердую почву под ногами. Но он может и отказаться все это давать. Зависимости природы от его личности столь велика, баланс системы сил, центром которой он является, столь хрупок, что мельчайшая оплошность Я его стороны может до основания сотрясти землю. А если на природу может подействовать малейший невольный поступок царя, нетрудно вообразить себе, каким потрясением будет его смерть. Поэтому? заботясь о собственной безопасности, которой угрожает любой опрометчивый поступок верховного правителя или жреца, народ будет неукоснительно требовать от него следования прагмам, соблюдение которых считается необходимым для его собственного сохранения и, следовательно, для сохранения его народа и мира.

Об австралийских туземцах Э.Б. Тайлор говорил, что число **внуно** ющих если не любовь, то страх сверхъестественных существ, которых они признают, чрезвычайно велико. Не только небо населено ими,

хность земли кишит сверхъестественными существами: и вся по **бОЛ**ьшая часть водоемов, все скалистые места полны ими. **каЖЯяЯ** же всякое естественное явление считается делом духов, между Точнотак по-видимому, добрых, а, напротив, все они стараются ду кот р ^ можно больше зла бедному черному человеку'.

ся ^ **Осооенпи** **и** **р** **н**но показательны в рассматриваемом аспекте неисчисли- **мыС** **пер**вобытные табу: на общение с иноплеменниками, на пищу и обнажение лица, на выход из жилища, на остатки пищи, на питье, на **wnc**

Ж шин во время менструации, на убийц, на охотников и рыболо- на вождей и правителей, на носящих траур и т. д. Особые охранительные меры принимал дикарь в отношении своей души. Целью табу по мнению Д.Д. Фрезера, является изоляция объектов запрета от всего остального мира, чтобы их не достигла или от них не исходила внушающая страх духовная опасность. Первобытный человек придерживался мнения, что слова, вещи и люди временно или постоянно заряжены, наэлектризованы таинственной силой табу; поэтому их необходимо на более или менее продолжительный срок изымать из обычного жизненного обихода.

Мы отнюдь не исключаем, что в немалом числе случаев первобытный человек увязал в запретах и предписаниях, как муха в патоке. Но это не означает, что они ему не были жизненно необходимы, поскольку весь мир внушал ему страх, в том числе его внутреннее «Я». Опасности не были призрачными от того, что были воображаемыми, поскольку и воображаемые вполне реально, как и физическое воздействие, могли убить его. Табу и указания, видоизменяясь иногда существенно, передавались из поколения в поколение, многие действуют и сейчас и, по-видимому, они бессмертны, составляя часть человеческой культуры. Поэтому мы должны быть признательны дикарям за их вклад в цивилизацию, в самые его истоки, в психологию и нравственность современного человека, тем более, что это Делалось на заре веков. В отличие от нас они были сравнительно счастливы, поскольку сносно и рационально могли объяснить явления природы и их причины со своей, разумеется, точки зрения. Им все того **ЯСН**, и ок **РУ**жаю **и** **на** **и** предки жили в тесном общении с ним и мириады душ **еоников**, эльфов, духов, будучи проекциями их собственной и, были понятны им, хотя и внушали страх.

С,М; Тайм **Р** **Э**-Б. Первобытная культура. - М., 1989. С. 210.

Непосредственные наблюдения этнологов, анализ примитив мифов и легенд, всеохватывающая сеть запретов, предписаний туалета и церемоний не оставляют сомнений в том, что страх был являлся минантой отношений первобытного человека к природе. Впрочем не только к природе, поскольку гибелью ему грозили другие племена и народности, чьи опустошительные набеги создавали постоянную угрозу убийства, рабства, разорения, смерти от голода, что при отсутствии государства, регулярной армии, границ, договоров и т.д. было вполне реальной опасностью. Отсюда и табу на иноплеменников, от которых ожидалось только плохое. Страх перед чужаками бывал столь велик, что дикарь, вступая в незнакомую страну, считал ее заколдованной. Даже в Средние века послы, прибывавшие к татарскому хану, были обязаны пройти между огнями костров, той же процедуре подвергались принесенные ими подарки. Огонь снимал магическое влияние, которое пришельцы могли оказать на хана.

Древний человек часто не находил себе защиты даже у своих божеств, что повышало (и весьма) его тревожность и вызывало недовольство. Дореволюционный русский правовед С.Д. Гальперин в своих очерках первобытного права приводит такие факты. Сибирские кочевники били своих идолов и ломали их изображения. Юкатанцы тоже били идола за неверные предсказания. Араб-идолопоклонник (в доисламский период), отправляясь в путь, чтобы отомстить за смерть своего отца, остановился у храма идола Дгаул-Холозы, желая испросить его совета. Однако божество, по мнению этого араба, запрещало ему мстить. Тогда он закричал: «Негодяй, если бы убит был твой отец тебе не пришлось бы в голову запрещать мстить за него».

Некоторые негритянские племена при несчастьях, постигающих их деревню, оставляют жилища, не заботясь о своих кумирах, которые не сумели оградить их от несчастий. Таитяне вменяли в обязанность богам хорошо поступать с ними, в противном случае они горько жаловались. Если в «округе» какого-нибудь бога земля не плодородна и «округ» опустошался войной, то народ считал, что бог не исполнил свои обязанности, и заменял его другим. Жители Сандвичевых островов совсем не церемонились со своими идолами, и, если они не оправдывали ожиданий, били их так, что от них летели щепки.

Этнологи известны многие случаи убийств жрецов и верховных правителей, которые, по мнению первобытных людей, не смогли защитить их от несчастий, т.е. не выполнили своих прямых обязанностей.

того люди в самом боге цивилизованной религии часто усматривали главного виновника своих бед и расценивали его в качестве и разрушительной силы. Об этом можно найти прямое свидетельство в Библийской книге вольнодумца Иова. Согласно легенде мое указание испытать благочестивого Иова, во всем послушного ему: жил семерых его сыновей и трех дочерей, навел на него тяжкую болезнь, и все его стада и дом. После этого несчастный страдал

осыпал Бога множеством упреков и о своих мучениях, и о царстве в мире несправедливости и жестокости. Корни теодицеи — защиты бога от обвинений — начинаются не с цивилизованных религий, лежат в глубокой древности, в недовольстве дикаря своими богами и идолами, в которых он видел частичных виновников своих несчастий.

С приходом и прогрессом цивилизации масштабы распространения страха среди людей существенно сузились, но, конечно, он не исчез полностью. З. Фрейд несомненно был прав, когда в одной из своих лекций сказал, что проблема страха — узловый пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, тайна, решение которой должно пролить яркий свет на всю нашу душевную жизнь.

Для истово верующего, как и для его далекого предка, мир всегда был плотно населен духами, которых он явственно способен видеть при некотором изменении чувств, что, конечно, достается не каждому и скорее всего достигается в экстатическом состоянии. Видение духов (и не только их) возможно и в определенных фазах психического заболевания. Нас сейчас особенно интересует то, что отнюдь не все духи добры к человеку, они часто могут его пугать да и постоянное их ожидание теми, кто верит в них, вряд ли способствует спокойствию. Рассуждения богословов о том, что духи могут быть опасны лишь для падших людей, вряд ли кого-нибудь успокоят, поскольку четкое черно-белое восприятие себя далеко не всегда достижимо — очень редко кто уверен в своей полной праведности или, напротив, абсолютной безнравственности.

Мудрые авторы Библии прекрасно понимали, что появление ангелов, духов или демонов неизбежно должно испугать простого смертного. Поэтому они часто успокаивают людей, которым явились. Замечательный пример — рассказ о священника Захария, когда ангел предстал перед ним, и божий посланник стал утешать его (Лк., 1, 11—13). Он не боялся ангел Марию, будущую мать Иисуса (Лк., 1, 61).

30), а затем и пастухов, которые его «убоялись страхом велик» (Лк., 2, 9-10).

Почему человек даже в наше время стремится ощущать себя **Ж** руженным духами и другими бестелесными существами, в чем **jj** ностный смысл этого и, следовательно, его психологический вы рыш?

Есть основания полагать, что создание вокруг себя некоей **ня** ленной, но невидимой среды, есть реализация потребности выйти! пределы узкой и серой повседневности и войти в принципиальн иную фантастическую сферу, в которой, конечно же, все **иамногоЗ** тереснее, все необычно и даже красочно.

Этот «дивный новый мир» способен возратить человека в его да лекую историю или в столь же далекое собственное детство, когдади. моны или духи и волшебники сказок были так же явно реальны, как компьютеры или служебная карьера в настоящее время. Уходя **И** пусть и кратковременный, как увлекательное путешествие вис, в которое, казалось бы, можно отправиться только по собственному желаниюи притом сразу, без долгих сборов и материальных затрат. 15 подобного рода путешествия чаще пускаются люди, не испытывающие страхаив основном нуждающиеся в новых ощущениях. Нужно помнить, что влечение к необычному, таинственному, непонятному всегда двигало людьми, и отсюда неизбежная (например, сегодня) любовь к неопоз нанным летающим объектам, колдунам, прорицателям и т. л. При этом обыватель не принимает во внимание, что непонятное может быть разгадано, а сама разгадка не представляет собой ничего потусторон него.

Бестелесные существа могут быть и проекцией собственных **Я** стояний или фундаментальных черт личности, как негативных, **И** приемлемых, так, напротив, положительных, приносящих радость* даже умиротворение. Если человек ощущает в себе, пусть даже очень смутно, некую особенность, которая ему же и приносит страдания, выступает причиной жизненных неудач, конфликтов и постоянных срывов в поведении, если, наконец, он не желает принимать сам себя с указанной чертой, он способен вытолкнуть ее вовне. Однако от не не так-то легко избавиться, во всяком случае не всегда этим простей' шим путем «изгнания» из себя, когда можно было бы надеяться, ⁴ она усилием воли чудесным образом вдруг постепенно исчезнет. & ч личностная особенность, спроецированная вовне, чаще всего ост^ ется рядом, в пределах субъективной психологической территории **Ж**

^х духов, оборотней и т. д., причем с ней всегда сохраняется виде ^{злых} 'того> если названная связь будет утрачена, то исчезнут и **связь-** ^ь ями а это означает, что человек смог преодолеть в себе

Гжелательнуюдля него черту.

вать по этой причине и таким путем вокруг себя некие чер- силы очень выгодно, поскольку можно сваливать на них свои **Нь,е** ^и неблагоприятные мысли или поступки, не ощущать себя ис- **НеУ** ником последних-. Так часто поступают преступники, когда пус- **Т** аются в рассуждения о роке, чьей-то злой власти и даже Боге, кото- **К** й по их мнению, направляет все людские дела, а, стало быть, и преступные тоже. Как мы видим, внешний мир, даже призрачный, если он включен в психологическую территорию личности, всегда представляет собой отличный материал для изучения внутренних конфликтов.

Духи, привидения и демоны, выталкиваемые из человека и обре- тающие самостоятельность, как бы автономное от него существова- ние, способны внушать ему страх или, в лучшем случае, повышать его тревожность. Это естественно, поскольку они толкают его на неблагоприятные поступки, которые грозят ему массой неприятнос- тей, причем самых серьезных. Поэтому верящий в духов молится, крестится, придерживается ритуалов и принимает другие меры, что- бы оградить себя от этих бестелесных, но грозных сил. Таких спосо- бов огромное количество и их конкретные формы зависят От осо- бенностей культуры и психологии данной социальной группы (нации, народа и т. д.), религиозных традиций, индивидуальных личностных черт, специфики конкретной ситуации и т. д. Эти способы формиру- ются на протяжении веков и подчас трудно определить не только их истоки, но и особенно их подлинный смысл.

Охранительные меры, предпринимаемые человеком, в данном случае оказывают ему дурную услугу, поскольку он, не ощущая себя **бен** ^{СТВИТЕЛЬНЫШ} источником безнравственных поступков, не спосо- заниматься самовоспитанием и самосовершенствованием, не ста- тся контролировать свои поступки. Он теряет последние возмож- сти быть хоть каким-то хозяином в собственном доме — в своей **С_{тм}** ^И понятно> что у него уже нет потребности в покаянии, этом вел ^М **СПосо^е** самоочищения и духовного роста. К тому же пове- **Ление** ^{П.} ^о ^{ольшеи} части детерминруется бессознательными мети- **вами** ^{т,е,} психическими силами, смысл которых не охватывается со- **зы** ^{ем,} Человек способен испытывать страх перед этими силами,

поскольку они смутны, неопределенны, неуловимы, из-за них не
 легко не всегда может произвольно действовать так, а не иначе. Каждый настолько храбр и уверен в своих силах, чтобы Добровольно погрузиться в это густое черное болото, тем более, что есть немалая
 риск вообще не выбраться оттуда или выбраться с большими потерями, узнав, например, что очень многое из сделанного тобой было грубой и непоправимой ошибкой. По-видимому, это и есть одна из главных причин того, что субъект все переносит на духов и другие бестелесных существ, снимая тем самым с себя ответственность. И

Конечно, это не единственный путь ухода от себя. Алкоголизм, наркомания, оглушительная музыка и все то, что резко сокращает границы сознания и на господствующие позиции выводит бессознательное, обеспечивает примерно те же цели. Можно, например, наблюдать, как вполне мирный человек, став частью буйной толпы, начинает звереть. При этом под «членством» в ней подразумевается то, что в ее общее бессознательное, приобретающее самостоятельную значимость, он вносит свою долю, тут же опускаясь на самый низший моральный и интеллектуальный уровень. Впрочем, использованные слова «вполне мирный человек» нуждаются в некотором пояснении: нельзя выбросить коллективному демону то, чего в тебе нет. «Вполне мирный человек» к тому же вряд ли намеренно придет в беснующуюся толпу или задержится в ней.

Как мы видим, у человека есть веские основания бояться и того, что есть в нем самом в виде бессознательного, и того, что окружает его в образе духов и других аналогичных существ, им же спроецированных. Если кто-то не верит в них, для страха вполне достаточно и того непонятного и темного, что есть в самой личности. Поэтому очень многие люди активно сопротивляются контактам с психологами и психиатрами, не желают их слушать, а когда все-таки узнают о каких-то неприятных качествах своей личности, о которых ранее не подозревали, то воспринимают это как оскорбление. Это, собственно, защитные по своему назначению и характеру меры, но в данном случае обращенные не вовне, не против духов или оборотней, а внутрь себя, против нежелательных и неприемлемых сторон своей личности. Человек постоянно борется сам с собой, стараясь скрыть за знакомым узорчатым занавесом то чуждое и внушают страх, что лежит за пределами сознания. Но вся сложность, а иногда и трагичность его положения состоит в том, что подчас невозможно отделить то устрашающее, что в нем, от того, что вне его.

населяют окружающую их атмосферу бестелесными существами. Только потому, что таким образом проецируют свои особенности своей личности. Это может происходить и по причине или своей высокой тревожности и не зная, как иначе, что человека из постоянного беспокойства и опасения, начинает верить, что в нем обитают невидимые, но нежелательные и даже враждебные силы. Они, по его ощущениям, как бы разлиты в воздухе и от времени к времени можно ожидать разрушительных действий. Особенно к этому чувствительны те, кто страдает психическими расстройствами и часто переживает совершенно неясную для себя тревогу в результате действия чего-то неведомого, что способно вызвать у них страх, а иногда даже привести в ужас.

Наши первобытные предки всегда усматривали причины событий повседневной жизни в невидимом мире. Этнологи (Л. Леви-Брюль) отмечают у дикарей постоянную тенденцию все происшествие считать результатом вмешательства сверхъестественных сил. Даже и в таком, казалось бы, малозначительном случае, как забредшая к туземцу соседская коза, он вполне может обратиться к колдуну или знахарю за разъяснением, не направлялось ли это животное невидимыми врагами.

Вера первобытных людей в потусторонний мир не выступает как заключение, сделанное путем рассуждения, равно как и этот мир не является только воображаемым; он виртуальная данность, как и все его проявления, в этом качестве он реален и даже более глубоко реален, чем мир общедоступного и обыденного опыта. Этот второй мир тоже является объектом опыта, но опыта сверхъестественного, имеющего, следовательно, высшую ценность. Первобытный человек не ищет причину, она ему уже дана наперед, и поэтому не приходится ни задаваться вопросами относительно того, что она собой представляет, и спекулировать, ни философствовать на этот счет. Современные люди, впрочем, не исключение, многие из них и особенно психически уязвимые, наследовали подобное отношение к потустороннему миру. Первобытный страх перед чужаками и всем чужим лежит в философской основе величайшего проклятия XX в. — воинствующего Национализма и шовинизма, породивших германский нацизм, этно-религиозной нетерпимости, обусловившей современную терроризм. Первобытный страх перед чужаками и всем чужим порождает многие другие преступления.

2

Со временем многое, конечно, изменилось. Прежде всего человек перестал бояться диких животных, затем очень постепенно злых духов и магии, на смену которым пришли боги, впрочем, духи повсеместно до сих пор прекрасно уживаются с богами. В современном secularized мире, особенно западном, страх перед божествами и иными потусторонними персонажами, разумеется, совсем не такой, как в первобытных и других древних сообществах, он не ощущается обычно в качестве непосредственной и фатальной угрозы жизни. Вместе с тем остается страх перед природными катаклизмами, а в последнее столетие — и перед техногенными катастрофами. Люди по-прежнему боятся войны, причем соответствующие переживания стали еще более острыми из-за того, что ядерное оружие сделало практически одинаково уязвимым фронт и тыл. Люди продолжают страшиться преступников, причем в некоторых странах, например, в России, их защита в этом отношении крайне неэффективна.

К. Ясперс имел все основания писать, что вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить. Человека охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией, его сопровождает жуткий страх перед жизнью, боязнь утратить витальное бытие. Страх распространяется на все, усиливая неуверенность. Жестокостей стало меньше, но они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек, чтобы выстоять, должен напрячь свою рабочую силу до предела, работать все интенсивнее из боязни быть выкинутым.

Страх перед жизнью обращается и на тело, считает К. Ясперс. Несмотря на увеличивающиеся шансы на долгую жизнь, господствует все увеличивающаяся неуверенность в жизнеспособности. Если существование более не поддерживается душевными силами, становится невыносимым в невозможности даже постигнуть его значение, человек устремляется в свою болезнь, которая как нечто обозримое охватывает его и защищает. Страх усиливается в связи с опасностью неизбежно исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве. Связывающая людей в сообществе работа продолжается лишь короткое время. В эротических связях вопрос об обязанностях даже не ставится. Ни на кого нельзя положиться,

и человек не ощущает абсолютной связи с другими. Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха¹.

К. Хорни полагает, что тревога может скрываться за чувствами физического дискомфорта, такими, как сильное сердцебиение и усталость; за многочисленными страхами, которые внешне представляются рациональными и обоснованными; она может быть скрытой силой, толкающей нас к выпивке или погружению во всевозможные помрачения сознания. Часто мы можем наталкиваться на нее как на причину неспособности выполнять то или иное дело или получать удовольствие, и мы всегда обнаруживаем ее в качестве влиятельного фактора, стоящего за внутренними запретами.

Наша культура порождает в живущих людях огромную тревожность, констатирует К. Хорни. Следовательно, практически каждый построил ту или иную форму защиты. Чем невротичнее человек, тем сильнее его личность пронизана и скована такими защитами и тем больше вещей, которые он не способен и не пытается делать. Испытывая тревогу, он чувствует огромную и неотвратимую опасность, перед которой абсолютно бессилен, ощущая беззащитность перед ней. Иногда он ощущает ее как идущую извне, а в других случаях как исходящую из собственных неуправляемых импульсов².

Разумеется, в понятия тревожности, тревоги, страха, боязни и т. д. можно вкладывать самое разное содержание, и мы не видим свою задачу в том, чтобы дать приемлемые для всех определения соответствующих явлений. Отметим лишь, что есть особые субъективные эмоциональные переживания, часто имеющие бытийное значение. Полагаем, что тревога и тревожность — синонимы, отражающие более низкий уровень беспокойства по сравнению со страхом, выше которого в свою очередь ужас, представляющий собой паническое, неуправляемое состояние психики. Нельзя не согласиться с К. Хорни, что наша культура порождает в людях огромную тревожность, особенно в урбанизированных регионах. Глобализация в современ-

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. С. 327—328.

² См.: Хорни К. Сбор. соч. в трех томах. Том первый. — М., 1997. С. 312—313.

ном мире с ее универсализацией и стремлением подчинить всех одному ритму, одним стандартам и одному образу жизни, отнюдь не способствует снижению тревожности и страха. Люди очень боятся утратить привычные ценности, смысл и символы, особенно духовные, и их защита очень часто предполагает использование преступного насилия. Они также понимают, что глобализация повышает риск стать жертвой терроризма, равно как и транснациональной организованной преступности.

Первый признак, отличающий человеческое существование от животного, имеет отрицательную характеристику, писал Э. Фромм.¹ Это — относительная недостаточность инстинктивной регуляции в процессах адаптации к окружающему миру. Способ адаптации животных повсеместно один и тот же: если инстинктивное обеспечение перестает отвечать требованиям успешной адаптации к изменяющемуся миру, то соответствующий биологический вид вымирает. Животное адаптируется к изменяющимся условиям путем изменения самого себя, а не путем изменения окружающей среды. Таким образом, оно живет в полной гармонии с природой.

Происхождение же человека можно связать с тем моментом в процессе эволюции, где адаптация с помощью инстинктов достигли минимального уровня. Появление человека сопровождалось возникновением новых качеств, отличающих его от животных. Это осознание себя как отдельного, самостоятельного существа, это способность помнить прошлое и предвидеть, планировать будущее, обозначить различные предметы и действия с помощью знаков и символов; это способность разумного постижения и понимания мира; это его способность воображения, позволяющая ему достичь более глубокого познания, чем это возможно на уровне только чувственного восприятия. Человек — самое беспомощное из всех животных, но именно эта его биологическая беспомощность — основа его силы, главная причина развития его специфических человеческих качеств.¹

Среди специфических качеств человека, в том числе призванных компенсировать его биологическую беспомощность, стала способность совершать действия защитительного характера. Некоторые из таких действий впоследствии были названы преступлениями. Разумеется, в любом поведении личности, в том числе преступном, инстинкты могли играть достаточно заметную роль. Нельзя

сказать, что животные всегда жили в полной гармонии с природой, особенно тогда, когда создаваемые ею условия жизни для них заметно ухудшались. Что касается человека, то он иногда даже воевал с природой⁰¹ настолько она была немилостива к нему. Возможно, конечно, что человеку было необходимо отчуждение от природы, чтобы почувствовать, насколько ему важно единение с ней, а это путь к единству с самим собой и всем человеческим родом. Поэтому он так важен для воспитания.

Но человек далеко не всегда может адаптироваться к природе или социальным условиям, изменить их так, чтобы обеспечить себе комфортное и спокойное существование. Это неизбежно вызывает его тревожность и страхи, ведет к утрате смысла жизни, отчуждению от людей. Он не может принять себя таким, он должен самоутвердиться и утвердиться в глазах ближайшего окружения, что должно вселить в него уверенность и снизить тревожность.

Например, так называемые сексуальные маньяки, убивающие жертв своих сексуальных нападений, как правило, несостоявшиеся мужчины, абсолютно неуверенные в своих биологических мужских возможностях. Они ненавидят женщин, считая их своими злейшими врагами и источниками своих бед и тягостных, психотравмирующих переживаний своей непростительной слабости, ненужности, выброшенности^{TM}. Отсюда совершение особо жестоких убийств, глумление над потерпевшими.

К., 39 лет, в г. Череповце в лесополосе напал на 15-летнюю девушку, затащил ее в кусты, силой заставил выпить значительное количество водки, изнасиловал и задушил. Кроме полового акта в обычной форме, воткнул ей во влагалище искусственный предмет из дерева, выточенный им в форме мужского полового органа. Нанес ей ранение в область гениталий. После убийства закопал ее, лишь слегка прикрыв землей.

Весьма показательно, что до этого он дважды покушался на других девушек, но они смогли от него убежать.

На первых допросах К. признался в совершенном убийстве, однако потом решительно отказался признавать свою вину в чем-либо, Утверждая, что все это заговор милиции. Между тем виновность именно К. подтверждается тем, что во влагалище жертвы обнаружена его сперма; его вина косвенно подтверждается и тем, что две другие девушки уверено опознали в К. мужчину, который напал на них.

¹ См.: Фромм Э. Психоанализ и этика. — М., 1993. С. 45—46

Из материалов дела следует, что обвиняемый не женат, с женщинами не встречался, с ними половых отношений не имел. Сам он поясняет, что является импотентом, но это опровергается материалами дела, и, скорее всего, он является импотентом лишь частично. По показаниям свидетелей он физически неопрятен, нечистоплотен и часто агрессивен, склонен к созданию конфликтов.

Психологическое изучение показало, что он подозрителен, параноичен, импульсивен. Подвержен различным страхам, из-за чего старательно запирает двери и занавешивал окна. У него резонерское мышление и склонность к рассуждательству, суждения непоследовательные, ригидные, часто паралогические и некритичные. Иногда высказывает сверхценные идеи параноического содержания.

Можно высказать вполне обоснованное положение, что убийство и изнасилование и покушения на изнасилования совершены К. вследствие того, что он, находясь в достаточно жесткой социально-психологической изоляции и не имея контактов с женщинами, совершил указанные преступления. Ранения в область гениталий, которые он нанес потерпевшей, типичны для мужчин, которые являются сексуальными банкротами и для которых женский половой орган выступает в качестве символа их несостоятельности и испытываемых в связи с этим страданий.

Но есть еще множество и других социальных факторов, приводящих личность в состояние: боязнь не состояться в жизни, проигрыши конкурентов, несправедливое отношение властей (обычно в лице чиновников), непризнание со стороны тех, кто особенно ценен, в том числе любимой женщиной (мужчиной) или референтных групп, страх обеднеть, потерять работу, социальный статус, стать жертвой несчастного случая и т. д. Как мы видим, не только древний, но и современный человек имеет слишком много поводов для страха. Социальная среда едва ли не самый важный источник его страхов в обыденное время.

Неосознаваемое ощущение своей неполноценности и ущемленности, угрозы своему бытию может мотивировать многие преступления, обычно относимые к тем, которые совершаются из ревности. Подобное ощущение связано с тем, что лицо, вызывающее ревность, демонстрирует другому его неполноценность, недостаточность как мужчины (женщины), поскольку предпочитает ему какого-либо иного человека. Эта демонстрация может быть чрезвычайно травматичной и невыносимой, по-видимому, в моменты, когда тревожность до-

стигает наивысшего уровня, а насильственные действия представляют собой попытку как бы защитить себя, нравственные и иные запреты теряют силу.

Так, мотивом действий Карандышева («Бесприданница» А.Н. Островского) является, на наш взгляд, не ревность, а стремление защитить свой социальный и биологический статус. Он убивает Ларису не просто потому, что она ушла к другому, а потому, что этим она показала его ничтожность как мужчины и мелкого чиновника, предпочтя блестящего Паратова. В его преступлении нет ни безмерного эгоизма, ни просто стремления во что бы то ни стало обладать любимым существом, поскольку мы не знаем, действительно ли он любил Ларису. Это скорее месть судьбе, реакция на тяжкое унижение, когда смертельной опасности подвергается все то, что составляет основу жизни. Именно под влиянием такой опасности зреют ненависть и злоба.

Но человек не всегда способен защитить свое достоинство и может обратить свой гнев против самых беззащитных и ни в чем неповинных.

П., 26 лет, обвинялся в убийстве двух своих дочерей в возрасте двух и трех лет.

П. в браке состоял уже пять лет. Последние полгода до взятия его под стражу, он стал замечать, что жена изменяет ему с его отчимом, который старше обвиняемого на 9 лет. Жена вначале категорически отрицала какую-либо связь с отчимом, однако в конце концов призналась, что изменяла ему. Об этом сказал и сам отчим. Петров неоднократно просил жену и отчима прекратить любовные отношения, но в конечном итоге они отказались это сделать. В состоянии опьянения П. нанес ножевое ранение жене, а когда она выбежала из дома, вошел в комнату, где спали дети, и ударами ножа убил их.

О жизни П. известно, что в семье он был старшим из трех детей. Дети были от разных отцов, младшая — от того самого отчима, который стал любовником его жены. Все они жили в совхозе, в небольшой деревне, мать работала дояркой, жена — телятницей, а П. — трактористом. Он закончил 8 классов, причем дублировал 3-й класс. Два года служил в армии. Употреблял спиртные напитки регулярно. Вел в основном замкнутый образ жизни, друзей практически не имел, любил одиночество, в том числе в лес по грибы ходил всегда один.

Для понимания мотивов совершенных П. убийств необходимо учесть психологические особенности его личности и то место, ко-

торое занимала жена в его жизни. Как показывает клиническая беда, он представляет собой замкнутую, отчужденную, дезадаптированную личность с высоким уровнем тревожности. Бессознательно находится в страдательной, униженной позиции по отношению! к среде в целом, ко всему миру, ощущая свои беспомощность, завил симость, бессилие. По его словам, его часто обижали в детстве сверстники, но он постоять за себя не мог и надеялся только на защиту матери, которая не всегда могла это сделать. Он вообще никогда не! надеется на самого себя в защите своего социального и биологического статуса.

П. не мог убить жену, поскольку находился в жесткой психологической зависимости от нее, она была для него сверхценностью. По этой же причине не был в состоянии отказаться от нее и уйти, даже сейчас; когда он под стражей, не может разлюбить ее. Между тем жена, по его! же словам, весьма недостойный и нехороший человек: она ведь, как он говорит, через несколько дней после гибели детей уже смеялась.] «Я ее еще люблю. Для меня имеет значение, с кем и где она в настоящее время. Она самый близкий человек для меня». Сказанное позволяет сделать вывод, что П. является ригидной личностью.

Страдательная позиция П. выражается и в том, что он отчиму не! угрожал и не требовал, он только унижено просил, чтобы тот вернул ему жену. Он ощущает в отчиму ту самую силу и значимость, которыми не обладает сам. По этой причине он не может позволить себе какую-либо агрессию по отношению к нему, попросту боится его.

Хотя П. и агрессивен, но эта агрессивность какая-то пассивная. Возможно, она образовалась вследствие того, что у него никогда не было отца, он даже не знает, как его звать. Второго отчима он тоже не помнит, поскольку тот бросил его мать, когда П. был совсем маленьким. Практически всю жизнь он формировался под материнским влиянием и, скорее всего мать является источником появления у него женского радикала, что, в частности, подтверждается и тем, что П. практически непрерывно плачет и занимает в целом страдательную, подчиненную позицию по отношению ко всему миру.

Оказалось, таким образом, что единственный, на что способен этот человек, было убийство собственных детей, но не как собственных детей, а как психологическое продолжение жены, которая принесла ему так много страданий. Нанесение ей ножевого ранения носит скорее символический характер, особая связь с ней не позволяет ему причинить обожаемому объекту более серьезный урон.

Поведение П. доказывает, что он искренне сожалеет о случившемся и полон раскаяния. Когда заходит речь о содеянном, тут же начинает плакать. Высказывает суицидальные мысли и утверждает, что таких, как он, надо расстреливать.

Личность нуждается в самоутверждении. Без этого она может не состояться. Среди прочих смыслов самоутверждение помогает человеку защитить себя от враждебных проявлений среды, поскольку он теперь имеет для этого возможность в самом себе, он становится для этого достаточен.

В самом общем виде под самоутверждением личности можно понимать желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень собственного достоинства. Однако это часто реализуется не путем требуемых оценок со стороны других групп или общества, а изменением отношения к себе благодаря совершению определенных поступков, направленных на преодоление своих внутренних психологических проблем: неуверенности, субъективно ощущаемой слабости, низкой самооценки. Причем все это чаще всего происходит бессознательно.

Самоутверждение характерно, например, для расхитителей так называемого престижного типа, которые стремятся к приобретению или сохранению определенного социального статуса любым путем, в том числе преступным. Недостижение такого статуса, равно как и «падение вниз», для них катастрофа. Можно предположить, что ведущим, глубинным мотивом, личностным смыслом их преступлений является опасение, даже страх быть подавленным, униженным, возможно даже уничтоженным средой, а отсюда неосознанное стремление занять такое место в жизни, которое позволило бы оказать среде необходимое сопротивление.

Из названных уровней утверждения личности именно самоутверждение, по всей вероятности, имеет первостепенное значение, стимулируя жажду признания на социальном и социально-психологическом уровнях. Самоутверждаясь, человек чувствует себя все более независимым, раздвигает психологические рамки своего бытия, сам становится источником изменений в окружающем мире, делая его более безопасным для себя. Это дает ему возможность показаться в должном свете и в глазах ценимой им группы, и в глазах общества. Эти признания, взаимно дополняя друг друга, обеспечивают индивиду внутренний психологический комфорт и ощущение безопасности.

Среди взяточников и расхитителей можно встретить тех, кто стремится к утверждению на любом из перечисленных уровней. Среди воров, грабителей, разбойников и мошенников чаще всего обнаруживаются те, которые желают признания группы и (или) самоутверждения, т. е. утверждения на социально-психологическом уровне, и тем самым решения своих внутриличностных проблем, т. е. самоутверждения. Надо отметить, что среди воров в отличие от расхитителей мы не обнаружили лиц, которые стремились бы утвердить себя на социальном уровне (своей профессией, достижением должности, «деланием» карьеры и т. д.).

Иногда решение внутренних проблем достигается преимущественно путем самого факта совершения преступления. Здесь ценность похищенного как бы сдвинута на второй план. В этом случае преступное поведение носит явно компенсаторный характер, поскольку добытые материальные ценности не имеют первостепенного значения и практически могут даже не использоваться. Для преступников главным является, например, преодоление собственной неуверенности, страха, тревоги, чувства неудачника, подтверждение своих волевых качеств и т. д. Тем самым обеспечиваются приятие самого себя, повышение уверенности в собственной личностной ценности, самоуважение и приобретение возможности доминирования над социальной средой, другими людьми.

Как видим, индивид, желая самоутвердиться, постоянно соотносит себя со своей средой, и вне ее его социальное существование невозможно. При этом средой следует понимать исключительно как среду данной личности, «мою среду», «мое жизненное пространство», «мою территорию». Вот почему «моя» жизнь будет лучше и «мои» психологические проблемы будут успешнее решены, если это пространство будет значительно улучшено, освоено, укреплено, защищено. Можно сказать, что это одно из условий, причем наиболее существенное, бытия личности. Поэтому удивительно ли, что многие расхитители в личную территорию включают и место работы, особенно если они занимают руководящее кресло. Поскольку на этой территории решаются жизненно важные задачи, они не жалеют для нее сил и используют даже противозаконные средства для достижения производственных успехов. При этом лично для себя они могут не иметь весомых материальных выгод. Здесь улучшение производства означает не что иное, как улучшение своей психологической территории, условия формирования необходимого представления о самом себе, сво-

ей ценности, а значит лучшей защищенности и получения возможности снижения уровня тревожности.

У разных категорий преступников уровень тревожности разный, к тому же у них разное содержание тревожности. Так, исследования В.В. Кулинича, осуществленные им в 90-х годах, показали, что наиболее высокий ее уровень среди убийц, ниже — среди воров. При этом у убийц тревожность носит скачкообразный характер, резко повышаясь в острых ситуациях, что им мешает достаточно хорошо контролировать свое поведение. Отсюда и относительно высокий уровень раскрываемости убийств, часто совершаемых в условиях очевидности. Тревожность среди воров хотя и ниже по сравнению с убийцами, но все-таки выше нормы. Однако она носит ровный характер, что позволяет им хорошо контролировать свое поведение, следить за изменениями ситуации, приспосабливаться к ним. Отсюда очень плохая раскрываемость краж, причем во всем мире.

Характерная психологическая черта насильственных преступников и особенно убийц заключается в том, что они постоянно ожидают агрессию, действительную или чаще мнимую: эта черта типична примерно для 60% убийц, обследованных нами. Она особенно явно обнаруживается среди тех, кто совершил убийство в семейно-бытовой и досуговой сферах, в результате внезапно возникших конфликтов. Это дает основание считать подобных людей паранойяльными личностями.

Так, Х., проходя днем мимо кинотеатра, увидел около него группу подростков, один из которых, как ему показалось, что-то сказал о нем. Ничего не выясняя, Х. подошел к нему и нанес удар ножом в сердце, от чего тот сразу скончался. Убийца никак не мог пояснить, что сказал пострадавший, который к тому же стоял к нему спиной. Очень важно отметить, что Х. держал в правом кармане брюк раскрытый перочинный нож большого размера, который сразу «пустил в дело», иными словами, он был постоянно готов к агрессии и защите от нее. Его паранойяльность не должна вызывать сомнений.

Страх перед окружающим миром может преодолеваться с помощью утверждения в ближайшем окружении. Это — утверждение на социально-психологическом уровне, оно может осуществляться и вне зависимости от социального признания в широком смысле, от карьеры, профессиональных достижений и т. д. Для многих людей, особенно молодых, признание в глазах ценимой группы сверстников является вполне достаточной гарантией защиты.

Для индивида принадлежность к группе очень важна, поскольку такая принадлежность становится одним из аспектов его личности... В то же время он должен иметь возможность для межгруппового сравнения, но многим людям такая возможность не предоставляется, что особенно характерно для членов тех групп, которые отгорожены от других сообществ языковыми, религиозными и иными жесткими; культурными барьерами. Люди в таких группах, как правило, зашорены и подвержены групповому нарциссизму, они не желают видеть и признавать никого, кроме представителей своей же группы, находя признание лишь в общем реве. Именно подобные люди становятся питательной почвой этнорелигиозного терроризма, из их числа вербуются и террористы-смертники. Поэтому за всех них нравственно-психологическую (а в некоторых случаях и юридическую) ответственность должны нести все члены их национальной или конфессиональной группы, в том числе и матери, которые воспитывают своих детей в убеждении, что только их нация и религия являются единственно возможными и уважаемыми, а представители всех других обязаны смириться с долей людей второсортных.

В этой связи необходимо отметить два взаимосвязанных обстоятельства.

1. В названном отношении к другим группам явственно проявляется первобытный страх — к людям другого племени или рода, к чужаку, поскольку неизвестно, кто он такой, что он задумал, что можно ждать от него. Поэтому надо быть готовым к защите, том числе путем нападения.

2. В мировосприятии и современных представителей некоторых этнорелигиозных групп, даже очень больших, присутствует страх — не состояться, не выдержать конкуренции с другими группами, быть раздавленными ими. Так, исламский мир, построенный на культуре самой молодой из мировых религий, еще не обрел, по ощущениям его населения, в частности элиты, должного места в мире, не самоидентифицировался, он еще не знает, каким стратегическим путем ему идти. Поэтому его представители, испытывая высокую тревожность, постоянно нападают, защищаясь, но при этом все время допускают стратегические ошибки, восстанавливая против себя другие страны.

3. Фромм отмечал, что аспектом процесса индивидуализации (отделения от окружающего мира) является возрастающее одиночество. Первичные связи гарантируют фундаментальное единство с окружающим миром и ощущение безопасности. По мере того, как расте-

обособленность ребенка от окружающего мира, он начинает осознавать свое одиночество, свою обособленность от людей. Эта отдаленность от мира, который в сравнении с человеком представляется несоизмеримо громадным и всемогущим, а порой и очень опасным, наводит на него страх, чувство тревоги и незащищенности. Пока человек был неотъемлемой частью мира и не осознавал возможностей и последствий индивидуальных самостоятельных действий, он не испытывал никакого страха. А после того, как человек становится самостоятельным индивидуумом, он вынужден находиться один на один с ошеломляюще огромным миром¹.

Взрослея, овладевая различными навыками, знаниями и умениями, социальными ролями и реализуя предписанные ими функции, человек стремится преодолеть свою инфантильную робость, нерешительность, неуверенность перед этим миром и в большинстве случаев органически вписывается в него. Но так получается не всегда, многие жизненные ситуации оказываются неожиданными или несут в себе угрозу, или представляются таковыми, на иные обстоятельства субъект не знает, как реагировать, и уже поэтому они воспринимаются в качестве опасных. Ощущение среды как опасной для индивида, несущей угрозу его бытию, чаще всего четко не осознается в первую очередь потому, что оно слишком травматично и поэтому «переводится» в сферу бессознательного. В то же время зависимость тревожной личности от неблагоприятной среды весьма велика, поскольку эта личность постоянно и жестко привязана к внешним условиям. В данном смысле она не свободна в целом и по отношению к конкретным жизненным ситуациям, так как еще недостаточно выделила сама себя из среды. Соответственно низок у нее уровень осознания сущности и смысла действий, их субъективной значимости.

Многие преступники почти не способны «подняться» над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного и разрушительного, способ ее разрешения. Психологически это происходит в первую очередь потому, что они без остатка растворяются в происходящем, намертво связаны с определенными внешними условиями, действиями других лиц, что исключает или, во всяком случае, серьезно затрудняет анализ и оценку этих условий и действий, а следовательно, и принятие автономных решений. То, что значительное большинство преступников

¹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. — Минск, 2004. С. 47.

не способны к анализу и оценке, доказывают имеющиеся эмпирические данные о том, что они отличаются по сравнению с законопослушными гражданами повышенной эмоциональностью и, в частности, реактивностью эмоций и переживаний.

Страх, ощущение угрозы, причем неясной и непонятной, что больше увеличивает страх, могут вызвать люди, воспринимаемые! в качестве символа такой угрозы. Эти люди могут стать жертвой агрессии, при этом сам нападающий не в состоянии объяснить, почему он решил насилие.

В 2003 г. в одной из областей центральной части России было совершено два убийства, чрезвычайно, до невероятности похожих друг на друга. В одном случае преступник У. нанес ножом женщине не менее 46 ножевых ранений, в том числе в область гениталий, в другом — С. нанес отвертками, напильником, ножницами, лемехом пилу женщине около 40 ранений, тоже в том числе в область гениталий. Оба убийцы были в нетрезвом состоянии, обе жертвы тоже были сильно пьяны. Такое большое количество ранений в каждом случае свидетельствует о том, что преступники были в неистовстве, они хотели не просто убить, а стереть жертвы с лица земли. Между тем, никакие конфликты у У. и С. с убитыми ими женщинами не было, они практически их не знали.

У. показал, что не может ничего объяснить, помнит только, что стоял над окровавленным трупом. Очень возможно, что убийство совершил не он, он такого никогда бы не сделал. Но потерпевшая раздражала его своим пьяным видом.

С. рассказал, что когда он начал бить потерпевшую, она как-то ужасно, неестественно, страшно завизжала, лицо ее исказилось, стало огромным и синим. От «этого вида и неземного, потустороннего, ведьминового крика стало жутко, страшно, почувствовал себя дурно, затошнило». Как и У, не верит, что убийство совершил он. Как и У, потерпевшая раздражала его своим пьяным видом.

Оба преступника наносили удары и в область гениталий. Это может означать, что они символизировали для них источник психотравмирующих переживаний, их мужскую несостоятельность.

То, что личность страшится социальной среды, может привести к совершению как корыстных, так и насильственных преступлений, и также сексуальных — насильственных и ненасильственных.

Корыстные преступления могут совершаться ради того, чтобы, приобретая имущественные блага, упрочив материальное положение, УЧ*

циальный статус и добившись признания со стороны окружающих. В первую очередь самоутвердиться и защитить себя от враждебности социальной среды. Корыстные преступления чаще всего совершаются под влиянием антиобщественного микроокружения при том, что виновный не стремится обогатиться незаконным путем, а подчиняется малой социальной группе, хочет стать таким же, как и другие.

её признание и доверие или сохранить свой статус в ней, поэтому утрата может восприниматься им как личная катастрофа, но корыстные преступления нередко совершаются в силу материальной нужды, иногда острой угрозы голода, но эти неблагоприятные условия, как правило, связаны с социальными конфликтами, войнами, безработицей, злоупотреблением государством и иными причинами общественного характера. Корыстные посягательства имеют место со стороны отчужденных личностей, бродяг и бездомных, обычно страдающих различными психическими аномалиями и прежде всего алкоголизмом. Но само отчуждение носит социальный характер. Таковыми по происхождению могут быть и их болезни.

Корыстные установки реализуются и с помощью насилия. Проявляемая при этом жестокость может выступать в качестве мести окружающему миру за собственные неудачи, бедность, неустроенность, обделенность благами и т. д. Как установлено нашими эмпирическими изысканиями, агрессивные преступления, в том числе убийства, часто детерминируются ощущением угрозы со стороны других людей, причем на самом деле реальной опасности может совсем и не быть.

Почему некоторые люди испытывают неприязнь и вражду к лицам, достигшим каких-то успехов или положения в обществе?

Конечно, одних эти успехи и достижения совсем не волнуют, другие — лишь отчасти, а третьи — именно они нас и интересуют — почувствуют острую и непроходящую зависть, беспокойство и неуверенность в себе и своем существовании, поскольку не они владеют ценностями. Если бы эти ценности были в их руках, беспокойство значительно снизилось бы или вообще перестали бы ощущать эту травмирующую угрозу. Неясный и глубоко лежащий страх за себя. Но такие опасения, поскольку повышенная тревожность как фундаментальная черта их личности вновь будет порождать зависть, ревность и страх. Да, страх как желание удержать достигнутое и одному

• даться им, пользоваться вниманием, расположением и при-

язнью другого лица. Поэтому ревность и зависть можно по-^Д как вид страха при стремлении обладать какой-то ценностью и * ^ жать ее. Ревность всегда питается боязнью потери этой цен/¹¹, причем для ее возникновения не имеет значения, вызвано ством действительными или ложными причинами.

Как мы видим, не сама ревность или зависть являются мотивом, а то, что лежит в их глубине и их в определенной ^ % порождает, — стремление утвердить себя, подтвердить свое социа/? чналь. ное бытие путем овладения новыми благами, которые есть дру^ Этот мотив может порождать имущественные преступления, особенно кражи. В еще большей степени он характерен для преступных действий, в которых четко проявляется насилие, прежде всего для грабежей, разбоев и вымогательств. Можно полагать, что здесь насилие выступает в качестве инструмента мести тому, кто демонстрировал до этого несостоятельность, незначительность, несущественность виновного, поскольку не он, а «обладатель» имел ту самую ценность и распоряжался ею. Тем самым преступник утверждает себя, и в первую очередь в собственных глазах.

Такой мотив имеет значительно большее распространение при совершении преступлений, чем нам представляется. Очевидно, что его достаточно часто можно обнаружить в уголовно наказуемых действиях молодых людей, завидующих чужому достатку, общественному положению или признанию тех, кто имеет престижную одежду, автомобиль, мотоцикл или магнитофон либо пользуется расположением девушек и т. д. Именно этим во многом можно объяснить особую жестокость, цинизм и разрушительность действий преступников при совершении некоторых разбойных нападений, когда, например, потерпевший подвергается бессмысленному избиению, уничтожаются его вещи и т. д.

Можно выдвинуть такие гипотезы:

1. Самый высокий уровень тревожности, когда ощущается угроза* (реальная или мнимая) жизни или здоровью, может порождать совершение насильственных преступных действий, психологически носящих характер защиты. Паранойальные черты (подозрительность, мнительность, ригидность) в сочетании с отчужденностью наблюдаются, как показали конкретные исследования, именно среди насильственных преступников.

2. Более низкий уровень тревожности, в основном относительных своих социальных статусов, социальных состояний, получения УД

связанных с переживаниями угрозы острой материальной бедности способен приводить к совершению конкретных преступлений.

Теперь след* вернуться к М1, рассказом о котором был начат

„инный раздел-

данно г убицы показало, что это крайне тревожная, всего боя- личность, страх не отпускал его ни на минуту, и поэтому он „л нал каждым ответом предложенных ему психологических думал под

тестов На вопрос: вызывали ли у него страх медсестры в больнич- гоЭти да но не все. Объяснение совершенного М. убийства ны, отвсил- д ,

может быть следующим: лежавший рядом с ним обездвиженный больной олицетворял для него человека, который в силу своей обездвиженности был полностью беспомощен и поэтому мог стать жертвой любого насилия. М. бессознательно идентифицировал себя с ним, поставил себя на его место, что вызвало в нем панический страх. Жертва была убита как источник этого страха и явная демонстрация того, что будет с ним, М., когда он тоже станет таким же беспомощным. Естественно, что все это было субъективным восприятием паранойальной личности.

Особое отношение к смерти

Отношение человека к смерти играет исключительную роль в преступном поведении, и в этом отношении надо особо выделить страх перед ней. Этот страх присущ всем живым существам, является атрибутом их психики, но у человека он осмысленный. Высокий уровень страха у него может появиться, в частности, вследствие неблагоприятных социальных воздействий, например, эмоционального отвержения ребенка родителями, в первую очередь матерью, т. е. в период, когда он особенно нуждается в защите. Ее отсутствие рождает постоянно растущую тревожность и страхи, которые носят спонтанные, смутный, размытый характер боязни всего и в особо неблагоприятных случаях достигают страха смерти. Вместе с тем хотелось бы особо подчеркнуть, что названный страх ни в коем случае не является единственной причиной даже убийства, но среди преступного поведения страх смерти занимает заметное место и по й чертой его природы является особая близость к смерти. Денег- течение к ней. Выскажем внешне противоречивое суждение:

- необычайная близость смерти и особое отношение к ней вклю-

часть в себя и страх смерти, который переплетается и постоянно взаимодействует с влечением к ней. Влечение и страх составляют амбивалентное (двойственное) целое, которое должно стать предметом специального научного анализа.

Один из парадоксов влечения к смерти состоит в том, что крепкий человек может не только стремиться к ней, но одновременно и бояться ее. Поэтому утверждаем, что у таких людей складывается по отношению к ней амбивалентное отношение типа «та, ... ние — отвергание». Думаем, это свойственно многим некрофилу в том числе державным, например, Сталину. Они страшились смерти, поэтому везде видели врагов, были мнительны, подозрительны, злопамятны и очень жестоки, в то же время, как истые некрофилы стремились к ней, превращая все живое в мертвое. Не лишено оснований предположение, что, уничтожая других, человек тем самым подавляет в себе страх смерти, поскольку делает ее понятной и близкой, а себя начинает ощущать могучим вершителем чужих жизней. Это неизбежно снижает свойственную подобным людям неуверенность в себе и высокую тревожность, отодвигая смерть, точнее — предощущения ее, подальше от себя, куда-то в неведомую даль.

Для насильственных преступников, в первую очередь некрофильских личностей, а их много среди убийц и террористов, отношение к Смерти может выступать результатом глобального личностного изменения в самости, в ощущении, кем они являются. К чему «присоединяются», в предощущении своей бренности. Но это не радостное прозрение, когда, как отмечает Рам Дасс, смерть превращается для нас из пугающего врага, неудачи, роковой ошибки в мироздании в еще одно преображение, которому мы подвергаемся, в приключение приключений, в раскрытие, заключительный момент роста, в свершение¹. Становятся убийцами в результате неблагоприятной социализации и воспитания. В благополучных случаях некрофилия может привести к работе в морге, на клад-

¹ Рам Дасс. Предисловие к книге С. Левина «Кто умирает?» (Киев, 1998, с. 15). Нелишне отметить, что из числа крупных стран Россия едва ли единственная, где лишь в очень небольших объемах проводятся танатогические исследования. Практически отсутствует отечественная литература о тех, кто пережил умирание и предсмертные состояния. Создается впечатление, что наша культура и наши профессионалы не признают танатологические психодуховные кризисы и их роль для человека, во всяком случае недооценивают их.

танатологом. Но часто убивают не потому, что у них выработано какое-то особенное отношение к смерти, а потому, что они никак не ценят свою жизнь. Даже рожденный некрофилом, т. е. с повышенным интересом и влечением к смерти, вовсе не обязательно становится преступником. Антисоциальная некрофилия проявляется в форме преступного насилия. Можно предположить, мотив смерти для некрофильских личностей постоянен; особенно остро он дает о себе знать в периоды их кризисных состояний. В этом мотиве нет ничего мистического, так как он ограничен ощущением самого себя, своего окружения, самой жизни и ее завершения. Такие ощущения и соответствующие им взгляды (а они не так часто сформулированы) весьма субъективны, они могут грубо исказить и себя, и среду, но для индивида они таковы, каковыми он их видит, и вполне реальны. Взгляд и оценка со временем могут перерасти во что-то другое и трансформироваться. В аномальных состояниях, когда являются видения и слышатся голоса, человек иногда чувствует, что перенесен во владения смерти и живет среди духов умерших или активно общается с ними. Однако и тот, кто не страдает расстройствами психической деятельности, под влиянием своего особого отношения к смерти, влечения к ней, способен отказаться от многих прежних ожиданий и начинать перестраивать свою жизнь. Не исключено, что тот привычный мир, который ему известен с детства, начинает разрушаться, ценности и эмоциональные проявления жизни словно сталкиваются со своими противоположностями, от чего могут потерпеть поражение.

По мнению Э. Фромма, есть только один способ — как учат Будда, Иисус, стоики, Майстер Экхарт — действительно преодолеть страх смерти — это не цепляться за жизнь, не относиться к ней как к собственности. Страх смерти — это в сущности не совсем то, что нам кажется, это не страх, что жизнь прекратится. Как говорил Эпикур, смерть не имеет к нам никакого отношения, ибо «когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» (Диоген Лаэртский). Можно, конечно, бояться страданий и боли, которые, бывая предвестниками смерти, но этот страх отличен от страха смерти, в таком случае страх смерти мог бы показаться иррациональностью, если относиться к жизни как к собственности. Тогда этот страх перестает быть страхом смерти, это — страх

то, что я имею: свое тело, свое «Я», свою собственность и

свою идентичность; это — страх «потерять себя», столкнуться с бл[ан]дой, имя которой — небытие¹.

Не думаем, хотя и не располагаем на этот счет эмпирическим! данными, что на свете есть много людей, которые относятся к **жизни** как к собственности, тем более что множество людей не имеет **ника**кой собственности и не знает поэтому, как к ней относиться, т. е. **А** них не сформировалось чувство собственности. Здесь страх потерять не собственность — в конце концов, собственность есть лишь **одна**! из ценностей жизни, а потерять все, в том числе простейшие радост[и], не замечаемые каждый день, — видеть близких, ясный солнечный день, работать и т. д. Утверждать же, что смерть не имеет к нам никакого отношения, можно лишь в качестве шутки или **неумного** утешения, которое никого не способно убедить. По Э. Фромму, по! сколько мы руководствуемся в жизни принципом обладания, то **дол**жны бояться смерти. И никакое рациональное объяснение не в силах избавить нас от этого страха. Однако даже в смертный час **он** может быть ослаблен, если воскресить чувство привязанности к **жиз**ни, откликнуться на любовь окружающих ответным порывом **люб**ви. Исчезновение страха смерти начинается не с подготовки к смер[ти], а с постоянных усилий уменьшать начала обладания и увеличивать начала бытия, заключает Э. Фромм.

Сами понятия «собственность» и «обладание» можно воспринимать и объяснять по-разному, в том числе и как не имеющие никакой материальной ценности; но можно именно как имущественно; значимые (что в большинстве случаев и имеет место), реализация которых позволяет обрести некоторое блаженство по смерти. Как раз так можно понять слова Христа: «Продавайте имения ваши и дайте милостыню. Приготовляйте себе власяища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и **где** моль не съедает: Ибо, где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк., 12, 33—34). Смерть, как отмечал И. Брячанинов, причисленный в православии к лику святых, великое и сокровенное таинство. Она, как и жизнь, настолько велика и сокровенна, что в принципе непознаваема, какие бы мудрые и глубокие мысли по ее поводу не **были** высказаны. По причине непознаваемости смерть тем более способна внушать страх, а не только и не столько потому, что мы руководствуемся в жизни принципом обладания. При этом страх сме

¹ Фромм Э. Иметь или быть? — М., 1990. С. 134.

своей этической природе нейтрален, поскольку может подвигнуть на великое творчество, и на черную низость. Изучение конкретных случаев убийств показывает, что иногда они совершаются, чтобы снять страх перед смертью, делая ее близкой, понятной, логичной. Если она исходит из твоих рук, если ты, простой смертный, ее причинитель, значит, она не так страшна, тем более что религия, точнее, религии на протяжении тысячелетий готовили к смерти и жизни после смерти.

Один из обследованных нами серийных убийц Е. сказал, что убийство — это плата за собственную жизнь, он вообще часто мыслил афоризмами. Так, он объяснил, что смерть — это то, когда теряется фактор времени. Иными словами, преступник убивает, чтобы жить, и в убийстве, следовательно, видит важное условие собственного существования. Плата, быть может, и высока, но ценность своей жизни несравненно выше, поэтому с субъективных позиций убийство более чем оправдано. Серийные убийцы-некрофилы, больше других страшась смерти, все время делают «взносы», чтобы продлить свою жизнь.

Мысль о том, что убийство это плата за собственную жизнь, как ни удивительно, во многом совпадает с концепцией З. Фрейда, что инстинкт смерти непременно уничтожил бы личность, если бы не разворачивался в сторону внешних объектов. Следовательно, человек, уничтожая объекты внешнего мира, спасает собственную жизнь. «Инстинкт смерти становится инструментом деструктивное™, когда он направлен вовне, на объекты — с помощью специальных органов, — писал З. Фрейд, — живое существо, так сказать, сохраняет свою жизнь, разрушая чужую»¹.

Одна из форм встреч со смертью — это конфронтация со своей собственной смертностью. Как верно замечают С. и К. Грофы, тот, кто избегает тем, связанных со смертью, будет скорее всего иметь трудности в приобретении глубокого внутреннего опыта, который показывает человеку, что жизнь является преходящей и что смерть неизбежна. Многие люди бессознательно сохраняют детское представление о том, что они бессмертны, и, когда сталкиваются с трагедиями жизни, отвергают их с обычным утверждением: «Это случается с Другими людьми. Со мной этого не произойдет». Когда жизнь приводит их к сущностному пониманию их смерти, они оказывают чрез-

Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. — М., 1992. С. 265.

вычайное сопротивление. Они будут делать все, лишь бы избежать того, что их пугает, с помощью усердной работы, чрезмерной общительности, кратких и случайных отношений, принятия подавляющих лекарств или алкоголя. В беседах будут избегать темы смерти или пытаться осмеивать ее, переходя на относительно более безопасные темы разговора. Иные могут вдруг резко осознать процесс старения, как своего собственного, так и близких им людей¹.

Открытие своей смертности может опустошить человека, наклонного или не готового столкнуться с неизбежным финалом. Но для тех, кто готов принять его, может иметь освобождающий эффект, позволяющий наслаждаться каждым мгновением жизни. Множество людей склонно скептически относиться к христианской и буддийской идее непрерывности всего существующего, жизни после жизни как к тому, что изобретено самим же человеком для собственного утешения. Субъект, знакомый с древней мифологией, мог бы усмотреть здесь лишь повторение первобытной легенды о смерти (хаосе), но! вом рождении и новом существовании, которая может опираться лишь на веру, не будучи подкреплена никакими эмпирическими данными. Для такого скептицизма есть весьма веские основания.

В близкие отношения со смертью вступают не только некрофилы! но и многие другие, например, люди, играющие со смертью. Они *III* одиночку пересекают в лодке моря и океаны, поднимаются на недоступные вершины, играют в русскую рулетку и т. д. Ими, как можно предположить, движет бессознательное стремление не только заглянуть в неведомое, но и выковать свою стойкость перед ним.

Еще об одной категории лиц, тесно соприкасающихся со смертью, рассказывают С. и К. Грофы: это люди в состоянии духовного кризиса. Для многих из них этот процесс является быстрым и неся жиданным. Внезапно они чувствуют, что их комфорт и безопасность исчезают, как будто они получили некий толчок в неизвестном направлении. Знакомые способы бытия больше не кажутся подходящими и сменяются новыми. Индивид чувствует себя неспособным зацепиться за какие-либо проявления жизни, испытывает страх и не может вернуться к старому поведению и старым интересам. Таким образом, он может быть поглощен огромной тоской по своей умирающей старой сущности.

¹ См.: Гроф С. и Гроф К. Неистовый поиск себя. — М., 1996. С. 80.

Состояние освобождения от различных ролей, отношений, от мира и самого себя — еще одна форма символической смерти. Это хорошо известно различным духовным системам как первейшая цепь внутреннего развития. Такое освобождение от старого является необходимым событием в жизни, и оно естественно происходит в момент смерти — в то время, когда каждый человек понимает, что мы не сможем унести с собой те материальные вещи, которые нам принадлежат. Такие переживания дают свободу для того, чтобы они могли полнее радоваться всему, что имеют в жизни. Практика медитации и другие формы самоисследования приводят искателей к столкновению с этими переживаниями еще до того, как наступает момент физической смерти. В буддизме привязанность или пристрастие к проявлениям материального мира считается корнем всех страданий, а отказ от этой привязанности — ключ к духовному освобождению.

Тяготение к смерти, которое находит свое наивысшее негативное проявление в некрофилии, одним из своих источников может иметь свойство человеческого ума видеть в том, что хорошо известно и понятно, выражение своего могущества и власти. Непонятное и непознанное вызывает, напротив, беспокойство, неуверенность, тревожность. Это хорошо представляли себе и наши далекие предки.

Так, по поверьям индейцев племени куна, условием удачи на охоте является знание о происхождении дичи. Если удастся приручить некоторых животных, то только потому, что магам известен секрет их сознания. Равным образом небезопасно держать в руках раскаленное железо или ядовитых змей, если неизвестно происхождение огня и змей. Вера в это достаточно распространена и встречается не только у племен одного вида культуры. На Тиморских островах, например, при созревании риса в поле отправляется тот, кому известны мифические традиции риса. Он проводит там всю ночь, громко рассказывая легенды, объясняющие, как была получена культура риса (миф о происхождении). После рассказа, как произошел рис, эта культура должна расти особенно хорошо, дружно и густо, как тогда, когда ее сажали в первый раз, т. е. в мифологические времена всех начал. Рису напоминают, как он был создан, чтобы научить его, как должно себя вести, магически принуждают вернуться к своему генезису. В большинстве случаев знать миф о происхождении недостаточно, его надо воспроизводить, демонстрировать, показывать¹.

¹ См.: Элиаде М. Аспекты мифа. — М., 1997. С. 25—27.

Некрофилы, среди которых немало убийц, — это индивиды, которых раздвоен весь жизненный опыт в силу психологической принадлежности различным мирам. У них нет удовлетворительной связи с человеческим обществом, а иногда, при наличии психического заболевания, разрушена и связь с самим собой. Уход в небытие, особенно если он совершается с помощью убийства (хотя это и не единственный способ), показывает, что их личность находится в постоянном бегстве от обычной реальности, которую они воспринимают в качестве неприемлемой. В результате большинство из них ведут неполноценное существование, характеризуемое одиночеством и чувством изолированности. Но далеко не все ощущают свою нереальность и оторванность от мира здравого смысла.

Ошибочно думать, что страх смерти порождает только насильственные преступления и особенно убийства, этот страх может детерминировать и корыстные преступления, когда человек, страшась неизбежного конца, стремится приобрести максимально возможное количество материальных благ и доставить себе как можно больше удовольствий, не считаясь с законом и моралью. То же самое он способен сделать для своих детей и внуков. В других случаях индивид, которого социальные бедствия, во многом преувеличенные, приводят в содрогание, может решиться на противоправное приобретение денег и ценностей, чтобы с их помощью защитить свою жизнь. Этими же целями, невзирая на аморальность способов их достижения, руководствуются те мнительные люди, которые подозревают у себя разные опасные болезни и постоянно боятся смерти..

Особо следует сказать о некрофилах из числа террористов, чаще всего это организаторы террористических убийств и их исполнители — террористы-самоубийцы. Между ними и смертью нет преград, смерть отпечатывается на них своей формой, начинает говорить с ними на своем языке, и они его понимают. Террорист не защищен от смерти задачей выживания, часто он и не ставит таковой перед собой, поскольку сам стремится к ней. Раз приблизившись к смерти, такой человек начинает приобретать опыт, который либо осознается и становится основой внутреннего развития, либо не осознается и на уровне личностного смысла определяет поведение, в том числе через потребность вновь и вновь испытать дрожь соприкосновения с тем, что находится за гранью. Для них атмосфера близости к смерти может толкать на совершение самоубийственных террористических актов, но

аюке и других убийств, не обязательно террористических, например, при участии в разных военных конфликтах.

Террористы, которые видят в смерти, своей или чужой, единственный путь решения вставших перед ним проблем, естественно не испытывают страха перед возможной гибелью. Поэтому профилактический эффект неотвратимости уголовного наказания в отношении таких людей практически ничтожен. Они не боятся смерти, а перспективы длительного, даже пожизненного лишения свободы обычно не принимаются ими во внимание, они просто не думают о нем. Только после вынесения приговора такие люди начинают осознавать, что им всю жизнь или значительную ее часть предстоит провести в местах лишения свободы. Их страдания, связанные с наказанием, начинаются с этого момента.

В нашем нынешнем мире смерть ужасает нас прежде всего в связи с опасностью превратиться в ничто, и именно поэтому она всячески маскируется. Некрофильские личности принадлежат к числу тех, кто, стоя на грани между мирами, уже в силу этого способны дать хоть какую-то информацию о том, что ждет нас в небытии, хотя, конечно, далеко не всегда подозревают об этом. Неудивительно, что в силу такого своего статуса со стороны окружающих они встречают непонимание и даже вражду, что делает их дезадаптацию еще более глубокой. Например, Д., сексуальный маньяк, убийца и людоед, время от времени уходил жить в пещеры, что следует расценивать в качестве крайнего выражения социальной и психологической изоляции подобных людей. Поскольку общество выступает в качестве постоянно травмирующего фактора, убийство не воспринимается убийцей как нечто ужасное, напротив, может оцениваться как воздаяние за те обиды, которые ему были причинены когда-то (или ему так показалось) и не были забыты и прощены. Чтобы лучше понять страх смерти у современного человека, обязательно нужно иметь в виду различные восприятия и понимания смерти: для верующих это переход в иное бытие, а для неверующих, какими и сейчас являются большинство людей европейской культуры, — в небытие. Именно небытие «Я» и вызывает страх, даже ужас, но это не означает, что у верующих (и у так называемых примитивных народов в древности, и сейчас) мысль о смерти или ее предощущение не вызывают боли и страха. Скорее всего здесь можно видеть боль расставания с привычным и близким, в первую очередь с близкими людьми, особенно если они нуждаются во внимании и поддержке, но боль существенно сни-

жают уверенность в том, что смерть является таким концом, за которым сразу же следует новое начало. И у примитивного человека *ааиш* вера в жизнь после смерти вызвала не только боль, но и самый настоящий страх перед ней, в сущности мало отличающийся от страха вполне современного неверующего человека. Этот страх лежит в основе самого человеческого существа, этот страх, как и у бегущих Ж пожара животных, заложен самой природой как условие существования в мире, где всем живым всегда что-то угрожает, явно или открито. Лишение такого страха означает полную дезадаптацию. ГШ этому страшится даже зародыш в лоне матери.

Весьма сомнительно, чтобы, зная, что смерть есть лишь пролог к возрождению, к высшему существованию, те же примитивные общества наказывали бы смертью своих соплеменников-преступников и тем более врагов. Если не учитывать изначальный, психический, даже организмический страх перед смертью, то окажется, что наказание ею в древности и сейчас есть вовсе не наказание, а поощрение и награда. Если у первобытного (или современного всеобщего человека) не было (и нет) страха смерти, почему он сражался с врагами, защищался от хищных животных и естественных бедствий вроде пожаров, наводнений или засухи, почему стремился излечиться от опасных болезней?

Конечно, в таинствах инициации, о которой написано большое количество литературы, посвящаемый испытывал ритуал смерти. Но о такой «смерти» он и его близкие хорошо знали, что это вовсе не настоящая смерть. Инициация преследовала цель превращения ребенка (подростка) во взрослого, и он проходил символический путь от смерти к выздоровлению. Кроме того, что очень важно, юноша прочнейшим образом схватывался всей тогдашней религиозной системой или! выражаясь современным языком, поглощался соответствующей идеологией, что было непрямым условием прочности того общественного строя. Но не преследовал ли весь названный ритуал, помимо декларируемых и понятных целей, еще и другую — обман смерти, снятие страха перед ней, делая ее психически близкой?

Религии, в том числе архаические и христианство, основываются на том, что кризисы, провалы, падения, катастрофы, сама смерть не есть конец всего, а, напротив, важнейший этап, ведущий к новой, лучшей жизни. Смерть, следовательно, дает возможность жить заново и на более высоком уровне, а поэтому она получает свое истинное позитивное значение и ее не следует страшиться. Однако даже при

итивного человека не удалось убедить в этом. Страх перед смертью оказался сильнее.

Все легенды о чудесных воскрешениях, в том числе библейские и фольклорные сказания, выдают страстное человеческое желание бессмертия, хотя, естественно, и были случаи действительного возвращения к жизни тех, кто находился в состоянии клинической смерти комы или летаргического сна. В большинстве стран к таким людям относились с пониманием и заботой, но так бывало не везде. Р. Киплинг рассказывал, что индусы весьма отрицательно относились к людям, которых вернули «с того света», содержали их в резервациях и не давали возможности обращаться с другими. Думается, что такая их строгая изоляция не случайна: очевидно, местные жители полагали, что побывавший в «другом мире» человек уже по этой причине чем-то опасен, он может «оттуда» принести нечто, что представляет очень серьезную угрозу для людей. Ведь и древним людям тот, кто соприкасался со смертью, в том числе защищавший родины и убивший врагов воинов, представлялся весьма опасным. Его диакри не встречали, как сейчас, с почестями, барабанным боем и литаврами. Напротив, он обязательно должен был пройти длительный обряд очищения. Следовательно, страх смерти может реализоваться и в таких несколько опосредованных формах.

Практически у всех народов мира имеется неисчислимо много примет, поверий, суеверий, которые помогли бы человеку избежать смерти, поскольку они ориентированы на то, чтобы вовремя указать ему на смертельную опасность. Связанные с опасностью смерти суеверия охватывают все сферы жизни и в том числе связаны с предметами и явлениями, которые, казалось бы, не имеют никакой отношения к нашей бренности. Все указанные суеверия проникнуты страхом смерти.

Так, согласно поверью, существующему на Британских островах и в России, тот, кто нанесет ущерб можжевелнику, может погибнуть. Жители Уэльса считают, что тот, кто срубит это растение, не проживет и года. На юго-западе России сельские жители уверены, что, если можжевелник посадить рядом с домом, его хозяин вскоре умрет. Попытаемся объяснить это суеверие и прежде всего понять, почему данное растение наделяется столь опасными свойствами: его нельзя «обидеть» (срубить), но в то же время его близкое соседство сулит смерть.

Нужно учитывать, что можжевелник является необходимой, важнейшей частью ритуала так называемого Чистого огня. Его добыва-

ют следующим образом: берут два куска дерева и трут друг о друга тех пор, пока не появится огонь, и в него бросают ветки можжевельника. Оттления этих веток возникает дым, сквозь который прогонют скот: больной — чтобы вылечить, здоровый — чтобы не заболел; Обратим внимание, что падеж скота отвращают не те куски деревьев которые трут друг о друга, чтобы получить огонь, а ветки можжевельника. Следовательно, данное растение обладает мощными и таинственными силами противодействия смерти, в данном случае скота но смерть универсальна и едина, она угрожает и человеку, и животным. Очень опасно жить с ним рядом или каким-то образом разрушить. Раз можжевельник способен противостоять смерти скота, т. е. остановить ее, прекратить ее действие, то в его же власти и наслать гибель на человека. По такой же схеме мыслил и первобытный человек: если шаман может вылечить от смертельной болезни, т. е. умеет! каким-то таинственным способом воздействовать на смерть, даже укротить ее, то он, если захочет, и наслет ее на человека. Поэтому шаман (в нашем случае — можжевельник) вызывает страх.

Как отмечал Л. Леви-Брюль, в очень многих первобытных обществах в случае тяжелой болезни или смерти дурное влияние, мысль о котором сейчас же приходит на ум первобытному человеку, представляется если не гневом предка, то уж наверняка действием колдуна. На взгляд австралийцев, например, смерть никогда не бывает «естественной». Да и как могло быть иначе? Для них необходимо, чтобы они имели пусть более или менее рудиментарное, но все же хоть какое-нибудь понятие о функциях организма, а также и о том, что их нарушает и расстраивает. Но ведь никакого понятия об этом они не имели. Значит, болезнь, как и смерть, могла быть только следствием сверхъестественной причины, т. е. колдовства¹.

Наше особое отношение к памяти предков, их почитание, так укореняющееся современную цивилизацию, одним из своих основных источников имело страх первобытного человека перед умершими. Ведь умерший — это тот, кто за гранью жизни постоянно общается со смертью, даже, образно говоря, существует в смерти. Значит, он обладает устрашающей возможностью наслать ее на живущих. Поэтому нужно было сделать все, чтобы не прогневить усопших. Чтобы обеспечить их благоволение, первобытные люди прибегают к умиротворя-

тельным обрядам, установленным традицией, пользующейся нетленным уважением, в частности, они пускают в ход приношение жертв и даров. Мир покойников поддерживает постоянные сношения с миром живых. В этом смысле он составляет часть того, что мы называем природой. Недавно умершие покойники являются в полном смысле «иными членами клана». Почти во всех первобытных обществах к ним относятся также, как к соседям, с которыми ни за что не хочется испортить отношения. Включение предков в собственный клан (племя, род) делало их психологически значительно ближе и понятнее, следовательно, уменьшало страх перед ними. Конечно, не только страх детерминировал такое отношение к покойникам, но он был в числе главных факторов, определявших связь с ними древнего человека

С. Рязанцев правильно отмечает, что ритуальные обряды имели предохранительную цель, они должны были способствовать тому, чтобы оградить живых от злого, а подчас и губительного влияния мертвых. Даже до сегодняшнего дня в погребальной традиции сохранились отголоски древних ритуалов и верований.

Так, считается обязательным выносить покойников из дверей вперед ногами — чтобы он не вернулся. Еще в прошлом веке в этих же целях разбирали для выноса покойника потолок или стены избы — мертвый не должен был знать, где находится дверь, иначе он может возвратиться. Древние люди в этих целях даже связывали покойников. Особую опасность представляли и представляют, согласно фольклорным представлениям, «злые мертвецы» — вампиры, упыри, вурдалаки, которые нападали на людей, поедали или пили их кровь, могли насылать болезни и смерть. Считается, что укушенный вампиром сам становится таким же. У сербов и русских образ вампира смешался с мифологическим образом волка-оборотня — отсюда «вукодлак» или «вурдалак»¹.

С. Рязанцев обращает внимание на особое отношение к тем покойникам, которые умерли неестественной смертью: были убиты, заблудились и поэтому погибли и т. д. Исследователь не винит в этом Церковь, так как она отказывала в погребении лишь самоубийцам, однако не пытается объяснить причину подобной отношения к ним. Между тем если такой покойник оказывался похороненным на общем кладбище, то он мог, по народным представлениям, стать при-

¹ См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1999. С. 155.

¹ См.: Рязанцев С. Танатология — наука о смерти / В кн. 3. Фрейд. Мы и смерть. По ту сторону принципа наслаждения. — СПб., 1994. С. 274—277.

чиной больших общих несчастий. Полагаем, что здесь можно предположить наличие следующей причины.

Погибший неестественной смертью оказывался особенно опасным потому, что не сам приходил к естественной своей кончине. Я наоборот, смерть сама находила его. Значит, он обладал какими-то качествами, которые притягивали к себе смерть, а поэтому был страшен для всех других людей. Его следовало отделить от них даже в ином мире, показать смерти, что «мы» не имеем с ним ничего общего, и таким путем отвратить ее от «нас». Предлагаем другое решение проблемы церковного запрета хоронить на общем кладбище самоубийц: считается, что запрет этот вызван тем, что только Бог и никто другой может дать и взять жизнь. Полагаем, что наряду с названной причиной указанного запрета можно предположить наличие и другой: самоубийца вызывает страх у всех, в том числе у церковнослужителей, тем, что сам вызывает смерть, т. е. имеет к ней особое отношение. В то время как подавляющее большинство людей всеми силами пытаются избежать смерти, самоубийца сам и обычно весьма активно ищет ее. Значит, он не боится ее, имеет с ней много общего и уже по этой причине весьма опасен.

Таким образом, церковный запрет хоронить на общем кладбище самоубийц порожден обычным страхом смерти.

Страх смерти в той или иной форме сопровождает человека с древнейших времен, с его первых дней жизни. Первобытный индивид испытывал глобальный страх перед всем, и, несмотря на множество опосредующих его звеньев, большинство витально важных переживаний сводилось в конечном итоге к одному — всепоглощающей боязни быть уничтоженным. У современного человека не меньше причин, объективных и субъективных, для возникновения страха смерти. Некоторые из них связаны с драматическими, даже катастрофическими событиями в индивидуальной жизни, когда появлялась угроза гибели. Как отмечают С. и К. Грофы, переживая отношения к смерти, могут быть связаны с обстоятельствами рождения. Человек всегда переживает некоторые формы сущностного контакта со смертью, когда в нем оживают воспоминания, относящиеся к его рождению с сопутствующими им ощущениями удивления, угрозы для жизни. Полагаем, что авторы имели в виду какие-то особые состояния психики, при которых была получена информация названных воспоминаний. Впрочем, слово «воспоминание» здесь не подходит, поскольку оно предполагает наличие рационального

знательного компонента, что, возможно, не может быть связано с собственным рождением. Можно полагать, что исследователи имели в виду переживания трансперсональных переживаний.

Трансперсональные области, пишут С. и К. Грофы, содержат в себе как светлые, так и темные элементы, страх могут вызывать как те, так и другие. Кто-то может бороться с чудовищным мифологическим демоном или пережить заново битву, бывшую в другой эпохе, — чувство тревоги и страха в таких ситуациях неизбежно. В переживаниях, напоминающих воспоминания прошлых жизней, могут ярко оживать ощущения убитого солдата, раба, мученика или матери, пережившей утрату детей во время войны. Человек может переживать столкновение со смертью в мифологических мирах иногда через отождествление с фигурой распятого на кресте Христа либо с расчлененным на части Озирисом. Индивид может отождествляться с общечеловеческим опытом умирания, становясь каждой женщиной, которая умирает во время родов, и всеми мужчинами, которые на протяжении истории человечества были убиты в сражениях. Кто-то может пережить отождествление с самой архетипической фигурой Смерти, ощущая всю чудовищность этой вселенской силы¹.

Более чем сомнительно, что ощущения убитого солдата, раба, мученика или матери, пережившей утрату детей, есть переживание воспоминаний прошлой жизни. Никаких доказательств этого Грофы не приводят. Но если такие ощущения у человека появляются, то это вовсе не воспоминания прошлых жизней, а просто знание об убитом солдате, рабе и т. д., о которых человеку стало известно в результате обучения, личного жизненного опыта и т. д. Соответствующее знание переживается потому, что какие-то обстоятельства жизни, субъективные состояния делают их актуальными.

Разумеется, страх смерти не единственный страх, их множество — от откровенных и грубых до тонких проявлений, далеко не всегда охватываемых сознанием и вызывающих общие состояния тревожности и беспокойства. Большинство людей достаточно успешно справляется с ними в своей повседневной жизни, но они усиливаются в критических состояниях субъекта или в критических состояниях общества, в ситуациях неопределенности, в ситуациях новых и неожиданных, когда неизвестное и непонятное воспринимается как реальная угроза.

¹ См.: Гроф С, Гроф К. Неистовый поиск себя. — М., 1996. С. 66—67.

Существует несколько классификаций страхов, в частности Д.Д. Фрезер классифицировал страхи первобытного человека. СЯ К. Грофы среди прочих выделили страх неведомого и страх утраты контроля. Первый обычно возникает у людей, которые не готовы к внешне возникшим обстоятельствам. Переживания страха могут **был** вызваны угрозой утраты контроля. Мы считаем, что страх может называться страхом в первую очередь в тех случаях, если он вызван **ощущением** надвигающейся катастрофы, грозящем самой жизни. Именно в этих случаях он особенно ярок и интенсивен, даже если никаких страшных событий объективно и не было. Наблюдения некрофильских убийц показывают, что наряду со страхом смерти им присущ и страх утраты контроля, причем оба они тесно переплетаются. Само убийство одной из своих функций имеет попытку обеспечения контроля над ситуацией и тем самым снижения уровня психотравмирующих переживаний, связанных с ощущением наступающих катастрофических событий. Однако, как отмечалось, стремление обезопасить **себя** от смертельной опасности сочетается у них с тягой к тому, что лежит **за*** жизнью. Все их попытки таким способом снять страх утраты контроля всегда заканчиваются провалом именно по причине такой некрофильской тенденции.

Смерть, как и рождение, и смысл жизни, принадлежит к величайшим тайнам природы и принципиально непознаваема. Страх **перед** ней — вечный и неизбежный спутник человека, он занимает особое место в его чувствованиях, восприятии мира и самого себя, хотя к **ней** можно относиться совершенно по-разному. Страх смерти скорее всего продиктован не тем, что ты теряешь такую собственность, как твоя жизнь, а непониманием самого этого явления, страхом перед чем-то: ужасным, перед небытием и тем, совсем непонятным, особенно для **не!** религиозного человека, что обозначается понятием «вечность». Несомненно прав Боэций, что мысль о смерти более жестока, чем сама смерть.] Потому не исключено, что те, которые пережили клиническую смерть¹ и утверждают, что смерть совсем не страшна, приходят к такому выводу | именно потому, что мыслили о ней ранее совсем иначе. Ироничным Ф. Бэкон писал, что для презрения смерти вовсе не нужно ни храброе! ни, ни несчастий, ни мудрости; для этого бывает иногда достаточно ску! ки. Но он же не без оснований утверждал, что философы всеми своими успокоениями относительно смерти сделали последнюю еще страшнее! Люди боятся смерти по той причине, считал Ф. Бэкон, по которой дети боятся темноты, потому что не знают, в чем тут дело.

Довольно интересная мысль высказана М. Элиаде, который считал, **РТ** что в современном обществе человек ощущает себя узником своей повседневной работы, в которой он никак не может уйти от времени. Поэтому он старается сделать это в часы досуга: отсюда ошеломляющее количество отвлечений внимания, изобретенных современной цивилизацией. Чтение и зрелища позволяют ему уйти от времени, выйти из своего собственного течения времени, чтобы идти в другом ритме, жить в иной истории. Для сегодняшней личности это является превосходнейшим отвлечением, дающим иллюзию господства над временем, что, как «вполне можно предположить, удовлетворяет тайное желание человека уйти от неумолимого течения времени, ведущего к смерти»¹. Можно утверждать, что это, по-видимому, один из возможных бессознательных путей преодоления страха смерти, особенно если повторить вслед за Элиаде, что современность изобрела великое множество отвлечений.

По мнению В. Райха, страх смерти идентичен неосознанному страху оргазма. Деструктивный импульс появляется в живом существе в том случае, если оно хочет уничтожить источник опасности. Тогда разрушение или умерщвление объекта является биологически осмысленной целью. В качестве мотива выступает не первоначальное удовольствие от деструкции, а заинтересованность влечения к жизни, в том, чтобы обойтись без страха и сохранить «Я» в целом. В опасной ситуации я уничтожаю то, что порождает ее, потому что хочу жить, не испытывая страха. Влечение к деструкции начинает служить первоначальной биологической воле к жизни. С этими положениями Райха можно согласиться, но с весьма серьезными замечаниями и дополнениями.

Во-первых, не всегда агрессия, смертельная в том числе, осуществляется ради сохранения собственной жизни, т. е. защиты. Во многих случаях убийца вполне четко осознает, что ему никто не угрожает, бессознательное не посылает ему об этом никаких сигналов.

Во-вторых, существует достаточно много людей, которым сама агрессия доставляет удовольствие. Некрофильский человек убивает только ради убийства, но решает при этом свою собственную проблему. Она настолько значима, что чужая жизнь просто не принимается во внимание.

В-третьих, страх смерти не идентичен страху оргазма. У Райха мы не нашли убедительных доказательств этого.

¹ Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. — М., 1996. С. 37—38.

В последнем аспекте большой интерес представляют взгляды В. Райха на агрессивную сексуальность. Он считает, что если она имеет возможности найти удовлетворение, то все же сохраняется стремление к его достижению. Тогда возникает импульс на получение удовольствия любыми средствами. Агрессивная нота начинает заглушать любовную. Если цель достижения удовольствия полностью исключена, стала бессознательной или связана со страхом, то агрессия которая первоначально представляла собой только средство, сама становится действием, разряжающим напряжение. Она приятна как проявление жизни. Так возникает садизм. Из-за утраты подлинной цели жизни развивается ненависть, самая сильная в тех случаях, когда встречаются препятствия любви или желанию быть любимым. Вытекающее из ненависти стремление к уничтожению превращается в сексуальное действие, чему соответствует, например, убийство на почве полового извращения. Его предварительным условием является полная блокировка способности испытать естественное генитальное наслаждение. Тем самым садизм как половое извращение является сменением изначальных сексуальных импульсов со вторичными деструктивными. В животном царстве оно отсутствует и представляет собой лишь приобретенное свойство человека, вторичное влечение.

Эти конструкции В. Райха весьма ценны для объяснения многих убийств на сексуальной почве, многих, но не всех. Конкретные исследования «живых» убийц уже давно привели нас к выводу, что блокированные сексуальные потребности приводят к насилию и убийству только часть сексуальных преступников, и больше при первых случаях агрессии, если преступления многоэпизодны. Блокированная сексуальная потребность действует не только на организменном уровне, а запускает в действие мощный механизм притяжения — неприятного данному человеку жизнью. Его отторжение, отчуждение ею закономерно может перевести его в категорию некрофильских личностей. При этом «перевод» в данном случае не нужно понимать буквально и лишь как следствие несчастной и трагической жизни. Отторженным жизнью он может родиться, как было с Гитлером и со Сталиным, т. е. быть рожденным не для жизни. Несчастная, с катарсисом жизнь совсем необязательно приводит к смертельной агрессии, напротив, через катарсис, через очищение страданием она может обратить человека к любви к людям и самопожертвованию.

С другой стороны, не следует рассматривать блокированные потребности организма в качестве причины деструкции вне социально-

контекста и межличностного взаимодействия. Поэтому вызывает некоторые сомнения утверждение В. Райха, что каждый вид самостоятельно проявляющегося деструктивного действия является реакцией организма на невозможность удовлетворения какой-либо важной потребности, прежде всего сексуальной. Здесь мы говорим о своих сомнениях, но не отвергаем полностью выводы В. Райха. Думаем, что он прав, говоря о жестокости в характере наблюдаемых им больных, страдавших хронической сексуальной неудовлетворенностью, у злобных старых девок и аскетических моралистов. Напротив, ему бросалась в глаза мягкость и доброта людей, удовлетворенных в генитальном отношении. Такие люди не могут стать садистами, считает В. Райх. По-видимому, он прав, во всяком случае применительно к большинству людей. Сам маркиз де Сад, насколько позволяют судить его преступления и их описания, начиненные невероятной сексуальной фантазией, был сексуально неудовлетворенным человеком. В то же время вполне можно представить себе человека, даже молодого, которого по разным причинам совсем не заботит его сексуальная жизнь, и он не имеет возможности удовлетворять свои сексуальные потребности.

Если З. Фрейд рассматривал влечение к деструкции как изначально биологическое, параллельное сексуальности, то В. Райх вывел интенсивность влечения к деструкции из степени сексуального застоя и отличал агрессию от деструкции. Это различие между внешне схожими понятиями вполне обоснованно, поскольку агрессия представляет собой неотъемлемое свойство целого ряда видов общественной полезной деятельности. Но при этом часто бывает так, что при созидании что-то неизбежно разрушается, как, например, при атаке футболистов разрушается защита противника.

Тем не менее остаются сомнения по поводу максимализации сексуальных переживаний человека, свойственной взглядам В. Райха, З. Фрейда и некоторых других психоаналитиков. Но многие их суждения заслуживают самого внимательного отношения. Например, В. Райх утверждал, что страх пережить оргазм рождает ядро общего страха перед удовольствием, который порождается причинами структурного свойства. Радость жизни и удовольствие от оргазма идентичны друг другу. Самое крайнее проявление страха перед оргазмом образует общий страх перед жизнью¹. Тот, кто не умеет радоваться жизни и

¹ См.: Райх В. Функция оргазма. Основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. — СПб., 1997. С. 121 — 127.

испытывает страх перед ней, может иметь склонность к некрофили, или является некрофилом, или обладает какими-то некрофильскими чертами характера. В целом, можно отметить два обстоятельства. **1**

1. Практически любое человеческое поведение полимотивировано.

2. Как бы ни были значимы сексуальные проблемы в жизни человека, все-таки из работ того же В. Райха не ясно, почему при их наличии индивид избирает насилие, в том числе смертельное, а не прибегает к другой форме поведения.

Конечно, человек всегда горько сожалел, что он смертен, **однако** считал, что в самом начале времен смерти не было. Многие мифы повествуют о появлении смерти потому, что мифический предок человека потерял бессмертие по какой-то случайности, ошибке или оплошности либо его лишили этого важнейшего качества какие-то **сверхъестественные** существа, либо произошло какое-то мифическое событие, **приведшее** к смерти. Можно утверждать, что в мифах четко проводится мысль об абсурдности, ошибочности смерти, ее случайном характере. Вопреки догмату многих религий о ничтожности человека и ничтожности самой жизни, он все-таки стремился к бессмертию и считал, что **достойн** этого, в силу чего приближался к самым богам. В некоторых мифах сквозит явный упрек Богу: если смерть пришла в результате ошибки **или** оплошности, то что стоило ему, всемогущему, исправить ее. Вообще с богами люди всегда были в очень сложных и далеко не однозначных отношениях. Поэтому совершенно естественно появление теодицеи **М** оправдания Бога. Но потребность в теодицее появилась **еще до хри**стианства: древние греки сурово критиковали своих богов за **распутств**а взаимный обман, воровство, вероломство, несправедливость к людям и т. д. Недовольство богами существовало во все времена.

Боги не выполнили самых больших из всех возлагавшихся на них надежд — сделать людей бессмертными. Потому люди часто **забыва**ли высших богов и в своей повседневности обращались к **богам**, **тая** сказать, производным от главных, гораздо более земным и психологически близким, а Верховный Творец и Вседержитель попросту **за**бывался, вспоминали о нем лишь в дни исторических катастроф. Так случилось у христиан с Яхве, любовь и поклонение в основном **со**средоточились у них на Христе. Это вполне закономерно, поскольку; в его происхождении очень много земного и рожден он от земной женщины, сам принял смерть на кресте и не нес никакой ответственности за смертную природу человека.

Каково значение страха смерти для человечества и человека?

Полагаем, что знание, предчувствие, предощущение неизбежной кончины и страх перед ней стали началом духовной жизни, попыток осмысления ее и поисков ее смысла, источником трудовой и творческой активности, первопричиной полнокровного наслаждения земными радостями и в то же время преступного поведения. Жизнь предстала перед человеком во всем своем богатстве и разнообразии и по причине сопоставления со смертью, причем даже при наличии веры в загробную жизнь. Эта вера, даже самая искренняя, имела один весьма существенный изъян — в темных глубинах психики все-таки оставались сомнения в возможности такой жизни. Страх был всеобъемлющим и в том смысле, что смерть настигала не только человека, но и все остальное живое.

Страх смерти — это архетип, наследуемый всеми. У отдельного человека он возникает еще в утробе матери, хотя ее лоно и самое защищенное место на свете. Но и его защищенность относительна, поскольку мать может быть жертвой насилия или болезней.

Страх смерти положил начало и религиозной жизни, ибо вполне естественно предположить, что она наступает по воле высших сил. В эпоху господства магии человек полагал, что он способен руководить миром и, зная его правила, в основном не очень сложные, но открытые лишь особо посвященным, может изменять его. Однако глубокие раздумья, в первую очередь по поводу смерти, привели его к тому, что он, страшась ее, пришел к выводу, что она насылается тем, кого он назвал Богом или богами. То, что они бессмертны, точно отражает общечеловеческий страх перед смертью, поскольку человек спроецировал на них свое неистребимое желание жить вечно. Сейчас вера в Бога во многом «проходит» через веру в загробную жизнь, которая в свою очередь покоится на страхе смерти. Таким образом, и с этой стороны духовность опирается на тот же страх. «И сотрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет: ибо прежнее прошло» (Откр., 21-4). Если бы такое сбылось, человечество перестало бы быть человечеством, но скольких людей утешили эти замечательные слова и сколько страданий они сняли, вселив великую надежду.

Сделаем некоторые выводы. Прежде всего отметим, что страх смерти, влечение или повышенный интерес к ней отнюдь не всегда деструктивны, они вполне могут возникать и развиваться в общественно полезных формах. Гипотеза 3. Фрейда, согласно которой че-

ловек — это существо, основным инстинктом которого является иррациональное влечение к смерти, не более чем гипотеза. За прошедшие десятилетия подтверждающих ее доказательств не найдено, держащий эту гипотезу К. Меннингер пишет, что человек располагает средствами противостояния этому инстинкту, которое, он считает, в героических битвах с силами разрушения помогает одержать над ними окончательную победу, что, конечно, вызывает определенные сомнения. Но очень интересна мысль К. Меннингера о том, что есть и другая, хотя и второстепенная, цель. Этой целью является игра со смертью, которая никогда не прекращается, ибо разрушительные силы никогда не ослабевают¹.

Это имеет место в действиях, например, серийных убийц и террористов, бессознательным мотивом поведения которых действительно является игра со смертью, которая вызывает у них страх, но если бы его не было, то незачем и вступать в игру. Именно страх придает игре особую остроту и привлекательность. Это и влечет к ней тех игроков, которых мы называем убийцами.

В заключение приведем пример, который очень полно характеризует личность некрофила и мотивацию некрофильских убийств.

Л., 18 лет, ранее не привлекался к уголовной ответственности, обвинялся в том, что 9 марта 1997 г. в 03 мин., закончив дежурство в Высшем военном училище, расстрелял из автомата командира взвода и пятерых слушателей, еще одному слушателю причинил тяжкий вред здоровью. После этого со своим приятелем, тоже слушателем, скрылся с оружием в лесу, из которого они в тот же день вышли, вещи ушли в город и пришли в дом к своей знакомой, где через несколько часов были задержаны. Доказывание вины Л. не представляло сложности, сам он неизменно признавал себя виновным. Значительно труднее было установить мотивы преступных действий убийцы и наличие у него расстройства психической деятельности.

Л. является некрофильской личностью, и убийство шести человек совершено им в силу влечения к смерти. К этому выводу приводят следующие соображения.

а) Л. постоянно стремился куда-то уйти, выйти из систематически переживаемых психотравмирующих ситуаций, каковыми становились практически все обстоятельства его жизни. Не было ни одной из совокупности, которые не вызвали бы его тяжкие переживания:

- как только возникали трудности в родительской семье, он тут уходил из дома. Правда, сам Л. описывает отношения в ней в сугубо идиллических тонах, т. е. как отношения любви, понимания и поддержки между родителями, его старшим братом и им, никаких ссор, никаких конфликтов... Между тем эти пасторали вызывают серьезные сомнения и доказывают стремление Л. жить не в реальном, а в вымышленном мире: 1) он в беседе проговорился, что друзей у него было мало, но и тем, кто был, он никогда не доверял то, что происходило у него в семье, так как «нельзя выносить сор из избы»; 2) на просьбу рассказать о самых значительных событиях детства перечислил следующие: «однажды соседка принесла клубнику, и я побежал к ней через кровать»; «в детском саду была стычка с одним мальчиком, который украл у меня космические рисунки»; «мне было 7 лет, когда я разбил голову о батарею»; «помню первый звонок в школе»; «помню прием в пионеры»; «помню первую девушку, которая мне понравилась». Несмотря на настойчивые расспросы, испытуемый больше ничего из своего детства вспомнить не мог: таким образом, из его рассказов родители исключены полностью, что не может быть случайностью и свидетельствует о каких-то глубоко скрытых конфликтах в семье. Они произвели на него сильное впечатление, но в силу своего травматического характера не рефлексированы;

- Л. после окончания восьми классов ушел в другую школу, но там «оказалось много пьяниц и наркоманов», и он вернулся в прежнюю. Закончив ее, поступил в военное училище, но там тоже оказалось плохо, и уже через полгода стал тщательно продумывать план ухода из училища. Предлогом послужили якобы придирки со стороны командира взвода, которого он впоследствии убил. На самом деле никаких придирок не было — Л. каждый месяц объявлялась благодарность, что, конечно, невозможно без учета мнения командира взвода. Конфликт с ним лишь плод воображения убийцы, и если он хотел мстить лишь командиру, то непонятно, почему он стрелял еще в шестерых человек, с которыми у него, по его же словам, были нормальные отношения.

Необходимо отметить, что Л. подготовил письменный план расправы и взрыва в караульном помещении, предусмотрев в нем запас продуктов для более или менее длительного пребывания в лесу, но и, из леса он вскоре ушел и вернулся в город. Таким образом, из училища — уход в лес, из леса — в город. Наличие же письменного плана нападения с уничтожением многих людей само по себе исключает

¹ См.: Меннингер К. Война с самим собой. — М., 2000. С. 478.

аффект — преступление было тщательно подготовлено. Командир взвода был бессознательно избран в качестве предлога для уничтожения людей. Если даже допустить, что командир взвода каким-то образом преследовал Л., все-таки это не дает ответа на коренной вопрос: почему для решения конфликтной проблемы было избрано убийство, да еще не одного только командира, а не какой-либо иной выход из ситуации. Ответ на данный вопрос содержит в себе разгадку очень сложной мотивации поведения Л.;

- после приема спиртных напитков Л. обычно стремился куда-то уйти, куда — объяснить не мог. Он рассказал: «Вообще мне не нравится веселье, общество. Нравится природа. Люблю к ней ходить: один, без людей. Могу один просидеть час, два, три, чувствую каждый миллиметр природы. Больше люблю уединение»;

- постоянные попытки ухода имели место не только на физическом уровне (из семьи, школы, училища, леса), но и на психологическом: 1) он с детства увлекался фантастикой (вспомним конфликт в детском саду с мальчиком, который украл у него фантастический рисунок), предпочитал фантастику, приключения и историю другим литературным жанрам, писал фантастические рассказы, некоторые из которых были опубликованы; 2) приобретал литературу по магии и мистике, увлекался колдовством и магией, сам ставил магические опыты, в том числе с пятью свечами, одна из которых олицетворяла его самого; 3) очень часто бежал и во сне. Он рассказал: «Плывешь, бежишь, хочешь добежать до чего-то или убежать от чего-то, постоянно лезу на дом или в горы, на какую-то высоту. Падаешь, но умеешь зацепиться. Иногда бывал очень яркий сон, краски, полдня ходишь под его влиянием. Убегаешь, но не можешь убежать, потому что двигаешься медленно. Иногда чудовище гонится за мной».

Итак, Л. постоянно стремился куда-то уйти, выйти из психотравмирующих ситуаций, которыми становились все обстоятельства его жизни. Преследующее его во сне чудовище можно интерпретировать и как жизнь, которая его преследует. Практически не было обстоятельств, которые не вызывали бы его фрустрацию. Так, когда девушка не хотела продолжать отношения с ним, он расценивал это как катастрофу. Юношам, как известно, свойствен максимализм, и они весьма чувствительны в сфере контактов с девушками, однако Л. отнюдь не считал себя обойденным женским вниманием и пользовался неизменной симпатией со стороны своих подруг (сверстниц);

б) Л. испытывал постоянную близость к смерти, он, образно говоря, одной ногой жил в ней. Отношение у него к смерти амбивалентное — страх и влечение одновременно:

- часто думал о ней, о том, что такое загробная жизнь. Он считал, что «там нет ничего, нет загробной жизни, но и нет, чтобы все закончилось. Уходим в космос, на другую планету. Происходит перерождение, толчок в новое разумное существо. Если бы был шанс вернуться обратно, я бы ушел в смерть, чтобы узнать, что там». Увлечение колдовством и магией объясняется именно тем, что хотел узнать, что такое смерть. С помощью колдовских (магических) опытов пытался «переступить грань между жизнью и смертью, чтобы потом вернуться. Главное — узнать, что за этой гранью, есть ли рай, ад и все остальное. Окультистские науки отделяли от смерти на полшага. Когда я освоил теорию оккультизма и магии, почувствовал, что меня тянет в неизвестное — это и не смерть, а среднее между жизнью и смертью». Если буквально следовать последним словам, то его тянуло к тому, что уже не относится к жизни. О том, что тянуло в смерть, он говорит совершенно ясно («ушел бы в смерть, чтобы узнать, что там»);

- Л. не только думал о смерти и пытался проникнуть в нее с помощью не только магии, но и самоубийства. Об этом он прямо сказал в беседе: «Думая о самоубийстве, я хотел узнать, что будет со мной после смерти». Мысли об этом у него не расходились с делом: он 5 раз пытался наложить на себя руки, две попытки были особенно серьезны. Первая состоялась, когда ему было 12 или 13 лет: он с помощью химических препаратов приготовил отравляющий газ, которого, по его словам, хватило бы на «всю нашу квартиру, а не только на комнату, где я в то время был. Но в последний момент раздумал и выбросил смесь в окно». Вторая — примерно через год после первой, когда он накачал в шприц нитроглицерин, впрыснул его в конфету, а ее положил среди других конфет. Потом, как бы играя с судьбой, выбрал одну, которая оказалась как раз с нитроглицерином, и съел ее. Пошла кровь из ушей и из носа, вызвали скорую помощь.

Последняя суицидальная попытка имела место уже после ареста и носила скорее демонстративный характер — он желал показать меру своего раскаяния;

- связь с «потусторонним миром» осуществлялась и путем вызывания духов: во время оккультного сеанса «мне было интересно, смогу ли я вызвать духов, которые должны подчиняться мне, но я и сейчас не уверен, что это можно сделать». Во время одного такого

сеанса свеча, которая олицетворяла его самого, потухла, в то время как остальные продолжали гореть. Этот эпизод он интерпретировал как неизбежность своей скорой смерти;

- связь с «потусторонним миром» происходила и через некие таинственные силы. Речь идет о следующем: еще в почти детские годы в пятом-шестом классах, примерно 5—6 раз в неделю Л. стал ощущать затылком чей-то взгляд. Когда он оборачивался, то иногда обнаруживал сзади знакомого, в других случаях знакомых не видел. Поясняет: «Не знаю, хотел ли что-нибудь смотрящий мне в затылок о! меня или нет». Обращает на себя внимание, что ощущение, что кто-то смотрит ему в затылок, появилось в 12—13 лет, то есть тогда же, когда предпринимались первые суицидальные действия. Вряд ли можно здесь говорить о простом совпадении, скорее это разные формы влечения и интереса к загробной жизни;

- иногда во сне видел червей, причем черви были большие, «с меня ростом, я с ними боролся». Черви, согласно Х.Э. Керлоту *Щ* К.Г. Юнгу, символизируют смерть и гниение;

- ощущал себя сопричастным смерти и в том смысле, что мог способствовать ее наступлению. Так, он считал, что содействовал смерти своей бабушки: в день ее кончины родители уехали на дачу, оставив на его попечение тяжелобольную старую женщину. Он подошел к ее кровати, чтобы поправить постель, и при этом подумал: «Если может жить без мучений, пусть живет, если нет, то пусть *ума* рет». Затем он ушел на кухню и вскоре перестал слышать стоны. За! беспокоившись (она до этого все время стонала), вернулся в комнату и обнаружил, что бабушка мертва.

Этот печальный эпизод Л. интерпретировал так, что его мысли] вызвали ее смерть, т. е. приписал себе некоторый особый дар, умение вступать в контакт со смертью. Он вообще приписывал себе сверхъестественные способности, о чем говорил своим знакомым. Например, считал, что сможет добиться изменения поведения своих знакомых, если этого очень захочет;

- все убийства совершены в караульном помещении училища.* Рассказ о них Л. весьма информативен для понимания некрофильской натуры этого человека. Он сначала выстрелил в командира взвода, а затем стал стрелять во все, что двигалось или шевелилось. «Я людей этих не видел, руки автоматически направлялись туда, где было движение. Так, я пошел в курилку и стал стрелять там, поскольку увидел движение двери и понял, что кто-то вошел туда». Обратим на!

этот момент особое внимание, поскольку движение есть сама жизнь, в равной мере как и шевеление, ибо и шевелиться может только живое. Он даже не знал, в кого стреляет. Он убивал жизнь;

- Л. писал фантастические повести и рассказы, одна повесть была даже напечатана в «Пионерской правде». В своих произведениях он описывал и убийства, которые, конечно, совершали фантастические существа в благих целях.

Сказанное позволяет утверждать, что мотивом убийства шестерых человек и причинение тяжкого вреда здоровью еще одному мотивировалось потребностью в причинении смерти. Этому способствовали некоторые его личностные черты. Так, психологическое изучение Л. показало, что ему присущи женственность, незащищенность, незрелость и инфантильность, инфантильная агрессивность, протест против женственности, связанный с чувством мужской неполноценности и попыткой компенсировать ее, он ориентирован на себя и постоянно нуждается в защите, в нем проглядывают некоторые шизоидные черты. В то же время заметны демонстративные особенности, желание быть на виду, показать себя, быть лидером.

Глава II

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Общие методологические вопросы

Проблема причин преступности — самая острая, дискуссионная, можно даже сказать, самая болезненная в криминологии. Объяснительных схем здесь необычайно много — от антропологических и психических до социологических и психологических. В недавнем советском прошлом она была предельно идеологизирована, более того, табуизирована, поскольку никто не смел высказывать о ней *свое* мнение — иное, чем этого хотелось властям.

Тем не менее научные исследования причин преступности в отечественной криминологии ведутся более ста лет. За этот период российским ученым представилась возможность получить результаты, способные пролить свет на весь комплекс весьма сложных криминальных факторов, систематизировать и оценить их. Данные результаты позволили создать некоторую общую теоретическую концепцию причин преступности, определить общие, наиболее важные и принципиальные подходы к ее предупреждению, разработать конкретные рекомендации по использованию полученных данных в практических целях борьбы с преступностью. Разумеется, к настоящему времени, особенно в последнее десятилетие, российские криминологи сделали немало для исследования причин преступности. Как теоретические выводы, так и методологические пути изучения причин преступности разнятся в соответствии с установками той или иной научной криминологической школы. Правда, российские криминологические школы, в полной мере унаследовавшие советские традиции, мало отличаются друг от друга, особенно по проблемам причин преступности.

Причины преступности обсуждались в советской криминологии еще в 60-х годах прошлого столетия. Тогда сама мысль об их наличии

в социалистическом обществе была и новаторской, и смелой, но, по понятным причинам, соображения по этому поводу высказывались самые робкие. Они в основном сводились к двум главным детерминирующим факторам: действию пережитков в сознании людей в силу его отставания от бытия и влиянию капиталистического окружения. Иными словами, советская действительность представлялась ангельски чистой: один блок причин действовал потому, что еще раньше, задолго до социализма, существовали негативные явления и процессы, которые закрепились и проявляются в сознании, явно не поспевая за вполне лучезарной реальностью. При этом исходили из того, что отставание сознания от бытия есть раз и навсегда установленный и сформулированный (коммунистами, естественно) социальный закон. Вообще следует отметить, что ведущие коммунистические идеологи просто обожали открывать новые социальные и экономические законы, которые ясно и четко объясняли все на свете. На самом же деле это было ничем иным, как примитивизацией жизни, атрибутивно свойственной тоталитарному мышлению.

Второй блок тоже был найден очень удачно. Впрочем, даже не найден, его нечего было искать, он сам просился в руки в силу исконной тенденции большевиков видеть все плохое не в себе, а в других.

О том, как выглядела в те, теперь уже далекие годы теория причин преступности при социализме, красноречиво свидетельствует следующий пассаж из учебника криминологии 1966 г., который приведем дословно.

«Первая группа преступлений — особо опасные государственные преступления — выражение тех классово-антагонистических противоречий между лагерями социализма и капитализма, которые возникли с первых дней существования Советского государства. Поэтому главная причина их совершения — влияние империалистического лагеря в широком смысле слова, его подрывная антисоветская деятельность.

Враждебная деятельность империалистического лагеря выражается в различных формах подрывной деятельности, направленной против Советского государства. Известно, что по Закону о взаимном обеспечении безопасности, принятому в США в 1951 году, по государственному бюджету ежегодно ассигнуется на подрывную деятельность в социалистических странах значительная сумма, причем эта сумма постоянно увеличивается. Американское правительство также расходует на разведку огромные средства, причем эти деньги идут в основном на разведывательную работу в странах социалистического содружества.

Враждебное влияние империалистического лагеря проявляется» в виде распространения клеветнических измышлений против советского строя, Коммунистической партии. Идеологи антикоммунизма пытаются перенести «войну идей» на территории социалистических государств, делая при этом основную «ставку» на идеологически и морально неустойчивых людей.

Причины другой (общеуголовной. — Ю.А.) группы преступлений, равно как и сама эта преступность, за ряд лет претерпели существенные изменения. Из названных выше причин, характерных для первого периода развития социалистического государства, в качестве непосредственной причины общеуголовной преступности остаются неизжитые еще взгляды, привычки, присущие идеологии и психологии прежних общественно-экономических формаций».

Такое видение причин преступности прочно закрепилось практически во всех учебниках криминологии советского периода. Так, пламенный борец с империализмом в науке и разоблачитель буржуазных криминологических теорий (исключительно, конечно, опасных) А.А. Герцензон сформулировал все это в качестве непререкаемой догмы, и она сохранилась таковой в течение многих десятилетий, всегда радуя сердца коммунистических начальников. А.А. Герцензон еще признавал некоторые объективно существующие трудности, нерешенные проблемы строительства нашего общества. Однако, отмечал он, в отличие от первого периода развития советского общества, на этапе перехода к коммунизму факторы экономического порядка не играют существенной роли в формировании и сохранении антиобщественных взглядов. Но нужно заметить, что учебник криминологии, где сформулирована приведенная концепция, был первым и сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии криминологии.

Постепенно наивные и в то же время небезвредные объяснительные схемы преодолевались благодаря усилиям таких видных ученых как В.Н. Кудрявцев, А.Б. Сахаров, А.М. Яковлев.

В.Н. Кудрявцев определил исходные методологические позиции! исследований причин преступности еще в 70-х годах. Он, например писал, что криминогенные причины обладают всеми общими чертами социальной причинности и, кроме того, отражают определенную специфику антиобщественных явлений. Последнее можно рассматривать как негативный, отрицательный элемент общественной жизни, как известные издержки в функционировании социальной системы. Причины этих издержек, имеющих социальный характер, надо

искать в социальных явлениях, а не за пределами общества. Нельзя не согласиться с тем, что поскольку преступность — социальное явление, то ее причины имеют социальный характер. Эти принципиальные положения были развиты В.Н. Кудрявцевым в его последующих трудах. Среди них обращает на себя внимание написанная им глава о причинах преступности в учебнике криминологии 1999 г. В нем автор изложил концепцию, имеющую важное значение для развития теории причин преступности.

Во-первых, он констатировал, что причины преступности на социологическом уровне необходимо прежде всего искать в экономических отношениях, их противоречиях, несбалансированности хозяйственного механизма, пороках и недостатках экономической политики, а также в системе распределительных отношений. Рыночные отношения изначально отягощены преступностью. Объясняется это тем, что они основываются на конкуренции, а значит — на подавлении конкурентов, на запрограммированной избыточности рабочей силы, на выжимании прибыли возможно больших размеров, на столь же запрограммированном имущественном и социальном расслоении людей. Однако ни одна экономическая система не избавлена от негативных сторон и противоречий.

Во-вторых, причины преступности следует искать во всей палитре отношений с внешней средой как социальным Существом, в том, что является содержанием социального бытия человека во всех его сложностях и противоречиях.

Социальные отношения, в которых личность чувствует себя не равной другим, ущемленной, всегда чреваты протестующим поведением, а в крайнем своем выражении — преступным. Практически редко можно встретить человека, полностью удовлетворенного положением в обществе. Межличностные конфликты, возникающие на почве неудовлетворительного социального бытия человека и отношений, складывающихся вследствие этого, опасны тем, что возникают либо неожиданно, но как результат «накопления» недовольства в течение длительного периода времени и поэтому трудно распознаваемы и тем более предупреждаемы, либо начинаются практически с первых дней совместной жизни и с каждым последующим днем (периодом) становятся все более невыносимыми, приводя в конечном счете к взрыву, преступлению.

В-третьих, в числе причин, вызывающих наиболее резкую реакцию человека, следует назвать политические интересы и конфлик-

ты, возникающие на их почве. Ничто не разводит людей на разные полюса столь непримиримо, как политическое несогласие. Политические интересы в подавляющем большинстве случаев связывают и с борьбой за власть, в процессе которой в выборе политических антиподов не очень-то церемонятся. Трагические страницы человеческой истории написаны кровью людей, проливаемой политиками ради политических интересов и в борьбе за власть. Политическая нестабильность в России обострила до предела экономическую социальную ситуацию, «взорвала» межнациональные отношения, привела к массовым убийствам, активизации вооруженных банд и совершению террористических актов, к нападению на жилища в чем не повинных людей и их разграблению, преступлениям на почве национализма.

В-четвертых, причины преступности следует искать и в нравственном состоянии общества, в наличии или отсутствии тех или иных моральных ценностей и установок.

Нефеноменологические (объяснительные) исследования в любой науке чрезвычайно нужны, особенно в криминологии, которая призвана не столько описывать, сколько объяснять антиобщественные явления и процессы, составляющие ее предмет. Сосредоточение большинства криминологических работ на описательном уровне является свидетельством не только трудностей собственно нефеноменологического изыскания, но и того, что такие изыскания проводятся в недостаточно полном объеме, хотя нельзя не признать их научную элитарность.

Можно констатировать четыре основных уровня исследования причин преступности:

- на уровне всей преступности — сосредоточение внимания на глобальных экономических, социальных, психологических и иных противоречиях, на существенных недостатках в деятельности государственных органов и общественных организаций, которые оказывают отрицательное влияние на общество в целом, состояние общественной нравственности, а отсюда на поведение отдельных людей;
- на уровне отдельного региона (субъекта федерации или федерального округа), что для такой огромной по территории страны, как Россия, более чем актуально — предупреждение преступности в регионе должно стать одним из стратегических направлений борьбы с преступностью;
- на уровне отдельных социальных групп населения — выделение по возрасту, полу, роду занятий и т. д., отдельным сферам жизне-

деятельности (в быту, на производстве, в армии и т. д.), отдельным областям народного хозяйства или государственного управления;

- на уровне личности и индивидуального поведения — фокусирование научных усилий на познании психологии человека, прибегая к глубинным психологическим (патопсихологическим) и психиатрическим (психопатологическим), комплексным психолого-психиатрическим изысканиям. В конце концов, преступность есть сумма совершенных отдельными людьми преступлений, и чтобы понять причины этой «суммы», нужно знать причины отдельных преступных фактов.

Указанные направления развиваются в отечественной криминологии достаточно интенсивно, правда, методологические рассуждения на этот счет встречаются весьма нечасто, вообще науковедческий уровень не только в криминологии, но и вообще в юриспруденции представлен слабо. Четвертый уровень познания причин преступности был наиболее продуктивно начат еще А. Б. Сахаровым, который настойчиво искал причины отставания сознания от бытия, индивидуалистических установок и взглядов. Для этого именно им впервые были осуществлены широкие теоретические изыскания экономических и особенно социальных причин формирования и сохранения антиобщественных установок. При этом он (тоже впервые) повышенное внимание уделил обстановке в семье и условиям семейного воспитания, школе и ее роли в создании нравственного облика личности, влияниям неформального микросредового окружения и трудовых коллективов. Исследования А. Б. Сахарова носили исключительно социологический характер.

Однако наряду с непрекращающимся теоретическим поиском общесоциальных причин преступности необходимо поставить казалось бы простой и в то же время чрезвычайно сложный вопрос: почему все-таки люди всегда совершают преступления, почему совершают преступления даже в самых богатых, просвещенных и процветающих обществах?

Преступное поведение представляет собой естественное и имманентно присущее человеку явление. Человек не может жить без преступления, как он не может не болеть или не стареть; преступление есть естественный, привычный, давно известный, очень часто вполне одобряемый и приемлемый способ решения возникающих проблем. Не следует быть ханжами и считать, что преступное поведение всегда осуждается общественной моралью. Эмпирические исследования неопровержимо свидетельствуют, что общественное сознание

на его обыденном уровне постоянно оправдывает совершение преступлений, даже таких ужасных, как убийства, не говоря уже о кражах, взяточничестве, хищениях и других корыстных преступлениях. Очень редко можно встретить действительно кающихся преступников, к покаянию совсем не склонны даже убийцы, «мальчики кровавые в глазах» у них весьма редкие гости. Но и официальная мораль отнюдь не строга к преступникам и преступлениям, о чем наглядно свидетельствуют средства массовой информации. Постоянная демонстрация жестокости, даже ее смакование; болезненный интерес средств массовой информации к преступникам, в том числе к террористам; неразборчивое, якобы претендующее на объективность описание их жизни, поступков и переживаний тоже говорит об одобрении преступной активности таких лиц. Люди время от времени начинают клеймить все преступления, но где-то в глубине души обреченно признают, что все равно будут их совершать.

Общественное мнение даже вполне демократических стран нередко берет под защиту преступников, в том числе террористов: на пример, в европейских странах часто оправдывают чеченских террористов, тем самым оправдывая и совершенные ими тяжчайшие преступления. Следовательно, поощряют их.

Нельзя не сказать и о том, что иногда совершает преступления и сама государственная власть: в демократических странах — весьма завуалировано, в тоталитарных — нагло и цинично.

В методологических целях следует различать причины существования преступности вообще (их мы исследовали в гл. I) и причины преступности в данной стране. Первые значительно шире, они связаны со всей историей человечества, неразрывно вписаны в нее и определяют такую очень важную черту преступности, как ее вечность; т. е. то, что она была всегда и навсегда останется. Преступления неистребимы, поскольку в любом обществе и во все времена обязательно окажется человек или группа людей, которые не будут согласны с существующей системой распределения материальных и духовных благ или своим местом в межличностных отношениях, со своим биологическим и (или) социальным статусом. Несогласие следует учитывать в самом широком диапазоне: от размера присваиваемых (получаемых) материальных ценностей до своего фактического положения в межполовых (сексуальных) отношениях. Человек может принимать себя только в определенном качестве, когда не страдает его «Я»-концепция.

Подобные мотивации можно выявить практически в любом преступлении, но в разной степени выраженности и при условии применения адекватных методик, прежде всего психологических. Наиболее ярко они представлены среди корыстных преступлений, особенно крупных хищений, систематических взяток, а также в серийных изнасилованиях и серийных сексуальных убийствах.

Комплекс причин преступности в какой-то стране является сконцентрированным и актуализированным проявлением причин существования преступности в целом, которые действуют не сами по себе, а именно через те, которые криминогенны в данном обществе в данное время. Однако и те, и другие причины в конечном итоге проявляют себя в качестве причин индивидуального преступного поведения.

Еще одно методологическое соображение заставляет возразить против высказанной в литературе точки зрения на причинность в криминологии по поводу того, что психологические причины преступности якобы сконцентрированы на уровне индивидуального преступного поведения, а социологические — на уровне пороков и недостатков общественной системы, т. е. на социальных, экономических, политических и духовных явлениях, которые вызывают преступность, их взаимосвязях и взаимообусловленностях. Дело в том, что психологические, а точнее — социально-психологические явления и процессы возникают на любой плоскости функционирования общества, в том числе в связи с пороками и недостатками всей общественной системы, имеющими криминогенное значение.

Это, в частности, предопределяет научный поиск причин преступности и ее отдельных видов в этнопсихологии или религиозной психологии, в психологии толпы (что, например, с успехом сделано многими европейскими социальными психологами, например, С. Московичи). Вместе с тем вполне возможно и необходимо социологическое исследование личности и индивидуального поведения. И такие исследования активно проводятся. Исследования личности преступника в отечественной криминологии как раз с социологических работ и начались. При исследовании причин преступности необходимо соблюдать важное методологическое требование: отличать, отделять причины преступности от условий, которые способствуют ее существованию. Как бы значимы ни были условия, они все-таки не обладают генетическим потенциалом, они не «рождают» преступность, но способны во многом определять ее уровень и характер. Например, нынешний весьма масштабный уровень корыстной преступности —

фактической, а не зарегистрированной — в значительной мере определяется коррупцией в правоохранительных органах и судах. Но коррупция не является причиной корыстной преступности, она может выступить лишь в роли условия и, конечно, объектом предупредительного воздействия.

Полагаем, что для прогресса криминологии необходимо интенсивно развивать исследования и на социологическом, и на психологическом уровнях, но думается, что индивидуальный уровень в зависимости от целей исследования и других важных обстоятельств может быть не менее продуктивным, чем общесоциальный. Но чтобы здесь добиться заметного продвижения вперед, а не вновь идти по уже пройденному пути, как это чаще всего делается, необходимо наряду с микросредовыми исследованиями осуществлять более глубокое изучение личности преступника, и не только на уровне сознания. Нужны активные изыскания в сферах индивидуального и коллективного бессознательного с позиций решения человеком своих извечных ценностных проблем, в криминологическом аспекте следует проследить онтогенетические и филогенетические движения личности. Необходимо раз и навсегда избавиться от представления, что бессознательный слой психики может быть только у отдельного человека, а общество и государство всегда действуют рационально и разумно. Так называемое общественное сознание, как это ни парадоксально звучит, включает в себя и мощный бессознательный аспект, во многом предопределяющий смыслы и цели активности общественного сознания.

Отечественная криминология очень мало внимания уделила коллективному бессознательному, открытие которого К. Г. Юнгом дало возможность гуманитарным наукам более продуктивно изучать социальные явления. Необходимо показать, что с позиций коллективного бессознательного следует активно изучать некоторые виды убийств и сексуальных преступлений, государственный терроризм и некоторые другие преступные посягательства.

Как показано выше, человек совершает преступления потому, что он:

- постоянно испытывает тревожность и беспокойство из-за своего положения в мире, огромном и бескрайнем, близком и микросредовом, к которому он далеко не всегда достаточно хорошо адаптирован;
- не знает самого себя, дремлющие в нем разрушительные силы, которые обычно проецирует в свое психологическое поле в виде врагов, демонов, сатаны и т. д.;

• боится агрессии со стороны окружающего мира, и в связи с этим своей несостоятельности, неумения защищать свои социальные и биологические интересы;

- переживает страх смерти, а поэтому предпринимает меры, чтобы сделать ее понятной и в то же время отодвинуть от себя.

Все названные переживания по большей части имманентны, спонтанны, диффузны и протекают бессознательно. Эти переживания носят гораздо более глобальный характер, чем так называемые социальные противоречия, о которых криминологи говорят как о наиболее общей причине преступности, впрочем, не разъясняя, что они понимают под такими противоречиями. Названные переживания могут порождаться как социальными причинами (теми же противоречиями), так и биологическими (в первую очередь страхом смерти), но приобретают криминогенный статус лишь в результате неблагоприятных социальных влияний и ненадлежащего воспитания.

Ни одна из особенностей личности, в том числе психологическая, взятая в отдельности, сама по себе не может рассматриваться в качестве однозначно криминогенной. Криминогенными следует считать сочетание отдельных личностных черт, но даже при наличии такого сочетания оно фатально не приводит к преступному поведению, хотя существенно повышает его риск (например, импульсивность и паранойяльность при высоком уровне агрессивности). Сходные закономерности действуют и на уровне детерминации всей преступности, и здесь действует не одна причина (скажем, не только экономические провалы), но их комплекс. Однако на уровне преступности, в отличие от индивидуального поведения, функционирование криминогенных факторов фатально обрекает все человечество на преступность, а не отдельного человека.

Попытаемся ответить на вопросы, почему сейчас в России столь высок уровень преступности, и насильственной и корыстной, почему правоохранительные органы действуют неэффективно, а общество и его институты пассивны?

Полный перечень причин и условий, порождающих преступное поведение, дать в принципе невозможно. Процессы и явления, способные прямо или косвенно сыграть малую или существенную криминогенную роль, бесчисленны, они коренятся буквально во всех без исключения сферах жизнедеятельности общества в целом, его институтах и социальных групп, отдельных людей. Поэтому в последующем изложении внимание будет сосредоточено только на тех фак-

торах, повышенное криминогенное влияние которых доказано и подтверждено материалами многочисленных научных исследований. 1

Говоря в самом общем виде, надо подчеркнуть: сильнодействующие криминогенные факторы, определяющие сложившуюся криминальную ситуацию в России, коренятся как в исторических условиях развития страны, так и в явлениях и процессах, связанных с спецификой нынешнего периода'.

Причины высокого уровня преступности

1

Причины преступности в современной России могут быть сведены к следующим главным факторам.

Резкое расслоение общества на очень богатых и очень бедных! различия между которыми не смягчаются наличием так называемого третьего класса — его в России попросту нет. Но главное в том, что бедные не получают необходимой социальной помощи и поддержки, для них общество не определило перспективы.

Разумеется, этот фактор представляет собой значительную! криминогенную опасность не сам по себе, а по своим социальным и психологическим последствиям и в связи с другими социальными явлениями, прежде всего общей слабостью российского общества и государства. В современном мире подобное расслоение характерно: первую очередь для бедных стран, не способных обеспечить своим гражданам достойное существование, оказать помощь тем, кто в ней особенно нуждается, низкий уровень жизни одних создает базу для обогащения других, подчас невероятного. Это влечет за собой, во! первых, страх, зависть, злобу и всеобщее недоверие в обществе, различные формы насилия, а, во-вторых, широкомасштабную корыстную преступность социально-экономических элит, чьи преступления! большей части остаются безнаказанными, что в свою очередь порождает ненависть и злобу, неверие в закон и пренебрежение к нему, полное недоверие к власти.

В силу данных обстоятельств есть все основания думать, что современное российское общество поражено аномией: значительная часть! его членов, даже большинство, зная о существовании обязывающих их правовых и моральных норм, систематически нарушает их. Они эти!

нормы попросту презирают, особенно когда наблюдают, как богатые их попирают. Средства массовой информации и личный опыт практически ежедневно убеждают их в этом, а собственные неудачи, невозможность улучшить свое материальное положение делают их все! ма чувствительными к царящему в обществе вопиющему неравенству.

Народ устал надеяться, он уже давно не верит никаким обещаниям, в своей массе он охвачен безысходностью и даже отчаянием. Люди не верят в справедливость существующего социального строя, в справедливое и правильное распределение материальных и духовных благ, всего огромного комплекса товаров, услуг и помощи. Сейчас в российском обществе о подобном распределении говорить не приходится, существует колоссальный разрыв в материальном и духовном обеспечении различных слоев населения, т. е. абсолютно неприемлемый разрыв между бедными и богатыми. Средний класс, который во всех странах является опорой государственного и общественного строя и о котором постоянно говорят в нашем обществе последние годы, тем не менее до сих пор не сформировался и его появление трудно ждать в ближайшем будущем. Люди неизбежно связывают несправедливость жизни, иными словами несправедливость в распределении ее благ, с существующими законами. Поэтому, будучи недовольны своей жизнью, они отрицают и законы, господствующие в обществе.

Таким образом, изменение социальной структуры общества является самой насущной задачей его развития и без ее решения говорить об успешном обеспечении правопорядка просто беспредметно.

В России всегда существовала и существует духовная и интеллектуальная элита — наследница великой русской культуры прошлых эпох. Она (элита) является могучим воспитателем для очень многих людей, но, увы, не всего общества, поскольку, к сожалению, информацией о ней и ее творчестве пользуется лишь небольшая часть населения — только интеллигенция, да и то не вся. Это вполне естественное явление, наблюдаемое во всех странах, но в этой связи важно отметить другое: благодаря средствам массовой информации широкие слои населения прекрасно знают о политической элите и олигархах. Проблема состоит в том, что политическая элита и олигархи очень часто демонстрируют самое безнравственное поведение, презрение к закону и интересам общества, показывают, что сила, а не закон является главным.

Здесь имеется в виду поведение представителей политических элит в центре и на местах, например, во время предвыборных кам-

паний, политических дискуссий, беззастенчивого отстаивания точнее пробивания своих интересов и т. д. Как мы можем легко убедиться благодаря телевидению и газетам, элементарный мордобой является частой заменой аргументов. Самое возмутительное, что такое поведение демонстрируют члены законодательных органов, которые, в принципе, должны быть образцом нравственного поведения и четкого следования закону. Разве можно убедить молодого человека, что не с помощью кулаков надо решать свои личные проблемы, когда он видит, как на экране телевизора один депутат, т. е. так называемый народный избранник, избивает другого. Очень многие люди никогда не поверят в то, что можно жить честно, не воруя, если они изо дня в день получают информацию о том, что те, которые составляют верхушку общества, наживаются самым бессовестным образом.

Коррупция и казнокрадство приобрели в России невиданные размеры, страна приобрела печальную славу одной из самых коррумпированных в мире. Это самым разрушительным образом сказывается на нашем уровне жизни, однако подавляющее большинство фактов коррупции никогда не регистрируются в качестве таковых. Достаточно сказать, что в море взяток в стране возбуждается лишь 15–16 тысяч уголовных дел, а из них до приговора доходит лишь меньшая часть. Многие уголовные дела об опасном корыстном поведении, например, в связи с подкупом участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, невозвращением из-за границы средств в иностранной валюте исчисляются буквально единицами. Между тем действительно виновными в таких преступных действиях являются именно богатые люди, чьи самодовольные и сытые физиономии мы так часто видим на экранах наших телевизоров и в газетах.

Таким образом, обуздание некоторых представителей политической элиты и олигархов, подчинение их закону является насущной социальной и нравственной задачей нашего общества. Без этого разговора о правовом воспитании граждан беспредметны.

В связи с названными двумя условиями нашей социальной жизни находится и следующее — существование в нашей стране сословной юстиции, когда богатые и влиятельные с достаточной легкостью могут избежать уголовного наказания, в то время как представители низших слоев населения испытывают всю его тяжесть. Поэтому очень сомнительно, что так называемый простой российский человек по-

верит в трепетное отношение к закону, если он видит, что сильный и богатый может уйти от возмездия, сохранив свои привилегии и положение в обществе.

Следует подчеркнуть, что сословная юстиция, порождающая вопиющее неравенство граждан перед законом, имеет своим источником несправедливое распределение материальных и духовных благ. Здесь же надо сказать о связи сословной юстиции с массовым презрительным отношением к закону в России.

Граждане России не чувствуют, что закон надежно защищает их, в первую очередь их исконные, главные жизненные ценности, такие как жизнь, здоровье и честь. Мало того, что богатые и влиятельные люди могут избежать наказания в случае нарушения закона, в том числе с помощью высокооплачиваемых адвокатов, но и сами наказания преступникам, даже в случае совершения ими наиболее кровавых деяний, в глазах большей части населения выглядят несправедливыми, несоразмерными с тем ущербом, который они нанесли.

Здесь имеется в виду не только фактическое отсутствие в нашей стране такого наказания, как смертная казнь, хотя есть преступления, за которые следует казнить: это террористические акты, убийства детей, убийства с целью завладения имуществом, серийные сексуальные убийства и некоторые другие. Но даже при отсутствии этого наказания удивляет мягкость и снисходительность, которые подчас проявляют российские суды по отношению к самым опасным преступникам. К тому же в стране сложилась порочная практика, когда такие люди в случае, если они не нарушают режим содержания в местах лишения свободы, могут представляться к условно-досрочному освобождению. Известен факт, когда 17-летний преступник совершил 5 убийств и изнасилований и был приговорен к 10 годам лишения свободы. Через 6 лет он был условно-досрочно освобожден из исправительного учреждения, а через 3 месяца вновь совершил 5 убийств и изнасилований.

Как показывает изучение практики, 20–25% людей, совершивших особо тяжкие общественно опасные деяния, признаются невменяемыми и помещаются в психиатрические стационары с различным режимом. Однако они часто освобождаются оттуда по той причине, что стационар переполнен. Поэтому мы видим, что и с этой стороны жизнь и здоровье людей тоже недостаточно хорошо защищены.

Понятно, что те огромные социальные изъяны, о которых здесь было сказано, невозможно устранить, особенно в короткое время.

Однако есть уверенность в том, что невозможно говорить об эффек-
тивном правопорядке и обеспечении законности, если большинство
людей считают жизнь тяжелой и несправедливой, опасаются за себя
и своих близких, за их будущее, если они видят, что можно жить в
достатке, нарушая закон и не считаясь с интересами других, если они
изо дня в день наблюдают грубое нарушение закона со стороны тех,
кто призван соблюдать его.

В качестве криминогенного фактора следует выделить недоста-
точное развитие экономики России, несбалансированность и про-
тиворечия экономических отношений, пороки хозяйственного
механизма и экономической политики, а также недостатки в сис-
теме распределительных отношений. Криминогенные факторы эко-
номического характера могут вызывать провалы и тяжкие кризисы
в самых различных социальных узлах, в том числе в области духов-
ности.

Форсированные, суетливые темпы разгосударствления и привар-
тизации, принижение роли государства в регулировании экономи-
ческих процессов, поспешное изменение правовых и нравственных норм
создали благоприятную почву для неконтролируемого криминали-
зованного бизнеса и коррупционного «сотрудничества» чиновни-
ков и представителей частного сектора. Это дало мощный толчок
организованной преступности, в том числе транснациональной.

Притязания и интересы криминальной среды естественно оказа-
лись связанными прежде всего со сферой экономики, где возникли
и продолжают сохраняться огромные возможности для противоправ-
ного обогащения, безнаказанного паразитирования на трудностях и
издержках экономических реформ. Скоротечная либерализация эко-
номической деятельности, передача государственной и обществен-
ной собственности в частные руки нередко по необоснованно зани-
женной стоимости, при отсутствии надежного механизма контроля
и защиты от преступных посягательств создали благоприятные ус-
ловия для внедрения в экономику откровенно криминальных эле-
ментов, бесконтрольного распоряжения национальными богатства-
ми, в том числе со стороны коррумпированного чиновничества.

Большинство граждан оказались неподготовленными к активно-
му включению в систему рыночных отношений, что породило поте-
рю ориентиров, растерянность, стремление любыми средствами
«удержаться на плаву» и тем самым стимулировало криминально
поведение. К тому же социализм жестко сдерживал развитие инди-

видуальной экономической инициативы, поэтому люди не знали, как
вести себя в новых для себя рыночных условиях.

Экономические отношения, уровень развития экономики затрагива-
ют практически каждого человека в современных российских условиях и
его возможности трудиться, иными словами, продавать свой труд. Кроме
того, ограниченный экономический потенциал страны не позволяет в
должной мере использовать общесоциальные и специальные кримино-
логические меры профилактики преступлений. Отсутствие материаль-
ных возможностей препятствует адекватной оплате труда сотрудников
правоохранительных органов, что стало одной из причин небывалого
масштаба коррупции. В равной мере это сказывается на том, что эти орга-
ны очень слабо оснащены технически. Ограниченность экономических
ресурсов для надлежащего обустройства и защиты государственных гра-
ниц Российской Федерации является условием, способствующим кон-
трабанде оружия, транзиту наркотиков, нелегальной миграции, другим
криминальным проявлениям транснационального характера.

Поэтому у нас в стране намного чаще призывают к борьбе с пре-
ступностью, но реально делают для этого ничтожно мало.

В то же время нет и не может быть непосредственной и однознач-
ной связи между экономическими отношениями и преступностью,
при любых экономических отношениях и любом уровне развития
экономики существует преступность, даже в самом богатом обще-
стве. Экономические факторы всегда действуют в совокупности с
другими причинами. Рыночные отношения ставят перед отечествен-
ными криминологами новые проблемы, которые надо исследовать и
с учетом того научного опыта, который уже имеется за рубежом.

Многие группы населения страны по сравнению с советскими вре-
менами материально обеспечены лучше, лучше питаются, имеют
больше возможностей приобретения вещей, лечения и отдыха, но жи-
вут хуже: неизмеримо возросла их информированность о том, что мож-
но жить намного лучше, но это для них недоступно. Люди намного луч-
ше осознали, что живут плохо. Отсюда травматические переживания и
социальный протест, иногда принимающий форму преступления.

Утеря прежнего государственного патронажа для многих людей
оказалась очень болезненной, они почувствовали себя выброшен-
ными за борт, никому не нужными. До этого психологически они
были вполне защищены всемогущим тоталитарным государством и
огромными территориями. Государство, этот Великий Отец, надеж-
но и плотно опекал их от рождения до смерти, полностью распоря-

жаясь тем, где учиться, как вести себя, где и в качестве кого трудиться. Граждане России и сейчас ждут от государства полной опеки. Такого из числа опрошенных в 2004 г. фондом «Экспертиза» россиян 68% полагают, что государство обязано гарантировать каждому человеку приличную работу и достойный уровень жизни. Более чем в два раза оказалось меньше тех, кто считает, что поддержка государства нужна только тем, кто не может работать (старикам, детям, инвалидам). Я

Исчезновение государственной опеки породило три негативных и очень важных для нравственного здоровья нашего общества обстоятельства:

- а) необходимо нападать первым, чтобы защитить себя;
- б) можно совершать любые поступки, чтобы обеспечить свое материальное и социальное благополучие;
- в) демократическое государство не может быть сильным, оно должно быть авторитарным, чтобы его боялись в стране и за рубежом. Защищать должно только государство, а не институты гражданского общества и не сам человек.

Криминогенность этих обстоятельств усилилась благодаря разрушению прежних идеологических ориентиров, что ошибочно (в первую очередь благодаря средствам массовой информации) было принято за утерю нравственных ценностей. В девяностые годы, да и сейчас, весьма популярной стала заимствованная у Достоевского мысль «Если нет Бога, то все дозволено». Как будто безукоризненно нравственным не может быть атеист или с именем Бога не совершаются самые кровавые преступления. Вместе с тем православие и другие религии в современном мире не могут заменить тоталитарные идеологии, но способны стать антикриминогенным фактором при условии, что их значимость адекватно понятна и оценена.

В силу ментальных особенностей людей нашего общества, их восприятия себя в окружающем мире, что в решающей мере сформировалось под влиянием православия, российский человек ориентирован не на достижение большого личного успеха путем собственных усилий, а лишь самых скромных результатов. Однако он, узнав о том, что можно жить гораздо лучше, далеко не всегда готов довольствоваться убогой жизнью, поэтому прибегает к запрещенным методам обогащения и повышения социального статуса.

Российский человек ждет, когда ему дадут работу, а не создает ее сам, следовательно, он безынициативен. Его социальная мобильность, в том числе горизонтальная, очень низка, государство же ни-

о не делает для ее повышения. Очень часто он не понимает, что
4 ТРУД ~ это товара Р> и предлагает товар самого низкого качества или
6 кой, который не пользуется спросом.

Т Низкий уровень нравственности части населения не может не иметь криминогенный эффект.

Как показывают социологические исследования, проведенные в 2004 г. фондом «Экспертиза», 2/3 россиян считают, что большинство богатых людей в России — это воры и богатыми можно стать только нарушая закон. Но лишь каждый четвертый респондент заявил, что не хочет таким путем стать богатым, остальные даже готовы перейти в разряд воров. Отсюда можно сделать вывод, что многие люди воспринимают общество как сборище негодяев, а поэтому запускают уже много раз апробированный в отечественной истории разрушительный механизм: уничтожения тех, кто богат и кому завидуют. Разумеется, у нас нет массовых погромов, но высокий уровень вымогательства, грабежей, разбоев, корыстных убийств свидетельствует именно об этом.

Под действием названных обстоятельств в российском обществе значительно усилились депрессивные настроения и тревожность как по поводу физической безопасности, так и в связи с опасениями утери социального статуса, наступления материальной нужды. Тревожность стала типичной не только для низших слоев населения, но и для представителей малого и среднего бизнеса, которые постоянно опасаются и произвола чиновников, и вымогательства преступников.

Тревожность усилилась и в связи с масштабами терроризма в России.

В этой связи уместно напомнить о результатах социологических исследований в середине 90-х годов, которые показали всплеск тревожности населения России. В эти же годы в стране зарегистрировано больше всего преступлений за последние 15 лет.

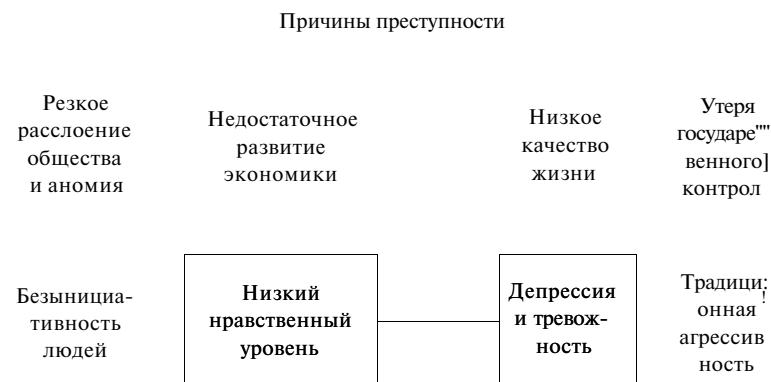
Тревожность стала самостоятельной криминогенной причиной.

Нельзя, наконец, не отметить традиционную агрессивность, привычку людей в России решать все свои проблемы с помощью насилия. Этот фактор образовался вследствие массового террора еще с 60-х годов XIX в., трех революций, гражданской войны, двух мировых войн, беспрецедентного ленинско-сталинского государственного террора. И сейчас в России мы имеем две чеченские войны, другие Менее значительные этнорелигиозные столкновения. Чрезвычайно велики у нас масштабы терроризма, они сопоставимы с тем, что **ТВОРИТСЯ** в Израиле.

В целом ни одна страна западной (христианской) цивилизации новой и новейшей истории не имела столь напряженной и длинной кровавой практики.

В настоящее время агрессия проникла во все сферы российского общества, даже в те, где ее раньше не было, например, в сферу, финансовой деятельности.

Схематически причины преступности в современной России можно представить следующим образом:

При этом, разумеется, все причины связаны друг с другом, а также с криминогенными условиями.

Причины преступности в России способствуют следующие условия:

- слабость государственной власти, крайним выражением которой является ее коррумпированность, особенно правоохранительных органов, что фактически парализует их деятельность. Сейчас с коррупцией практически никто не борется. Учитывая ее невероятные масштабы в России, нужны комплексные меры, но особенно нужна политическая воля — команда политических элит. Такая команда до сих пор не раздавалась, а это вызывает и настороженность, и разочарование;
- этнорелигиозные конфликты и прежде всего чеченские войны, порождающие терроризм и другие виды насилия. Однако надо иметь в виду не только это, но еще и подспудно тлеющие очаги национальной, расистской и религиозной ненависти, постоянно совершаемые в России самые тяжкие преступления по мотивам этнической и религиозной нетерпимости;

распространенность таких фоновых явлений, как алкоголизм, бродяжничество, а также наркомания и проституция, тесно связанная с организованной преступностью;

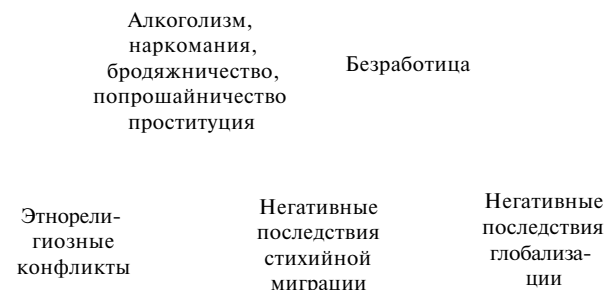
неуправляемая стихийная миграция, имеющая, конечно, не только криминогенное значение, но представляющая несомненную опасность для территориальной целостности России, следовательно, для ее безопасности.

Представители других этнорелигиозных культур, нелегально приезжающие в Россию, как правило, не отличаются необходимым уровнем образования и квалификации. Сама жизнь в новых условиях заставляет их защищаться, а стало быть, проявлять агрессивность.

Криминогенное значение имеет также безработица, которая, однако, проявляется в таком качестве лишь в небольших городах, но не в мегаполисах, где нет проблемы безработицы, а есть другая проблема — как стимулировать людей на работу. В нашей стране полностью отсутствует механизм горизонтальной миграции, позволяющий быстро перебрасывать рабочую силу из тех районов, где она не востребована, туда, где в ней ощущается нужда.

Криминогенное значение имеют также процессы глобализации, способствующие терроризму и порождающие не только международную организованную преступность, но и невиданные доселе возможности сокрытия значительных материальных ценностей (денежных средств) и манипулирование ими для самых крупных расхитителей и коррупционеров. Глобализация, влекущая стирание этнорелигиозных границ и стандартизацию образа жизни, вместе с тем снижает возможности традиционного социального контроля, что приводит к росту молодежной преступности.

Условия, способствующие преступности

Приведенные здесь криминогенные факторы (их перечень не является, конечно, единственно возможным) могут послужить основой для разработки долгосрочных целевых предупредительных программ, обязательно включающих в себя общесоциальные меры. Та программы могут быть конкретизированы по отдельным федеральным округам или субъектам федерации, но при этом они должны составляться с учетом тех криминогенных факторов, которые функционируют в конкретном регионе.

2

Учитывая исключительную значимость для России терроризм целесообразно рассмотреть здесь его причины.

Проблема должна быть поставлена и исследована так, чтобы в фокусе внимания были те факторы, которые порождают именно терроризм, а никакие-либо другие явления. Только в этом случае предостерегающие усилия будут конкретными и предметными. Можно предположить наличие следующих причин современного терроризма, имея в виду различные его виды, но в первую очередь этно-религиозный:

- нерешенность национальных, экономических, социальных государственных, религиозных и иных проблем, имеющих для данной группы бытийное значение, а также стремление к перераспределению определенных жизненных ресурсов и природных богатств;
- несовпадение этнических и религиозных границ, предъявление в связи с этим территориальных и политических претензий одной нацией другой, одной религией другой, а также желание сделать свою страну мононациональной или монорелигиозной;
- стремление какой-то этнорелигиозной, национальной групп или организации захватить государственную власть путем отделения (суверенизации) от остальной страны (Чечня). Такое стремление часто порождается неумелой, непродуманной политикой центральной власти в отношении отдельных этнических и религиозных регионов а также непринятием мер по нейтрализации негативных последствий при перестройке иерархических структур, нарушением прежнего баланса сил и возможностей, ущемлением прав представителей данного этноса или конфессии.

Здесь необходимо отметить превалирование процессов суверенизации над экономической целесообразностью, политическими, ду-

рривными и нравственными ценностями, выдвижения в этой связи * ксимальных, не основанных на реальности требований;

- стремление данной нации или религиозной (профессиональной) группы к сохранению своей национальной (религиозной) идентичности и сопротивление в связи с этим навязыванию другими культурами, властью или иными структурами либо организацией чуждого образа жизни, чужой культуры и системы ценностей, мировосприятия, миропонимания. Думается, что крайне враждебное отношение некоторых мусульманских сообществ к западной культуре, питающее их террористические устремления, проистекает именно из активного неприятия западных и в целом христианских стандартов и целей, которые в свою очередь (это надо признать) достаточно агрессивны;

- чрезмерная симбиотическая связь данной национальной или религиозной группы со своей землей, культурой, языком, символами, духовностью, исконная сущность которой воплощена в архетипе Великой Матери. Любое покушение на нее рождает страх тотальной катастрофы, а поэтому оправдываются любые средства ее предотвращения. Вообще отношение человека к образу матери-земли наполнено исключительной энергией и силой, что не охватывается сознанием. В зависимости от воспитания это отношение стимулирует как патриотизм, так и крайний национализм в его террористических проявлениях;

- острая зависть, неприязнь и ненависть представителей одних культур, стран или социальных и этнорелигиозных групп по отношению к другим культурам, странам или группам, которые богаче, сильнее и счастливее, представители которых ведут более престижное и обеспеченное существование, могут навязывать и даже диктовать свои условия жизни и стандарты. Точно такие же чувства может питать крестьянин в силу разных причин, в том числе из-за собственного нежелания работать, влачащий нищенское существование, к своему богатому соседу, чей дом и все хозяйство он способен поэтому уничтожить огнем.

Именно это в числе других причин мощно стимулировало нападение террористов-камикадзе на объекты — символы могущества и богатства Америки в сентябре 2001 г. Без всестороннего учета данного обстоятельства понять причины многих террористических проявлений невозможно, но это не просто сделать, поскольку соответствующие механизмы функционируют на бессознательной основе;

f

- формирование (старт) теневого национального компонент» при образовании национальной буржуазии и предпринимательства. В некоторых случаях они могут прибегать к националистическому!, религиозному терроризму для отстаивания, утверждения своих экономических интересов на стадии дикой рыночной конкуренции. В нашей стране известны многие факты применения террора одними организованными преступными группировками против других, который осуществляется под националистическим прикрытием;
  - политическая борьба, опирающаяся на религиозное, национальное или националистическое движение и эксплуатирующая иррациональные, низменные побуждения самых отсталых слоев **населения**;
  - рост безработицы и нужды, серьезных экономических проблем, особенно в крупных городах с пестрым национальным, религиозными расовым составом. В отсутствии работы и материальной необеспеченности будут упрекать представителей тех или иных наций или конфессий, которые там являются меньшинством, иногда даже являются там беженцами и мигрантами. Аналогичные конфликты могут возникнуть из-за земли (Фергана в Узбекистане), но здесь значимо проявляет себя и обозначенный выше архетический фактор преданности земле.
- Наряду с причинами следует назвать и условия, способствующие терроризму, в числе которых можно выделить:
- слабость государственной власти, особенно в годы социальных, катаклизмов и распадов, перестройки экономических и социальных отношений. Власть тогда обычно не в состоянии нейтрализовать, блокировать, подавить этнорелигиозные экстремистские возмущения и сепаратистские движения;
  - явно ущербная деятельность или даже бездеятельность спецслужб, не умеющих во время выявить и предотвратить террористические акты. Это относится не только к нашей стране, но и к США правоохранительные **органы** которых довольно быстро устанавливают террористов (Оклахома, Нью-Йорк, Вашингтон), но очень плохо предупреждают **их** преступные действия. Учитывая многочисленные **жертвы** терроризма, такой недостаток особенно **опасен**;
  - существование **тайных** и полутайных обществ и организаций - и религиозных, сектантских, революционных, сепаратистских и т. д., **требующих** немедленного выполнения **своих** условий без учета объективных возможностей и интересов **других** участников отношений (народ! доволцы и левые эсеры в дореволюционной России, секта АУМ-Сен-Ирик);

- Ф одобрение, поддержка террористических действий со стороны наций, религиозной или иной группы, населения в целом (Чечня), взгляд на терроризм как на войну малых народов, которые иным способом не могут добиться справедливости, а поэтому его полное оправдание. Без этого этнорелигиозный терроризм просто немыслим;
- наличие значительного числа людей, профессионально подготовленных для войны, но вытесненных с военной службы. Они психологически готовы к участию в террористических действиях, поскольку это дает возможность реализации их игровых, а нередко и садистских побуждений. Такие люди не могут смириться со своим униженным и часто материально необеспеченным положением, участие в террористической агрессии иногда выступает в качестве протеста против такого положения;
- давние традиции использования терроризма для решения политических, национальных, экономических и иных задач. Можно в этой связи указать на обычай широкого использования в культуре данной социальной (особенно национальной) группы насилия, что нередко проявляется в культе оружия, героизации разбоя и разбойников, в том числе среди предков, находит выражение в мифологии и символической. В такой общности не почитается закон, в нем просто не чувствуют нужды, и жизнь регулируется обычаями, написанными нормами, интерпретация которых может происходить в самом широком диапазоне. Прямым следствием этого является недоразвитость правосознания;
- особое отношение отдельных стран или регионов по поводу переживаемых ими социально-экономических, культурных, политических и иных проблем. Специфика соответствующих переживаний прежде всего связана с архаическими формами социальной организации. В одних регионах можно наблюдать апелляцию борющихся сторон к событиям многовековой давности и религиозному фундаментализму (Северная Ирландия, Палестина, Страна басков, Чечня). В других районах движущей силой терроризма является борьба за «справедливость» между бедными и богатыми. Эта борьба часто носит сугубо криминальный характер, направлена на передел собственности и сфер влияния. Она приобретает политическую окраску в тех случаях, когда объектом терроризма становятся представители власти, иных политических сил, либо этнорелигиозную, если под угрозой оказываются некие духовные ценности.

Иерархия оснований межнациональных и межконфессиональных конфликтов различна у разных народов, и она может меняться со

временем, но, полагаем, что она все-таки стабильна на протяжении длительного периода времени, поскольку присуща культуре данной группы. Иерархия оснований терророгенных конфликтов зависит от множества других факторов, среди которых можно выделить культуру, особенно национальную и религиозную, конфликтующих сторон, а также уровень их материальной обеспеченности.

Вполне возможна религиозная интерпретация причин терроризма. Следует возразить тем, кто считает нынешнюю вспышку этнорелигиозного терроризма войной ислама против христианства. Во-первых, многие исламские страны и религиозные организации активно выступили против террора религиозных фундаменталистов, ряд государств принял участие в антитеррористических военных действиях. Во-вторых, ни в коем случае не следует думать, что ислам особенно агрессивен — насилия в Библии не меньше, чем в Коране. При желании и христиане, и мусульмане могут найти в своих священных книгах множество изречений и призывов агрессивного характера. Дело в другом: в современном мире образовалась многомиллионная группа людей, крайне недовольных своими экономическими, социальными, политическими, психологическими и иными статусами и занятых более чем энергичными поисками своей идентичности.

Эта группа исповедует ислам, самую молодую мировую религию, которая еще ищет свое место в современном мире.

Но может возникнуть вопрос, почему к этнорелигиозному терроризму, во всяком случае в международном масштабе, не прибегают представители тех народов, которые исповедуют, например, буддизм или индуизм? Видимо потому, что у последних не возникают болезненные переживания из-за своих статусов и они не заняты поисками своей идентичности, своего места в мире, им уже давно ясно, *кто* они есть. В этой связи достоин особой оценки тот факт, что из всех мировых религий ислам — самая молодая религия, а поэтому находится в наступлении, завоевывая подобающее ей место.

Между тем религиозная принадлежность терроризма оказывает несомненное влияние на направленность и характер их преступных действий, способы их реализации, подготовки террористических актов и т. д.

Глава III

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

Понятие мотива

Проблемы мотивов и мотивации преступного поведения относятся к числу наиболее сложных в криминологии, как, впрочем, и в психологии. Мотив и мотивация поведения — категории сугубо психологические, но они носят междисциплинарный характер, неизменно привлекая к себе самое серьезное внимание всех наук, которые исследуют личность. В первую очередь это определяется тем, что в мотивах человек представлен наиболее полно и системно, они дают о нем такую информацию, о которой он сам может и не подозревать. С другой стороны, зная особенности личности, можно со знанием дела судить о мотивах, определяющих ее поведение.

Мотив можно понимать по-разному. Так, если считать мотивом потребность, то можно получить ответ на вопрос, почему совершен данный поступок или почему имеет место такое поведение. Если принимать за мотив цель поведения, то возникает возможность понять, для чего совершено действие. Но в психологии уже давно высказано мнение, что мотив является интегративным понятием, отражающим совокупность субъективных факторов, которые детерминируют поведение. Понятно, что в этой детерминации участвуют волевые, эмоциональные, интеллектуальные, потребностные и иные детерминанты. Поэтому есть все основания говорить о мотиве, как о системном образовании личности. Знание о нем предоставляет огромные прогностические возможности.

Нет смысла анализировать и оценивать различные точки зрения на то, что такое мотив: это самостоятельное исследование, выходящее за пределы данной книги. Она же претендует лишь на то, чтобы показать мотивы не любого поведения, а только преступного. По-

этому ограничимся самыми необходимыми для дальнейшего исследования соображениями по поводу того, что такое мотив. Прежде всего он не может быть сведен к потребности, хотя она и лежит в основе мотива, точнее является отправной точкой его появления, формирования и развития, возможных дальнейших изменений. Мотив не является и целью, т. е. представлением о результатах поведенческой активности, тем более, что во многих случаях никакая цель и не ставится. Мотив это не то, для чего реализуется поведение, а то ради чего, в чем его смысл. Можно поставить вопрос и «ради кого» но ответ на него неизбежно выведет на «ради чего», на смысл поведения, т. е. на личностный смысл.

Представление о потребности как источнике мотива свидетельствует о ее признании в качестве важного компонента последнего. Цель же не входит в мотив, но занимает существенное место в мотивации, в процессе которой возникают, ставятся и изменяются (корректируются) цели.

Как известно, «мотивация» и «мотив» не одно и то же. Мотивация! с одной стороны, это процесс, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность и в рамках которого формируются, развиваются и изменяются мотивы. С другой стороны, мотивация представляет собой систему таких факторов, как сами мотивы, потребности! цели, намерения. В отличие от мотивации мотив представляет собой устойчивое личностное свойство, побуждающее к совершению определенных действий. Внутренние психологические факторы, которые вызывают поведение, могут называться диспозиционными мотивациями, они постоянно вступают во взаимодействие с внешними ситуациями, которые также обладают мотивирующей силой.

Мотивы иерархичны. Среди них можно выделить главные, ведущие, которые подчиняют себе другие, но прежде всего они определяют стратегию жизни человека, содержание его наиболее значимых поступков. Обычно формируются такие мотивы с детства, отражая наиболее значимые смыслы и ценности данного человека. Ведущие мотивы в течение жизни могут корректироваться, но потому-то они и являются ведущими, что стабильны и долговечны. Как показывают эмпирические наблюдения, эти качества они начинают приобретать с детства и закрепляют в период зрелости личности.

Мотивы и мотивация — постоянные объекты научных психологических исследований. Что касается криминологии, призванной объяснять преступное поведение, то ее познание мотивов еще не вышло из

ряда обыденных представлений, основанных прежде всего на здравом смысле, а не на результатах научных исследований. Вообще юристы полагают, что преступления совершаются главным образом из корысти, мести, ревности, хулиганских побуждений, не очень задумываясь над тем, какие глубинные психологические и внешние социальные реалии они отражают, в чем их субъективный смысл.

В целом мотивы, в том числе преступного поведения, нельзя понять вне связи с прожитой человеком жизнью, с теми влияниями, которым он подвергался и которые определили его личностные особенности. Проблема мотивов — это во многом проблема их происхождения, обусловленности внешними и внутренними факторами в ходе индивидуальной истории личности. В мотивах как бы воспроизведено и отражено содержание раннесемейных отношений, а затем последующих событий. Отношения и события детства обретают вторую жизнь, новую форму существования и, реализуясь через мотивы в поведении, являются как бы ответом на них, их продолжением или следствием. Если же не связывать мотивы со всей жизнью индивида, то можно прийти к абсурдному выводу, что любой мотив возникает мгновенно под воздействием актуальной ситуации. Подобный вывод означал бы также, что мотивы не имеют личностных корней.

Конечно, нет жесткой и однозначной зависимости между условиями жизни и содержанием мотивов, равно как и совершением преступлений. Однако неблагоприятные условия формирования личности оказывают определяющее влияние на дальнейшую жизнедеятельность человека.

Итак, мотивы выражают наиболее важные черты и свойства, потребности и стремления личности. Поэтому обоснованно утверждение, что каковы мотивы, такова и личность, и наоборот, а поэтому они являются наиболее полной и точной ее характеристикой. Это тем более верно, что мотивы не столько то, что побуждает к определенному поведению, но и то, ради чего оно совершается, в чем его внутренний смысл для действующего субъекта. На это стоит обратить особое внимание потому, что отдельные исследователи под мотивами понимают любые стимулы, в том числе внешние, способные вызвать или активизировать поведение. Для решения вопроса об ответственности, в частности уголовной, человека за свои поступки это чрезвычайно важно, поскольку, рассуждая логически, он не должен отвечать за те действия, причины которых лежат вне его.

Однако содержание мотивов не может быть сведено и к отдельным психическим явлениям (интересам, потребностям, чувствам т. д.), несмотря на то, что они играют существенную роль в мотивации и очень часто проявляются именно в отдельных мотивах. Например, в насильственном преступном поведении весьма заметна роль эмоций, особенно тех, которые отличаются интенсивностью яркостью, длительностью. Обычно эмоции отражают в мотивации острые противоречия между личностью и средой, конкретной жизненной ситуацией. Однако простая констатация гнева, ярости, ревности еще далеко не раскрывает содержание мотивов, поскольку она не дает ответа на вопрос, каков субъективный смысл совершаемых действий. Пытаясь понять мотив, нельзя ограничиваться указанием на то, что в момент совершения преступления виновник испытывал сильнейший приступ гнева, хотя эта эмоция оказывает значительное влияние на принятие решения.

Состояние гнева, возмущения и т. д. можно расценивать как свидетельство слабой приспособленности личности к среде, ее недостаточной адаптированности. Не случайно многие исследователи справедливо отмечают повышенный эмоциональный характер преступлений, совершаемых подростками. Для них характерны слабая адаптация к жизни, неумение преодолевать трудности и, как следствие, повышенная тревожность. Она помимо врожденных особенностей формируется и в связи с тем, что молодые люди еще не обрели своего места в жизни, часто попадают в ситуации сложного выбора, стоят перед необходимостью обретения основных ориентиров, имеющих кардинальное значение для жизни. Не забудем и отсутствие или недостаточность психологической и материальной поддержки со стороны родителей в переходный период жизни несовершеннолетних.

В мотивах конкретизируются потребности, которые не только определяют мотивы, но, в свою очередь, изменяются и обогащаются вместе с изменением и расширением круга объектов, служащих удовлетворению. Это, естественно, означает изменение и обогащение самой личности, особенно если нравственные способы реализации мотивов. У одного человека не может быть беспредельного числа мотивов, но богатство мотивационной среды, а стало быть, самой личности проявляется в их разнообразии и взаимодополнительности. При таком положении они могут не только «сотрудничать» между собой, но и усиливать или ослаблять друг друга, вступать в взаимные противоречия, следствием чего может быть непоследова-

тельное, даже правонарушающее поведение. Но гораздо хуже, когда¹⁶ мотивы вступают в конфликт с нравственными нормами, регулирующими способы их удовлетворения. Именно в этих случаях чаще всего наступает преступное поведение.

Могут ли существовать квазипотребности? По нашему мнению — нет. Только постороннему какие-то потребности могут представляться несостоящими, вредными, аморальными, но не всегда самому переживающему такие потребности субъекту. Для него они необходимы, иногда очень остро насущны, ими он не в состоянии пренебречь. Но потребности могут быть антиобщественными, безнравственными, если их содержание предполагает нарушение нравственных и правовых запретов (например, удовлетворение сексуальной потребности с малолетним лицом). Следовательно, и сами мотивы могут быть антиобщественными, если они вызваны к жизни антиобщественными потребностями, но мотивы, конечно, ни в коем случае нельзя назвать преступными: мотивы, как и потребности, как и все, что составляет психологию личности, не может быть ни преступным, ни законопослушным. Таковыми могут выступать лишь действия.

Мотивы — явление психологическое, но они могут формироваться лишь при условии вступления человека в разнообразные отношения с окружающими, его включенности в общественные связи. Поэтому можно сказать, что они присущи только личности и представляют для нее канал связи со средой. В этом канале отражается то, как человек воспринимает мир, что он видит в нем, какие цели преследует, насколько близок к нему и главным образом к людям, насколько ценит их и свое место среди них. Чем беднее этот канал, тем отчужденнее индивид, тем слабее его социальные связи.

Следует допустить, что криминогенное значение имеет недостаточное число, так сказать немногочисленность, мотивов. Основанием для подобного предположения помимо общетеоретических соображений служат и некоторые эмпирические данные о том, что у так называемых общеуголовных преступников (убийц, воров, грабителей, разбойников, хулиганов) по сравнению с законопослушными гражданами заметно уже спектр мотивов и соответственно способов их реализации. Блокирование даже одного из наиболее значимых мотивов при общей скудости их набора вызывает не только психотравмирующие переживания, но и еще большее отчуждение от среды и норм, регулирующих поведение. Все это повышает вероятность совершения преступных действий.

Мотив, представляя собой одну из психологических форм отражения действительности, лежит как бы внутри поведения. Он пронизывает все его содержание и проявляется на всех этапах, соединяя поведение сличностью. Мотив — внутренняя непосредственная причина преступления, выражающая личностное отношение к тому, что направлены преступные действия.

Хотя мотив не может сформироваться без влияния внешних условий, он не является лишь простым передатчиком этих условий, опосредовавших в различные периоды жизни человека. Испытывая себе влияние биологических и личностных особенностей, мотив опосредует единство объективного — социальной среды, и субъективного — личностных качеств, в которые трансформировались и те, которые преломились объективные обстоятельства. В то же время он образует особое личностное свойство, в котором фокусируются ведущие жизненные тенденции личности. Поэтому о мотиве можно сказать, что он и зависим, и автономен.

Очень важно отметить, что есть мотивы, которые порождают только преступное поведение, если его источником является антиобщественная потребность, как, например, в приведенном выше примере с удовлетворением сексуальной потребности с малолетним лицом. В этом смысле мотивы нейтральны.

Но многие мотивы не являются специфически криминогенными, они могут определять и не преступное поведение. В тех случаях когда указываются, казалось бы, специфически криминогенные мотивы, например «хулиганские побуждения», следует разъяснить, что именно имеется в виду.

Изучение мотивов преступного поведения всегда должно осуществляться в тесной связи с личностью преступника, их понимание всегда должно вытекать из понимания самой личности, ее сущности. Только подобный подход позволит вскрыть, почему данный мотив свойствен именно данному человеку. Таким путем может быть осуществлен переход от констатации неспецифических мотивов к преступлению к признанию их специфичности, закономерности для конкретного индивида.

Хотя в качестве психологического явления мотивы могут быть и антисоциальными (асоциальными, псевдосоциальными), не следует забывать, что это не более чем их внешняя оценка, не раскрывающая сути. 1

Рассмотрим так называемые псевдосоциальные мотивы, в основе которых лежит предпочтение норм, интересов и ценностей отдел

социальных групп, противоречащих охраняемым законом нормам интересам и ценностям общества в целом. К типичным мотивам такого рода обычно относят: «ложнотоварищеские» — в межгрупповых агрессивно-насилованных столкновениях, групповых хулиганских действиях; «ведомственно-корпоративные» — при совершении некоторых должностных и экономических преступлений, а также преступлений против правосудия.

Однако анализ псевдосоциальных мотивов не может ограничиваться констатацией противоречивости интересов группы интересам общества. Поскольку в каждом случае виновный знает, что такой конфликт имеется и своими поступками он нарушает уголовно-правовой запрет, их мотив надо искать в том, в чем именно заключен для него смысл преступных действий, что психологически он выигрывает, совершая их. Вот почему мотивом является не ложно понятый интерес группы, а определенная польза для себя, хотя, в чем именно она состоит, преступник не всегда четко осознает. Таким образом, обоснован вывод, что нет ложно понятых групповых интересов, выступающих в качестве так называемых псевдосоциальных мотивов, т. е. преступник не ошибается в правовой и нравственной оценке этих интересов, а есть потребность утверждения, улучшения своего социального статуса, подтверждения своего социального бытия, наконец, страх быть отвергнутым или уничтоженным группой, если не пойти ей на уступки, даже поступаясь собственной совестью.

Именно в этом мы видим мотивы, например, грубейших нарушений законности, массовых репрессий. Рассуждения о пользе репрессий для Родины, для социализма и партии или для борьбы с преступностью чаще не более чем маскировка подлинные стимулов. Конечно, некоторые люди могут даже поверить в такие свои «чистые» побуждения, но в подавляющем большинстве случаев это будет то, что в народе попросту называют шкурным интересом. Это очень точное выражение — спасение собственной шкуры под видом борьбы за якобы общий интерес.

Можно ли говорить о неадекватных мотивах, т. е. о сугубо индивидуальных, свойственных данной личности и не соответствующих тем ситуациям, в которых они реализованы? О таких мотивах упоминают в тех случаях, когда, казалось бы, ничтожные поводы вызывают разрушительные и яростные вспышки, взрыв страстей. Чаще всего виновными в таких случаях бывают лица с психическими аномалиями, которые не могут управлять своими эмоциями. Представ-

ляется, что ставить вопрос о существовании подобных мотивов можно лишь с очень большой долей условности, помня о том, что каждая ситуация, объективно существующая, всегда воспринимается субъективных позиций. По внешним оценкам мотив может расцениваться как неадекватный внешним условиям, но он всегда будет строго соответствовать особенностям данной личности, потому что это ее мотив.

Эти, казалось бы, теоретические конструкции имеют тем не менее колоссальное значение для правосудия, для эффективного исправления осужденных, предупреждения рецидивной преступности. Сейчас одно из важных требований закона об установлении мотива преследования остается почти нереализованным в своей основной функции непосредственного предмета исправительного воздействия, а следовательно, и предупреждения рецидива.

Указываемые в приговорах мотивы преступлений по своему значению чаще всего являются внешними социальными оценками приписываемых преступнику побуждений, не характеризуют смысл самих этих побуждений. Особенно ярко это выявляется в отношении осужденных к справедливости вынесенного им приговора (наказания). Их отношение в немалой степени зависит от того, насколько удалось суду и следствию выявить и сформулировать обвиняемому истинные мотивы его преступных действий. В решающей же степени это зависит от субъективной психологической готовности субъекта принять собственную вину, гибкости и широты его мотивационной сферы, нравственных установок. Обычно обвиняемый а затем осужденный не находит в себе достаточно сил, чтобы признаться даже себе самому в содеянном.

Чаще всего суду и следствию не удается раскрыть мотивы преступления, в том числе и по той весьма распространенной причине, что данному вопросу они попросту не придают никакого значения. Это одна из веских причин того, что подавляющее большинство преступников считают приговор и наказание несправедливыми, а себя не признают действительным источником напавших общественно опасных последствий. Они искренне убеждены, что действительными виновниками являются потерпевшие свидетели, жизненные трудности и иные обстоятельства, признают же себя виновными лишь формально. Понятно, что при таком отношении трудно рассчитывать на осмысление содеянного, раскаяние, стремление исправиться.

Отдельные поступки, а тем более поведение человека в целом, направляются не одним каким-то, а рядом мотивов, находящихся друг с другом в сложных иерархических отношениях. Среди них, как отмечалось выше, можно выделить основные, ведущие, которые и стимулируют поведение, придают ему субъективный, личностный смысл. Вместе с тем изучение мотивов краж, хищений и некоторых других преступлений убеждает в том, что одновременно и параллельно могут действовать два ведущих мотива, например, мотив корысти и мотив утверждения себя в глазах престижной группы. Они взаимно дополняют и усиливают друг друга, придавая поведению целенаправленный, устойчивый характер, значительно повышая его общественную опасность. В этом можно видеть главную причину длительного совершения преступлений, например, ворами и расхитителями.

Конечно, в те или иные периоды жизни один из ведущих мотивов как бы вырывается вперед, приобретает главенствующую роль, затем они «идут» наравне или меняются местами и т. д. Так, преступник вначале совершает кражи, чтобы утвердиться в качестве члена группы, и здесь мотив утверждения — основной. В дальнейшем, по мере осознания в полной мере материальных, порой значительных, выгод от совершения краж, его действия начинают диктоваться и корыстью.

Полимотивация выражается и в том, что одни мотивы осознаются, другие нет; первые образуют рациональный уровень мотивации, вторые — смысловой.

Говорить о полимотивации следует не потому, что за мотивы принимаются не только потребности, но и различные мотиваторы, как полагает Е.П. Ильин, а потому, что одно и то же поведение действительно детерминировано разными мотивами. Е.П. Ильин считает также, что истинная полимотивация имеет место при достижении человеком отдаленной цели, например, в процессе учебной (получение образования) или спортивной (достижение рекордного результата) деятельности, которая направляется долговременной мотивационной установкой. И учебная, и спортивная деятельности связаны с рядом частных деятельностей, поясняет Е.П. Ильин, каждая из которых побуждается и обосновывается частными по отношению к общей направленности поведения мотивами. Они как бы встроены в общий мотив и, являясь относительно самостоятельными психологическими образованиями, способствуют достижению общей цели¹.

См.: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб., 2002. С. 121—122.

Позиция Е.П. Ильина представляется неубедительной. Препятствием к тому, чтобы мотивы не равнозначны потребностям и тем более мотивационным рамкам, психологическая природа которых в данном контексте не очень понятна. Далее, трудно понять логику автора, считающего, что и такая полимотивация имеет место при достижении человеком определенной цели, причем, очевидно, имеется в виду особая субъективная значимость цели. Но такая цель может возникнуть и внезапно не в отдаленном будущем. Вообще представляется неверным определять наличие или отсутствие полимотивации важностью поставленной цели или ее отдаленностью во времени.

Согласимся с Х. Хекхаузенем, что поведение человека в определенный момент времени мотивируется не любыми или всеми возможными мотивами, а тем из самых высоких мотивов в иерархии (т. е. самых сильных), который при данных условиях ближе всех связан перспективой достижения соответствующего целевого состояния и наоборот, достижение которого поставлено под сомнение. Такой мотив активируется, становится действенным. Мотив участвует в мотивации поведения до тех пор, пока либо не достигается целевое состояние соответствующего отношения «индивид — среда», либо индивид к нему не приблизится настолько, насколько позволит ситуация, либо изменившаяся ситуация не сделает другой мотив более насущным, в результате чего последний активируется и становится доминирующим;

Как мы видим, Х. Хекхаузен исследует мотивы и мотивацию в психологических аспектах, а они для криминологии очень важны. Процесс мотивации, по Х. Хекхаузену, должен мыслиться как процесс выбора между различными возможными действиями, как процесс, регулирующий, направляющий действие на достижение специфических для данного мотива целевых состояний поддерживающий эту направленность.

Совокупность мотивов и лежащих в их основе потребностей составляет мотивационную сферу личности и является ее ядром. Правда в качестве такого ядра может выступить и система ценностей, в свою очередь влияющая на мотивы поведения.

Ценности окружающего мира усваиваются (накапливаются, изменяются и т. д.) человеком с самых ранних этапов его развития могут мотивировать его поведение, они могут выступать в качестве

мощных сил человеческой активности. Однако понятие мотива, а тем более мотивационной сферы, включающей, в частности, мотивы различной силы и значимости, их иерархию, влечение и эмоции, не идентично, на наш взгляд, понятию ценностей или ценностно-нормативной системы. Для нас данный вопрос имеет важное значение в целях решения сложной практической проблемы: что же должно быть объектом индивидуального воздействия в сфере охраны законности и правопорядка — мотивы преступлений или ценностно-нормативная система личности? Думается, и то и другое.

Отметим, что наиболее стабильные ценности могут и не охватываться сознанием и на этом уровне мотивировать поведение. Можно полагать, что именно ядерные образования максимально определяют свойства всей системы, каковой является личность. Вместе с тем ядро и периферия обладают различной степенью податливости внешним воздействиям. Однако разрушение ядра, если понимать под ядром и такие ценности, которые сохраняются и функционируют на бессознательном уровне, задача не только исключительно трудная, но во многих случаях и невыполнимая. Напротив, как нам представляется, значительно легче перестроить ценностно-нормативную систему, охватываемую сознанием.

Например, можно изменить собственно мотивы корысти, лежащие как бы на поверхности и почти всегда осознаваемые, но очень трудно повлиять на те психологические механизмы, которые дают человеку возможность подтвердить или утвердить свое социальное бытие путем незаконного овладения материальными благами. Также сложна коррекция мотивов имущественных преступлений ради адаптации к среде либо, наоборот, для ведения дезадаптивного, часто бездомного, паразитического образа жизни. В первом случае взгляды и представления, а следовательно, и лежащие в их основе ценности носят наиболее рациональный характер, достаточно осознаются личностью. Стремление к обладанию материальными ценностями непосредственно стимулирует поведение. Во втором же случае внутренние, субъективные детерминанты краж, хищений и т. д. как бы завуалированы для самого индивида теми отношениями, которыми он связан со средой, или тем образом жизни, который он ведет.

Исходя из сказанного, особенно учитывая неосознаваемый характер многих мотивов, можно предположить, что мотивы, точнее, их совокупность, не совпадают с ценностно-нормативной системой личности, хотя и тесно связаны с этой системой. При этом ценности могут выступать в качестве мотивов, в том числе на бессознательном уровне.

¹ См.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. — М., 1986. Т. I. С. 34.

Одной из важнейших черт мотивационной сферы личности является широта этой сферы. Широта — это разнообразие потребностей, которые служат источником формирования соответствующих мотивов, и следовательно, это и разнообразие самих мотивов, некоторые из которых могут противоречить друг другу, порождая тем самым противоречивое, непоследовательное поведение. Но для человека характерно стремление обеспечить взаимное соответствие структуры деятельности строению мотивационной сферы, даже если эта деятельность антиобщественная. Средства удовлетворения актуальной потребности могут дать некоторое представление о широте мотивационной сферы, но в еще большей степени — о ценностном, нравственном профиле личности. Например, весьма красноречивым является такое средство обеспечения потребности в безопасности, как агрессивное поведение.

Мотивы преступного поведения

1

Мотивы преступного поведения вытекают из природы такого поведения, природы преступности как социального явления. Они просто не могут быть иными, как не могут быть не связаны болезни с биологической природой человека и социальными условиями его существования.

В начале этой работы выделено три основных фактора, которые определяют наличие преступности в обществе: отчуждение и одиночество; переживание внешних угроз; страх смерти. Логично думать, что мотивы преступного поведения порождены названными факторами (см. схему на с. 145).

Прежде чем анализировать приведенные здесь мотивы преступного поведения, отметим следующее: 1) все три основных криминогенных фактора связаны между собой; 2) любой из мотивов преступлений может быть связан с другим мотивом, в том числе таким, который не назван здесь; 3) криминогенные факторы могут порождать не только собственно мотивы преступного поведения, но и общее, негативное отношение к законам и нравственности. Так, отчуждение вызывает к жизни и упомянутые выше мотивы, и в целом неприятие общества и его ценностей; 4) в приведенных группировках мотивов отдельные мотивы не Названы, между тем их знание и всесто-

Отчуждение и одиночество	Переживание внешних угроз	Особое отношение к смерти
Мотивы сохранения дезадаптивного образа жизни	Мотивы защиты от внешних угроз путем совершения корыстных преступлений	Мотивы интереса (влечения) к смерти
Мотивы преодоления дезадаптации и одиночества	Мотивы защиты от внешних угроз путем совершения насильственных (корыстно-насильственных) преступлений	Мотивы стремления сделать смерть понятной
	Мотивы утверждения (самоутверждения)	Мотивы, позволяющие с помощью смерти другого решить свои проблемы
		Страх смерти

ронная оценка имеют первостепенное значение для теории и практики борьбы с преступностью.

Необходимо знать, какую функцию (или функции) выполняют мотивы в отношении личности, какую «службу» ей служат, в чем для нее психологическая «выгода» от совершения преступных действий, побуждаемых данными стимулами. Этот момент следует считать наиболее важным для понимания мотивов преступлений, и именно по той причине, что любое субъективное побуждение должно освещаться с позиций личностного смысла, личностной значимости.

Мотивы сохранения дезадаптивного образа жизни заключаются в том, что личность с их помощью уходит от общественно полезных контактов и соответствующих ценностей, замыкается в рамках антиобщественных групп, преимущественно или только в них находя поддержку и признание. В других случаях человек вообще сторонится общества, любых групп и пресекает всякие попытки сближения с ним. Но достаточно часты ситуации, когда личность идет на совершение преступления ради того, чтобы обрести желаемое членство в труппе: так бывает не только среди молодых людей, но и крупных Расхитителей и взяточников, готовых на все, чтобы вести престижный в их глазах образ жизни элиты. Это вообще один из самых распространенных мотивов преступного поведения.

Многие имущественные преступления совершаются лицами, ведущими антиобщественный, паразитический, часто бездомный образ жизни. Среди них немало бродяг. Не имея законных источников получения средств к существованию, они добывают их путем совершения правонарушений корыстного характера. Однако ими движет не стремление к приобретению материальных благ или к получению особых выгод, а тем более к их накоплению, а лишь желание обеспечить свое существование и в большинстве случаев потребность в спиртном. Поэтому мотив имущественных преступлений со стороны таких дезадаптированных личностей может быть определен «обеспечение». Можно, конечно, хищения с целью накопления материальных благ рассматривать как обеспечение определенного образа жизни, но в этом случае они совершаются и для того, чтобы утвердиться в определенной социальной среде, а уйдя из нее, сохранить субъективно приемлемую жизнедеятельность.

На наш взгляд, по мотивам обеспечения совершаются и преступления с целью получения средств на приобретение спиртных напитков или наркотических веществ. В этих случаях реализация таких мотивов позволяет удовлетворить известные болезненные влечения.

Как мы видим, мотивами многих имущественных преступлений наряду с корыстью могут быть «утверждение» («самоутверждение») и «обеспечение» в зависимости от решения личностью жизненно важных для нее задач.

Некоторые из названных мотивов, связанных с переживанием внешних угроз, достаточно хорошо известны в отечественной криминологии. К ним относится, например, корысть как мотив корыстных преступных посягательств. В большинстве словарей русского языка корысть определяется как выгода, материальная польза и на первый взгляд не содержит ничего дурного. Однако отражаемое этим понятием явление со временем стало пользоваться у нас плохой репутацией. В советской время в нем начали усматривать только жадность и накопительство, стремление лишь к наживе и достатку, сведение всех отношений к материальной выгоде, абсолютизацию личного материального интереса. При этом в недавнем прошлом провозглашалось, что советские люди, подобно первым христианам, менее всего должны думать об имущественных благах и не преследовать личные интересы. Разумеется, объявлялось, что в нашем обществе корысть — это пережиток, а в буржуазном основная движущая пружина действий людей в сфере общественной деятельности и личных взаимоотношений.

Вот что написано о корысти у советских юристов: это одно из самых сильных побуждений, толкающих людей на совершение преступлений; она порождает больше всего зла на земле и возникла вместе с частной собственностью. Корысть, стремление к обогащению становятся при капитализме основным стимулом человеческой активности, а накопительство осуществляется ради накопительства. В советском же обществе корысть рассматривается как отрицательное моральное качество и обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность, а некоторые формы проявления корысти, с которыми сталкивается судебная практика в условиях капиталистического общества, в советской действительности не только не встречаются, но и просто немыслимы.

Наряду с такими прекрасноречивыми утверждениями некоторые юристы справедливо отмечали, что этот мотив связан со стремлением получить какое-либо имущество или право на него, избавиться вследствие совершения преступления от каких-либо материальных затрат, незаконно обогатиться или получить выгоду, нарушая тем самым имущественные права других.

Не нужно путать корысть с корыстолюбием, это далеко не одно и то же. Но совершенно неверно объяснять корыстью или корыстолюбием совершение всех имущественных преступлений: разве страсть к накопительству и наживе определяют действия мелкого ворюжки, крадущего для того, чтобы приобрести средства на водку? Разве всегда исключительно из жадности воруют и грабят подростки, а расхитители похищают государственное и общественное имущество?

Корысть, а точнее, корыстолюбие может быть мотивом многих имущественных преступлений, но необходимо понять, что и психологически выигрывает человек, приобретая таким путем материальные блага. Очевидно, что ни жадность, доведенная до скопидомства, ни постоянное алчное стремление к материальной выгоде и ориентация в жизни только на нее, ни страсть к накопительству сами по себе однозначно не порождают преступное поведение. Одного мотива корысти (или корыстолюбия) не всегда достаточно, чтобы встать на преступный путь, нужны и иные стимулы.

Ими могут быть утверждение себя в глазах ближайшего окружения или самоутверждение в случае завладения материальными ценностями, тем самым обеспечения своей социальной безопасности. Последний фактор, как представляется, часто бывает особенно значим, обеспечивая человеку такую жизнь, когда он может не опасаться внешних угроз, хотя бы и временно.

Другим распространенным мотивом преступного поведения, особенно насильственного, давно признается месть! Она означает ответное намеренное действие в отплату за зло, возмездие за что-нибудь, например, за оскорбление, обиду, страдание, материальную убыток. В далеком прошлом она считалась важной общественной добродетелью и одним из регуляторов отношений между людьми. В современной нравственности месть в основном расценивается как порок, в чем немалая заслуга христианской религии. Действительно, она не может считаться эффективным и человеческим способом разрешения конфликтов, подчас же создает лишь видимость восстановления справедливости, но на самом деле не может обеспечить ее, так как по большей части зиждется на агрессии и грубой силе. Одна месть влечет другую, одно насилие — другое, и в целом это порождает атмосферу вражды, ненависти, настороженности и недоверия между людьми или группами. Национальные конфликты можно представить себе как в общем-то бессмысленную месть.

Невозможно дать хотя бы примерный перечень ситуаций, вызывающих месть, или ситуаций, в которых она реализуется. Это действия, начиная с насилия в ответ на устное оскорбление и кончая кровной мстью (в данном случае нас интересует лишь уголовно наказуемая месть). Вызвавшие ее поводы могут быть совершенно неадекватны характеру ответных действий, и здесь все или очень многое зависит от субъективного восприятия виновным сложившейся ситуации и от его собственных возможностей. Поэтому так важно выяснить все обстоятельства, породившие месть.

Что же такое месть как мотив преступления? Прежде чем пытаться решить эту сложную проблему, поставим еще один вопрос: всегда ли отомстивший человек получает удовлетворение от мести, т. е. от нанесения другому ущерба, порой очень серьезного и даже непоправимого? Думается, что это далеко не так, и особенно в тех случаях, когда отмщение предписывается ему окружением, причем сама месть выступает в качестве одной из норм ценимой или навязываемой ему культуры. Мы имеем в виду в первую очередь кровную месть, когда виновный стремится не только, а иногда и не столько получить удовлетворение от предпринятого насилия, сколько исполнить обычай, который лично ему, может быть, даже чужд. Предписанная месть не носит поэтому сугубо личного характера, а приобретает общественное звучание, нередко достаточно широкое. Так, в среде преступников жестко предписывается, что определенные действия, в том числе

словесные оскорбления, обязательно должны вызывать ответное действие. В противном случае, как и при неисполнении кровной мести, человек осуждается сообществом и в связи с этим подвергается различным санкциям, подчас весьма унижительным и жестоким.

Таким образом, мы можем констатировать, что с помощью мести человек способен самоутвердиться или утвердиться в глазах ближайшего окружения. В первом случае он не может принять себя, если не отомстит; во втором же он не примет себя, если не будет одобрен средой, совершив месть. Естественно, что оба эти стремления вполне могут сосуществовать, переплетаясь друг с другом. Так происходит, например, в этнорелигиозных конфликтах.

Сказанное позволяет утверждать, что иногда месть носит выжужденный характер и о личном удовлетворении можно говорить не в связи с тем, что преступник причинил страдание или смерть потерпевшему, а потому, что он исполнил обычай. Но можно ли подобные действия называть мстью, если она навязана извне, и в чем тогда ее личностный смысл? Представляется, что по внешним признакам это все-таки месть, но она не может оцениваться в качестве мотива соответствующих действий. Мотивом выступает стремление утвердиться на социально-психологическом уровне, т. е. «сохраниться» в глазах группы, подчас очень большой, например национальной, или иного сообщества. Неподчинение обычаям означает катастрофу, полное крушение, утрату всего наиболее ценного: социального положения, авторитета, уважения окружающих, иногда имущества и даже жизни, изгнание из общности, а значит, небытие, несуществование, чаще всего социальное. Таким образом, здесь мотив как бы защищает личность, и он отражает главным образом отношения не с жертвой мести, а со своей средой и с самим собой.

Теперь рассмотрим другой вариант: месть осуществляется по инициативе, по желанию самого преступника, его никто на это не толкает и к этому не принуждает; если давление извне и есть, то оно минимально, не носит характера ультиматума и уж во всяком случае не расходится с его собственным стремлением. Но выступает ли здесь месть в роли мотива? Думается, что не всегда, поскольку субъективный смысл агрессивных «мстящих» действий состоит не просто и не только в причинении вреда кому-то. Эти действия, напомним, всегда совершаются в ответ на оскорбление, обиду и т. д., на уже содеянное зло, которое воспринимается мстящим именно в таком качестве. Оно, это зло, может вызывать тяжкие, глубокие страдания, потрясения, психотравмирующие аффективные переживания.

Можно предположить, что собственно месть способна выступить в качестве мотива в тех случаях, когда она не связана с необходимостью психологической защиты себя, своего бытия, представления, себе в глазах окружающих. Это, например, месть (в том числе кровная) за убийство близкого человека, когда убийце наносится таков же или примерно такой же вред, чтобы этим удовлетворить своему чувству справедливости и, возможно, хотя бы в такой форме компенсировать (психологически!) понесенную утрату. Стремление обеспечить справедливость может заявить о себе, когда обдумывается месть человеку, который представляется носителем опасных пороков или совершил тяжкие преступления. При этом он мог и не причинить ущерб самому мстителю, а совершить безнравственные или преступные действия в отношении третьих лиц, даже и незнакомых. В таком аспекте мотив отражает в основном отношения с объектом мести.

Мель нередка в сексуальных преступлениях, особенно в изнасилованиях, сопряженных с убийствами. При совершении таких преступлений потерпевшая выступает в качестве символа, причиняющего страдание, поскольку женщины воспринимаются преступником в качестве недоступных для него, они отказывают ему в признании и близости, они высокомерны и т. д. Вот почему в отношении их проявляется жестокость.

Когда агрессия совершается с тем, чтобы на психологическом уровне отстоять представление о самом себе, отразить посягательства на свой биологический или социальный статус, мотивом выступает не только месть, но и утверждение (подтверждение) себя в реде, а также самоутверждение. Здесь, как и при вынужденном подчинении давлению окружающих, определяющая роль принадлежит повышенной тревожности, которая окрашивает все возникающие связи и процессы в соответствующие тона. Мотив же отражает отношения не с жертвой мести, а со всей средой и с самим собой, причем тревожность часто мешает адекватно воспринимать действительность. Конечно, одни и те же поступки могут порождаться и мотивами мести, и мотивами утверждения, что делает их еще более целеустремленными.

Мель может быть связана с ревностью. Последняя представляет собой не только недоверчивость, мучительные и тягостные сомнения в чьей-то верности и любви, в полной преданности, но и желание владеть чем-то. По своему содержанию ревность есть не что иное, как стремление человека к тому, чтобы все — и успехи, и заслуги, Я

сположение других людей — безраздельно принадлежало только Р^а {Проявление этого чувства не следует всегда расценивать в качестве анахронизма или пережитка прошлого, ибо ревность представляет собой хотя и побочный, но неизбежный продукт соревнования с другими равноправными индивидами или группами.

Нет сомнений, что ревность, как и зависть к чужим успехам, страстное стремление владеть всем тем, что человек видит у других и что в его глазах представляет значительную ценность, может побуждать к совершению преступных действий. Это происходит потому, что «пострадавший» начинает ощущать и болезненно переживать свою ущербность, недостаточность и испытывать неприязнь и вражду к лицам, достигшим каких-то успехов или положения в жизни. Это может толкать его к безнравственным поступкам.

Говоря же о ревности, нужно выделить один очень важный и сложный аспект, который связан с отношениями между полами. Этот аспект обоснованно вызывает повышенный криминологический интерес, поскольку многие преступления против личности совершаются из ревности.

Неосознаваемое ощущение своей неполноценности и ущемленное™, угрозы своему бытию может мотивировать многие преступления, обычно относимые к тем, которые совершаются из ревности. Подобное ощущение связано с тем, что лицо, вызывающее ревность, демонстрирует другому его неполноценность, недостаточность как мужчины (женщины), поскольку предпочитает ему другого человека. Эта демонстрация может быть чрезвычайно травматичной и невыносимой и, по-видимому, в моменты, когда тревожность достигает наивысшего уровня, а насильственные действия представляют собой попытку как бы защитить себя, нравственные и иные запреты теряют силу. Здесь имеет место скорее месть судьбе, реакция на тяжкое унижение, когда смертельной опасности подвергается все то, что составляет основу жизни. Именно под влиянием такой опасности зреют ненависть и злоба.

Иногда ревностью считают месть за поруганное доверие, бесчестное поведение и обман. Ошибку эту совершают и те, которые считают, что Отелло был только ревнив, и не более того. На самом деле это не совсем так. Пушкин справедливо сказал о нем: «Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив». Сам Отелло говорит:

Ты думаешь, я жизнь бы мог заполнить
Ревнивыми гаданьями? О нет!
Я все решил бы с первого сомненья.
Что я, козел, чтоб вечно возжелеть,
И, растравляясь призраком измены,
Безумствовать, как ты изобразил.

В этой шекспировской трагедии по-настоящему завистлив Я* остро переживавший боевую славу и доблесть Отелло, том); что пользовался уважением и признанием окружающих, был самостителен и смел, что у него молодая, красивая и умная жена. Имен это мотивировало его поступки. Но и Отелло действительно был очевревнив и подозрителен, абсолютно лишен способности спокойно объективно оценить события и сделать адекватные выводы. Это типичная паранойяльная личность.

Ревность может играть роль очень важного мотива преступиповедения в отношениях между мужчиной и женщиной. Но неверотносить к ней все, что похоже на нее лишь внешне. Например, сружеская или иная измена либо угроза ее не всегда вызывают тольревность в традиционном ее понимании, рамки которого мы пылись расширить.

Ревность проявляется вовне, отражая отношение к потерпевшеобиду и недовольство его (ее) действиями, досаду, гнев, негодован. Вне отношений с ним она попросту не может существовать. В некорых случаях поведение жертвы, особенно если оно носило аморалный характер (например, не вызывающая сомнение супружеская имена), может порождать состояние сильнейшего душевного волнени

Отметим, что все эти проблемы носят отнюдь не умозрительнхарактер. Закон требует, чтобы мотив преступления устанавливал в отношении каждого обвиняемого и отражался в приговоре. Устновление мотива имеет огромное значение для предупредительнработы.

Обычно, когда у юристов не хватает знаний, чтобы объяснить причины конкретных преступлений или отдельной группы преступлен«мотивами» указывают хулиганские побуждения. Так, при анализе мтивов убийств и некоторых других насильственных преступлений иходят из того, что хулиганские действия совершаются по хулиганскмотивам. Иначе говоря, сам мотив вроде бы уже преступен, но это мкого смущает, ведь все становится просто и совсем не нужно лома

лову, особенно когда надо установить субъективные причины необычных или внешне непонятных преступлений, например, сексуальых. Удобнее все «списать» на эти самые хулиганские побуждения.

Хулиганскими побуждениями принято называть стремление ввызывающей форме проявить себя, выразить пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам общежития. Такие побуждения предполагают отсутствие личных отношений вражды, зависти, неприязни и т. д. между виновным и потерпевшим. В основе хулиганских побуждений обычно лежат эгоизм, озлобленность и неудовлетворенность, доходящие до тупой злобы, вызванные явным расхождением между уровнем притязаний человека и имеющимися возможностями их удовлетворения. Выбор именно хулиганской формы преодоления указанного противоречия предопределяется условиями нравственного формирования личности, бескультурьем, невоспитанностью.

Но для того, чтобы возникли хулиганские мотивы, необходимо, чтобы некий внешний объект нес угрозу данному человеку — любую угрозу, причем сам ее носитель может и не подозревать об этом, а виновный не сможет внятно объяснить, что именно вызвало его тревогу или раздражение. В других случаях названный мотив становится результатом накопления негативных, психотравмирующих переживаний, которые субъекту необходимо выплеснуть наружу. Поэтому хулиганские побуждения часто проявляются по незначительному внешнему поводу, когда ситуация, и в том числе будущий потерпевший, не дают казалось бы, субъекту преступления предлога для учинения преступных действий, в частности, расправы над ним. Поэтому жертвами часто становятся совершенно случайные лица, которые выступают в качестве одного из объектов насильственного посягательства.

Итак, хулиганские побуждения — это стремление в вызывающей Форме проявить себя, выразить пренебрежение к обществу и его установлениям. Но, во-первых, в вызывающей форме можно проявить себя, отнюдь не преступая уголовные законы (например, манерами, одеждой). То же самое можно сказать и о пренебрежении к обществу, Формы и способы которого столь многообразны, что перечислить их попросту невозможно. К тому же любое преступление есть вызов обществу, пренебрежение к закону и интересам других людей, а не только те, которые совершаются по так называемым хулиганским побуждениям. Во-вторых, если хулиганские побуждения диктуются стрем-

лением бросить вызов обществу, то в чем же заключается этот вызов? Если, например, глубокой ночью и без свидетелей совершается убийство ранее незнакомого человека, причем без каких-либо попыток завладеть его имуществом? В-третьих, почему невоспитанность и бескультурье приводят именно к тяжкому насилию над личностью, а не к каким-либо другим формам антиобщественного поведения, например, к обыкновенному хамству? В-четвертых, если в основе хулиганских побуждений лежат бескультурье и невоспитанность, почему насильственные преступления по таким мотивам совершают люди получившие хорошее воспитание и отличающиеся достаточным уровнем культуры? Очевидно, что дело не только в желании проявить себя в вызывающей форме и показать неуважение к обществу, не только в отсутствии культуры и воспитанности, хотя по-настоящему воспитанный и культурный человек не будет учинять хулиганские действия.

Чтобы понять мотивы внешне беспричинных действий, которые привычно относят к совершаемым по хулиганским побуждениям, необходимо найти ответ на неоднократно ставившийся выше вопрос: ради чего субъект поступает так, в чем здесь личный смысл, что он от этого выигрывает в психологическом отношении? Мы обязаны учитывать, что мотивы носят глубинный, бессознательный характер и связаны с психотравмирующими переживаниями неуверенности, страха, беспокойства, боязни за свое существование, место в жизни. Причем тревожность столь велика, а переживания достигают такого уровня, что человек, чтобы «защитить» себя, начинает пренебрегать всеми людскими законами.

2

В целом можно сделать вывод, что хулиганские побуждения или хулиганские мотивы есть стремление защитить, обеспечить свое бытие, подтвердить себя в качестве социального и биологического существа, т. е. все тот же мотив утверждения. Почему же утверждение происходит за счет других и притом обычно в разрушительных формах?

По этому поводу можно представить некоторые соображения*. Прежде всего отметим, что если человек ощущает вокруг себя угрожающую атмосферу (а как раз таких людей мы и имеем в виду), то снять свою бессознательную боязнь можно, только потеснив других как бы отодвинув их от себя, а еще надежнее — уничтожив носите-

- «грозы». Именно последний путь субъективно наиболее выгоден, как создает иллюзию мгновенного решения всех психологических проблем, приобретших бытийный смысл. При совершении хулиганских действий страдают не только люди, иногда вандалически уничтожаются вещи, животные. Это происходит потому, что весь мир, все его элементы ощущаются как враждебные и несущие угрозу.

Вообще насилие в руках агрессивного и жестокого человека приобретает самостоятельное, самодовлеющее значение как орудие установления его власти. В сам момент применения насилия, терзая, пытая, уничтожая другого, причиняя ему страшные страдания, преступник ощущает всю полноту своей власти. Быть может, именно в этот момент, без остатка поработав свою жертву, он живет наиболее полной жизнью. Эту очень важную сторону насилия и власти очень хорошо выразил Дж. Оруэлл: «Цель репрессий — репрессии. Цель пытки — пытка. Цель власти — власть». И далее: «Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать. В том, чтобы разорвать сознание людей на куски и составить снова в таком виде, в каком вам угодно».

В нашей культуре, считала К. Хорни, поиск любви и привязанности является одним из путей избавления от тревожности. Завоевать любовь и расположение — значит получить успокоение путем усиления контакта с другими, в то время как стремление к власти, престижу и обладанию означает получение успокоения через ослабление контакта с другими и через укрепление собственного положения.

Желание доминировать, завоевать престиж, приобрести богатство и добиться благосостояния, конечно, не является само по себе невротической наклонностью, точно так же, как является невротическим само по себе желание иметь любовь и привязанность. Чтобы понять особенности невротического стремления к указанным целям, его следует сравнить с аналогичным стремлением. Например, ощущение власти может возникнуть у нормального человека благодаря реализации его сильного качества (физическая сила, умственные способности, мудрость и т. д.). Его стремление к власти может быть вызвано также некоторой особой причиной, связанной с семьей, политической или профессиональной группой, родиной или научной идеей. Однако невротическое стремление к власти рождается из тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности. Иначе говоря, нормальное стремление к власти рождается из силы, невротическое — из слабости¹.

* См.: Хорни К. Собрание сочинений в трех томах. - М., 1997. Т. I. С. 393—394.

Эти соображения Х. Хорни имеют немалое криминологическое значение, поскольку захват власти преступной группой, в том числе террористами, может иметь далеко идущие последствия. При этом стремление к власти вполне может быть порождено особым отношением к своей родине, нации или религии. Желание доминировать, иметь власть, богатство, завоевать престиж, хотя может и не быть следствием невротической наклонности, тем не менее дает успокоение, выступает средством защиты от явно или смутно ощущаемой угрозы. При реализации такого желания снижается тревожность человека, перестает ощущать себя ничтожным и уязвимым, в связи с чем повышается его самооценка и самоприятие.

Жестокие пытки, применяемые сейчас многими рэкетирами при вымогательстве денег и других материальных ценностей, часто мотивируются желанием не только получить эти ценности, но и, причинив особые страдания и мучения, установить свою власть в данный момент.

Таким образом, в целом можно считать, что большинство убийств имеет субъективный, как правило, неосознаваемый смысл защиты от внешней угрозы, которой в действительности может и не быть.

Страх перед возможной агрессией извне обычно мотивирует совершение упреждающих поступков. Он может вести свое начало, как уже говорилось ранее, с первых дней жизни индивида. Напомним только, что изначально он формируется психическим лишением ребенка в детстве, эмоциональным отвержением его родителями, что затем может приводить к отчуждению личности, характерному для многих преступников, особенно насильственных. Это не означает, что эмоция страха может фатально приводить к преступлению, однако недостаточно социализированные ее формы могут иметь такие последствия. Поэтому мотивом многих убийств выступает защита от агрессии среды или мотив утверждения. Этот мотив в «союзе» с корыстью способен порождать и имущественные преступления, когда личностным смыслом поведения выступает стремление утвердить себя на социальном, социально-психологическом и индивидуальном (самоутверждение) уровнях.

Утверждение личности на социальном уровне означает стремление к достижению определенного социально-ролевого положения, связанного с трудовой, профессиональной или общественной деятельностью, часто без ориентации на микроокружение, мнение и оценки которого могут не иметь никакого значения. Выдвижение на

циальном уровне обычно соотносится с завоеванием престижа и торитета, карьерой, обеспечением материальными благами.

³ утверждение на социально-психологическом уровне предполагает стремление к приобретению признания со стороны лично значимого ближайшего окружения, т. е. чаще всего на групповом уровне. Оно включает в себя утверждение в глазах семьи или эталонной группы, с которой в данный момент субъект может и не иметь необходимых контактов. В таких случаях преступление выступает в качестве способа его включения в подобную группу, его признания. Утверждение на социально-психологическом уровне может осуществляться и вне зависимости от социального признания в широком смысле, от карьеры, профессиональных достижений и т. д. Для многих людей, особенно молодых, признание в глазах ценимой группы сверстников является вполне достаточным.

В самом общем виде под самоутверждением личности можно понимать желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень собственного достоинства. Однако это часто реализуется не путем требуемых оценок со стороны других групп или общества, а изменением отношения к себе благодаря совершению определенных поступков, направленных на преодоление своих внутренних психологических проблем: неуверенности, субъективно ощущаемой слабости, низкой самооценки. Причем все это чаще всего происходит бессознательно.

Среди воров и расхитителей выделяется группа, характеризующаяся исключенностью из социально полезного общения, слабыми контактами со средой. Для многих из них основным мотивом, смыслом совершения хищений и краж являются сохранение или приобретение значимых для них отношений с другими людьми, преодоление своего отчуждения, одиночества, приспособление к группам, поиск поддержки в них.

Самоутверждение ярко проявляет себя в качестве мотива при совершении изнасилований. Да, именно утверждение своей личности, а не удовлетворение лишь половой потребности, не частнособственническая психология и пережиточное отношение к женщине, не только неуважение к ней, к ее достоинству и чести, не низкая личная культура и т. д., хотя все эти факторы влияют на совершение таких сексуальных преступлений.

Субъективные причины изнасилований, как и других преступлений, в первую очередь связаны с особенностями представлений преступника о самом себе, «Я»-концепцией, самоприятием. В этом аспекте пре-

ступление есть попытка изменить имеющееся, нередко психотравмирующее представление о самом себе и тем самым повысить собственное самопрятие. Неприятие прежде всего проявляется в негативном эмоциональном отношении к самому себе и собственным действиям. Поэтому человеку кажется, что нужны некоторые специфические условия, чтобы было осуществлено самопрятие. Такими условиями являются преодоление, прежде всего в психологическом плане, доминирования противоположного пола или осуществление самоутверждения в мужской роли, которое при этом трактуется весьма субъективно. \

В других случаях перед насильником стоят чисто защитные задачи. Изнасилование выступает формой защиты имеющегося представления о себе от угрозы, связанной с определенным субъективно унижающим преступника поведением женщины, которое наносит удар по его самопрятию и оценке себя в мужской роли. При этом поведение женщины объективно может и не быть таковым, более того, она может и не знать об этом.

Представление насильника о себе есть следствие его взаимоотношений с конкретными женщинами, через которое формируется его отношение к женщинам вообще.

Особенности межполовых взаимоотношений только в том случае могут угрожать самопрятию, если они в силу определенных личностных дефектов становятся субъективно наиболее значимыми, переживаемыми, что и определяет фиксацию на сексуальной сфере и повышенную восприимчивость к любым элементам отношений с женщинами. Утверждение себя в требуемой сексуальной роли для таких мужчин равносильно тому, чтобы существовать, т. е. на бытийном уровне. Совершая изнасилование, они в первую очередь как бы подтверждают свое право на существование в собственных глазах, ибо их бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере. Надо отметить, что такие внутриличностные тенденции, как правило, не осознаются человеком, от него ускользает их личностный смысл.

Реализации названного мотива часто способствуют циничные взгляды и представления о женщинах, отрицательное, презрительное отношение к их личной свободе, достоинству, половой неприкосновенности. Для насильника ценность женщины в силу его психологических особенностей велика, но в то же время чрезвычайно низка ее половая неприкосновенность.

К числу основных мотивов преступного поведения принадлежит игровой. Этот тип мотивации достаточно сложен и мало изучен. М е ^

путем доля преступников-«игроков» среди воров, расхитителей, особенно мошенников, и некоторых других категорий, относительно велика. К ним относятся те, кто совершает преступления не только, а во многих случаях и не столько ради материальной выгоды, сколько главным образом ради игры.

Чтобы выяснить игровые мотивы преступного поведения, необходимы определенные подходы и даже специальная психологическая подготовка исследователей и практических работников. Изучение таких мотивов необходимо для объяснения причин совершения сложных преступлений и, следовательно, повышения эффективности их предупреждения.

Например, наличие игровых мотивов позволяет объяснить хищения государственного, частного или общественного имущества, совершающиеся в течение длительного времени, когда, казалось бы, преступник похитил уже достаточно много и мог бы удовлетвориться приобретенными материальными благами, однако продолжает участвовать в хищениях. Это обычно вызывает удивление, тем более, что постоянно возрастает риск быть разоблаченным, да и наказание в этих случаях будет более суровым. Мы считаем, что некоторые из подобных преступлений стимулируются уже не столько корыстью, сколько потребностью человека в игре, удовлетворяющей жизненно важные эмоциональные ощущения.

Игровые мотивы часто наблюдаются в преступлениях воров-карманников и нередко тех, кто совершает кражи из квартир, складов, магазинов и других помещений. Эти мотивы ярко проявляются в мошенничестве, где можно выделить интеллектуальное сопротивление, состязание в ловкости и сообразительности, умение своевременно и адекватно оценивать складывающуюся ситуацию, максимально использовать благоприятные обстоятельства и быстро принимать наиболее правильные решения. Как правило, мошенники не совершают других преступлений, а если и совершают, то почти всегда с элементами игры. Карточные шулера, например, играют как бы вдвойную игру — по правилам и обманывая, так что получают от этого максимальные эмоциональные переживания. Вообще распространенность азартных игр среди преступников, в первую очередь корыстных, как раз и объяснима постоянным стремлением к риску.

Попытаемся объяснить, каким образом игровые мотивы связаны с теми факторами, которые названы в качестве основных, порождающих преступность. Прежде всего отметим, что почти всегда игро-

вые мотивы носят бессознательный характер, человек, втянутый в игру, обычно не ощущает себя таковым, для него игра привлекательна в первую очередь тем, что он испытывает острое ощущение, иногда чрезвычайно острое, особенно если он втянут в смертельно опасную игру. Тот или те, с кем он играет, могут находиться вне его,» возможно и так сказать внутри него, в его же личности, что, впрочем, тоже находится вне рамок его рациональности. Психологическое удовлетворение от игры заключается не только в переживаниях риска и опасности, но и в том, что человек не остается один, а вступает с кем-то (или с чем-то) в некоторые отношения, имеющие для него существенное, иногда жизненно важное значение.

Таким способом преодолевается одиночество и дезадаптация, а в смертельно насыщенных ситуациях человек начинает играть и со смертью. Ее он приближает к себе, делает доступной и понятной, удовлетворяет интерес к ней, тем самым снижая страх перед ней. Постоянная игра со смертью — привычное и любимое занятие многих террористов и боевиков, наемников и наемных убийц.

У каждого человека свое отношение к смерти, даже если он не делает это отношение предметом самостоятельных размышлений. Но собственная позиция может продуцировать мотивы преступного поведения только в том случае, если интерес или влечение к ней удовлетворяются противоправным способом, и таким же способом снимается или снижается страх перед ней. То же самое можно сказать и о стремлении сделать смерть понятной, причем оно может быть связано с интересом или влечением к смерти либо страхом перед ней. Например, подростки, которые мучают животных или совершают жестокое убийство, как раз и движимы стремлением понять смерть, уловить момент перехода жизни в смерть. Здесь налицо интерес к смерти.

Человек во все времена боялся смерти — скрыто или явно, бессознательно или вполне рационально, пытаясь проникнуть в ее суть и по возможности отсрочить ее наступление. Чаще всего смерть связывается с богами, божьим промыслом, другими сверхъестественными персонажами, с потусторонним миром. Для собственного утешения человек изобрел понятие души, которая после смерти якобы продолжает его жизнь, что призвано уменьшить страх перед неизбежным финалом. Смерть ощущается в качестве могущественной, неотвратимой, непобедимой опасности, перед которой он абсолютно бессилен, поэтому его страх перед ней способен перерасти в панику и ужас. Страх перед смертью тем более велик и всеобъемлющ,

что она принципиально непознаваема, хотя о ней высказаны самые мудрые идеи и мысли. Но страх смерти по своей этической природе нейтрален, поскольку может подвигнуть и на великое творчество, и на черную низость.

Криминогенное значение ощущения и переживания своей смерти может заключаться в следующем:

- конкретные люди могут ощущать нечто в качестве угрозы для жизни, поэтому агрессивные действия носят характер защиты от их возможных нападений. Иногда страх перед такими людьми носит паранойяльный характер;

- убийства могут совершаться, чтобы снять или хотя бы уменьшить страх смерти, сделав ее близкой, понятной и логичной. Если она исходит из твоих рук, если ты, простой смертный, способен причинить ее, значит она не так страшна, тем более, что все религии на протяжении тысячелетий готовили к ней;

- т) • смерть другого^ позволяет понять разницу между жизнью и смертью, разделяющую их грань, а следовательно, лучше понять последнюю и уменьшить страх перед ней;

- человек, могущий причинить другому смерть, самоутверждается, подтверждает свое «Я», свое могущество. Если он причинитель смерти, значит он в какой-то мере распоряжается, владеет ею, а это тоже способно уменьшить страх перед ней.

Из числа преступников в наиболее близкие отношения со смертью вступают некрофильские личности, которых влечет к себе смерть как некое великое таинство, как нечто, с помощью которого можно решить свои субъективные и общесоциальные проблемы. В их числе сексуальные и корыстные убийцы, террористы, лица, совершившие несколько убийств, преступные диктаторы и т. д. У некрофилов раздвоен жизненный опыт, они живут сразу в двух мирах: в этом и в небытии. У них нет удовлетворительной связи с обществом, а иногда при наличии психических расстройств и с самим собой. Уход в небытие, особенно если он совершается с помощью убийства (хотя это и не единственный способ), показывает, что их личность находится в постоянном бегстве от обычной реальности, которую они оценивают в качестве неприемлемой. В результате многие из них ведут неполноценное существование, характеризующееся одиночеством и чувством изолированности.

Отношение некрофильских личностей к смерти играет исключительную роль в их преступном поведении, в частности надо особо вы-

делить страх перед ней, который, как показывают конкретные исследования, начинает формироваться в детстве в результате эмоционального отвержения ребенка родителями, в первую очередь матерью, *мIII* в период, когда он особенно нуждается в защите. Отсутствие защиты рождает постоянно растущую тревожность и страхи, которые *Но_{сш}* спонтанный, смутный, размытый характер боязни всего, и в особо неблагоприятных случаях достигают страха смерти. Вместе с тем хотелось бы особо подчеркнуть, что названный страх не является единственной причиной некрофильского убийства, а не какого-нибудь другого. В качестве такой причины выступает сама природа некрофильского преступника, в которой страх смерти занимает заметное место. Ведущей чертой его природы является особая близость к смерти и постоянное влечение к ней. Выскажем такое внешне противоречивое суждение: необычайная близость смерти и особое отношение к ней включает в себя и страх смерти, который переплетается и постоянно взаимодействует с влечением к ней. Влечение и страх составляют единое целое, которое должно стать предметом специального научного анализа.

Один из парадоксов влечения к смерти состоит в том, что конкретный человек может не только стремиться к ней, но и одновременно бояться ее. Можно сказать, что у таких людей складывается к ней двойственное, амбивалентное отношение типа «тяготение — отвержение». Думаем, что это свойственно многим некрофилам, в том числе державным. Они боялись смерти, поэтому везде видели врагов, были мнительны, подозрительны, злопамятны и очень жестоки, в то же время как истинные некрофилы стремились к ней, превращая все живое в мертвое. Уничтожая других, человек тем самым подавляет в себе страх смерти, поскольку делает ее понятной и близкой, а себя начинает ощущать могучим вершителем чужих жизней. Это неизбежно снижает свойственную подобным людям неуверенность в себе и высокую тревожность, отодвигая смерть, а точнее предощущение ее, подальше от себя, куда-то в неведомую даль.

Для некрофильских убийц отношение к смерти может выступать результатом глобального личностного изменения в самом себе, в ощущении, кем они являются. Но это не радостное прозрение, смерть превращается для них в пугающего врага, в роковую катастрофу.

Один из некрофильских убийц, которого мы обследовали, сказал *т* беседе, что рождение и есть смерть. От подобных лиц мы не один раз слышали, что рождение опасно уже потому, что младенец покидает беИ

сную ма³теринскую утробу и попадает в неведомый и враждебный ³ио. Однако дело не только в безопасности материнского лона, и желание вернуться туда больше похоже на реакцию вследствие неудачно простой жизни с ее страхами и угрозами. В субъективном представлении сходстве рождения со смертью есть еще и глубокий и незаживающий след прохождения рождающимся через все родовые пути, которые, как пишет С. Гроф, таит для него смертельные опасности. Травмы в момент рождения (переломы, наложение щипцов) либо кесарево сечение символически могут означать, что ребенку не дают возможность выйти в эту жизнь, что оставляет в его психике негативный бессознательный след.

Страх смерти является предощущением трагедии, а такое предощущение представляет собой одно из главных проявлений личности. У каждой культуры есть свой ключ к решению этой проблемы. Как обосновано считал Э. Фромм, существует своеобразная прямая зависимость отношения к смерти от уровня индивидуализации человека в том или ином обществе: чем выше уровень, тем более трагичным представляется человеку конец его индивидуального существования, а там, где индивидуализация не достигла определенных высот, дела обстоят гораздо лучше. Смерть еще не воспринимается как нечто кардинально противоположное жизни. В наше время человечество склонно отрицать сам факт смерти, а вместе с тем одну из основных сторон жизни. Вместо того, чтобы превратить смерть в сильнейший стимул жизни — в ту основу, которая сможет объединить людей, в некий катализатор, — индивид вынужден просто подавить в себе это осознание неизбежной смерти. Но как и при любом подавлении, спрятать — не значит изжить навсегда. Животный страх перед смертью постоянно присутствует в нас, живет, несмотря на наши попытки отрицать его, но подавление ведет прежде всего к его стерилизации. Этот страх порождает эмоциональную бедность наших переживаний, наше лихорадочное стремление жить'.

К сожалению, Э. Фромм не объясняет, каким образом превратить смерть в сильнейший стимул жизни. Есть большие сомнения по поводу того, что это вообще возможно, хотя это было бы огромным утешением для человечества и решением многих его витальных проблем. Страх смерти действительно животный страх, он активно, хотя и скрыто, функционирует в нас, как в наших далеких предках.

См.: Фромм Э. Бегство от свободы. — Минск, 2004. С. 313—314.

Тот факт, что смертность человека соотносится с вечным и абсолютным и что неудобства природного порядка сравниваются с идеальным миром свободы, объясняет, почему люди неспособны признать свою ограниченность, не испытывая чувства вины. Чувство! вины окрашены даже действия, к которым человека толкают потребности природного порядка. Хотя существуют нравственные теории отрицающие этот элемент вины, он является, тем не менее, постоянным фактом человеческого опыта, и даже когда его открыто отрицают, он обычно скрыто признается. Эти слова принадлежат Р. Нибуру¹ и с ними не следует соглашаться, поскольку человек далеко не всегда, даже очень редко, испытывает чувство вины, когда пытается! отрицать свою природную ограниченность, даже восстает против нее! Более того, он всегда считал своим долгом делать это, причем в самых разных формах. Преступление является одной из них.

¹ См.: Нибур Р. Опыт интерпретации христианской этики / В кн. Христос и иудаизм. Избранные труды Рич. Нибура и Райн. Нибура. — М., 1996. С. 375–513.

Глава IV

ПРИЧИНЫ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ И РОЛЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Разные криминологические грани бессознательного

1

Для многих юристов, криминологов в том числе, бессознательное и по сей день остается тайной за семью печатями. Они продолжают думать, что все поведение человека определяется только сознанием, осознанными являются его мотивы, потребности, цели и т. д. Их просто не учили другому, не учили по той уважительной причине, что об этом не знали и их учителя — все это стало следствием многолетнего невежественного поношения З. Фрейда. Разумеется, криминологи и специалисты в области уголовного права время от времени сталкивались с непонятными действиями преступников, особенно при совершении убийств и сексуальных посягательств. Но, во-первых, это с ними происходит очень редко, поскольку только отдельные научные сотрудники брали на себя непосильный труд изучать «живых» преступников и пытаться объяснить их преступное поведение. В основном же эти исследователи имели дело (и продолжают так) со статистикой, с цифрами, в лучшем случае с уголовными делами. Во-вторых, для таких научных работников существуют готовые штампы, с помощью которых могут быть объяснены любые преступления — например, хулиганские или корыстные побуждения.

Прежде чем непосредственно исследовать криминологические проблемы бессознательного, приведем слова Э. Фрейда о значимости психоанализа. Он не надеялся, что «психоанализ открыл последние

загадки человеческой жизни. Образно говоря, психоанализ открыл дверь в темную кудшечную жизнь человека, и позволил нам узнать о существовании немногих объектов, расположенных рядом с этой дверью, хотя те объекты, которые расположены в большой глубине, все еще окутаны мраком. Психоанализ позволил нам немного осветить многое неизвестное так что теперь мы в состоянии различать контуры определенных объектов в темноте. Мы можем описать определенные механизмы, которые используются глубинными пластами психики, описать которую в целом мы не можем. Наша наука еще пока молода, и дальнейшие исследования, несомненно, докажут, что те контуры, по которым мы в настоящее время пытаемся различать эти объекты, не были окончательно истинными. Но наше ожидание, что позднее придется изменить некоторые детали современных концепций, не должно служить для нас помехой для использования этих концепций в настоящее время»¹.

Эти слова написаны много десятилетий назад, но они актуальны и сейчас. Мы и сейчас находимся у открытой двери, еще не вошли внутрь и только заглядываем туда, пытаясь разглядеть, что находится там, в крошечной темноте. Собственно говоря, такое можно утверждать на любом этапе познания человека. Добросовестный ученый, а Э. Фрейд им бесспорно был, никогда не станет утверждать, что им открыты все человеческие тайны. Это особенно верно для криминологии, которая, к сожалению, не смогла в полной мере использовать в своих интересах даже и то, что давно стало аксиомой в психологии и, в частности, в психоанализе. Подчеркнем, что это относится не только к отечественной криминологии, но к ней особенно, по причинам, названным выше.

Психоаналитические исследования в современном мире достаточно активны, но беда в том, что они обычно обходят стороной криминологию, в первую очередь по вине самих криминологов. Но здесь не место давать развернутую характеристику фрейдизма и современного неофрейдизма. Попытаемся описать только те контуры этого учения, которые важны для объяснения природы преступности и преступного поведения, особенно в части его мотивации. Практический ущерб от такого отношения к глубинным психическим явлениям, связанным с совершением преступлений, огромен. Из-за этого юридически неправильно квалифицируются конкретные действия!

¹ Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. Двадцать восьмой президент США. Психологическое исследование. — М., 1992. С. 50.

до вР^сМЯ отбывания наказания неэффективно исполняется наказание — без учета тех личностных факторов, которые уже привели к преступлению, но остаются незатронутыми, приводя к рецидиву; при расследовании уголовных дел зачастую безграмотно строятся следственные версии, не используются все психологические возможности обнаружения и изобличения преступников.

Хотелось бы обратить внимание на то, что не все известное о бессознательном, его сферах и отдельных проявлениях уже сейчас может быть активно использовано в борьбе с преступностью. Как это сделать — самостоятельная проблема, нужны не только новые специальные психологические исследования, но и осмысление заинтересованными юридическими научными дисциплинами того, что уже известно. Актуальным остается использование полученной информации и в законодательстве.

Исследование личности преступника, преступного поведения, потерпевшего и ряда других криминологических проблем будет неполным и неэффективным, если игнорировать бессознательные явления и процессы, индивидуальные и коллективные, если не учитывать достижения мировой науки в этой области. Между тем в силу разных причин, в том числе распространенности в советской криминологии вульгарно-материалистических подходов и концепций (во многом сохранившихся и поныне), а также недостаточного знания психологии современными отечественными криминологами и отсутствия криминологических исследований соответствующего профиля, категории бессознательного и вся научная информация о нем явно недостаточно используется в объяснении явлений преступности. Конечно, в работах отдельных криминологов, особенно посвященных личности преступника и агрессивному преступному поведению, можно отметить различные высказывания по этим вопросам, но это лишь отдельные высказывания, некие соображения (П.С. Дагель, В.Н. Кудрявцев, А.Р. Ратинов), не базирующиеся на эмпирике.

Как мы видим, в криминологии давно существует настоятельная потребность в выявлении бессознательного в преступности, в том числе скрытых мотивов преступного поведения. Однако столь же очевидно, что дальше отдельных указаний на такую необходимость большинство исследователей пока не пошло. В целом проблема бессознательного в криминологии стала предметом специального изучения лишь для небольшой группы авторов, опирающихся на пред- ставительную эмпирическую базу.

В силу этого крайне затрудняется объяснение причин совершения многих преступлений, особенно тяжких, против личности, хулиганства и неосторожных уголовно наказуемых деяний, преступлений, связанных с дезадаптацией личности, а также рецидивного преступного поведения. Недостаточно выявлены бессознательные механизмы корыстного преступного поведения, например, коррупции. Снижается эффективность деятельности по расследованию и профилактике преступлений, исправлению преступников, борьбы с преступностью в целом. Незавершенность в данной связи многих криминологических проблем представляет собой частное проявление того, что «недостаточная разработанность теории бессознательного и методов его анализа оказывает сдерживающее влияние на развитие целого ряда важнейших направлений современной научной мысли как в рамках психологии, так и вне ее»¹.

Изучение бессознательного в криминологическом аспекте имеет важное значение для научной критики ортодоксальных психоаналитических взглядов о природе преступного поведения. Эти взгляды исходят из идеи безысходной якобы подчиненности сознания неосознаваемым примитивным влечениям, из представления о безнадежности борьбы с преступностью.

Чтобы в должной мере уяснить криминологические проблемы бессознательного, необходимо остановиться на более общих вопросах этого психического, которые только на первый и поверхностных взгляд представляются не имеющими прямого отношения к криминологическим изысканиям, прежде всего о самом понятии бессознательного.

Например, А.Е. Шерозия считал, что как в системе классического психоанализа, так и в его современных модификациях, в том числе и в неофрейдистских течениях, отсутствует понятие об онтологии человеческого статуса существования бессознательной психики. Более того, онтология бессознательного по существу всегда совпадает в психоанализе с онтологией сознания. З. Фрейд, подобно Лейбницу и Канту, строит свою систему анализа — психоанализа в целом — на одном только отрицательном понятии бессознательного, понимая таковое как психика минус сознание. Отсюда и последствия: психоанализ З. Фрейда, как и многих современных психоаналитиков, свободно может трактовать любые отщепленные от сознания представления,¹

¹ Бассин Ф.В., Прангивили А.С., Шерозия А.Е. Введение к кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования. — Тбилиси, 1978. Т. I. С. 28.

делания, идеи, мысли как наши «бессознательные психические переживания», будучи вовсе не в состоянии при этом сказать что-либо определенное об их онтической сущности, т. е. о том, как они существуют сами по себе и почему благодаря дополнительному акту — акту обращения на них внимания — они могут вновь выступить для нас как наши вполне осознаваемые переживания'.

Эти упреки А.Е. Шерозии в адрес З. Фрейда представляются совершенно необоснованными. З. Фрейд не строил свою теорию психоанализа на одном только отрицании, он не понимал бессознательное лишь как психику минус сознание. Это было бы слишком примитивно для мыслителя такого уровня и не повлияло бы столь мощно на все мировосприятие XX в. Напротив, З. Фрейд, как и его современные последователи, все время стремился наполнить бессознательные психические переживания различным содержанием, в том числе онтологическим. Это явственно видно, например, в его толковании сновидений или в тех криминологических теориях, которые пытаются объяснить преступное насилие с помощью фрейдовского учения об инстинкте смерти. З. Фрейд знал (был уверен в том, что знает!) во что превращаются вытесненные из психики явления и как это происходит. Разумеется, он в чем-то ошибался, но это никак не может быть основанием считать, как это делает А.Е. Шерозия, что психоанализ концептуально несостоятелен и как собственно психологический метод, и как собственно психологическая теория.

Шерозия противоречит сам себе, отмечая, что З. Фрейду и его последователям на огромном материале психоаналитической фактологии удалось раскрыть отрицательное (негативное) содержание бессознательного психического. Но А.Е. Шерозия тут же справедливо указывает на то, что психология нуждается и в положительном содержании понятия бессознательного, которое могло бы объяснить, каким образом оно выполняет свою собственную (специфическую) функцию независимо от своего логического коррелята — сознания².

Во-первых, отрицательное содержание — тоже содержание, с его помощью можно обнаружить и объяснить весьма важные для психологии факты. Однако нет никаких оснований упрекать З. Фрейда в том, что он не исследовал положительные содержания бессознательного — это совсем не так, достаточно обратиться к теории сновидений.

¹ См.: Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. — Тбилиси, 1979. С. 23.

² Там же. С. 24.

Во-вторых, то, что сознание является логическим коррелятом бессознательного, отнюдь не аксиома, это еще нужно доказать, хотя и бесспорно, что сознание и бессознательное не могут существовать друг без друга.

В-третьих, проблема функций бессознательного относится к числу вечных, причем они могут реализоваться без какого-либо участия сознания вместе с ним или даже вопреки ему. В этом нас убеждают прежде всего собственные эмпирические исследования, но они ни в коей мере не свидетельствуют о том, что бессознательное заполнено лишь отрицательными содержаниями, т. е. оно совсем не является мусорной корзиной. Если мы с помощью бессознательного пытаемся объяснить преступное поведение, это вовсе не значит, что с опорой на него невозможно понять и любое другое. К.Г. Юнг называл бессознательное Тенью, но только потому, что оно скрыто, таинственно, непонятно и способно вызвать страхи

Человеческая психика представляет собой единство бессознательных и сознательных явлений и процессов. Это саморегулирующаяся система, в которой происходит постоянный обмен энергиями и информацией. Обособление хотя бы одной части психики ведет к утрате равновесия. Люди древних цивилизаций не случайно, хотя и инстинктивно, ценили опыт сновидений и галлюцинаций, которые предоставляли им особую возможность психической разрядки, установления контакта с прошлым и будущим, а также с силами, которые, по их представлениям, направляют их жизнь.

Все попытки понять человека и его поведение, в том числе и такое, опираясь лишь на уровень сознания, обречены на неудачу. Давно известно, что далеко не все, что воспринимается человеком и управляет его поведением, актуально осознается им. Эта неосознаваемая часть психики (ощущения, образы, смыслы, мотивации, восприятия и т. д.) проявляется в самых разнообразных произвольных реакциях и действиях

Одна из групп таких явлений, считает Р.С. Немов, это ошибочные действия: оговорки, опiski, ошибки при написании или слушании слов. В основе второй группы бессознательных явлений лежит произвольное забывание имен, обещаний, намерений, предметов, событий и другого, что прямо или косвенно связано для человека с неприятными воспоминаниями. Третья группа бессознательных явлений личностного характера относится к разряду представлений и связана с восприятием памяти и воображением: сновидения, грезы¹. А.Г. Маклаков с учетом концепции Ю.Б. Гиппенрейтер предлагает такую схему неосознаваемых психических процессов:

¹ См.: Немов Р.С. Психология. Кн. 1. — М., 2001. С. 139—140.

1. Неосознаваемые механизмы сознательных действий (неосознаваемые автоматизмы; неосознаваемые установки; неосознаваемые сопровождения сознательных действий);

2. Неосознаваемые побудители сознательных действий (сновидения; ошибочные действия; невротические синдромы);

3. «Надсознательные» процессы (интегральные продукты длительной сознательной деятельности)¹.

В этом перечне бессознательных явлений отсутствуют прямые указания на такие личностно значимые, как мотивы и смыслы, хотя они обязательно присутствуют в «надсознательных» процессах, например, любви, выборе друзей или профессии. Мотивы и смыслы несомненно важны для решения ряда самых сложных криминологических проблем, относящихся к субъективным причинам и механизмам преступного поведения и личности преступника. Но следует отметить, что в психологии, а не только в криминологии, проблему бессознательного в мотивации исследованы явно недостаточно.

Опираясь на результаты эмпирических криминологических исследований и особенно учитывая необходимость объяснения мотивов преступного поведения, можно полагать, что бессознательная сфера психики представляет собой весь невоспоминаемый опыт индивидуальной жизни, забытые впечатления детства, психограммирующие воспоминания, вытесненные из сознания вследствие их тягостного для субъекта характера или их неактуальности, влечения, противоречащие нравственным установкам индивида. Конечно, в названную сферу входят также биологические инстинкты, реализация которых невозможна в условиях человеческого общества, и другие неосознаваемые механизмы и побудители сознательных действий, автоматизмы и стандарты поведения, склонность решать те или иные ситуации и реагировать на внешние воздействия определенным образом. Однако роль автоматизмов и стандартов в преступном поведении до сих пор изучена хуже, чем бессознательных мотивов.

3. Фрейд пришел к понятию бессознательного путем переработки опыта, в котором большую роль играет душевная динамика. Психодинамическая теория утверждает, что некоторые представления не становятся сознательными потому, что им противодействует известная сила, что без этого они могли бы стать сознательными, и тогда мы бы увидели, как мало они отличаются от остальных общепризнанных психических элементов. Эта теория оказывается неопровержимой благода-

¹ См.: Маклаков А.Г. Общая психология. — СПб., 2002. С. 150.

ря тому, что в психоаналитической технике нашлись средства, с помощью которых можно устранить противодействующую силу и довести соответствующие представления до сознания. Состояние, в котором они находились до осознания, мы называем вытеснением, а сила, приводящая к вытеснению и поддерживающая его, ощущается нами во время нашей психоаналитической работы как сопротивление. Вытесненное 3. Фрейд рассматривал как типичный пример бессознательного. J

Между тем он видел два вида бессознательного: латентное, но способное стать сознательным, и вытесненное, которое само по себе и без дальнейшего не может стать сознательным¹. Однако 3. Фрейд здесь не объясняет, каким образом латентное бессознательное может стать сознательным, и что означает, что вытесненное само по себе и без дальнейшего не может стать сознательным. Собственно говоря, не очень и ясно, чем латентное бессознательное отличается от вытесненного, разве вытесненное не является латентным? В криминологических и психиатрических исследованиях нами было обнаружено, что вытеснение из сознания в бессознательное не всегда происходит с помощью силы, а часто как бы само собой, по причине утраты актуальности, сиюминутной ненужности и хранится в бессознательном в качестве латентного груза. Еххшто, что подлежи т вытеснению, носит психотравмирующий характер, требуется немалая сила для вытеснения. Впоследствии все вытесненное, особенно психотравмирующее может мощно мотивировать поступки, т. е. это вытесненное становится актуальным. Такие явления очень трудно выявить и описать, а сделать это можно, во-первых в том случае, если прошесть историю всей жизни конкретного человека, уделяя особое внимание условиям формирования его личности в детстве и отношениям с родителями. Подобное исследование, если оно осуществляется в криминологических целях, вполне может быть названо криминогенетическим. Во-вторых, если скрупулезно анализировать все психические состояния данного человека в интересующий нас момент, постоянно связывая их с личностью.

Бессознательное не есть нечто такое, что окружает нас и из чего постепенно формируется и развивается сознание, индивидуальное у каждого вообще всех людей. Бессознательное существует потому, что есть сознание, и имеются все основания думать, что они возникают и функционируют параллельно. Отказ от чрезмерной оценки сознания, с которым между тем 3. Фрейд, становится необходимой предпосылкой всякого правильного понимания происхождения психического. Бессо

¹ См.: Фрейд 3. Психология бессознательного. — СПб., 2002. С. 379.

зательное — это большой круг, включающий в себя меньший — сознательное; все сознательное имеет предварительную бессознательную стадию, между тем как бессознательное может остаться на этой стадии и все *^c претендовать на полную ценность психического действия. «Бессознательное есть истинно реальное психическое, столь же неизвестное нам в своей внутренней сущности, как реальность внешнего мира, и раскрываемое данными сновидения в столь же незначительной степени, как и внешний мир показаниями наших органов чувств»¹.

В практической деятельности четко отделить сознание от бессознательного бывает очень трудно, подчас невозможно, тем более что бессознательное участвует и в самых сложных формах поведения, требующих постоянного внимания и, казалось бы, только сознательного контроля, в том числе:

- когда перед человеком возникают неожиданные, интеллектуально сложные проблемы, не имеющие очевидного решения. Примером могут послужить некоторые научные проблемы, когда сам научный работник не в состоянии объяснить, какой логический и рациональный путь привел его к тому решению, которое он предлагает;
- когда необходимо найти выход из острой и конфликтной ситуации, подчас таящей потенциальную угрозу. Такую ситуацию человек пытается осознать и найти выход, но ему, несомненно, помогают интуиция и неосознаваемые сигналы об опасности. Поэтому часто его поведение становится интуитивным. Подобные ситуации возникают непрерывно, в некоторых профессиях они являются их частью, иногда же связаны с преступлением.

3. Фрейд указывал, что бессознательность является только признаком психического, однако никоим образом не характеризующим его. Встречаются психические акты самого различного значения, но обладающие одинаковым признаком бессознательности. Бессознательное содержит, с одной стороны, акты только латентные, временно бессознательные, а во всем прочем ничем не отличающиеся от сознательных, а с другой стороны — вытесненные, которые отличались бы самым резким образом от остальных сознательных, если бы проникли в сознание². Они, как показывают конкретные криминологические исследования, действительно отличаются от сознательных, когда проникают в

¹ Фрейд 3. Толкование сновидений. — СПб., 1997. С. 556—557.

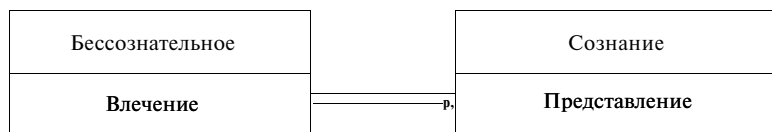
² См.: Фрейд 3. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. — СПб., 1998. С. 158.

сознание. Но не все, а только те, которые вытесняются по причинам нравственного порядка. Характерно, что они «пролезают» в сознание обычно тогда, когда человек находится в нетрезвом состоянии, т. е. ослаблен его внутренний нравственный контроль.

Именно в нетрезвом состоянии дают о себе знать влечения, которые обычно никак не проявляют себя — они бессознательны. З. Фрейд считал, что влечение никогда не может быть объектом сознания, им может быть только представление, отражающее в сознании это влечение. Но и в бессознательном влечение может быть отражено не иначе как при помощи представления. Если бы влечение, считал З. Фрейд, не связывалось с каким-нибудь представлением и не проявлялось как состояние аффекта, то мы не могли бы о нем ничего знать. И если мы все-таки говорили о бессознательном влечении или о вытесненном влечении, то это только безобидная небрежность выражения. Под этим мы могли понимать только такое влечение, которое отражено в психике бессознательным представлением, и ничего другого под этим не подразумевается¹.

Влечения представляют для криминологии особый интерес, поскольку они значимы для понимания самых разных преступлений — от сексуальных до корыстных (например, при совершении краж и мошенничества, к которым виновный может испытывать неодолимое влечение, что обычно объясняется игровой мотивацией). Поэтому остановимся на проблемах влечений более подробно.

Прежде всего выразим свое согласие с З. Фрейдом по поводу того, что влечение никогда не может быть объектом сознания, им может быть только представление, отражающееся в сознании этого влечения.

Но тогда совсем непонятно, каким образом и в бессознательном влечение отражено в виде представления, и чем тогда бессознательное отличается от сознания. Представление включает в себя *соединение* влечения, то, из чего последнее состоит; в представление не входит «цензор» — нравственная оценка этого содержания, причем «цензор» может быть очень эффективен и не допустит реализаций влечения, он может вообще не вступать в дело и лишь задним чи

¹См.: Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. С. 163—164.

мом оценить поведение. Если оно безнравственное, не только от одного «цензора» зависит раскаяние в содеянном (покаяние), но и от множества других субъективных и объективных факторов, например, от реально получаемой от этого выгоды или, напротив, тяжких последствий. При этом и выгоду, и тяжкие последствия следует понимать в самом широком плане, в том числе психологическом.

Итак, делаем вывод, что влечение в бессознательном не манифестирует о себе представлением: это может произойти только в сознании. Именно этим (в аспекте влечения) бессознательное отличается от сознания. Но то же самое нельзя сказать о чувствах и ощущениях — они не в бессознательном, а в сознании, поэтому они чувствуются и ощущаются. Однако у чувств и ощущений есть свои «представители» в бессознательном — это эмоции, и именно потому, что они находятся там, ими так часто очень трудно управлять, что сразу же бросается в глаза при анализе эмоционально насыщенных ситуаций. Ведущие эмоциональные явления презентуют на уровень психического отражения потребности, актуальные для действующего субъекта. Они раскрывают смысл и предмет потребности.

2

Современная психология, при всем многообразии точек зрения и дискусионности даже основных ее положений, рассматривает бессознательное, т. е. неосознаваемые личностью психические явления и процессы, как один из факторов, оказывающих существенное влияние на поведение и образ жизни человека, его отдельные поступки, активно участвующие в формировании мотивов. «Переживаемое человеком чувство, — писал СЛ. Рубинштейн, — существует реально и не будучи осознанно. Неосознаваемая психическая деятельность — это такая деятельность человека, которая осознается им смутно или даже не осознается вовсе. Однако это не означает, что она не может быть осознана индивидом. Репрезентация в сознании бессознательного часто приводит к изменению поведения человека, его отношения к внешнему миру и к себе. Бессознательное может быть выявлено и осмыслено другим человеком, например Исследователем, имеющим специальные методы выявления тех психических явлений и процессов, которые не открыты сознанию самого субъекта».

¹Эйнштейн СЛ. Бытие и сознание. — М., 1957. С. 247.

Представляется, что понятие бессознательного не может быть построено на отрицании, т. е. его не следует определять лишь как то, что не охватывается сознанием или даже противостоит ему. Нужны содержательные определения бессознательного.

3. Фрейд писал, что сознание содержит в себе в каждый момент лишь минимальное содержание, так что помимо него большая часть того, что мы называем сознательным познанием по необходимости, в течение весьма длительных периодов находится в состоянии латентности, а значит, в состоянии психической бессознательности. Если принять во внимание существование всех наших скрытых воспоминаний, становится совершенно немыслимым отвергать наличие бессознательного.

Комментируя это важное положение, М. Анри пишет, что бессознательное здесь доказывается на примере классической проблемы памяти. З. Фрейд ставит вопрос: что становится с воспоминаниями, о которых мы больше не думаем? Ответ — не только З. Фрейда, но и Бергсона, а также всей психологии того времени — гласит: они сохраняются в бессознательном. Но память понималась З. Фрейдом и всей тогдашней философией и психологией как свойство, идущее от представления. Отсюда следует, что данное доказательство вместе с вытекающим из него следствием относится не только к воспоминаниям, но и ко всем представлениям, выходящим за рамки ограниченной сферы актуального сознания; следствие же это заключается в их инобытии в форме фактических представлений, содержащихся в грубо реалистическом бессознательном, сформулированном ради того, чтобы принять их в свое лоно¹.

Некоторый скептицизм, сквозящий в приведенных высказываниях М. Анри, понятен, но с ним во многом трудно согласиться. Во всяком случае, некоторые моменты нужно прокомментировать. I

Во-первых, уточним, что воспоминания не могут пребывать в бессознательном. Воспоминания потому и воспоминания, что они всегда осознаются. В бессознательном хранится информация о переживаниях, ощущениях, влечениях, которые по разным причинам, например, нравственным, не представлены в сознании. Поэтому человеку так страшно идти вглубь самого себя, где его могут ожидать лично ему принадлежащие дьяволы и монстры. Это является одной из самых главных причин того, что преступники столь не склонны к действительному покаянию, которое всегда связано со встречей с *чи*

¹ См.: Анри М. Значение понятия бессознательного для познания человека / В сб. Бессознательное. Многообразие видения. — Новочеркасск, 1994. С. 131

овещами, затаившимися в глубинах их души. Но при этом бессознательное не является, конечно, хранилищем всего дурного и отгадывающего. Там можно найти и светлые, радостные переживания, вытесненные туда в силу их неактуальности в какой-то момент.

Во-вторых, представления также не находятся в бессознательном, поскольку они всегда осознаваемы. В бессознательном имеют место некие механизмы и мотивы, приводящие в действие представления, реализующие их в действии, есть смутные следы, оставленные в психике жизнью.

Что касается мнения З. Фрейда, что сознание содержит в себе в каждый момент лишь минимум содержания, то с ним трудно согласиться. На эмпирических весах еще никто не измерил, где больше содержится жизненно важного — в сознании или бессознательном. Но совершенно очевидно, что одно не может существовать без другого.

Бессознательное оказывает огромное влияние на образ жизни и поведение личности, активно участвует в формировании мотивов. У лиц, отличающихся низким уровнем сознания, слабыми тормозными процессами, эмоционально насыщенное неосознаваемое переживание при провоцирующих или хотя бы способствующих обстоятельствах может реализовываться в неожиданное для самого субъекта импульсивное действие, например, убийство. В других случаях названное переживание, будучи по своему характеру неприемлемым для сознательных установок, может модифицировать сознание, выступая в нем под маской мотивов иного рода, субъективно оцениваемых позитивно и приемлемых для человека, но объективно толкающих его на противоправные действия.

Если исследовать бессознательное в аспекте мотивации поведения, то можно отметить, что внимание именно к этому уровню психики позволяет проникнуть в субъективный смысл поведения, в то, ради чего оно реализуется. Этот смысл как раз и ускользает от сознания, заслоняемый внешним, видимым уровнем мотивации. При этом оба Уровня способны активно взаимодействовать, дополнять друг друга, Делая поступки человека последовательными и целенаправленными. Например, при совершении краж внешним, видимым мотивом обычно выступает корысть, а внутренним, глубинным, смыслообразующим — игра, самоутверждение, защита и т. д.

Взаимодействие и гармония между сознанием и бессознательным существуют не всегда. В некоторых случаях неосознаваемые переживания, когда они аномальны и при этом особенно эмоционально насыщены, а подавляющие их силы сознания почему-либо ослабе-

ны, могут вступать в конфликтные отношения с осознанными ус новками индивида. Чаще всего такие конфликты между бессозн тельным и сознанием вызывают болезни неврозов, сопровождают¹ еся субъективно тягостными ощущениями и переживаниями, треб ющими лечения.

Вместе с тем не следует преувеличивать значение бессознательно психической жизни, как это делает, например, Х. Хекхаузен. Он пиш «В потоке сознания бессознательные процессы не составляют исключ ния, напротив, содержание сознания представляет собой фрагментар- и видоизмененное производное от непрерывной деятельности бессоз тельного. Такая деятельность построена не на пассивном реагировав организма на воздействия окружающей среды, а на активном устремл| нии и противоборстве заложенных в живом существе сил»¹.

Неосознаваемость проявляется иногда в том, что отражение воз действий, оказываемых на человека, отсутствует не только в его сц знании, но и в системе его переживаний. В других случаях, напрот неосознаваемость отнюдь не исключает того, что отражение действи тельности отчетливо «переживается» субъектом: неосознаваемое здесь выражается лишь в том, что сам факт этого отражения не стано вится предметом мыслительной деятельности субъекта, который и может направить на него свое внимание (неосознаваемость, напр²; мер, переживаний в ранней фазе детства). Возможны и такие случа когда регуляция поведения отражается как в системе переживани² так и в содержании мыслительной деятельности, но только на уровн формальных «значений»: она выпадает из сферы осознаваемого : более глубоком уровне — «интимных» смыслов, которыми наполн ны соответствующие содержания переживаний для их субъекта².

Таким образом, бессознательное имеет несколько пластов, что чрез вычайно важно иметь в виду как в теоретических построениях, так при анализе конкретных фактов преступного поведения, его мотива¹ Особого внимания здесь заслуживает самый глубокий пласт — интим ного личностного смысла, о котором А.Н. Леонтьев писал: «Безразлич| но, осознаются или не осознаются субъектом мотивы, сигнализиру ли они о себе в форме переживаний, интереса, желания или страсти; i функция, взятая со стороны сознания, состоит в том, что они как б* «оценивают» жизненное значение для субъекта объективных обстоя!

¹ См.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. — М., 1986, Т. I. С. 63.

² См.: Бассин Ф.В., Прангшвили А.С., Шерозия А.Е. Введение к кн. Бессозна: тельное: природа, функции, методы исследования: Тбилиси, 1978, Т. I. С. 33|

теясть и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл»¹.-

Сказанное позволяет еще раз вернуться к пониманию бессозна- льного: оно активно участвует в формировании смысла поведения, того, ради кого оно совершается, т. е. включено в его генетику.

Проблема бессознательного в криминологии — это проблема объяснения множества преступлений, их внутренних, личностных механизмов и особенно мотивов, личностного смысла преступных действий. Обращение к бессознательному дает возможность выяс- нить ряд вопросов первостепенной важности: 1) почему и ради чего совершаются те преступления, мотивы которых неясны или неоче- видны; 2) почему данный человек в конкретной ситуации совершил именно эти преступные действия, а не какие-либо иные, т. е. изуче- ние бессознательного помогает обнаружить генезис мотивов уголов- но наказуемого поведения; 3) каково влияние бессознательного на формирование сознательных мотивов преступного поведения; 4) ка- кова роль автоматизмов или (и) других аналогичных элементов бес- сознательного в совершении неосторожных преступлений.

Обращение к сфере бессознательного для установления действи- тельных мотивов некоторых преступлений необходимо и потому, что¹ существующие в литературе объяснения мотивов многих преступле- ний, особенно насильственных, являются поверхностными и не спо- собствуют решению актуальных проблем теории и практики борьбы с преступностью. Нередко мотив не извлекается, «из» личности и ее поведения, а личности приписываются мотивы, исходя лишь из внеш- ней оценки преступных действий, из установившихся традиций и стан- дартов типа «в корыстном преступлении мотив — корысть», «мотив убийства в ситуации любовного треугольника — ревность» и т. д.

На практике и в некоторых теоретических работах прочно укоре- нилось мнение, что все непонятное совершается из хулиганских по- буждений. Между тем наши исследования конкретных преступле- ний говорят о другом. Мотивы ряда преступлений, в частности Убийств, нередко лежат в глубине человеческой психики, не осозна- ются преступником, что в первую очередь относится к убийствам на сексуальной почве, хотя внешне отдельные преступления представ- ляются связанными с хулиганскими побуждениями.

В связи с этим по многим уголовным делам, особенно по делам °б умышленных убийствах и нанесении тяжкого вреда здоровью, ни

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1977. С. 150.

у следователя, ни у прокурора, ни у суда часто нет правильного представления о подлинных мотивах совершенного преступления. Часто нет понимания мотива собственного поведения и у самих насильственных преступников, в связи с чем они лишаются возможности самоанализа и самооценки, а отсюда и самоконтроля своего поведения. Индивидуальное воздействие в результате бывает направлена на те их личностные факторы, которые не играли никакой роли в преступлении или их значение было второстепенным. Чаще всего обвиняемым и осужденным указывают на вредные последствия пьянства, что им и без того известно. Все это существенно повышает вероятность повторных насильственных действий.

Несмотря на то, что теперь уже имеются отдельные работы, посвященные бессознательной мотивации преступного поведения, в криминологических исследованиях коррупционных и корыстных преступлений (против собственности, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях) проблемы бессознательной мотивации таких преступлений практически игнорируются. Похоже, что их вообще не ставят. Авторы соответствующих работ почему-то уверены, что здесь все ясно и просто: только корысть и больше ничего. Однако возникает вопрос — что стоит за корыстью, какие глубинные потребности она удовлетворяет, т. е. ради чего похищается чужое имущество, какие бессознательные смыслы здесь преследуются, все ли, например, взяточничеством движет корысть и больше ничего.

Для лиц, виновных в убийствах, нанесении тяжкого вреда здоровью, хулиганстве, с которыми нами были проведены многочисленные беседы, весьма характерным является факт почти полной неосознаваемости™ ими личного смысла своих действий, они очень мало могли сказать о мотиве совершенного преступления и его цели, что вообще ничего не знали о них. Причем на осознании этого их могли натолкнуть никакие наводящие вопросы. Можно подумать, что они вообще не ставили перед собой вопроса о смысле собственных действий. Последние воспринимались ими как случайность, как нечто, что не могло с ними произойти; они часто отделяли себя от своего преступления, не чувствуя себя его источником.

Нередко при посещении исправительных учреждений к нам обращались осужденные с просьбой объяснить им, почему они совершили преступление. Сами они ничего об этом сказать не могли.

Незнание глубинных смыслов собственного преступного поведения является одной из причин широко распространенного представ-

ления среди преступников о значительной вине в преступлении полевому или иным обстоятельствам. Это отчуждает преступника от своего деяния, хотя чаще носит характер не активного отрицания своей вины, а пассивного неприятия. Здесь, конечно, для него есть немалая психологическая и нравственная выгода: не ощущать себя виновником наступивших общественно опасных последствий.

Вне сознания находится и целостность субъекта, а модификация целостности, как отмечал еще Д.Н. Узнадзе, предваряет поведение. Понимание бессознательного как первичной, исходной целостности психики, обладающей способностью непосредственно детерминировать любые частные ее проявления, дает возможность сделать вывод, что понятие бессознательное — значит понятие эту исходную целостность личности. Целостность психики не тождественна целостности личности, целостность означает системную природу последствий и принципы ее организации, она дает возможность проникнуть в подструктуры личности и в их содержания. Важно отметить, что большинство подструктур и их содержаний также не осознаются.

Понятие целостности адекватно понятию непротиворечивости личности, находящему выражение в постоянстве ее образа жизни и поведения. Любой индивид — это целостность, чего нельзя сказать о целостности каждой личности. С другой стороны, целостность либо противоречивость человека являются лишь различными, индивидуально своеобразными формами проявления ее целостности.

Идея бессознательного приводит к переориентации исследовательского мышления с традиционных принципов анализа отдельных аспектов и «блоков» личности на принципы системности. Любая форма поведения, в том числе преступного, независимо от того, идентифицирован ли сознательно с ней индивид или нет, имеет субъективно психологическую форму, а раз так, то она может быть в принципе характерной и для личности в целом. Из сказанного можно прийти к заключению, что бессознательная мотивация поведения личности сводится к целостному (установочному) его опосредованию, которое принципиально не репрезентировано в сознании. Однако такой вывод еще не является содержательным, если не признавать, что целостность во многом определяет происхождение всех частных проявлений системы, в том числе и особенно поведенческих.

Ценность идеи целостности и в том, что такая идея позволяет не просто увидеть всю личность в единстве ее компонентов (подструктур), но и достаточно ясно представить себе, как каждый из них за-

висит друг от друга и от целого. Вместе с тем существует некая закономерность развития целого, причем, что очень важно, это развитие целесообразно для данной системы в силу специфики ее биологической и социальной природы, ее истории и развития. Иными словами, личность и ее поступки могут быть понятны только в том случае, если выявлены закономерности жизненного пути именно этого человека, если должным образом интерпретированы особенности его природы. Как целостность собственной личности, так и все ее закономерности индивидом также не осознаны.

Итак, можно сказать, что понимание отдельных проявлений индивида определяется его развитием как целостности. Кроме того существует закон развития целого, в соответствии с которым оно и порождает свои функциональные части. Идея закономерности функционирования индивидуальной системы — стержень системно ориентированного конкретного исследования.

Это делает необходимым поиск закона развития системы, не ограничивая исследователя **лишь** констатацией целостного опосредования как некоего абстрактного принципа. Основной вопрос поэтому формулируется как вопрос о законе развития данной конкретной системы. Таким образом, понятие целостности личности связывается нами с понятием закономерности ее функционирования. Криминологический научный анализ субъективных детерминант преступного поведения должен быть нацелен на выявление тех особенностей развития личности преступника, учет которых дает **возможность** объяснить его действия.

Вот почему для криминологии представляется исключительно важным проследить весь жизненный путь человека, при этом обратив особое внимание на его детство. Наши многолетние эмпирические и следования конкретных преступников показали, что психологический облик личности, начала его мотивационных предпочтений формируются в раннем онтогенезе, в том периоде, который можно назвать **наиболее** сензитивным. Для преступников, в отличие от законопослушных людей, характерно, как уже отмечалось **выше**, отчуждение в детстве от родителей, отсутствие эмоционально теплых отношений с ними, прежде всего с матерью. Потребности ребенка в признании любви и защите не удовлетворяются или удовлетворяются не в **полной** мере. Это представляет собой начало психологического отчуждения личности от общества и, следовательно, неприятие его **ценностей**. Таким образом, **лишение** ребенка эмоционального тепла может

иметь необратимые последствия, истоки которого человеком обычно не осознаются.

С возрастом изменяется объективная позиция индивида, его переход в новые условия жизни может порождать перестройку, совершенствование форм сохранения константных образований личности. Способы сохранения констант (конкретные формы поведения) целесообразны по отношению к интегральным параметрам личности. Поведение можно рассматривать в целевом аспекте, т. е. включенным в ситуацию внешних требований, объективных правил, и в мотивационной аспекте, т. е. включенных в систему внутренних требований, субъективных правил. Константная сфера личности представлена в мотивационной аспекте, но она должна каким-то образом адаптироваться и ко внешним требованиям. По отношению к ним человек может занимать самые разные позиции: от крайне пассивной до активно преобразующей.

Концепция неосознаваемой индивидом исходной целостности психологического облика его личности приводит к пересмотру проблемы мотивации поведения. Представление о мотиве как некотором «двигателе», запускающем в действие ту или иную форму поведения, заменяется представлением о мотиве как субъективном значении, личностном смысле конкретной формы поведения или состояния. Традиционное приписывание конкретным формам поведения тех или иных мотивов-двигателей может приводить к ложным заключениям, особенно в тех случаях, когда ситуация предметно не отражена в содержании действий. Примером такого рода действий может служить внешне неспровоцированное нападение на человека, избиение его с особой жестокостью без изъятия у него каких-либо материальных ценностей. Другим примером может быть продуманная и подготовленная кража, в результате которой все украденное никак не используется преступником. В таких случаях не следует приписывать действиям мотив, якобы соответствующий их предметному содержанию, а правильнее выявлять субъективное значение, личностный смысл этих действий. Только в этом случае можно понять, почему человек совершил данное действие, в чем его мотив.

Если при криминологическом анализе принять идею, что конкретный акт поведения опосредован его отношением к целостной организации индивида, то психологически такой акт определяется через отнесение его к этому целому и наполняется субъективным, личностным смыслом.

Личность соответствует своим константным характеристикам, своим структурным особенностям, отражая в этом свое собственное «я». Это открывает ей возможность управлять своим поведением, но такой возможностью она способна воспользоваться далеко не всегда из-за того, что механизм указанного соответствия и сами константные характеристики деятельности могут находиться вне сознания. Собственно, соответствие личности самой себе и есть личность в ее целостности.

Бессознательные мотивы поведения, преступного в том числе, можно рассматривать как призванные обеспечивать целостность и самоидентичность личности. При этом поведение зависит от специфики ее психологической структуры. Однако структура личности у всех людей одинакова, поэтому преступники от не преступников отличаются не наличием или отсутствием какой-либо подструктуры, а содержанием последних. Это как раз и составляет специфику структуры личности именно преступников. Разумеется, содержание психологической структуры других типов людей тоже отличается своими особенностями.

Интрапсихическая реальность может быть субъективно более значимой, чем реальность объективная, что является одной из причин, обуславливающих консерватизм мнений, суждений и поведения, в том числе криминологически значимого. Но высокая значимость интрапсихической системы ценностных ориентиров отнюдь не обязательно сопряжена со снижением уровня сознания, как справедливо утверждает В.А. Файвишевский. Она может сочетаться и с адекватным критическим восприятием действительности и в этих случаях служит источником адекватности личности¹.

Принятие решения на совершение преступления, выбор благоприятных для этого обстоятельств либо намеренное их создание и т. д. обычно не являются случайными относительно личности преступника и его жизненного пути. Как правило, он живет и действует в таких ситуациях, которые как бы предуготовлены для него предвещая жизнь. В выборе ситуации, часто бессознательном, может проявиться стремление воссоздать условия своей первичной идеальности на ранних этапах онтогенеза. Человек, образно говоря, бессознательно реконструирует свою прежнюю жизнь, и даже собственные обычные реакции на внешние раздражители. Этим также обеспечивается самоидентичность личности.

¹ См.: Файвишевский В.А. Биологически обусловленные бессознательные мотивации в структуре личности / В сб. Бессознательное. Многообразие видений. — Новочеркасск, 1994. С. 133.

Имея в виду, что преступление совершает личность, которая обычно не осознает свою цельность, необходимо остановиться на понятии личности. По понятным причинам здесь это целесообразно сделать очень кратко, только обозначить свою позицию. Личность — это совокупность социально приобретенных качеств (убеждения, отношения, ориентации, смыслы, характер), всегда существующие и проявляющиеся в тесном, неразрывном переплетении с темпераментом, конституцией и интеллектуальными возможностями. Нельзя ставить знак равенства между понятиями «личность» и «человек», не следует включать в первое из них конституцию, как это делает, например, Г. Айзенк, понимая под ней более или менее стабильную систему телосложения и нейроэндокринной регуляции¹. Личность нужно отличать от поведения, которое хотя и производно от личности, но ни в коем случае не тождественно ей.

В целом можно сказать, что роль бессознательного в преступном поведении в числе прочих определяется степенью зависимости индивида от конкретных условий существования. Чем более жесткой является эта зависимость, тем более вероятным оказывается совершение преступления. Актуализировавшееся состояние зависимости индивида от каких-то факторов, внутренних или внешних, начинает управлять его поведением ровно в той степени, в которой он не осознает этой зависимости; чем ниже степень осознания этой зависимости, тем сильнее она может выступать в качестве детерминирующего поведения обстоятельства. Можно было бы, вероятно, сказать, что здесь мы наблюдаем ситуацию, обратную ситуации филогенеза сознания. Известно, что сознание возникает как результат выделения человека из среды, вычленения себя сначала как автономного физического объекта, а затем (может быть, и параллельно с этим) и как личности. Уровень осознания человеком себя как действующего индивида определяется мерой автономизации себя от объектов окружающего мира. Чем ниже эта автономизация, тем ниже уровень сознания, тем более бессознательный характер носит детерминация поведения и состояний личности, тем в большей власти собственных бессознательных переживаний и ситуаций он находится. Индивид не может осознавать того, от чего он себя не отделяет, по отношению к чему он не может занять рефлексивной позиции, как не может осознать, например, «Я»-концепцию.

Сказанное справедливо не только по отношению к так называемым «безмотивным» преступлениям, но и по отношению, скажем, к

¹ См.: Айзенк Г.Ю. Структура личности. — М.-СПб., 1999. С. 13.

рецидивному преступному поведению. Здесь, однако, уже на первош⁰ плане чисто эмпирически бессознательное проявляется в том, что сохраняется зависимость личности от субъективно важных условий ее существования. Об этом может свидетельствовать уже сам факт совершения повторных преступлений. Исправительные мероприятия не всегда достигают цели потому, в частности, что они не направлены на формирование психологической основы для исправления таких людей, а именно на формирование у них способности к рефлексивной позиции по отношению к своим действиям.

Человек не только должен занимать активную позицию по отношению к внешним обстоятельствам, но и уметь анализировать и оценивать свои внутренние переживания и состояния, изменять свои ориентации. Оба эти процесса взаимосвязаны уже тем, что навыки, даже сама способность самоизучения и критического отношения к себе складываются в процессе взаимодействия с другими людьми. Если бессознательная мотивация поведения является следствием определенных по характеру социальных отношений, в которые включается индивид в детстве и отрочестве, то только в социальных ситуациях общения она и может быть преодолена. Фактор определенно организованной системы этих отношений мы считаем решающим для формирования продуктивной рефлексивной позиции личности преступника. Однако здесь чрезвычайно велика роль упомянутой выше способности обратить взор внутрь себя и критически отнестись к себе.

Личность может рассматриваться как целостная независимо от возможностей самоуправления поведением. Возможности же сам управления зависят от степени выделенного из окружения, от степени автономности от ситуации, т. е. в конечном счете, от уровня развития сознания. Очевидно, что отдельные индивиды хорошо различаются между собой по этому параметру. «Безмотивное» преступное поведение ставит перед криминологическим анализом проблему бессознательной детерминации как проблему анализа форм поведения, не управляемых сознанием, как проблему анализа онтогенетических факторов, блокирующих прогрессивную автономизацию личности и снижающих возможности социальной регуляции ее поведения.]

Хотя бессознательное играет значительную, иногда решающую роль в преступном поведении, а мотивы некоторых преступлений могут *III* открываться сознанию субъекта, нет никаких оснований считать, что лица, совершившие преступления по неосознаваемым для них самим мотивам, не подлежат уголовной ответственности. Например, совер

шая убийство или разбойное нападение, индивид может и не осознавать собственных глубинных побуждений к таким действиям, но всегда осознает, что они являются преступными. Если он этого не осознает, его не признают вменяемым. Таким образом, незнание мотивов своего поведения не освобождает от уголовной ответственности.

Для криминологии и особенно практики борьбы с преступностью очень важно знать генезис мотивов преступного поведения, в том числе бессознательных.

Можно ли утверждать, что бессознательные мотивы преступного поведения начинают формироваться в детском возрасте? По-видимому, такое утверждение в целом верно, но не совсем точно. Справедливо, что именно в детстве начинает формироваться отношение человека к окружающему миру, его ведущие установки, ощущение себя в этом мире, устанавливаются и развиваются связи с ним. Именно в детстве возникают отношения и ощущения, лежащие в основе мотивов преступного поведения. Роль бессознательных мотивов определяется степенью зависимости субъекта от конкретных условий его существования. Чем более жесткой является эта зависимость, тем более вероятным оказывается совершение преступления, причем зависимость начинает управлять поведением в той степени, в которой он не осознает ее существования.

Восприятие среды как опасной для индивида, несущей угрозу его бытию, чаще всего не осознается в первую очередь потому, что оно слишком травматично и поэтому «переводится» в сферу бессознательного. В то же время зависимость тревожной личности от неблагоприятной среды весьма велика, поскольку личность постоянно и жестко привязана к этим внешним условиям. В данном смысле такая личность несвободна в целом и по отношению к конкретным жизненным ситуациям, так как еще недостаточно выделила сама себя из среды. Соответственно низок у нее уровень осознания сущности и смысла собственных действий, их субъективной значимости.

То же самое можно сказать и по поводу восприятия человеком своей бренности, которое по преимуществу носит бессознательный характер. Чем больше зависит человек от соответствующих переживаний, тем больше он думает о смерти и чем больше его влечет к ней, тем выше его тревожность и хуже отношения с окружающим миром, тем беднее набор вариантов возможного поведения и жестче зависимость от складывающихся ситуаций.

Преступники редко бывают способны «подняться» над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного, разрушительного, способ ее разрешения. Психологически это происходит в первую очередь потому, что они, можно сказать, без остатка растворяются в происходящем, намертво связаны с определенными внешними условиями, действиями других лиц, что исключает или во всяком случае серьезно затрудняет анализ и оценку этих условий и действий, а следовательно, и принятие автономных решений. То, что значительное большинство преступников не способно к анализу и оценке, доказывается имеющимися эмпирическими данными о том, что они отличаются по сравнению с законопослушными гражданами повышенной эмоциональностью и застреваемостью эмоций и переживаний.

Тот факт, что мотивы некоторых преступлений могут быть скрыты! от сознания субъекта, не освобождает лиц, совершивших преступления по неосознаваемым ими мотивам, от уголовной ответственности и наказания. Совершая убийство, субъект обычно не осознает собственных глубинных побуждений к данному поступку, их внутреннего смысла, но он должен осознавать преступный характер своего действия.

То, что бессознательные мотивы преступного поведения определяют повышенную тревожностью личности, а тревожность в свою очередь порождается ее отчужденностью и дезадаптацией, ожиданием агрессии среды и особым отношением к смерти, подводит к мысли о том, что, во-первых, эти мотивы отражают личность как целостность, как сложную систему ее свойств, проявляемых в тех или иных ситуациях. Такой подход избавляет от однолинейных и примитивных объяснений типа «корысть»-кража», искажающих истинную природу преступного деяния. Во-вторых, указанные мотивы, выявляющие основные личностные тенденции, связаны со всей прожитой жизнью индивида, содержанием структуры его личности, «Я»-концепцией и вне их не могут быть поняты. В третьих, бессознательные мотивы преступного поведения, поскольку они связаны с названными выше факторами, на уровне психики выполняют функции защиты — и физической, и психологической.

Можно, следовательно, выстроить схему: такая личность — такие! мотивы — такое поведение. В этом случае последнее не предстает чем-то случайным. Напротив, оно целесообразно и закономерно именно для данного субъекта. Преступное поведение регулируется! как правило, не сиюминутной актуальной, а основной, постоянно! готовой к реализации установочной потребностью. Ею, на наш!

взгляд, выступает необходимость защиты своего биологического или (и) социального бытия, его подтверждения, обретения уверенности и снижения таким путем беспокойства и тревожности.

Очевидно, что мотивы имеют определенные пласты, и верхние из них, особенно те, которые выполняют функции непосредственного побуждения к действию, чаще всего осознаются личностью. Значительно меньше, а обычно вообще не охватываются сознанием глубинные уровни, которые и заключают в себе субъективный смысл поведения, его личностную значимость. Например, похищая чужое имущество, преступник понимает, что это принесет ему материальный комфорт, лучший достаток, а следовательно, «целесообразно» совершать такие поступки. Но от его сознания ускользает, что подобным образом он утверждает (или подтверждает) свое социальное бытие и обеспечивает его защищенность, снижает беспокойство по поводу своей социальной определенности и положения среди окружающих. Глубинный и в данном случае наиболее мощный пласт мотивации как раз в этом и состоит.

Аналогичную картину можно обнаружить при анализе мотивов бродяжничества. Лицо, систематически ведущее бродячий образ жизни, конечно, осознает, что своим поведением уклоняется от общественно полезной деятельности, поддержания нормальных отношений в семье и иных малых социальных группах. Как правило, эти люди и не оспаривают негативную оценку своего образа жизни, более того, они вполне искренне заверяют в желании раз и навсегда покончить с бездомным существованием. Но они не осознают, что все это им нужно для того, чтобы избежать социальной идентификации, социального контроля, сохранить личностную целостность. Тем более они не знают исходных причин такого поведения, заключающихся в их отвержении родителями в детстве, точнее, не осознают отвержения в качестве криминогенной причины/Поэтому без специального воспитательного воздействия с целью перестройки внутренних установок они не способны жить иначе. Поскольку же бродяги, многие из которых совершают преступления, лишены такой помощи, у них не формируется способность управлять своим поведением, самостоятельно принимать решения,, а не попадать в жесткую зависимость от внешних обстоятельств.

Чаще всего человеком не осознается психологическая структура своей личности. Если в этой структуре преобладают какие-то особенности, то они могут не только «срабатывать» в неадекватных для нее психотравмирующих или провоцирующих условиях, но и порождать

дать соответствующие ситуации. Например, человек, в структуре личности которого преобладают паранойяльные черты, характеризующиеся подозрительностью и мнительностью, всегда найдет повод для ревности и обиды. Можно полагать, что это закономерность функционирования данного типа, которая, однако, не ведет с неизбежностью только к преступным действиям.

Унижения, несправедливое, жестокое обращение в детстве могут оставлять неизгладимый след в эмоциональной структуре личности и при определенных условиях порождать соответствующие формы поведения. Однако в сознании личности эта связь обычно не затрагивается. В повседневной жизни она наиболее ярко проявляется в выборе друзей, подруг, жен, сожительниц, мужей. Зафиксировавшиеся в психике ребенка, прежде всего в его эмоциональной сфере, образцы, ассоциированные с конкретными лицами, являются как бы моделью для последующего выбора или создания ситуаций и круга общения. Чем сильнее эти ранние фиксации, тем жестче модель определяет выбор и поведение, вплоть до полной зависимости лица от ситуации или от другого человека. Нередко тот (или та), от кого лицо находится в жесткой зависимости, становится его жертвой.

Именно это можно наблюдать при анализе изнасилований и убийств женщин, которые были намного старше преступников. Исследование показало, что такие потерпевшие ассоциировались с преступником с матерью, от которой он был жестко зависим в детстве, которая постоянно подавляла его. Убийство в результате сексуального нападения своим бессознательным смыслом имело уничтожение психотравмирующего объекта, символизирующего мать, а так же разрыв зависимости от нее.

Мотивы почти всегда носят бессознательный характер при совершении так называемых замещающих действий. Суть этих действий в том, что если первоначальная цель становится недостижимой, то лицо стремится заменить ее другой — достижимой. Например, если действие, при помощи которого лицо рассчитывало добиться осуществления своей цели, является нереальным, оно выполняет иные действия, могущие привести к той же цели. Благодаря «замещающим» действиям происходит разрядка (снятие) нервно-психического напряжения. Примером может служить поведение насильственных преступников, в частности тех, которые убивают женщин, напоминающих им матерей. Таких преступлений-символов достаточно много. Конечно, преступления бывают направлены и против определенных,

конкретных лиц. В отдельных же случаях насилие применяется к лицу, являющемуся непосредственным поводом преступного поведения. Создается иллюзия отсутствия какой-либо психической причинности в действиях правонарушителя. «Замещающие» действия часто встречаются в бытовой сфере. Знание их психологической природы приобретает практический интерес и для уголовно-правовой сферы.

«Замещение» действия, т. е. смещение в объекте действия, может проходить разными путями. Во-первых, путем «растекания» поведения, когда насильственные побуждения направлены не только против лиц, которые являются источником недовольства, но и против близко связанных с ним родственников, знакомых и т. д. В этих случаях правонарушитель, поссорившись с одним человеком, переносит свои враждебные чувства на близких и друзей этого человека. Иногда жертвами становятся даже собственные дети, но они воспринимаются не как «свои» дети, а как психологическое продолжение ненавидимой жены. Таким путем убийство собственного ребенка становится убийством ребенка жены.

Во-вторых, «замещение» может происходить путем выражения так называемых смежных ассоциаций. Например, школьник, недовольный учителем, рвет или кидает учебники по предмету, который преподает этот учитель. В-третьих, суть «замещающих» действий состоит в том, что они направлены против лица или неодушевленного предмета, которые первыми «попались под руку». В этом случае объект нападения беззащитен, а нападающий уверен в своей безнаказанности. В-четвертых, видом «замещающих» действий выступает «автоагрессия», т. е. перенос насилия на самого себя. Не имея возможности исполнить свои агрессивные намерения вовне, лицо начинает «бичевать себя» и нередко причиняет себе увечья или кончает жизнь самоубийством.

Выявить мотивы так называемых замещающих действий всегда достаточно сложно, и, к сожалению, следствие и суд не всегда в состоянии с этим справиться, так как, анализируя действия виновного, должностные лица не выходят за пределы той ситуации, в которой было совершено преступление. Разумеется, это необходимо, но абсолютно недостаточно. Знание субъективно важных обстоятельств, предшествовавших ситуации преступления, всей жизни обвиняемого, поможет понять, каково значение для него совершенных им уголовно наказуемых действий, какие субъективные задачи он при этом решал, почему, не решив их вначале, он продолжал искать иные возможности, т. е. почему ему было необходимо совершить эти действия.

Интересно отметить, что сами виновные часто пребывают в подом неведении по поводу того, почему они их совершили, что двигало ими. Поскольку преступники при совершении насильственных действий чаще всего бывают в нетрезвом состоянии, то этим они обычно и объясняют свое поведение.

Наиболее же общим для всех изученных преступников был г почти полной неосознаваемое™ ими смысла своих действий, они не могли ничего сказать ни о мотиве убийства или изнасилования, ни о цели. То же самое можно сказать и о многих корыстных преступлениях. Причем на осознание этого их не могли натолкнуть никакие «наводящие» вопросы. По картине поведения при ответах на вопросы касающиеся мотивов и цели преступления, можно было заключить что эта лица вообще не «входят» в смысл подобных вопросов, и они звучат для них как бы на другом, совершенно непонятном языке. Как правило, преступные действия, за которые они были осуждены, воспринимаются ими как случайность, как нечто, что не могло с ними произойти. Все это создает впечатление отчуждения осужденным своего преступления, причем это отчуждение не всегда носит характер активного отрицания, но пассивного, молчаливого неприятия. I

Бессознательная мотивация преступлений во многом определяет то, что у большинства преступников, даже жестоких убийц, отсутствует чувство вины за совершенное преступление. В этом убеждает отсутствие в содержании и эмоциональном тоне их высказываний элементов раскаяния. Психологически весьма симптоматично, что некоторые преступники легко принимают вынесенное им наказание, согласны с ним, иногда даже считают его недостаточным. Объяснено это может быть тем, что при отсутствии чувства личной виновное™ имеет место осознание социальной ответственности, ее неизбежное™ и необходимости, важности и целесообразности наказания за преступления в принципе.

Следует отметить, что почти все обследованные преступники, согласные с наказанием, тем не менее не удовлетворены ходом следствия и суда по их делу, указывают на неточность либо искажение следователем и судом важных, по их мнению, фактов. Они считают, что их действия юридически неправильно квалифицированы, что не учтены многие смягчающие их личную ответственность обстоятельства. При этом эмоциональный тон их высказываний о ходе следствия носит достаточно выраженный индифферентный характер. Однако в обсуждении теМй следствия и суда можно видеть попытку переместить внимание с совершенного преступления на действия следователя, судьи или прокурор³

поводу этого преступления. Преступники охотнее обсуждают действия П. «я следователя или судьи, свидетелей или очевидцев, чем свои собственные». Следовательно, отношение преступника к наказанию начинает формироваться не после вынесения приговора, а задолго до этого, в период следствия, что достаточно красноречиво говорит об их общей отчужденности.

Этому весьма способствует сама государственная машина следствия и суда, которая воспринимается обвиняемыми (осужденными) лишь как перемалывающая людей и их судьбы — без сочувствия и участия. Особенно болезненно это ощущается при сугубо сословной юстиции, когда основным населением тюрем являются бедные, в то время как богатые и имеющие связи вполне могут избежать подобной участи. Но это внешние, пусть и весьма существенные, обстоятельства. Нежелание говорить о совершенном преступлении, уход от него — это типичное сопротивление, уклонение от новой встречи с психической травмой, это противодействие перемещению переживаний из бессознательного в сознание. В этих случаях субъект проявляет энергию, чтобы вытесненные эмоции и мысли не вернулись в сознание.

Многие преступники в аспекте своего отношения к совершенному преступлению испытывают страх неодобрения и осуждения, особенно характерный, как убедительно доказала К. Хорни, для невротических личностей. Она писала, что у невротика страх осуждения может проявляться в постоянной боязни, что люди про него что-то узнают. Даже когда он чувствует, что ему симпатизируют, он склонен избегать людей, чтобы не допустить своего разоблачения и падения. Страх также может проявляться в крайнем нежелании позволять другим что-либо знать о его личных делах или в несоразмерном гневе в ответ на невинные вопросы о себе¹. Такие страхи возникают у осужденных в местах лишения свободы, где они могут иметь вполне реальные основания в связи с крайне жесткими оценками некоторых преступлений, могущих повлечь за собой неформальные суровые санкции тюремного сообщества (в первую очередь за преступления против детей).

Естественным желанием преступника является сокрытие от других, каким слабым, беззащитным и беспомощным он проявил себя в совершенном преступлении, в сколь малой степени и сейчас он способен отстаивать свои права и свое человеческое достоинство, сколь велика его тревожность. По этой причине такой человек попытается

См.: Хорни К. Невротическая личность нашего времени. — СПб., 2002. С. 180.

создать видимость силы, что, возможно, у него и получилось бы условиях свободы, но в тюрьме имеет мало шансов на успех.

В описанном смещении акцентов еще раз проявляется отчуждение осужденным факта преступления от собственной личности и осознание его через действия других людей. Ведь по существу имен, но следствие и судебное разбирательство вводят этих людей в круг их собственных действий. Именно следствие и суд показывают им все детали преступлений, именно следствие и суд через анализ преступных действий и других обстоятельств устанавливают, кто их совершил. Однако констатация такого факта чаще всего существует лишь для следователя и суда, преступник же не ощущает себя источником наступивших последствий. В определяющей степени это связано с бессознательным характером мотивации преступлений.

Часто возникает вопрос: являются ли открыто провозглашенные намерения «реальными» мотивами поведения? Т. Шибутани считает, что, конечно, между публично провозглашенными и осознаваемыми субъектом намерениями иногда существует различие, но важно другое: является ли объяснение причин того, что люди делают, адекватным толкованием их поведения? Поскольку многие их поступки непроизвольны и неосознанны, ответ, очевидно, должен быть отрицательным¹.

Прежде всего отметим, что и в преступном поведении достаточно часто можно встретить расхождение между провозглашенными намерениями и реальными мотивами. Если они не совпадают, то не только! не столько по причине того, что преступник желает обмануть окружающих. Скорее дело в неосознаваемости значительного числа мотивов преступлений, которые из-за этого не совпадают, да и не могут совпадать с высказанными намерениями. Например, главарь хулиганствующей группы подростков может заявить, что избивание участников конкурирующей группы необходимо, чтобы покарать их за какие-то враждебные действия. На самом деле подобная акция нужна ему для того, чтобы сплотить своих и усилить среди них свою лидирующую роль. *Иногда* расхождение декларируемых намерений и истинных мотивов можно часто обнаружить при совершении хищений чужого имущества.

Конечно, выявить мотивы преступлений всегда достаточно сложно, и особенно если они носят бессознательный характер. То, что на первый взгляд иногда представляется ведущим мотивом, в действительности может оказаться одним из второстепенных стимулов или

¹ См.: Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969. С. 153.

вообще не иметь никакого стимулирующего значения. Поэтому перед сотрудниками органов внутренних дел и других правоохранительных учреждений, да и перед многими исследователями стоит задача кропотливого поиска подлинных мотивов преступлений и при этом они должны помнить, что мотив и мотивировка — далеко не одно и то же. [Иногда] именно мотивировка, данная следствием или судом либо самим преступником, юристами, научными и практическими работниками, воспринимается именно как мотив. Нередко мотивировки, данные обвиняемым, кладутся в основу определения мотивов, формулируемых затем следствием и судом в процессуальных актах.

Мотивировка — рациональное объяснение причин действия посредством указания на социально приемлемые для данного субъекта и его окружения обстоятельства, побудившие к совершению данного действия. Мотивировка выступает как одна из форм осознания мотивов или иных субъективных стимулов, с ее помощью человек иногда оправдывает свое поведение или маскирует его с целью психологической защиты. Не следует упускать из вида и те в общем-то редкие случаи, когда посредством мотивировки пытаются скрыть подлинные мотивы.

В воспитательной работе, например, с осужденными сотрудники исправительных учреждений обычно исходят из тех мотивировок, которые имеются в приговорах по уголовным делам. Однако во многих приговорах, даже по уголовным делам об убийствах и нанесении тяжкого вреда здоровью, указания на мотивы преступлений вообще отсутствуют. Так, изучение значительного числа уголовных дел об умышленных убийствах показало, что во многих из них данные о субъективных причинах преступлений ничего общего с мотивами не имеют (например, в них указывается на убийство «на почве пьянства», убийство «из-за враждебных отношений и ссоры» и т. д.).

Правоохранительные органы, пытаясь определить мотив, во-первых, исходят из перечня, который имеется в некоторых статьях уголовного закона и за пределы которого, даже если это диктуется обстоятельствами дела и личностью виновного, следствие и суд, как правило, не выходят. Между тем, например, ст. 105 УК РФ не содержит исчерпывающего перечня мотивов убийств. В ней лишь указаны признаки, квалифицирующие наиболее опасные виды этого преступления. Во-вторых, указанные органы при определении мотивов руководствуются давно устоявшимися, устарелыми представлениями, не соответствующими современным достижениям психологии о субъективных источниках человеческой активности. Слабо разрабо-

таны проблемы мотивации в криминологии и уголовном праве В-третьих, многие работники следствия и суда, милиции и исправительных учреждений считают, что корыстные преступления поро*даются корыстными мотивами, насильственные — хулиганскими побуждениями. Однако известно, что, например, подростки совершают кражи не только для того, чтобы завладеть какими-то материальными ценностями, а с целью демонстрации своей силы, ловкости, сообразительности. Указание на хулиганские побуждения тоже мало что дает для индивидуальной работы с преступниками, поскольку не содержит конкретных данных о побудительных причинах преступления. Практика показывает, что к формулировке «хулиганские побуждения» прибегают обычно тогда, когда не ясны истинные мотивы преступления.

Выявление и изучение мотивов преступного поведения важно не только для предупредительной работы с конкретными лицами, успешного воспитательного воздействия на отдельных преступников, правильной квалификации преступлений, но и для решения более общих задач профилактики преступности. Мы имеем в виду типологии личности преступника в зависимости от мотивов преступного поведения. Созданные на этой основе, они будут весьма ценны именно в профилактических целях, поскольку нельзя успешно предупреждать преступления, если не знать мотивов, по которым они совершаются. Однако вначале следует назвать и проанализировать эти мотивы.

Будем помнить, что поскольку преступники в своей массе отчуждены и дезадаптивны, а также отличаются тревожностью, мотивы преступного поведения выполняют функции защиты их личности. На этом глубинном и в то же время бытийном уровне они не фиксируются сознанием. Этот вывод представляется чрезвычайно важным для понимания природы такого поведения.

Подводя некоторые итоги, мы хотели бы вновь подчеркнуть, что изучение мотивов преступного поведения, попытки понять его ПЦИбинные, неосознаваемые личностью причины продиктованы желанием не оправдать, не защитить преступника, а понять движущие силы преступления, объяснить его и вызывается потребностями цивилизованного правосудия. Одно наказание заслуживает виновный, убивший, например, обидчика, и другое, более суровое, тот, кто «просто» стрелял по прохожим и убил одного из них. Знание мотивов необходимо для того, чтобы предметно перевоспитывать конкретного осужденного, помочь ему начать новую жизнь без рецидивов правонарушений

Нелишне еще раз обратить внимание на то, что незнание преступном подлинных мотивов своего поведения не освобождает его от Уловной ответственности. Виновный наказывается только зато, что Довершил поступок, запрещенный уголовным законом.

Возвращение невоспоминаемого общечеловеческого опыта и его криминологическое значение

До сих пор рассматривались проблемы причин преступного поведения, связанные с бессознательной сферой психики. Но, как установлено К.Г. Юнгом, на человека и его поведение влияет не только индивидуальное, но и коллективное бессознательное.

К.Г. Юнг в работе «Об архетипах коллективного бессознательного» называл индивидуальное, личностное бессознательное поверхностным слоем бессознательного. С этим трудно согласиться: это не поверхностный, а совсем иной уровень, слой бессознательного, обладающий своими атрибутивными качествами. На уровне субъективного смысла человек его не осознает так же, как и общество, создав, например, нацистский режим, совсем не понимает, что в сущности оно породило и к чему это может привести. Отдельные прозорливые и мужественные люди могут узнать сами, какие темные и доселе непонятные силы двигали ими, в чем внутренний смысл их поступков, но намного более квалифицировано это способны сделать специалисты.

К.Г. Юнг отмечал также, что индивидуальный слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. В действительности индивидуальное бессознательное может активно использовать как коллективное бессознательное, опираться на него (как, например, при людоедстве или инцесте), так и на свой индивидуальный опыт и прожитую жизнь. Трудно сказать, к чему индивидуальное обращается чаще. Однако изучение конкретных лиц доказывает, что коллективное бессознательное, проявляющее себя в отдельном человеке, не может миновать индивидуальный опыт, в том числе бессознательный. Коллективное бессознательное К.Г. Юнг называет более глубоким по сравнению с индивидуальным, но это ничем не доказывается. Индивидуальное для субъекта всегда достаточно глубоко.

В комментариях к «Тайне Золотого Цветка» К.Г. Юнг писал: как аспект человеческого тела не зависит ни от каких расовых различий, и человеческая душа имеет единый субстрат. Его он и называет коллективным бессознательным. Это общечеловеческое наследие, оно не зависит от культуры и сознания; оно состоит не только из содержаний которые могут стать сознательными, но также из латентных predispositions к тождественным реакциям. Коллективное бессознательное — это психическое выражение тождественности структур мозга независимо от расовых различий. Так можно объяснить аналогичность, вплоть до тождественности, различных мифов и символов, которая вообще дает возможность взаимопонимания между людьми. Различные направления душевного развития имеют один общий ствол, корни которого уходят в далекое прошлое. Чисто психологически это означает, что мы имеем общие инстинкты к образованию идей (представлений) и моделей поведения. Всякое сознательное воображение и действие происходят из этих бессознательных прототипов и остаются связанными с ними.

Нет никаких доказательств того, что филогенетически (в истории человеческого рода) или онтогенетически (в истории одного человека) сознание вырастает из бессознательного, т. е. второе всегда каузально предшествует первому. Между тем именно сознание в основном под влиянием социальной среды и ее норм вытесняет часть психического в Тень. Это нормальный процесс социализированного человека — личности. Между двумя названными сферами психики происходит постоянное взаимодействие, часто очень плодотворное, и сознание отнюдь не является лишь марионеткой в руках бессознательного, а само, как известно, способно активно направлять поведение. Однако и сознание, и бессознательное индивидуального человека основываются, как можно полагать, на коллективном невоспоминанном опыте, на архетипах (прообразах), а также на действии животного наследия в человеке. Это наследие прочно вросло в него и вряд ли удастся отделить его от собственно человеческого бессознательного.

Бессознательное не господствовало в первобытном человеческом «стаде», но «стадо» было тем необходимым условием, без которого не могло появиться сознание как результат общения его членов. Новорожденный не является «владельцем» бессознательного, поскольку у него нет сознания, а бессознательное без сознания не существует, но поскольку он человеческий младенец, у него имеются все необходимые предпосылки для формирования сознания. Действие коллективного бессознательного можно сравнить с инфантилизмом, особенно если понимать

не только как сохранение в психологии и поведении взрослого особенностей, присущих детскому возрасту, но и как бессознательную потребность возвращения в те психологические состояния, которые были присущи детскому возрасту. Эта потребность может возникать, если те давно ушедшие дни воспринимаются такими, которые давали покой и обеспечивали безопасность либо приятие самого себя, если они, являясь когда-то привычными, удовлетворяли весьма важные потребности и т. д. Надо думать, что подобное стремление возникает у человека или народа (данного общества) в тех, например, случаях, когда они чувствуют опасность, которой в действительности может и не быть. Это возвращение в старое, знакомое, пусть и забытое.

Возвращение в старое, тоска по нему могут проявляться вполне наглядно, когда реанимируется, например, героическое прошлое, живописуются образы и подвиги героев-предков, звучат настойчивые призывы следовать им. Мифы и легенды прошлого встраиваются в современную жизнь, история и особенно древняя ее часть объявляются священными. При этом вполне возможно преследование представителей другой национальной и религиозной принадлежности, их терроризирование. Совсем необязательно, чтобы религия в таких условиях приобретала первостепенное значение, в некоторых тоталитарных обществах, например, при нацизме и большевизме, она, напротив, преследуется. Чтобы понять это, вспомним, что религия не самое древнее верование человечества, ей предшествовала магия. Вот магического в тоталитарных государствах было более чем достаточно, даже некоторые их преступления (например, уничтожение людей) носили магический характер жертвоприношения.

Коллективное бессознательное есть нечто, что формирует установки как отдельного человека, так и общества, государства, отдельных людей, т. е. их готовность действовать и реагировать в определенном направлении. Это позволяет раскрыть своеобразие сложных состояний народов и соответствующих психологических состояний конкретного человека при анализе его индивидуальной установки. Иметь установку — значит быть готовым к чему-то определенному. Коллективное бессознательное творит установки толпы, причем длительные, что особенно важно для понимания большевизма, нацизма и фашизма.

В коллективном бессознательном можно видеть ту психологическую основу, которая цементирует народ, расу, нацию, семью, профессиональную группу и т. д., наконец, объединяет всех людей данного общества. В названных общностях коллективное бессознательное все-

гда представлено достаточно полно, более того, без него они не могут существовать, вбирая его в себя, как и отдельная личность. Наличие коллективного бессознательного в больших и малых группах является⁶ гарантией определенной тождественности таких групп в разных культурах, возможностей сближения, а во многих случаях слияния последних, необходимого понимания друг друга при сохранении самобытности и автономности каждой. В то же время любая из названных общностей наследует опыт предшествующей ей (нормы, традиции, право, навыки), хотя это далеко не всегда вполне осознается при переходе на смену новой группой. Конечно, помимо коллективного бессознательного формированию и сохранению названных социальных групп активно способствуют вполне осознаваемые традиции и обычаи, общие цели, признаваемые членами группы, типичные способы разрешения возникающих проблем и т. д. Эти традиции и цели передаются путем обучения и целенаправленного воспитания.

Как мы видим, коллективное бессознательное, как и индивидуальное, отнюдь не выполняет только негативные функции.

Выше уже говорилось о том, что невспоминаемый опыт детства, вытесненный из сознания вследствие травматичности™ или неактуальности, является составной частью индивидуального бессознательного. Доказано, что оно мощно стимулирует поведение, в том числе антиобщественное. Так, убийства детей могут мотивироваться бессознательным стремлением стереть в психике следы унижений и издевательств, перенесенных в собственном детстве, иными словами, на психологическом уровне покончить жизнь самоубийством. Убиваемый ребенок выступает в качестве первообраза, символа ребенка вообще, но ребенка, тяжело страдающего.

Каннибализм, инцест, убийства детей, бесчисленные тоталитарные деспоты и другие отвратительные явления современного мира убедительно говорят о том, что может возвращаться не только индивидуальный бессознательный опыт, но и коллективный, общечеловеческий, причем негативный. К.Г. Юнг отмечал, что «на первых порах понятие «бессознательного» использовалось для обозначения только таких состояний, которые характеризуются наличием вытесненных или забытых переживаний. Хотя у З. Фрейда бессознательное выступает в качестве действующего субъекта, по сути оно остается не чем иным, как местом скопления вытесненных содержаний; и только поэтому за ним признается практическое значение... С этой точки зрения бессознательное имеет исключительно личностную

природу хотя, с другой стороны, уже З. Фрейд понимал архаико-мифологический характер бессознательного образа мышления»¹.

Не будем здесь обсуждать вопрос, только ли вытесненное индивидуальное составляет бессознательное отдельного человека, поскольку это выходит за пределы настоящего исследования. Просто упомянем, что индивидуальное (личностное) состоит и из других образований. Оно выступает в качестве действующего субъекта не только у З. Фрейда, но и, например, в наших исследованиях. Можно привести десятки, даже сотни случаев подобного рода, которые исследовались нами. Задача в том, чтобы доказать, что как индивидуальное бессознательное может определять поведение отдельного субъекта, мотивируя его, так и коллективное, возникающее из глубин человеческой истории, определяет поведение и конкретных лиц, и общества, и государства.

Коллективное бессознательное включает в себя символы и образы поведения, которые являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Такое бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого. Поэтому К.Г. Юнг справедливо называл его сверхличным.

Коллективное бессознательное в конкретной личности не может миновать индивидуальный опыт, индивидуальное бессознательное и индивидуально неповторимые организмические и личностные черты. Все вместе создает ее особый облик. Коллективное бессознательное у отдельного лица принимает формы эмоционально окрашенных комплексов. Оно не знает пределов, и, войдя в него, индивид обнаруживает неслыханную ширь, при этом может ощущать соприкосновение даже с вечностью, особенно в экстатических сретениях, но еще и с неопределенно темным, непонятым, а иногда и опасным.

Коллективное бессознательное появляется с первыми людьми, и с каждым новым поколением, с каждым новым этапом в виде бесконечного процесса на него накладываются более поздние слои — социальные, психологические, культурные, но, подобно корням дерева, этот опыт вдруг прорывается наружу, в том числе в виде жестокого насилия тоталитарной деспотической власти или каннибализма. К.Г. Юнг писал, что мы несем в себе наше прошлое, а именно примитивного, низкого человека с его желаниями и эмоциями. Лишь приложив значительные усилия, мы можем освободиться от этой ноши. Негативную часть бессознательного он назвал Тенью, однако считал, что если бы вытесненные

склонности, называемые Тенью, были только злом, то не возникало бы особых проблем. Но Тень, по мнению К. Г. Юнга, не что-то целиком скверное, а просто низшее, примитивное, неприспособленное и неудобное. В нее входят и такие низшие качества, детские и примитивные, которые могли бы обновить и украсить человеческое существование, но «сего не дано»¹. К. Г. Юнг придерживался того мнения, что поскольку коллективная психика — это низшая часть психических функций и тем самым базис, лежащий в основе каждой личности, она отягощает и обесценивает эту личность, что проявляется в инфляции, т. е. в подавлении самоощущения или в бессознательном усилении самопоения вплоть до болезненной воли к власти². В этой позиции есть ряд важных утверждений, которые, к сожалению, ничем не доказываются, хотя, конечно, было бы очень интересно знать, какой механизм приводит к болезненной воле к власти. Бездоказательным выглядит и исходный тезис, что коллективная психика представляет собой низшую часть психических функций.

Воспользуемся юнгианским понятием Тени, но вложим в него другое содержание: считаем Тенью ту негативную часть прошлого не-вспоминаемого опыта, индивидуального или коллективного, которая обладает способностью возвращаться к отдельному человеку или к людям, детерминируя их антиобщественное поведение.

Если иметь в виду филогенетический аспект, мы не несем в себе низкого человека, о котором писал К. Г. Юнг, т. е. нашего далекого предка. Он не низкий человек, он древний, пертобьггный человек. Он не является и примитивным, поскольку лишь соответствует своему времени. Его поступки в те весьма далекие годы, повторение которых мы сейчас более чем решительно осуждаем, когда-то были вполне естественны, принимались и одобрялись социумом, той прошлой, давно ушедшей культурой; иного от него и не ожидали. Это, так сказать, его завешание нам. Он не знал, конечно, что завешает его, но если бы знал, то не думал о нем ничего дурного. Низшим, скверным, отвратительным, когда он пробуждается в нас, делает его лишь то, что соответствующие поступки сейчас резко противоречат цивилизации, современным требованиям культуры.

В онтогенетическом же аспекте (индивидуального бессознательного) вообще нет никаких предшественников, есть все тот же человек, совершивший сейчас данные действия, но испытывавший в прошлом негативные, психотравмирующие воздействия, оставившие в

его душе незаживающие раны, которые иногда начинают кровоточить, когда создаются условия, субъективно и бессознательно воспринимаемые как провоцирующие.

Таким образом, следует различать Тень коллективного бессознательного и Тень индивидуального бессознательного. У них есть общие характерные имманентные черты. Во-первых, это невоспознаемость. Тень отодвигается в самые потаенные, тщательно замаскированные уголки психики человека и человечества. Во-вторых — это возвращаемость, все время напоминающая нам, что даже новорожденный начинает жить не с чистого листа, ему достанется то, что уже имеет человечество в качестве коллективного бессознательного. От нравственного воспитания зависит, проявится ли оно в дурных или одобряемых поступках. Тень хранит в себе плохое (предлагаем договориться так), но в невоспознаемое индивидуальное или коллективное бессознательное могут быть впаяны светлые, радостные страницы прошлой жизни человека или человечества, постоянно и чаще незаметно помогая жить. Они существуют наряду с Тенью. Собственно, возвращаемость тех и других делает их всегда актуальными, иначе им было бы место в музее, правда, трудно сказать в каком.

Мощные взрывы Тени в виде тоталитарной агрессии, каннибализма, инцеста и др. могут быть неожиданны для самого преступника, их часто отказываются понимать и окружающие, а обыватели обычно все приписывают психическим расстройствам. На самом же деле это грозно заговорило бессознательное, вдруг вырвавшееся из, казалось бы, стальных оков цивилизации, из потаенных глубин коллективного бессознательного, куда человек помимо своей воли и совместно с социальной средой и общественными институтами старался глубоко и, как он надеялся, надежно и навсегда его упрятать. Во многих случаях это оказывается совершенно безосновательным самоутешением, и очень старые, вроде давно забытые еще в детстве человечества явления неожиданно вырываются на поверхность, причем, что самое страшное, остановить агрессивную лавину, тяжкие преступления против личности чрезвычайно трудно, а чаще невозможно, иногда по причине полной неожиданности. Взрыв и вызванный им обвал неумолимо сметают все на своем пути: социальные и самые строжайшие запреты, все установления культуры, жалость и сострадание, даже страх перед возможными последствиями для себя и страх ответной физической агрессии.

Ярким примером взрыва коллективного бессознательного являются трагические события в Камбодже. В 1975 г. там к власти пришли кхмерские коммунисты во главе с Пол Потом и Иенгом Сари, которые за

¹ Юнг К. Г. Архетип и символ. С. 182—183.

² См.: Юнг К. Г. Психология бессознательного. — М., 1994. С. 204.

пять лет уничтожили около трех миллионов (из восьми) своих соотечественников, в первую очередь интеллигенцию. Практически все городское население было насильственно депортировано в сельскую местность, где из них и местных жителей создавали «коммуны» (общины) и «трудовые армии», а по существу — концентрационные лагеря. Всех камбоджийцев разделили на касты (категории) по степени лояльности к режиму. Вместе с частной собственностью была отменена и личная, деньги изъяты из оборота, а торговля стала носить характер натурального обмена. Были ликвидированы все учебные заведения, кинотеатры, телевидение, на всю страну выходил один официальный информационный листок, население было полностью изолировано от внешнего мира. Уничтожались ценнейшие Произведения искусства и архитектуры, в том числе старинные, национальная библиотека и музеи превращены в склады, пагоды — в хранилища. Не стало почты, телеграфа, общественного транспорта. Жгли книги и архивы. Экономика и культура были разрушены полностью. Столица и провинциальные центры стали городами-призраками. В Пномпене проживало около 3 миллионов человек, кхмерские коммунисты выселили оттуда практически все население, оставив там 16—20 тыс. чиновников властвующего режима.

Сотни тысяч кампучийцев под наблюдением вооруженных охранников работали от зардо заре. Семью ликвидировали, женщины и мужчины жили порознь, супругам разрешали побыть вместе лишь раз в десять дней. За тяжелую, изнурительную работу никакой платы не платалось, лишь выдавали три раза в день по чашке риса. Широко эксплуатировался детский труд. Убивали людей и по плану, и по желанию местных властей, даже по случаю «праздников». Солдаты могли убивать, грабить и насиловать в любое время. Религиозные чувства населения грубо попирались, священнослужителей убивали, буддийские статуи и алтари уничтожались. Была ликвидирована медицина, врачей убивали. Камбоджа, страна древнейшей культуры, была превращена коммунистами в выжженную пустыню — это фактически был полный возврат в первобытное общество, при котором не могли существовать никакие ценности культуры. О том, что воссоздавалось именно первобытное общество, свидетельствует не только глобальное уничтожение культуры, но и такая весьма характерная деталь: людей обычно убивали лопатами и мотыгами, этими примитивными древними орудиями тружда. Объясняли это тем, что якобы экономили пули, однако это объяснение не выдерживает никакой критики, поскольку страна была набита

оружием китайцев. Дело в том, что огнестрельного оружия в первобытном обществе быть не могло, поэтому оно психологически было чуждо коммунистам XX в. в качестве орудия расправы.

Еще одна красноречивая подробность: коммунисты запретили в Камбодже любовь, она стала считаться серьезным «преступлением», а за все проступки было одно наказание — смерть. Однако здесь есть своя логика, поскольку любовь (как и промышленность, религия, медицина и т. д.) совсем не свойственна тому периоду человеческой истории, который они пытались воссоздать. Именно поэтому она отторгалась ими и за нее карали столь жестоко. Проведем параллель: если кхмерские коммунисты считали любовь «серьезным» преступлением, то германские нацисты отнюдь не отнесли изнасилование к числу тяжких преступлений. Оно и логично, в диком человеческом стаде изнасилования быть не могло.

Даже в самых богатых и развитых обществах есть слой весьма примитивных людей, ведущих природное существование, мало отличающееся по существу от первобытного. Они плохо освоили достижения культуры, знакомы лишь с ее азами, наиболее простыми формами, их потребности и интересы убоги и бездуховны, интеллектуальная жизнь сведена к нулю, они не знают таких категорий, как смысл жизни, и поэтому даже не ставят перед собой соответствующие проблемы. В их среде очень живучи предрассудки, древние традиции и обычаи, такие же символы и представления, антиобщественные привычки, влечения и пристрастия. Как отмечал К. Г. Юнг, именно люди, живущие на низших, темных уровнях, следуют бессознательным влечениям души. Над ними возвышаются другие слои, с иными духовными и интеллектуальными свойствами, с иными духовными и интеллектуальными характеристиками, причем чем выше эти страты в духовном и интеллектуальном отношении, тем богаче, насыщеннее, содержательнее их характеристики. Иными словами, они более цивилизованы.

Коллективное бессознательное может проявлять активность во всех слоях общества, но чаще в низших, где господствуют пьянство, жестокость, грубость, где не занимаются воспитанием детей и предоставляют подросткам почти полную свободу. Коллективное бессознательное там имеет место прежде всего в таких явлениях, как каннибализм, инцест и убийство детей. Представители этих же стратов часто выполняют роли палачей, охранников, штурмовиков и т. д. При тоталитарных силах, но могут выбиваться наверх, даже на самый верх, где утонченные интеллектуалы замечались разве что в виде Редчайшего исключения.

Вспышки яростных желаний и неосуществимых фантазий социально-политического характера тоже наблюдаются намного чаще, даже преимущественно, среди низших слоев населения, например, во время революций. Соппротивление им способно спровоцировать еще более яростный натиск, причем даже вполне разумное сопротивление оценивается как злостное нежелание создать мир всеобщего счастья и благоденствия. Но все это не только дела прошлых лет, все это можно в полной мере наблюдать, например, в современном исламском экстремизме, который неизменно выступает с непомерными требованиями к остальному миру, причем готов реализовать их с помощью самых жестоких мер. В рамках этого экстремизма можно констатировать паралич сознательных планов, надежд и ожиданий при мощном выбросе из низших слоев населения индивидуального и коллективного бессознательного. Именно в этом следует усматривать активность исламских террористов, неиссякаемую пополняемость их рядов молодыми людьми из низших же слоев мусульманских стран, распространение суицидального терроризма, безоговорочную поддержку терроризма толпой в этих странах.

По мнению К. Г. Юнга, в то время как содержимое личного бессознательного приобретает на протяжении жизни индивида, содержаниями коллективного бессознательного неизменно оказываются архетипы, присутствующие в нем изначально¹. Он считал, что, теоретически, поле сознания невозможно ограничить, так как оно способно беспречно расширяться. Эмпирически, однако, сознание всегда обретает свои границы — встречая нечто неведомое. Это, собственно то, чего мы не знаем и что, таким образом, не связано с Эго — центром сознания. В «неведомом» различаем две группы объектов: внешние — те, которые могут быть восприняты посредством органов чувств, и внутренние, которые постигаются непосредственно. Первая группа вмещает в себя «неведомое» во внешнем мире, вторая — «неведомое» в мире внутреннем. Это последнее и есть пространство бессознательного.

В отношении индивидуального и коллективного бессознательного! можно сказать, что каждое из них приобретает в процессе жизни *Д* человека (индивидуальное) или человечества (коллективное). Разумеется, неведомое ограничивает сознание, но неведомое в мире внутреннем есть не просто приобретение и усвоение (на бессознательном уровне) внешнего мира, но опыта, возникшего в результате вза-

имодействия отдельного человека или (и) человечества с условиями своего существования. Усвоение означает, что нечто, имевшее место во взаимодействии со средой, становится внутренним, не имеющим границ; отсутствие границ может говорить о том, что за пределами сознания находится усвоенное им, но неосознанное или осознанное, а затем вытесненное; он или оно (отдельный человек или человечество) не знает, насколько это важно и имеет ли вообще значение, может ли проявиться и в чем именно, где хранится и т. д.

Эти важные соображения необходимо иметь в виду, когда предпринимаются попытки объяснить явления, лежащие, казалось бы, за пределами современной цивилизации. В первую очередь имеются в виду педофилия, инцест, каннибализм, кровавые тоталитарные деспотии. Здесь очень важно знать, что является хранителем (носителем) соответствующего невоспоминаемого общечеловеческого опыта и каков механизм его передачи последующим поколениям, закрепления в коллективном бессознательном и передачи конкретному индивиду.

Подобно тому, как наше тело есть итог всей эволюции человека, его психика содержит присущие всему человечеству инстинкты и постоянно повторяющиеся наследуемые реакции, а также наше восприятие, мышление, воображение. Это очень важное общее положение, позволяющее построить объяснительную схему интересующих нас явлений.

Единицами коллективного бессознательного К. Г. Юнг считал архетипы, под которыми он понимал идеи, формы и образы, коллективные по своей природе, встречающиеся практически по всей земле как составные элементы мифов и являющиеся в то же время автохтонными, независимыми от внешних факторов, индивидуальными продуктами бессознательного происхождения. Архетипические мотивы (по Юнгу) берут начало от архетипических образов в человеческом уме, которые передаются не только посредством традиции или миграции, но также с помощью наследственности. Эта гипотеза необходима, так как даже сложные архетипические образы могут спонтанно воспроизводиться без какой-либо традиции.

К. Г. Юнг давал различные определения архетипов, но в основном он понимал их как структурные схемы, структурные предпосылки образов, существующих в сфере коллективного бессознательного и, возможно, биологически наследуемых, как концентрированное выражение психической энергии, актуализированной объектом. Полагаем, что под архетипом можно понимать и некий мифологический первообраз, который, образно говоря, родился вместе с человеком и навсегда будет

¹ См.: Юнг К. Г. *Aion*. Исследование феноменологии самости. — М., 1997. С. 14

сопровождать его, а также структурную основу психического мира, главный стержень, символизирующий ведущие ценности и скрепляющий отношения людей. Архетип выполняет исключительно важную прогностическую функцию, поскольку указывает наиболее возможные пути и позволяет разглядеть судьбу в призрачном и густом тумане.

В коллективном бессознательном, считал К.Г. Юнг, с течением времени выкристаллизовываются определенные черты, так называемые архетипы или доминанты. Это господствующие силы, боги, т. е. образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой. Поскольку эти образы являются относительно верными отражениями психических событий, их архетипы, т. е. их основные черты, выделенные в процессе накопления однородного опыта, соответствуют также определенным всеобщим физическим основным чертам¹.

Для данного исследования весьма важно, что архетипы определяются не только содержаниями, но формой, да и то весьма условно. Изначальный образ наделяется содержанием только тогда, когда он становится осознанным и, таким образом, наполняется материалами сознательного опыта. Его форму можно уподобить осевой системе кристалла, чья праформа определяется еще в материнской жидкости — до собственно материального существования. Эта кристаллическая решетка возникает в соответствии с характером взаимодействия ионов, а затем молекул. Сам по себе архетип пуст и формален, ничто иное как «способность к оформлению», некая априорная возможность формопредставления. Наследуются не сами представления, но лишь формы, и в этом смысле они в каждом случае соответствуют определенным инстинктам, считал К.Г. Юнг. Он полагал (отмечая использование понятия архетипа еще древними авторами, в том числе Филоном Иудеем и Иринеем), что истинная природа архетипа не может быть осознана, что она трансцендентна².

Положение, что архетип сам по себе пуст и формален, что наследуются не представления, но лишь формы, вызывает определенные сомнения. Они порождены, во-первых, результатами исследований самого же К.Г. Юнга (в частности, в его работе «Феноменология духов в

азаках»), во-вторых, научными поисками причин тоталитаризма и других явлений, имеющих архетипические корни. Эти поиски убеждают в том, что архетип не только формален, что наследуются и определенные содержания. Более того, полагаем, что если наследовались исключительно формы, то вряд ли архетипы играли столь существенную роль в человеческой жизни. Но если содержания наследуются, значит они имеются и существенно отличаются друг от друга. Действительно, содержание, например, архетипа Великая Мать существенно отличается от содержания архетипа Великий Отец. Отсюда и разные функции, которые выполняют архетипы в обществе.

В качестве примера воспользуемся архетипом Мудрого Старца, он же божество-вождь-маг (К.Г. Юнг называет его архетипом Духа), который играет столь существенную роль в идеологии и психологии нацизма, большевизма и фашизма. Он же чрезвычайно богато представлен в мифах, легендах, сказках, снах, галлюцинациях и т. д. в качестве старого мудрого человека, или «просто» невероятно мудрого человека или не менее мудрого животного, или царя, или отшельника, или мудрого помощника, целителя или советчика, иногда злого колдуна, но всегда связанного со сверхъестественной чудесной властью, которая намного превосходит способности человека. Этот архетип дает возможности человеку приподниматься над самим собой, находить выходы из, казалось бы, безвыходных ситуаций, решать неразрешимые проблемы либо преодолевать непреодолимые препятствия. В Великом Отце люди ищут и находят защиту, но эта фигура еще и образ организации, продуманной структуры всего социального и даже всего мира.

В психологии и идеологии тоталитаризма этот первообраз диктует строгую необходимость безоглядной веры в вождя, в его сверхъестественные силы и подчинения ему без остатка. Тоталитарный сверхчеловек — вождь — практически ничем не отличается от божка, мага или колдуна в Древних мифах, но существует архетипическое представление о подобном мифическом персонаже, и оно наследуется разными поколениями на протяжении всей человеческой истории. Подчеркнем: наследуется не форма, а именно представление о том, что есть подобная сверхъестественная фигура, причем представления об ее атрибутах не подвергаются изменениям, т. е. эти атрибуты тоже наследуются, равно как и весь цельный образ. Об архетипе Великой Матери можно сказать, что это рождающая, кормящая, воспитывающая, охраняющая и целительная сила, когда нужно, карающая, но всегда носящая трансцендентный и сакральный харак-

¹ См.: Юнг К.Г. Психология бессознательного. — М., 1994. С. 141—142.

² См.: Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. — Киев. 1994. С. 369—370.

тер. Все эти характеристики, придающие ей целостность, тоже наследуются. Ее человек воспринимает в богинях, матери-земле, родине, женщине вообще, собственной матери. Психологическая связь с ней рождает патриотизм, а чрезмерно жесткая зависимость — ненависть ко всему не «своему» и терроризм.

Э. Самуэлс считает, что архетип представляет собой наследованную predisposedность, но, пожалуй, видит эту predisposedность слишком широко. Так, по его мнению, рождение, воспитание, половое созревание, смерть — это в широком смысле сходный опыт для всех людей. Наша общая биология передается нам по наследству. Следовательно, если архетипы тоже являются общими, они тоже должны быть унаследованы. Юнг, по мнению Самуэлса, никогда не был уверен в отношении точного наследования архетипов, т. е. того, как они передаются, но он проводил параллели с такими явлениями, как цыплята, которые вылупляются из яиц, птицы, которые строят гнезда, и т. д.¹

Возникает вопрос, о каких наследуемых predisposedностях можно говорить применительно к таким проблемам, как каннибализм, инцест?

Думаем, что здесь можно вести речь о том, что человек наследует predisposedность к возвращению к изначальным и вечным образам, стандартам и ценностям. Но эта predisposedность может стать реальностью, а может и не стать, что зависит от тех конкретных условий, в которых живет данный человек. Для этого он должен сбросить оковы цивилизации, и обычно это происходит под влиянием алкоголизации или наркотизации, других психических патологий, постоянного общения в безнравственной среде. Однако архетип не есть нечто только отрицательное, и возвращение к прошлому не всегда минаемому опыту далеко не всегда грозит цивилизации, достаточно обратиться к тем же архетипам Великой Матери и Великого Отца.

Нельзя не согласиться с Э. Самуэлсом, который рассматривает архетип и как отпечаток. Некоторые фундаментальные переживания, о чем мечтает он, повторяются в течение миллионов лет. Такие переживания вместе с сопровождающими их эмоциями и аффектами образуют структурный психический фон — готовность проживать жизнь согласно пограничным линиям, уже заложенным в психике. Отношения между архетипом и опытом — это система обратной связи: повторяющийся опыт создает остаточные психические структуры, которые становятся архе-

• типическими структурами. Кровавые деспотии, инцест, педофилия, иннибализм и другие формы отрицания цивилизации постоянно повторяются с наидревнейших времен, и человечество уже приобрело здесь более чем солидный опыт, причем и положительный, отношения к подобным действиям, нравственного и правового. Важно отметить, что опыт таких форм отрицания цивилизации, как кровавые деспотии, до сих пор оценивается многими людьми весьма позитивно и как заслуживающий повторения, что не может не беспокоить.

Не будем развивать здесь теорию коллективного бессознательно-го и архетипов. Задача уже и скромнее: показать, что именно коллективное бессознательное таит в себе исходные причины некоторых преступлений, а архетипы являются конкретными носителями этих причин и запускают в действие соответствующий архисложный механизм. Можно было бы патетически провозгласить, что современный человек сейчас расплачивается за ошибки, заблуждения и грехи наших далеких предков. Но это совсем не так, поскольку это не ошибки, заблуждения или грехи древних людей, они жили так, как умели и могли, как считали нужным в соответствии с условиями своей жизни. Другого они попросту не знали.

Итак, есть основания думать, что архетипы являются носителями тех форм поведения, которые среди других стали объектами исследования в данной работе. В пользу такого предположения говорит то, что в основе поведения лежат некоторые идеи и ценности, которые передаются с помощью архетипических механизмов, будучи вплетены в коллективное бессознательное. Каннибализм, педофилия, инцест, кровавые деспотии и т. д. представляют собой формы поведения, которые были привычны для весьма отдаленных времен, хотя, видимо, проявлялись в разных странах и сообществах на различных этапах развития. Полагаю, что такие явления, как каннибализм и инцест, вполне могли преследоваться некоторыми жестокими деспотиями. Затем исследуемые явления стали постепенно вытесняться цивилизацией, но, уходя в Тень, проявили тем самым исключительную живучесть, все время периодически возвращаясь к человечеству, а поэтому вступая в резкое противоречие с современной культурой. Иными словами, стимулы подобных поступков запрограммированы в психике и пробиваются в тех местах социального организма (включая личность), в которых сеть цивилизации наиболее слаба или подточена, т. е. лишь при определенных условиях жизни отдельного человека или каких-либо стран (сообществ).

¹ См.: Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. — М., 1997. С. 55.

Сказанное позволяет считать, что самостоятельным объектом психологических исследований, в том числе криминологических, может быть Тень, ее содержания и функции, ее возможности воздействовать на человека и общество. Такие исследования позволили бы вовремя и более эффективно предупреждать особенно те порождаемые Тенью явления, которые могут привести к массовым бедствиям. Как отмечают некоторые критики К.Г. Юнга (Э. Самуэлс, Б. Шортер Ф. Плот), Тень является архетипом, что подтверждается ее содержаниями — властными, отмеченными аффектами, навязчивыми, захватническими, самоуправными, способными поразить и подавить хорошо упорядоченное эго. Когда сознание переживает угрозу или состояние сомнения, то Тень проявляется как сильная иррациональная проекция. Не думаем, что Тень принадлежит к архетипам, скорее в ней могут находиться архетипы, и именно поэтому она должна вызывать самый пристальный научный интерес.

Само по себе, вне человечества коллективное бессознательное, конечно, не существует; на самом деле оно является не чем иным, как возможностью, той самой возможностью, которая передается нам по наследству с древних времен посредством определенной формы мнемонических (запоминающихся) образов или, выражаясь анатомически, через структуры мозга. Нет врожденных представлений, но, наверное, есть врожденная возможность того, чтобы появились представления, которая определяет границы даже самой смелой фантазии, определяет, так сказать, категории деятельности фантазии, в известной степени идеи априори, о существовании которых невозможно судить без наличия соответствующего опыта. Выше высказывалось мнение по поводу того, что представление может составлять содержание архетипа и передаваться по наследству.

Возможность — нечто весьма значительное, потому что коллективное бессознательное отнюдь не является чем-то вроде темного закутка, а представляет собой господствующий над всем осадок скопившегося за бесчисленные миллионы лет опыта предков, эхо доисторических явлений мира, которому каждое столетие добавляет несоизмеримо малую сумму вариаций и дифференциаций. Поскольку коллективное бессознательное является осадком явлений мира, то в своей совокупности эти означают вроде не имеющего времени, так сказать, вечного образа мира, противостоящего нашей сиюминутной сознательной картине мира. I

Коллективное бессознательное является огромным духовным наследием, возрожденным в каждом человеке. Сознание же, наоборот

является эфемерным явлением, осуществляющим все сиюминутные приспособления и ориентации, отчего его работу скорее всего можно сравнить с ориентировкой в пространстве. Бессознательное содержит источник сил, приводящих душу в движение, а формы и категории, которые все это регулируют, — архетипы. Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам.

Итак, коллективное бессознательное, представляя собой один из фундаментов индивидуальной психики, не вытесняется из нее и не забывается. Это нечто общее для всех людей, передаваемое по наследству с древнейших времен. Но его все-таки можно осознать, и сама его научная концепция есть не что иное, как одна из форм осознания этого явления. Бессознательное вытесняется и у отдельного человека, и у всех людей, в частности, древнейший опыт постоянно вытесняется наслоениями цивилизации, но тем не менее остается и клокочет в самых потаенных глубинах человечества.

Дьявола мы заботливо взращиваем в своей собственной душе и когда-нибудь должны набраться смелости признаться хотя бы самим себе, что он в известном смысле такая же реальность, как окружающие нас дома и автомобили. С древнейших времен под разными личинами, но неизменно в своей сущности и роли этот дьявол пребывает в нас. Под давлением личных обстоятельств у отдельного человека он может совершенно неожиданно вырваться на свободу и тогда получает вполне определенную правовую оценку в качестве преступления, что в подавляющем большинстве случаев не вызывает возражений. Гораздо сложнее и трагичнее, когда под влиянием массового психоза или общенациональной психопатии, взаимного заражения и отравления яростные желания и неосуществимые фантазии с неконтролируемой силой вспыхивают у очень многих одновременно, при этом весь этот процесс и его источники никогда не носят осознанного характера. Людоедство, преступления против детей и тоталитаризм в его наиболее бесчеловечных формах как явления одного ряда по своему содержанию порождаются и индивидуальным, и коллективным бессознательным, т. е. являются проявлением психического начала, заключенного в Тени, личной или общечеловеческой.

Бессознательное в совершении убийств

Выводы относительно природы и содержания индивидуального бессознательного и его роли в преступном поведении были сделаны на основе эмпирических исследований отдельных категорий преступ-

лений и преступников. Иного пути, впрочем, и не должно быть. Изучение осуществлялось с помощью различных тестов и клинических (мониторинговых) бесед с интересующими лицами при одновременном анализе уголовных дел и иных материалов. Не вдаваясь в технические подробности, укажем на основные итоги наших изысканий.

Изучение убийц и воров позволило выявить наиболее характерные черты этих категорий преступников, причем эти черты вначале рассматривались нами в качестве противоречий между ведущими особенностями личности и ее поведением. Так, для личности убийц, как показали результаты применения тестовых методик, ведущими оказались комплексы черт, объединяемых понятиями «склонность к чувству вины» (по методике Кэттелла) и «эмоциональность» (по методике Леонгарда—Шмишека); для личности воров — «эмоциональная нестабильность» (по Кэттелу) и «циклоиминность» (по Леонгарду—Шмишеку). Как видно, убийцы характерологически обладают максимальной выделенностью наиболее социализированных качеств (чувство вины и эмоциональность), но, с другой стороны, в своем поведении демонстрируют наименее социализированные его формы — убийство. У воров картина противоположная: характерологически у них преобладают наименее социализированные особенности (эмоциональная нестабильность и циклоиминность), которые в этом смысле зависят прежде всего от биологической конституции индивида, но характер преступного поведения максимально «социализован» как по предмету так и по способам.

Обнаружение у убийц эмоциональности, т. е. ранимости, повышенной чувствительности, характерное для поэтов и людей искусства, вначале представлялось взаимоисключающим и резко противоречащим тому, что они совершили. Однако стало понятно, что эмоциональность относится к числу ведущих особенностей личности убийц, тесно связанная с ранимостью, подозрительностью, мнительностью, оживленностью, высокой тревожностью и ригидностью, застреванием переживаний, которые, часто переместившись в сферу бессознательного, начинают вести там автономное существование вне связи с внешними воздействиями. Иногда весьма существенными. Тревожность у убийц чаще скандозная, но и характер вспышек, что предостерегает непредумышленность многих посягательств на жизнь. У воров же тревожность не просто более низкая, она относительно ровная, т. е. такие преступники всегда или очень часто тревожны, что позволяет им все время быть накур, постоянно ощущать внешние условия и поэтому добиваться успеха. В тайном похити-

тели чужого имущества. Раскрываемость убийств всегда выше раскрываемости краж.

Свойственна убийцам высокая чувствительность и ранимость выражается не в сопереживании другим, а обращена на себя, т. е. выполняет некоторую защитную функцию. Ранимым и уязвимым может быть только тот человек, который постоянно ощущает опасность, — о ней сигналы, правдивые или ложные, доходят до него легче именно в силу присущей ему ранимости и уязвимости. Поэтому неудивительно, что, как показали эмпирические исследования, эмоциональность оказалась наименее тесно связанной со склонностью к частой смене настроения; в то же время она развивается не в соответствии с внешними обстоятельствами в том смысле, что их субъективное значение не соответствует объективному содержанию возникающих ситуаций. Больше всего эмоциональность у убийц связана с упорством, которое обусловлено ригидностью, малоподвижностью, застреванием эмоций, аффективными переживаниями. Их эмоциональная сфера длительное время сохраняет восприятия ранее впечатления, хотя породившие их события уже прошли. Поэтому эмоциональные переживания начинают окрашивать и другие, не соответствующие им события, в результате чего происходит искажение восприятия действительности, которой приписываются невойсковые ей особенностей тенденции.

Для убийцы главной загадкой в жизни является он сам, поскольку очень редко знает, почему так поступил, или, в его формулировке, почему это случилось с ним. В лучшем случае все списывается на других, на неблагоприятные обстоятельства, даже на судьбу или просто отрицается вина. Поэтому совершенно неправильно пытаться получить от него вразумительный и тем более развернутый ответ на главный вопрос — о причине совершенного убийства. Он ее просто не знает и в этом плане отнюдь не стремится что-то скрыть или кого-то обмануть. Напротив, часто он ожидает, что ему объяснят, почему так произошло.

Тревожность — показатель субъективного неблагополучия личности, точнее — ощущение своего неблагополучия, которого объективно может и не быть. Но чувство тревоги способно выступать и в качестве сигнала о соматическом нездоровье, причем даже таком, которое невозможно выявить с помощью обычного медицинского обследования. Всегда нужно различать ситуативную тревожность, реакция человека на актуальную среду, и личностную, являющуюся фундаментальным свойством данного субъекта. Тревога есть восприятие сигнала о каком-то неблагополучии, действительном или

мнимом, причем последнее для индивида может быть не менее реальным, чем то, которое объективно существует. С другой стороны реально существующая опасность может и не восприниматься в таком качестве.

Вывод о повышенной тревожности убийц сделан нами в результате психологического изучения личности виновных в убийстве, скрупулезного анализа и оценки их отдельных поступков и всей жизни в целом. Именно такой комплексный подход позволяет проникнуть во внутренний мир людей, совершивших убийства; во многих случаях очень трудно, а подчас и невозможно выявить тревожность с помощью только психологических тестов, хотя они и необходимы. Важную информацию могут дать анкетирование, оценка и типичные поведенческие черты: как постоянная смена места жительства и работы, внешне беспричинные вспышки агрессии, неуживчивость, конфликтность и т. д. В беседах и с помощью тестов могут быть выявлены постоянная неуверенность в себе, подозрительность, мнительность, внутренняя напряженность. Многие тревожные личности среди убийц тяжело и болезненно переживают утрату контактов с другими людьми. Другие уходят в себя, в свой внутренний мир потому, что боятся мира внешнего, таящего непонятную, размытую опасность.

Конкретные исследования, проведенные нами, показали, что высокая тревожность среди убийц своими корнями часто уходит в детство, а именно порождена отсутствием должных эмоциональных контактов с матерью в тот период жизни. Такие контакты должны создавать естественную психологическую защищенность человека на всю жизнь и выступать основой адаптации человека. Отсутствие названных контактов своим следствием может иметь подлинные жизненные катастрофы.

Исходя из изложенных выше теоретических представлений о личности и целостном опосредовании ее поведения, мы полагаем малопродуктивным и, вообще говоря, довольно искусственным стремление связывать с некоторым действием (преступлением) какую-либо отдельно взятую особенность личности (назвав ее мотивом). При ближайшем рассмотрении ни одно действие не может быть однозначно идентифицировано с какой-то отдельной чертой личности, но обязательно оказывается связанным со всей личностью. Рассмотрение бессознательной мотивации как целостного опосредования преступного поведения неизбежно ведет к формулировке его мотивов как своего рода модусов личности, т. е. системы свойств, проявляемых ею в определенных состояниях.

Такой подход несколько противостоит традиционно установившейся в психологии и криминологии практике поиска однозначных мотивов преступления. Мы полагаем, что такая практика уже не отвечает ни целям точной уголовно-правовой квалификации преступлений, ни задачам исправления осужденных, для решения которых знание мотивации преступления является основой всей работы. Иначе говоря, однозначное определение в качестве мотивов преступлений таких явлений, как корысть, месть, ревность, хулиганские побуждения и пр., является шубшупрошением, а нередко и искажением истинной природы преступного деяния. Более адекватным нужно считать определение мотива как модуса личности, учитывая это как при квалификации деяния, так и при назначении и исполнении наказания.

Субъективно-личностные и поведенческие характеристики тесно связаны между собой (хотя, как было сказано, и не тождественны друг другу). Приведем здесь некоторые проявления неосознаваемого мотивационного опосредования поведения и их возможные криминальные корреляты¹.

Первая категория таких мотивов преступного поведения связана с типом личности.

У лиц первого типа наблюдаются спонтанные повышения напряженности агрессивного аффекта, что может выражаться в более или менее агрессивных действиях. Эти действия часто внешне осознаются и рационализируются в форме реакции «справедливого негодования».

Представители второго типа отличаются частой сменой настроения, психической активности, склонны к острым эмоциональным впечатлениям. Последнее может проявляться в кражах, дерзком хулиганстве, бродяжничестве, проституции, а также в социально приемлемых формах, например, занятиях спортом, сопряженных с высокой степенью риска для жизни.

Для представителей третьего типа со свойственной им переоценкой значимости собственной личности характерна агрессивная конформность. Чувствительность к социальной среде и различные формы защиты от ее негативного влияния. Особенности именно этого типа, как оказалось, часто мотивируют совершение тяжких насильственных преступлений против личности.

¹ Подробнее см.: Антоян Ю.М., Самовичев К.Г. Бессознательное в мотивации преступного поведения / В кн. Криминальная мотивация; Под ред. В.Н. Кудрявцева. - М., 1986. С. 174-188.

В указанных типах неосознаваемой детерминантой является сама психологическая структура личности. Как было сказано, она в качестве целостности неосознаваема принципиально. Надо заметить, что указанные субъективно-личностные структуры «срабатывают» не только в декомпенсирующих ситуациях, т. е. в неадекватных для них условиях. Они могут порождать соответствующие их содержанию ситуации и условия. Так, лицо эпитимного типа всегда найдет, к чему можно придраться, либо паранойяльного типа создает повод для ревности и подозрений. Вероятно, это закономерность функционирования типа, которая, однако, не ведет неизбежно к криминальным формам поведения.

Несколько особым типом личности являются лица с так называемой негативной социальной аутоидентичностью. Основная их тенденция выражается в неосознаваемом избегании социальной идентификации и социального контроля. Это, как правило, лица, ведущие бездомный, паразитический образ жизни. Для обеспечения такой жизни они могут совершать кражи и другие корыстные преступления.

Необходимо заметить, что человек в принципе может осознать психологические особенности своей личности, что дает ему определенную возможность управлять своими состояниями. Об этом, в частности, свидетельствует опыт успешной психотерапии.

Однако в отношении преступников, в том числе в исправительных учреждениях, психотерапевтическое воздействие, как правило, не осуществляется, что выступает одной из субъективных причин рецидива преступного поведения.

Вторая категория неосознаваемых мотивов поведения связана с блокированием возможности проявления своей личности в определенном поведении при наличии высокой субъективной необходимости таких проявлений. Здесь возникают так называемые смещенные по объекту формы поведения.

Прежде всего это может быть связано с развившимся комплексом неполноценности, неадекватности, ущемленного™ личности. Поведение в данном случае может носить компенсаторный или гиперкомпенсаторный характер. Последнее нередко приводит к браваре, необдуманному, рискованному поступку. Примером может быть проявление физического насилия в форме особой жестокости лицом с психологическим комплексом своей физической неполноценности.

В других случаях в ситуациях блокирования потребностей или стремлений возникают смещения реакции с адекватного на замещающий объект.

Третья категория неосознаваемых мотивов связана с отсроченным во времени действием закрепившегося в детстве по механизму импринтинга («впечатывания») травматического опыта.

Унижения, несправедливое, жестокое обращение могут складывать свой отпечаток в эмоциональной структуре личности и при определенных условиях порождать соответствующие формы поведения. Однако в сознании личности эта связь, как правило, не отражается, хотя соответствующий травматический опыт и может осознаваться. Указанный механизм является частным случаем более общего бессознательного процесса отсроченного во времени «срабатывания» прошлого опыта. Наиболее ярко это проявляется в выборе друзей, подруг, жен, сожительниц, мужей. Здесь зафиксировавшееся в психике ребенка, прежде всего в его эмоциональной сфере, общение, ассоциированное с конкретными лицами, является как бы моделью для последующего выбора или создания ситуаций и круга общения. Причем, как было сказано выше, чем сильнее эти ранние фиксации, тем жестче модель определяет выбор и поведение, вплоть до полной зависимости лица от ситуации или от другого человека. Нередко тот, от кого лицо находится в такой жесткой зависимости, становится его жертвой.

Четвертую категорию бессознательных мотивов преступного поведения составляют различные патологические (не исключаящие вменяемости) особенности личности.

Унижения, несправедливое, жестокое обращение с человеком в детстве может стать причиной его высокой тревожности, в свою очередь выступающей в качестве причины преступных агрессивных действий. При этом тревожность воздействует на другие подструктуры личности; более того, она играет роль некоей цементирующей основы всей целостности личности, придавая ей необходимое единство.

Нарушение процессов формирования мотивов с задержкой на стадии амбивалентности (двойственности желания) может проявляться в виде навязчивого стремления к реализации негативного влечения. В этих случаях у субъекта возникает сильнейшее стремление совершить поступок, который он сам расценивает как совершенно недопустимый. Такое нарушение влечения может проявиться как в форме безобидного озорства, лишь незначительно нарушающего общественный порядок, так и в виде самых жестоких преступлений против личности.

Названные мотивы могут выступать и в качестве отдельных звеньев механизма преступного поведения (например, проецирование агрессии на среду, блокирование возможности адекватной реакции на те или иные события и т. д.).

Исследование показало, что одним из наиболее распространенных мотивов совершения убийств и причинения тяжкого вреда здоровью является защита от возможной, часто несуществующей агрессии со стороны окружающих, хотя следователи и суд подобные преступления обычно квалифицируют как совершенные из хулиганских или низменных побуждений, мести и т. д. Такого рода преступники постоянно или очень часто ощущают враждебность среды, и их преступные действия имеют субъективный смысл защиты от нее. Отсюда — постоянное напряжение, подозрительность, конфликтность, поиск «врагов», часто провоцирование конфликтов и бурная реакция на ими же созданные острые ситуации. Эти особенности, составляющие основу их личности, не осознаются ими в качестве таковых, равно как не осознается личностный смысл их по сути псевдозащитных действий. Представляется, что подобные личностные черты объясняют субъективные причины ряда насильственных преступлений, совершенных по внешне, казалось бы, малозначительным, ничтожным поводам.

Многие обследованные нами насильственные преступники, защищавшие себя от несуществующей, плохо осознаваемой, но ощущавшейся ими угрозы, от ущемления своего «Я», в то же время не в состоянии объяснить, в чем состоит эта угроза и почему нужно постоянно защищаться.

Существование концепции враждебной среды среди насильственных преступников подтверждается некоторыми эмпирическими исследованиями. Так, проведенный нами выборочный опрос лиц, виновных в хулиганстве, показал, что 30,3% на поставленные им вопросы ответили, что «люди равнодушны к нуждам друг друга, помогают лишь когда выгодно», 43,6% ответили, что «каждый живет для себя», 15% ответили, что «люди ненавидят друг друга» и лишь 30,0% сказали, что люди доброжелательно относятся друг к другу. На наш взгляд, эти данные в определенной степени свидетельствуют о том, что у большинства хулиганов сформировано субъективное ощущение враждебности среды. Это ощущение является бессознательным, поскольку они осознают среду только на уровне «формальных», а не субъективных значений, не связывая свои оценки ее с собственным поведением. Личностным смыслом совершения ими хулиганских действий может быть защита своего «Я» от такого окружения, а также самоутверждение. Между тем стремление к самоутверждению, как правило, имеет место тогда, когда человек ощущает неудовлетворяющее его отношение к нему окружающих, чувствует себя уязвленным, невосприимчивым, оттесненным. Иными словами, он опять-таки защищает свое «Я»

Неосознаваемое ощущение своей неполноценности или ущемленности может мотивировать многие преступления, обычно относимые к тем, которые совершаются из ревности. Указанное ощущение связано с тем, что лицо, вызывающее ревность, демонстрирует другому его неполноценность, недостаточность как мужчины (женщины), предпочитая ему другого человека. Эта демонстрация может быть чрезвычайно травматичной и невыносимой, а мотивом преступления выступает защита своего «Я», своего социального и биологического статуса.

Ощущение своей ущемленности, неполноценности, несоответствия достигнутого в жизни собственным ожиданиям и ожиданиям ближайшего социального окружения способно порождать корыстные и корыстно-насильственные преступления. Их совершение может детерминироваться наряду с этим и бессознательной потребностью в игре, участия в острых, рискованных ситуациях, что относимо не только к карманным или квартирным ворами, но и к лицам, совершающим крупные хищения или преступления в сфере экономической деятельности.

Уничтожение непереносимой психологической зависимости от другого человека как мотив насильственных преступных действий нередко можно обнаружить при совершении убийств на семейной и бытовой почве, в том числе, когда потерпевшими бывают жены или сожительницы. Следующий пример может быть иллюстрацией к сказанному.

Н., 32 года, осужден за то, что во время распития спиртных напитков с М. облил ее ацетоном и затем поджег. М. через несколько дней скончалась от ожогов. Суд квалифицировал действия Н. как убийство из хулиганских побуждений.

Анализ личности Н. и его жизненного пути показывает, что он постоянно стремился к перемене обстановки, искал новые знакомства, часто менял места работы, в том числе, проживая в Москве, несколько раз уезжал работать в Среднюю Азию. Он говорил: «Мне было очень тяжело все время видеть людей. Я иногда уезжал на два-три дня за город, чтобы побыть одному, но долготам не выдерживал и возвращался назад. Потом опять уезжал». Был женат, но через четыре года, несмотря на рождение дочери, с женой разошлись, причем это не сопровождалось конфликтом, разошлись безболезненно. Вскоре сошелся с другой женщиной, прожил с ней несколько месяцев и тоже разошелся. Фактические брачные отношения с М. поддерживал около двух лет. М. часто выпивала, нигде не работала, и на этой почве между ними происходили скандалы, в результате которых он выгонял ее из дома, и она некоторое время жила одна в своей квартире. Но каж-

ят раз Н. не выдерживал и сам возвращал ее, чего он никогда не делал в отношении других женщин. Порвать связь с М. он был не в состоянии.

В свете сказанного мотивом убийства является избавление от непереносимой и необычной для Н. психологической зависимости от потерпевшей.

Непереносимая психологическая зависимость может сформироваться не только по отношению к конкретным людям, но и к массе людей, которые бессознательно воспринимаются как источник и причина страдания. Часто в качестве такого сугубо субъективного фактора выступают женщины, причем, конечно, потерпевшими становятся конкретные женщины, но каждая из них бессознательно ощущается как символ всех женщин, которые нередко наделяются самыми отвратительными и отталкивающими чертами. Можно сказать, что агрессия против них на психологическом уровне носит символический характер. Как правило, нападения на них совершают сексуальные неудачники.

Одним из таких неудачников был М., 25 лет, ранее не привлекавшийся к уголовной ответственности. Ему все время не везло с девушками. Еще до службы в армии он дружил с Аллой, но как только его призвали, она сказала, что ждать его не будет. После демобилизации сошелся с Машей, стали вместе жить, но их сексуальная жизнь складывалась крайне неудачно — по его вине. Свою половую слабость М. объясняет хроническими болезнями и особенно простатитом.

Он занимался автоизвозом в Москве, подвозил и женщин; большинству из них не причинял никакого вреда, но если ему казалось, что у них «из-под юбки разило», он в удобном для этого месте удавливал их заранее приготовленной для этой цели веревкой. Труп выбрасывал из машины так, чтобы не заметили. Всего им было совершено 5 убийств женщин. Никакого сожаления о содеянном не высказывал, но после ряда уточняющих вопросов нехотя согласился с тем, что, возможно, мстил женщинам. Вместе с тем категорически утверждал, что именно убитые им спровоцировали его «на это».

Хорошо известно, что поведение человека полимотивированно. Это значит, что попытки искать и приписывать поступку человека один какой-то мотив являются следствием весьма упрощенного взгляда на личность, как мы и писали выше. Обычно такое упрощение вытекает из одностороннего подхода к человеку, диктуемого узким пониманием задач борьбы с преступностью. Более пристальное внимание к личности всегда способно обнаружить в каждом ее поступке более одного детерминирующего его фактора. Ниже рассмотрим

и пример, иллюстрирующий полимотивированность преступления и значительную роль в нем несознаваемых мотивов.

Осужденный Б., 35 лет, ранее не судим, рабочий, образование 8 классов, осужден за убийство и разбойные нападения. Лидер группы и организатор разбойных нападений, сопровождавшихся жестоким избиением жертв, убийством одной из них. У потерпевших были отняты копейки (буквально), не считая одежды, обуви. Амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза аномалий не обнаружила.

Оценивая свое преступление как случайность, говорит, что «лишняя стопка меня подвела».

Из биографических данных удалось выяснить следующее.

По оценке самого Б., их семья всегда была замкнута от контактов, но его самого «всегда тянуло в общество». Однако до армии он, по его словам, «был стеснительный». В школьные годы также был замкнут.

Отношения между родителями были натянутыми, отец злоупотреблял алкоголем, в семье часто происходили скандалы, драки и все это на глазах Б. По словам Б., «родители за мной не смотрели, воспитывался неправильно, мать за меня всегда боялась, особенно за здоровье, мало общался с детьми». Воспитание в семье было жестким, особенно со стороны матери, тепла и ласки от нее было мало.

Отмечает, что за время службы в армии приходилось видеть много смертей (выносил трупы жертв катастроф и аварий). После службы наметил для себя цель дальнейшей жизни, хотел «привести себя в порядок», нашел девушку. Характерным для Б., по его словам, является то, что его всегда тянуло к более младшим по возрасту, к несовершеннолетним, среди сверстников друзей или товарищей не было.

Обследование Б. с помощью Тематического апперцептивного теста (ТАТ) показало: 1) затрудненный внутренний контакт, неспособность предположить действия отца по отношению к себе (слабая либо нулевая внутрисемейная идентификация); склонность к подозрениям без достаточного осознания внешней причины; отсутствие способности к оценке собственных действий, их адекватности, причине; 2) склонность к уничтожению объекта, демонстрирующего его неадекватность в каком-либо отношении (полное отсутствие критичности к самому себе, неадекватная, ригидная самооценка); 3) тенденция к осознанию своей «ненормальности», патологичности и склонность видеть источник ее в своем детстве; 4) выраженная тенденция к автономной мотивации действий, т. е. некорректируемость действий со стороны более общих мотивов или со стороны актуальной ситуации; 5) тенденция к отрицанию своей импульсив-

ности, к рационализации своих действий, к их планированию. Это свидетельствует о наличии эффективного комплекса, связанного с неуправляемостью собственным поведением, и его диссоциации от ведущей мотивации личности. Тенденция к импульсивным действиям диссоциирована от личности посредством механизма подавления (неподвижная невротическая защита); 6) недостаточная (неуверенная) сексуальная дифференциация; 7) сниженная эмоциональная идентификация.

Из приведенных материалов следует, что Б. — человек с очень узкой и неадекватной самооценкой, сформированной в условиях глубокой внутрисемейной и в целом социальной отчужденности. Такая позиция формирует у Б. недостаточно осознаваемую определенность личностного статуса, т. е. неопределенность своей социальной, межличностной позиции, неуверенную оценку отношения к себе со стороны окружающих. Эта неопределенность статуса порождает неопределенность способов и средств адаптации в окружении.

Характерно, как было отмечено выше, что у Б. существует постоянная готовность к провоцированию извне состояния собственной неадекватности; причем акцентирована именно эта готовность, а не способы адаптации к ней. Первым автоматически актуализированным способом адаптации к этому является тенденция к физическому уничтожению объекта, демонстрирующего его неадекватность. Можно заключить отсюда, что ощущение собственной неадекватности связано прежде всего с аффективным комплексом своей физической неадекватности. Отсюда же следует, что у Б. имеет место переоценка своего физического статуса, т. е. повышенная эмоциональная значимость. Последнее сформировано матерью, «мать за меня всегда боялась, особенно за здоровье».

Это высказывание позволяет предположить, что такое отношение матери к Б. порождено ее тенденцией к прогнозированию какой-то постоянной угрозы сыну, ее повышенной тревожностью в связи с его физическим состоянием. Можно заключить, что отношения с матерью строятся преимущественно по поводу соматического состояния, т. е. мать принимает ребенка в основном по поводам, связанным с его здоровьем, и вне этого мало интересуется им.

Таким образом, для Б. характерно сочетание соматической фиксации и социальной отчужденности.

В результате применения ТАТ ясно выступает тенденция к осознанию своей импульсивности, неуправляемости своих действий, которую Б. склонен компенсировать за счет рационализации своих действий, а также путем сознательного их подавления.

Постоянное ожидание угрозы со стороны порождает агрессивную реакцию среды и постоянную неосознаваемую готовность к нападению как защите от агрессии извне

Преступления, совершенные Б., имеют смысл утверждения своего физического и личностного статуса путем насильственного снижения физического и личностного статуса других людей, снятия угрозы с их стороны. При этом, как и в случае с М., другие люди есть лишь некая аморфная масса, которая символизирует угрожающую силу.

Характерно здесь то, что Б. не предпринимает активных попыток повысить свой физический и личностный статус, хотя и планирует его (хотел «привести себя в порядок»). Как показывают биографические данные, сознательные намерения не приводят к намеченной цели. В поведении доминирует бессознательная мотивация. И это понятно, так как для формирования социально адекватных адаптаций необходима адекватная самооценка, критичность, что обуславливает возможность самокоррекции поведения. Однако результаты ТАТ свидетельствуют об отсутствии этих качеств.

Адаптации формируются Б. иначе: он привлекает к себе людей, младших по возрасту, и организует разбойные нападения. Такие формы поведения для него психологически оправданы, так как позволяют ему компенсировать дефектный личностный статус и усиливают физический статус.

Проецирование угрозы вовне возникает как результат усвоения Б. отношения к нему со стороны матери.

Как было отмечено выше, для матери Б. характерно тревожно-мнительное отношение к своему сыну. Это отношение усваивается и Б., однако, в отличие от матери, для него оно не имеет своего предмета и, по существу, является иррациональной тревогой. Можно предположить, что одним из элементов мотивации преступного действия Б. является материализация, объективизация его тревожной установки, что позволяет ему преодолеть субъективно-психологическое дискомфортное эмоциональное состояние.

Последнее заключение может быть обосновано также и фактами биографии Б. Преступление совершено им спустя очень значительное время после демобилизации из армии. С другой стороны, характеристика, данная ему в колонии, весьма положительно характеризует его. Эти факты свидетельствуют о том, что, находясь в ситуации жестко определенными функциями и ограничениями поведения, Б. не демонстрирует отклоняющегося поведения, более того, доста-

точно полно идентифицирует с определенной ему ролью, включает свое «Я» в выполнение ролевых функций.

Однако, как только он оказывается вне жесткого ролевого функционирования, в ситуации неопределенного личного и социального статуса, то попадает в ситуацию декомпенсации, актуализирующую тревожно-мнительные черты личности. Взятое с этой стороны преступление, совершенное Б., выступает как способ компенсации дискомфортного состояния, порожденного акцентированием указанных выше черт.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что мотивация преступного действия Б. включает в себя следующие элементы: 1) тревожно-мнительная личностная установка, исходно не имеющая никакой материализации; 2) неопределенный личностный статус; 3) повышенная значимость своего «телесного Я»; 4) объективизация, проецирование вовне источника декомпенсации тревожно-мнительной установки; 5) неспособность к свободному самоопределению; 6) тенденция к физическому подчинению других людей как форме объективизации своего физического статуса.

Таким образом, содержанием действий Б. является жестокое избивание людей, а в структуру мотивации входит компенсация эмоционального комплекса физической недостаточности, утверждения своего «Я» путем сколачивания группы подростков-грабителей, в которой он играл роль лидера. Корысть также входит в структуру мотивации его поведения, но не имеет решающего значения.

Напомним, что на практике встречается значительное число совершенных подростками и молодыми людьми разбойных нападений, сопровождающихся жестоким избиванием жертв и гибелью вследствие этого многих из них. Вот почему познание не только корыстных мотивов совершения подобных преступлений весьма актуально.

Бессознательное в совершении изнасилований

Психологическое изучение виновных в изнасиловании показало, что для них характерны такие особенности, как импульсивность, нарушение прогнозирования последствий своих действий, неприятие социальных норм и требований, ригидность, агрессивность, присутствие аффективных установок. У многих из них нарушена способность к социальному взаимодействию², им свойственна общая неудовлетворенность своим положением в обществе, но в то же время стремление к идентификации с традицион-

мужскими качествами (доминантностью, склонностью к соперничеству, выносливостью, пренебрежением эмоциональными впечатлениями и т. д.). Психологический же смысл совершенных ими изнасилований (о чем они не задумываются) состоит в стремлении всячески утвердить себя по отношению к женщинам, т. е. в их преступных действиях в меньшей степени отражаются сексуальные мотивы, а в большей — самоутверждение. Следовательно, их сексуальная агрессия носит компенсаторный характер. Другими словами, за этим преступлением, связанным со стремлением к явному доминированию по отношению к женщине, может стоять субъективно нерешенная проблема.

Она заключается в том, что человек бессознательно ощущает склонность к противоположному по содержанию и по существу «женскому» поведению (подчиненному, пассивному), которое он стремится преодолеть, чаще всего неосознанно, чтобы соответствовать субъективным представлениям о мужских качествах, некоему образу мужчины. Разумеется, во многих случаях изнасилования совершаются в основном для удовлетворения половой потребности, что чаще всего можно наблюдать в действиях лиц, у которых такая потребность длительное время была заблокирована (солдаты срочной службы, осужденные после освобождения из мест лишения свободы и т. д.).

За грубостью и стремлением к полному доминированию при совершении изнасилований может скрываться наличие совершенно иных качеств, которые не осознаются. Наличие таких качеств подтверждается, в частности, результатами обследования данной категории насильников с помощью психологической методики Махвер «Рисунков человека». Для них характерны следующие психологические качества и реакции. Женщина как обобщенный образ, как символ воспринимается ими как враждебная, агрессивная, доминирующая. Все это является содержанием их аффективной личностной установки на взаимоотношения с представительницами противоположного пола.

Анализ данных, полученных с помощью методики Махвер, также показывает, что по отношению к женщинам насильники — представители подчиненного типа — ставят себя в зависимую, опекаемую, подчиняющуюся, пассивную позицию. Поэтому, описывая сюжеты своих рисунков (мужчин и женщин), они дают им, например, следующую интерпретацию: «Сын выпрашивает у матери деньги, а она ему не дает»; «Подросток пытается познакомиться с женщиной, но боится это сделать»; «Жена ругает своего мужа, а тот обещает ей исправиться»; «Жена, которая держит своего мужа в кулаке, а он пытается

наладить с ней отношения мирным путем» и т.п. Женская фигура на рисунках является более массивной, активной, чем мужская. Таким образом, в рисунках этой категории преступников явно отражается их подчиненная, зависимая позиция по отношению к женщинам, неуверенность в себе в аспекте взаимоотношений с женщинами: Другими словами, они ощущают себя психологически пассивными, страдают от недостатка «мужественности», а противоположный пол воспринимают как более сильный. Здесь очень много схожего с особенностями восприятия подростком своей матери, ребенком — взрослого человека. Для такого рода восприятия в первую очередь характерно наделение другого (в рассматриваемом случае женщины) чертами взрослого человека (опытность, сила, лидерство, защищенность в аспекте удовлетворения потребностей и т. п.) и ощущение себя в роли подростка или ребенка, т. е. зависимого, подчиняющегося, неопытного и т. п.

В аспекте результатов, полученных с помощью методики Махвер, изнасилования у этой категории преступников во многих случаях имеют психологический смысл «подросткового бунта» против взрослых, т. е. женщин. «Подростковая» форма агрессии по отношению к жертвам реализуется в форме насильственного полового акта. Поэтому, очевидно, изнасилование часто сопровождается избиением, жестокость которого внешне совершенно бессмысленна, преобладают извращенные способы полового акта. Из фактических обстоятельств уголовных дел и особенно после изучения личности преступника складывается впечатление, что на первом плане здесь стоит не удовлетворение сексуальных потребностей, а унижение и подавление женщины. Наличествует также сексуальная мотивация, соединение этих двух мотивов приобретает значительную стимулирующую силу.

У виновных в совершении изнасилований обычно отсутствует ясное представление о традиционно мужских и женских чертах в поведении, отношения между мужчиной и женщиной в основном ограничиваются сексуальными функциями, что свидетельствует о социально-психологической незрелости. Именно поэтому их стремление к доминированию по отношению к женщине так часто ограничивается насильственной реализацией полового акта.

На многих рисунках этой категории преступников женщина не случайно наделяется более старшим возрастом по отношению к мужчине. Исходя из анализа рисунков и их описаний обследуемыми, можно сказать, что в их содержании происходит как бы фиксация детских, подростковых представлений о взаимоотношении полов у взрослых людей.

На рисунках также прослеживается сильная фиксация на сексуальной сфере, аффективно отрицательная окраска сексуальных представлений, сексуальные мечты и фантазии.

Это подтверждается и результатом обследования совершивших изнасилования названного подчиняющегося типа с помощью методики незаконченных предложений. Здесь прежде всего находят отражение крайне негативные по содержанию, аффективно напряженные установки по отношению к женщинам. Все женщины у них выступают как «развратные», «грязные», «нелюди» и т. п. Вопросы, связанные с половыми отношениями, вызывают аффективно отрицательную реакцию. Почти все считают, что идеальных женщин не бывает и не может быть, все они одинаково плохие. Понятно, что все эти установки бессознательны.

Рисунки виновных в совершении изнасилований по методике ассоциативного рисуночного теста (АРТ) также свидетельствуют о напряженности в сексуальной сфере, о стремлении подчеркнуть наличие у себя мужских половых функций, мощь и сила которых явно преувеличена. Очень много в рисунках по названной методике и деталей, условно символизирующих женские и мужские первичные половые признаки, что обычно в таком количестве у других категорий преступников не встречается. Все это свидетельствует о том, что область межполовых отношений является у совершивших изнасилования описываемого типа конфликтной, аффективно окрашенной, а восприятие отношений между мужчиной и женщиной ограничивается половыми функциями. Социально-психологический аспект отношений, роли, взаимодействия как бы оторваны от чисто сексуальных отношений. Вот это, на наш взгляд, и может объяснить поведение лица, совершившего изнасилование, если он живет вместе с женой, боится ее и полностью во всем подчиняется ей. По ее характеристике он выступает как мягкий, доброжелательный, исполнительный человек. В то же время он, допустим, совершает изнасилование незнакомой ему женщины, жестоко избив ее и унижив. Для таких лиц характерно то, что о своей жене они отзываются положительно или, во всяком случае, нейтрально, а о женщинах вообще — крайне негативно.

Здесь, очевидно, происходит следующее. Желая себе такую личность, выбирает бессознательно в качестве прообраза своей матери. Ей он подчиняется, зависит от нее, боится. В таком поведении реализуется его социально-психологическая установка по отношению к женщинам в целом.

Жена выступает для него в роли матери, поэтому никакое насилие по отношению к ней, жестокость и доминирование невозможно.

В то же время протест против своей пассивной роли, агрессия, попытка обрести доминирование находят реализацию в его противоправном поведении по отношению к другим женщинам. В рассматриваемых случаях мы имеем дело с аффективными установками двойственного содержания, подчиненно-агрессивным по отношению к женщинам. Такой характер установок, конечно, существует не у всех совершивших изнасилования, мы его встречали примерно у половины неоднократно осужденных за половые преступления.

Рассмотрим результаты интерпретации данных по ММИЛ у виновных в изнасиловании. У них зафиксирован примитивизм в отношениях, снижение возможности сочувствия, сопереживания, сострадания и стремления понять другого. Психологический профиль свидетельствует также о том, что для них личностно значимыми являются только физические действия и поступки. Эмоциональный, а тем более этический аспект во внимание, как правило, не принимается. Можно, очевидно, сказать, что им не хватает способности к осознанию мотивов собственных действий и поэтому они не могут правильно оценить действия других. Мужчины данной категории в психологической литературе, в том числе посвященной интерпретации результатов использования ММИЛ, описываются следующими прилагательными: грубый, ординарный, самодовольный, торопливый, насмешливый, шумный, ленивый, опрометчивый, равнодушный.

Поэтому можно высказать предположение, что характерной чертой насильников вообще является наличие специфических трудностей в сексуальной приспособляемости и явных гетероагрессивных тенденциях. Очевидно, эти черты связаны в первую очередь с попыткой примитивного доминирования в отношениях с женщинами, отсутствие ориентировки на эмоциональный контекст отношений, упрощенным толкованием характера отношений между мужчиной и женщиной.

Наше наблюдение за конкретными преступниками, осужденными за изнасилование, показывает, что для большинства из них не существует проблемы персонифицированного выбора женщины да в качестве сексуального партнера, не говоря уже о ней как носителнице иных ролей, в том числе социальных. Отдельная женщина все принимается ими как женщина вообще. Часто даже такие признаю как возраст, внешность не имеют поэтому существенного значения для насильника. Этим в значительной мере объясняются, например случаи нападения в темноте на совершенно незнакомых женщин внешность которых преступник даже не успел рассмотреть.

Такое восприятие женщин, низведение их только до уровня объекта сексуальной «эксплуатации», отсутствие эмпатии по отношению к ним, ^{твям, не} **Р^еД^ко** своеобразная месть во многом могут быть поняты, если учитывать жизненный путь сексуальных преступников и особенно условия их ранней социализации в родительской семье. Беседы с осужденными за изнасилования показывают, что большинство из них не имели надлежащих эмоциональных контактов с матерями. Последние проявляли доминирование, жесткое руководство в отношении своих детей, еще чаще эмоционально отвергали их.

Для осужденных за изнасилования характерны такие рассказы об отношениях с матерями: «Мать меня никогда не ласкала, я чувствовал, что бабушка любила меня намного больше, чем она»; «Я был послушным, но тем не менее мать меня часто незаслуженно наказывала, била, не покупала подарки. Подарки делали брату»; «Доверительных отношений с мамой у меня не было, сестру любили больше»; «Мать очень строго следила за мной, ничего не прощала» и т. д.

Подобное отношение не могло не вызвать эмоционального отчуждения от матери, которое закреплялось в личности и начинало затем выступать в качестве общей установки к женщинам. Последние субъективно стали восприниматься как чуждые, враждебные, доминирующие, несущие в себе разрушительную и унижающую силу. Мы полагаем, что именно в этом заключается изначальная причина негативного отношения к женщине в целом. Такая установка носит, как правило, бессознательный характер.

Подводя итоги общей характеристике личности насильника, можно выделить следующие психологические качества, присущие большинству из них: 1) импульсивность, нарушение прогнозирования последствий своих поступков, неприятие социальных норм и требований, высокий уровень тревожности, ригидность и аффективность в сочетании с плохой приспособляемостью, отчуждением, дезадаптированностью; 2) бессознательное ощущение своей ущербности, недостаточности во взаимоотношениях с женщинами, неуверенность в себе; 3) снижение возможности сопереживания, слабое самосознание, нарушение сексуальной приспособляемости и отсутствие персонификации в выборе сексуального партнера; 4) стремление к утверждению себя во взаимоотношениях с женщинами, восприятие их как потенциально агрессивных, подавляющих, стремящихся к доминированию.

Отношения с матерью на отношение к женщинам вообще наиболее рельефно проецируются в преступных действиях насильников так

называемого «охотящегося» типа¹. К представителям этого типа носят лица, которые совершают преступные сексуальные действия в отношении незнакомых женщин. Они нападают внезапно (на улице, в подъезде, сквере и т. д.), очень часто сзади, стараясь силой сразу преодолеть сопротивление потерпевшей. Обычно такие преступники заранее поджидают жертву или ищут подходящую ситуацию, в которой можно было бы осуществить насилие. Их поведение образно можно сравнить с действиями охотника, поджидающего или выслеживающего свою добычу и ищущего подходящий момент для нападения. Агрессивные действия с целью изнасилования обычно включают избиения, иногда довольно жестокие, активные попытки физическим путем мгновенно сломить сопротивление женщины.

«Охотники» редко отбирают у потерпевших ценности или деньги. Вину в совершенном преступлении они обычно признают, так как не могут, в отличие от других категорий осужденных за изнасилование, сослаться на то, что жертва не оказывала сопротивления и добровольно вступила в половой контакт с ними. Это очевидно связано с тем, что они совершают нападения на ранее незнакомых женщин и, более того, преступлению не предшествовал какой бы то ни было контакт с потерпевшей.

Два момента в агрессивном поведении «охотников» являются ключевыми для характеристики их личности: 1) нападение с целью изнасилования направлено только на незнакомых женщин; 2) внезапность применения физического насилия (преступник как будто избегает любой иной формы контакта, даже возможности столкнуться взглядом с потерпевшей).

Несколько необычным с позиций содержания и тяжести совершенного преступления оказывается и характеристика субъекта преступления. Большинство из обследованных нами имеют семью: жену, детей. Своих детей они любят или в худшем случае безразличны к ним. К жене в основном относятся положительно или нейтрально. В то же время в отношении других женщин испытывают отрицательные эмоции, отзываются о них пренебрежительно, считают безнравственными, способными на любую подлость. Вообще, как уже отмечалось, негативная позиция по отношению к женщинам типична для всех насильников, а не только для «охотников». После взятия под стражу за изнасилование и даже после отбытия наказания, их отношение к женщинам если и изменяется, то только в худшую сторону, поскольку они их начинают воспринимать в качестве причины того, что их лишили свободы.

¹ Подробнее см.: *Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н.* Изнасилование: причины и предупреждение. — М., 1990. С. 84—159.

Поскольку рассматриваемый тип преступников в психологическом отношении, особенно в аспекте мотивации, является крайне сложным изучением, большое значение мы придавали использованию специальных психологических методик и результатам, полученным с их помощью. Дело в том, что «охотники» полностью не осознают мотивов своих поступлений, а сам мотив является настолько глубинным и сложным, что его только с помощью беседы крайне трудно выявить, а в большинстве случаев и невозможно. В связи с этим результаты применения методик, в том числе приведенных нами выше, могут рассматриваться в качестве исходных для характеристики рассматриваемого типа насильников.

По своим психологическим свойствам все лица, относящиеся к категории «охотников», являются однородными. Это особенно ярко проявляется по результатам применения теста Маховер «Рисунок человека». Мужскую фигуру они рисуют меньшую по размерам, чем женскую, и явно моложе. Причем мужчина по смыслу рассказанного сюжета находится в зависимой и страдающей от женщины позиции. Такой рисунок говорит об эмоциональной зависимости мужчины от женщины, наличии чувства неполноценности в межполовых контактах¹.

Себя такие преступники идентифицируют, судя по рисункам, с подростком или мальчиком, а если это взрослый мужчина, то занимающим по отношению к женщине пассивно-страдательную позицию. Поскольку рисунок мужской фигуры наделяется возрастом существенно меньшим, чем возраст самого обследуемого, т. е. аутоидентификация происходит с более младшим возрастом, то можно говорить об эмоциональной фиксации на этом возрастном (подростковом) периоде и соответственно наличии личностной незрелости. Косвенным подтверждением является то, что одежда в рисунках женщин бывает часто полностью или частично прозрачной, а это может свидетельствовать о присутствии вуайеристических тенденций, т. е. о свойственной юношескому возрасту фиксации на представлениях, связанных с обнаженным женским телом.

То, что женская фигура рисуется в большей степени материнской, существенно старшей по возрасту, а не как сексуальный объект, к тому же она является более крупной по размеру, можно расценить как наличие неосознанной фиксированной эмоциональной зависимости от матери. Причем женщине приписывают больше силы, она более активна, ведет и направляет мужчину, доминирует в социальной среде и,

¹ По мнению автора теста К. Маховер, рисунок человека одного пола с обследуемым отражает точку зрения субъекта на свою собственную персону и Концепцию своей сексуальной роли.

естественно, в семье. Более того, из рисунков следует, что такие личности испытывают страх перед женщиной, а в ее присутствии чувствуют себя постоянно неуверенными в себе, подчиняющимися.

Перейдем к непосредственному анализу мотивов изнасилования у этой категории сексуальных преступников. Для этого необходимо предварительно рассмотреть ряд теоретических положений.

В соответствующем возрастном периоде для любого мужчины женщина выступает в материнской роли. Поэтому в зрелом возрасте в аспекте контактов с другими женщинами отношения с матерью для него являются ключевыми. Особенности сложившихся отношений с матерью в детстве и подростковом периоде в дальнейшем являются основой, часто полностью определяющей общение с женщинами, их восприятие, оценку, свою позицию к ним и даже итоговый результат взаимоотношений. Иными словами, семья и особенности сложившихся в ней взаимоотношений в детском и подростковом возрасте могут являться своеобразным психологическим каркасом, на основе которого возникает установка на определенный характер контактов с другими женщинами. Причем сформированные таким образом установки могут являться детерминирующими и для выбора сексуального партнера, и для характера семейных отношений. Подобные установки помогают осуществить выбор будущего партнера по его психологическим признакам.

Другими словами, в отношениях с женщинами, и прежде всего в супружеских, очень часто мужчины стараются воспроизвести, естественно неосознанно, ту матрицу эмоциональных и ролевых функций, которые соответствовали бы характеру и специфике связи с матерью. Например, мужчины, которые имели в детстве доминирующую, властную мать, контролирующую каждый шаг, и безвольно подчиненного отца, очень часто в супружеских отношениях бессознательно воссоздают свою раннесемейную ситуацию: занимают место отца и выбирают в качестве жены женщину, похожую по своим психологическим характеристикам и поведению на мать. Тем самым они практически полностью воспроизводят характер взаимоотношений, который существовал в их родительской семье между отцом и матерью.

Мы хотим подчеркнуть, что хотя раннесемейная ситуация сама по себе является основой для формирования отношений с женщинами, она, конечно, не полностью детерминирует их. Окончательным определяющим звеном для структуры контактов с женщинами являются первые сексуальные связи мужчины и полученный в связи с этим опыт, а также результат этих отношений: чем и как они завершились. И, ко-

нечно, большее значение имеет не объективный результат, а то, как „нутренне, психологически это было пережито и воспринято человеком, какой личностный смысл имели для него пережитые события.

«Охотники» психологически очень мощно слиты с матерью или ее образом и продолжают эмоционально зависеть от необходимости такого рода симбиотических отношений, испытывая потребность в их постоянном воссоздании. У этой категории преступников не произошло «психологического рождения» в качестве автономной личности с самостоятельными адаптацией и установками. Поэтому-то у них и нарушена идентификация с мужской ролью, которая предполагает личностную и эмоционально-ролевую независимость.

Можно сказать, что у насильников из числа «охотников» не произошло эмоционального отрыва от матери, они как бы задержались на подростковой стадии развития эмоциональных связей. Именно поэтому в качестве жены они неосознанно выбирают женщин, идентичных по своим качествам их матерям. Тем самым такие лица как бы воспроизводят структуру семейных отношений, которые существовали у них с матерью или человеком, заменившим ее. Жена, таким образом, условно, на психологическом уровне заменяет мать (а иногда и мать поддерживает личностно-эмоциональную зависимость), а они продолжают, несмотря на вступление в брак, сохранять стремление к эмоциональной зависимости, не обретая самостоятельности и психологической обособленности.

Основным личностным дефектом этой категории преступников, по нашим данным, является сохранение эмоциональной зависимости не только от матери или жены, но и в силу трансформации этого качества от женщин вообще. Поскольку они не обрели личностно-эмоциональную автономию, то в своих отношениях с женщинами постоянно воспроизводят фиксированные эмоциональные установки, направленные на воссоздание материнско-детской зависимости и соответствующего эмоционального слияния с женщиной, характерного для такого рода отношений. На этом и строится их адаптация. Подчеркнем, что личностная тенденция не является осознаваемой. Отметим также, что вступление в брак, который мог бы способствовать обретению эмоциональной самостоятельности и «психологическому рождению», не решает в их случае этой проблемы. Жена осуществляет доминирующую, опекающую роль,^а они продолжают оставаться в зависимой, пассивной позиции.

Таким образом, для «охотников» характерно фактическое нарушение поло-ролевой аутоидентификации. Образно говоря, они бессознательно не воспринимают себя в роли мужчины как автономного чело-

века, способного к самостоятельному существованию вне специфической эмоциональной связи с какой-либо женщиной. Буквально можно сказать, что они ощущают себя так, как ребенок ощущает себя частью матери, как бы частью той женщины, с которой они вступают в характерное взаимодействие, до такой степени здесь может быть сильна эмоциональная связь. Подчеркнем, что подобные мощные по интенсивности связи всегда приводят к затруднению усвоения мужской половой роли. Естественно, это находит отражение и в других ролевых функциях: социальной, социально-психологической, моральной и т. д.

Поэтому в качестве мотива совершенного преступления у этой категории преступников выступает стремление к преодолению преимущественно психологического доминирования женщин вообще, а не конкретных лиц. Психологическая задача, решаемая в акте изнасилования — стремление резко идентифицироваться с мужской половой ролью через насилие над женщиной, попытка обрести личностно-эмоциональную автономию, осуществить «психологическое рождение» за счет уничтожения зависимости от женщин, которые по отношению к нему, с его позиции, реализуют материнскую функцию. Поэтому изнасилование имеет личностный смысл доминирования с целью преодоления имеющейся симбиотической связи с другим полом.

Может юзникнуть вопрос: почему такого рода личностная задача решается путем обретения полового доминирования над ранее незнакомой женщиной, а не в семье, в отношении жены (или сожительницы). На наш взгляд, это связано с тем, что в отношениях с женой, как уже отмечалось, воссоздается раннесемейная матрица эмоциональной зависимости и соответствующего распределения. Поэтому жена (или сожительница) выполняет детерминирующую, направляющую роль, осуществляя в эмоциональном аспекте материнские направляющие и доминирующие функции. |

В своих супружеских отношениях в связи с выбором доминирующей партнерши такие лица еще больше закрепляют свою психологическую зависимость от женщин. По всем внешним и внутренним признакам совершенное ими преступление напоминает по характеру аффективный или эмоциональный взрыв. И это не случайно. Дело в том, что у этой категории преступников, по результатам наших исследований, очень сильное влияние на поведение оказывают психофизиологические индивидуальные особенности. Поэтому сексуальная потребность носит аффективно насыщенный характер. Любые жизненные коллизии существенно повышают у них напряженность в эмоционально-потребностной сфере.

К тому же они слабо контролируют сферу влечений, их поведение является мало опосредованным внутриличностным содержанием: ценностями, нормами, социальными установками. Именно в связи с этими чертами агрессивные сексуальные действия у «охотников» выступают как мощный выход потребностного напряжения, которое они не могут контролировать. Таким образом, совершаемое преступление помимо того личностного смысла, о котором говорилось выше, имеет характер и значение психофизиологической разрядки длительно напряженной и сдерживаемой потребности. Отсюда внезапность нападения, сильные удары, полная концентрация внимания на объекте нападения. Часто они не воспринимают происходящее вокруг, это приводит к тому, что их во многих случаях задерживают на месте преступления.

В аспекте сказанного становится понятным, почему такие преступники совершают нападения только на незнакомых женщин, более того, избегают всяческого предварительного контакта с потерпевшей. Дело в том, что любой предварительный контакт, даже кратковременный, приводит к актуализации характерных для них эмоциональных реакций (эмоциональных паттернов (установок) реагирования), и они мгновенно попадают в зависимость от женщины.

Естественно, если контакт произойдет, изнасилование практически невозможно. С позиций психоаналитической теории на внутриличностном неосознанном уровне это имело бы смысл, аналогичный изнасилованию собственной матери. Именно поэтому они внезапно нападают на незнакомых женщин.

Определенную роль в совершении половых преступлений «охотниками» играет и то обстоятельство, что в такой момент они обычно находятся в состоянии сниженного психологического статуса, психической дезадаптации, т. е. их внутреннее равновесие нарушено. Это вызывается внешними причинами, например ссорой или изменой жены, неприятностями на работе, сильным алкогольным опьянением и т. д. Такого рода факторы приобретают стимулирующее значение в связи с плохой саморегуляцией.

Отметим, что совершение изнасилований этой категорией преступников не приводит их к разрешению внутриличностных проблем и, даже более того, действует личностно разрушающе, поскольку происходит психологическая деградация (регрессия). Поведение впоследствии в еще большей степени начинает определяться сферой влечений и инстинктов, пищевыми и сексуальными потребностями. Можно предположить, что из-за неудачной попытки обретения эмоциональной отделенности™

путем насильственного сексуально-ролевого доминирования они регрессируют, образно говоря, опускаясь на еще более ранний этап личностного развития: на «детский» уровень с «подросткового», используя при этом примитивные способы психологической защиты. Например, у них наблюдается усиление влияния на поведение биологических потребностей в ущерб социализированному. В итоге идентификация с мужской ролью (внутренним статусом) просто становится неактуальной в связи с регрессией и личностной деградацией.

На эту категорию насильников необходимо обратить особое внимание со стороны исследователей и правоохранительных органов, поскольку именно среди них в силу психологических дефектов высок специальный рецидив. Приведем характерный пример их преступного поведения и подробно проиллюстрируем описанные выше психологические особенности и мотивацию поведения.

Осужденный Ф., 30 лет, ранее судим. Совершил три изнасилования и одну попытку изнасилования. Женат, имеет одного ребенка, проживал вместе с женой. Окончил техникум. Служил на флоте мичманом. В последнее время работал токарем. Свою вину полностью признает.

Первое преступление совершил при следующих обстоятельствах. Около 23-х часов возле своего дома увидел женщину, решил совершить с ней половой акт и потому пошел следом. Пройдя несколько домов, остановил женщину, схватил ее за шею, повалил на землю и стал избивать по лицу и голове, требовал, чтобы она перестала кричать. Потом за волосы потащил ее в огород, где продолжал избивать, угрожать, совершил изнасилование. Со слов потерпевшей, в огороде забивал ей рот землей, требовал, чтобы она не кричала, иначе «пырнет ножом», и, несмотря на активное сопротивление, изнасиловал. Потерпевшей причинены легкие телесные повреждения. Это произошло 2 апреля 1987 г.

27 апреля того же года Ф. около 23-х часов возле кладбища встретил С, возвращавшуюся с работы домой. Догнал ее, ударом ноги сзади сбил на землю, затем кулаком стал наносить удары по лицу и голове. Поскольку потерпевшая кричала, приставил к ее металлическую пластину и заявил, что зарежет. Преодолев сопротивление потерпевшей, потащил ее на кладбище, где пытался совершить с ней половой акт, но не смог его осуществить по физиологическим причинам и отпустил. Потерпевшей причинены менее тяжкие телесные повреждения.

1 июля того же года около 24-х часов Ф., находясь в другом городе, увидел девушку 17 лет, которая одна шла по улице, и пошел за ней. Догнав, предложил идти с ним, чтобы совершить половой акт. Получив отказ,

ударил потерпевшую бутылкой по голове, затем схватил за волосы и потащил в поле. Там повалил на землю, угрожал убийством. Преодолев сопротивление, совершил половой акт. Потом повел ее дальше от города и повторно, с применением насилия, вновь совершил половой акт. Потерпевшая постоянно говорила ему, что является несовершеннолетней, что ей 17 лет и просила отпустить ее. В результате насилия ей причинены легкие телесные повреждения. Очень интересен по этому эпизоду с психологической точки зрения следующий момент: Ф. назначил потерпевшей свидание на следующий день в условленном месте, где и был задержан сотрудниками милиции. Интерес представляет и то, что Ф. о втором эпизоде рассказал сам, поскольку потерпевшая заявления не подавала.

Ф. родился в благополучной семье, имел обоих родителей, брата и сестру. Отец по характеру человек твердый, обязательно добивался желаемого. Любил порядок, был очень строгим, но физически сына никогда не наказывал. Алкоголем не злоупотреблял: работал шофером. С отцом Ф. общался гораздо реже, чем с матерью, поскольку тот часто отсутствовал. Мать, как рассказывает Ф., была немного помягче, чем отец, но тоже отличалась твердостью характера и жесткостью в общении. Отношения в семье строились, по его словам, нормально, крупных ссор и конфликтов между родителями не было. Можно сделать вывод, что отец и мать у Ф. отличались твердостью характера, были достаточно суровы в обращении с ним, он им полностью подчинялся, боялся их.

Ф. окончил 8 классов, учился в целом хорошо, затем окончил техникум и был призван в армию. В школе, техникуме и армии отличался дисциплинированностью и прилежанием. После окончания срочной службы остался служить мичманом.

Когда ему был 21 год и он учился в школе мичманов, познакомился со своей будущей женой. Около года встречался с ней, а затем женился. К этому времени умер его отец. По словам Ф., у него с женой были сначала очень хорошие, спокойные отношения, не ругались, не ссорились. Через год после свадьбы родился мальчик. Продолжая служить мичманом, переехал с женой на Дальний Восток. Через три года после рождения сына, в 1982 г., неожиданно совершил хулиганские действия и был осужден на 4 года лишения свободы. По его словам, это была драка у своего дома с человеком, который, как он предполагал, встречался с его женой. В период отбывания наказания жена навещала Ф., и после освобождения, в конце 1986 г., он приехал к ней, восстановив супружеские отношения.

Ф. пробыл на свободе около полугода и совершил те преступления, которые описаны выше. Они, как и первое преступление, ка-

жуются нелогичными на первый взгляд, но для их понимания необходимо тщательно проанализировать ряд обстоятельств, чтобы понять что эти преступления субъективно были закономерны.

В беседе Ф. крайне неохотно отвечал на вопросы, которые касались совершенных им преступлений и отношений с женой. Бесспорно, он очень любил свою жену, подчинялся ей, отдавал всю зарплату, она очень много значила в его жизни, особенно после отбытия наказания за хулиганство, учиненное им в связи с ее неверностью. После освобождения Ф. узнал, что пока он отбывал наказание жена изменяла ему, была неверна и после возвращения. Поэтому отношения с женой не сложились, хотя он надеялся на такую же счастливую жизнь, как в первые годы брака.

Ф. по характеру достаточно мягкий человек, легко подпадает под влияние, подчиняем. Жена, судя по всему, человек жесткий и властный, доминировала в семье. Ф. даже немного побаивался ее решительного характера. Сам Ф. — человек достаточно общительный, уровень начитанности и культуры средний, хороший исполнитель. По его рассказам, а также по поведению в исправительной колонии, можно судить, что он дисциплинирован, легко входит в контакт, обходительный. У администрации колонии пользуется доверием, является материально ответственным лицом на работе. В присутствии начальства заметно его желание услужить, выполнить задание, показать исполнительность. Никаких признаков агрессивности, упрямства и враждебности, наоборот, очень вежлив, часто мягко улыбается, легко идет на контакт. Внешность «нормальная», никаких физических дефектов у него нет. В совершенном преступлении раскаивается, винит только самого себя.

Любит вспоминать о службе. Рассказывал, что когда был в форме, то часто опаздывал на работу, так как в час пик не мог сесть в автобус, считая, что форма накладывает определенные обязательства и требует вести себя в общественном месте очень вежливо, показывая другим пример.

Этот факт лишний раз свидетельствует о мягкости характера Ф., его подчиняемое™, т. е. о всех тех характеристиках, которые приводились выше. Из этого же примера видно, что пойти на первое преступление, за которым, естественно, могла последовать потеря такой личностной ценности, какой для него являлась военная служба^Ф. мог только в крайне экстремальной ситуации.

Отношение с женщинами, точнее с женой, для него являлось на и » более личностно чувствительным и значимым аспектом бытия, на и j более психологически уязвимым местом. Нарушение соответствующих отношений могло привести его в такое состояние, когда был снят

самоконтроль и бессознательно стали действовать психологические механизмы, обычно скрытые и внешне не проявляемые.

Чтобы обнаружить психологические механизмы, которые привели Ф. к первому и особенно ко второму преступлению, необходимо проанализировать данные психологических тестов.

По данным теста Люшера, для Ф. эмоциональная сторона отношений имеет большое значение и фрустрация эмоциональных потребностей способна вызвать стресс. Более того, страх невозможности достичь того, к чему он стремится, может приводить его к беспокойным, хаотичным поискам удовлетворения эмоциональных потребностей и снятия стресса в какой-либо заместительной, иллюзорной или бессмысленной деятельности. Для него большое значение имеет удовлетворение сексуальных потребностей. Сексуальные отношения служат основой попадания в жесткую зависимость от женщины.

У Ф. можно отметить и такие черты, как неуверенность, нерешительность. Стрессовая ситуация, особенно если она связана с эмоциональным аспектом взаимоотношений, для него психологически непереносима. В таких случаях он стремится к выходу из ситуации любым способом, даже явно неадекватным.

По данным АРТ, можно отметить, что Ф. является не очень внимательным человеком. Его ориентировка в жизненных ситуациях может быть неполноценной в связи с тем, что он способен пропускать некоторые элементы реальности и, более того, может привносить в ситуации не соответствующие им собственные построения. Отсюда можно сделать вывод: Ф. склонен внезапно попадать в стрессовые для себя ситуации, к которым он неподготовлен, а это способно привести его к дезориентации. Агрессия как черта характера у него отсутствует. Поведение его может стать агрессивным только вследствие психической дезадаптации в условиях фрустрирующей ситуации. Личностным смыслом такого поведения является защита от ситуации путем выхода.

В социальных взаимоотношениях это достаточно мягкий, уступчивый человек, не стремящийся к лидерству. В обычных условиях он является законопослушным и не способен выйти за рамки общепринятых норм. У него очень сильная фиксация на сексуальной сфере, где одновременно сочетаются парадоксальные, противоречивые свойства: стремление к сексуальному доминированию во взаимоотношениях с женщинами и одновременно подчинение, уступчивость. У Ф. очень сильное сексуальное влечение, фиксация на половых отношениях, но это сочетается со стремлением, чтобы кто-то другой (партнерша) был

определяющим и направляющим в этих отношениях. Можно сказать что здесь стремление к сексуальному доминированию выступает в комплексе с эмоциональным подчинением и зависимостью от женщины. Такое сочетание психологических качеств является основой для образования чувственных симбиотических связей с партнершей, разрыв которых приводит к внезапной дезадаптации и поиску любого выхода из внутренней эмоционально непереносимой ситуации.

Для Ф., если исходить из данных теста Люшера, таким выходом могут служить деструктивные действия, направленные на женщин.

Представление о себе, «Я-концепция» у Ф. отличается такими качествами, как мягкость, подчиняемость, уступчивость, а на глубинном внутреннем уровне он в большей степени отождествляет себя с традиционно женской, а не мужской ролью. Интересно также отметить, что, по данным АРТ, он теряется в неустойчивых, конфликтных ситуациях, особенно если они объективно отличаются неопределенностью, это может приводить к нетрадиционным для него поступкам. Другими словами, неустойчивая ситуация может легко приводить Ф. к дезадаптации и к активному поиску выхода из нее любым путем.

По результатам применения методики Махвер «Рисунок человека» прежде всего хотелось бы отметить у Ф. нарушения полоролевых функций. Женщина для него субъективно выступает как более доминирующая, определяющая и активная, является психологически и даже физически более сильной. Она на рисунке в большей степени отождествляется с материнской ролью. Себя Ф. воспринимает субъективно более слабым, пассивным, подчиняющимся по отношению к женщине. На внутреннем психологическом уровне в межполовом взаимодействии у Ф. идет отождествление себя скорее с мальчиком-подростком, чем с мужчиной. Можно сказать, что у него очень сильно нарушена идентификация с традиционно мужской ролью. Более того, он даже испытывает робость перед женщиной и боится вступить с ней в контакт, отсюда вытекает его подчиненная позиция в межполовом взаимодействии. По данным этой методики, можно также отметить наличие мощной фиксации на сексуальных проблемах и напряженность полового влечения. Если у Ф. устанавливаются отношения с какой-либо женщиной, то они имеют характер эмоционального слияния, аналогичного взаимоотношениям матери и ребенка, т. е. в отношениях с женой он, очевидно, повторил отношения с матерью. Поэтому-то разрыв, особенно внезапный, симбиотических отношений мгновенно приводит к дезадаптации и психологически непереносимому состоянию эмоциональной катастрофы.

Ф. Это аналогично, например, тому, если бы его родная мать внезапно ушла от него, разорвала бы отношения со своим сыном-подростком, который абсолютно несамостоятелен, неприспособлен к жизни без ее психологической поддержки. Поэтому можно сделать вывод, что для Ф. разрыв отношений с женой, тем более, что он произошел неожиданно и по ее инициативе, имел субъективный смысл личной катастрофы, эмоционально был чрезвычайно болезненным и не мог не вызвать дезадаптации, которая, естественно, привела к активизации патологических психологических механизмов и соответствующих поступков.

Все это имело субъективный смысл выхода из эмоционально непереносимой ситуации способом, который в принципе не свойственен для Ф. Он совершает изнасилования незнакомых ему женщин, но в этих нападениях в большей степени присутствует реализация агрессии, стремление унижить объект, прежде всего как женщину, поставить в зависимую позицию и тем самым уничтожить, обесценить объект, который субъективно воспринимается как источник психотравмы. Субъективно здесь решается и другая психологическая задача — обретение личной автономии, независимости за счет уничтожения своего прежнего восприятия женщины, изменение личностного смысла сформированного способа сексуально-ролевого взаимодействия.

Ф. достаточно амбивалентен, двойственен в отношениях с женщинами и восприятии их: с одной стороны, мощная сексуальная потребность, предполагающая половое доминирование, а с другой — эмоциональная зависимость и подчиняемость. В состоянии дезадаптации, которое возникло в результате разрыва отношений с женой, способом выхода из ситуации на первый план вышла потребность сексуального доминирования, поскольку она является биологически более мощной. Дезадаптация, что очень важно, приводит также к снятию привычного самоконтроля, освобождению от социальных ограничений и норм, снятию эмоциональной зависимости от женщин. В момент сексуального преступления такой насильник является психологически наиболее свободным.

Конечно, возникает вопрос, почему Ф. реализовывал агрессию в отношении незнакомых женщин, а не своей жены? Здесь мы имеем дело, очевидно, с действием психологического механизма «переноса». В этих случаях эмоции, чувства и даже действия как бы переносятся, реализуются по отношению не к той личности, к которой действительно обращены, а к другой. Подчеркнем: это прежде всего бессознательное явление, и личность не осознает подобный процесс. Перенос произошел, по-видимому, в связи с тем, что Ф. не мог реализовать аг-

рессию по отношению к своей жене, поскольку она доминировала над ним, имела для него особое жизненное значение. Симбиотическая связь Ф. с женой настолько сильна, что на психологическом уровне была отождествлена связи ребенка с матерью. Поэтому, несмотря на неблагоприятные отношения с женой, Ф. не мог реализовать агрессию по отношению к ней. Напомним, что и в первый раз Ф. был осужден за избиение мужчины, которого подозревал в связи со своей женой. Иными словами, проявил агрессию не к ней, а к другому.

Можно сделать вывод, что изнасилования незнакомых женщин имели для Ф. бессознательный субъективный смысл: унижение женщины как таковой и тем самым разрушение субъективного значения женщины для себя, обретение эмоциональной независимости и автономии. Очень важным для Ф. в плане решения такой психологической задачи была логика привычного отношения к женщине и создание для себя эмоционально отталкивающего эффекта в восприятии ее образа. Совершая изнасилования, Ф. разрушал имеющееся у него восприятие женщин и сложившееся к ним отношение, привычные способы реагирования и поведения в сексуальных контактах. Если внимательно прочитать фабулу совершенных Ф. сексуальных преступлений, то видно, что он в буквальном смысле этого слова пытался «смешать женщину с грязью»: забивал потерпевшим рот землей, возил по земле лицом за волосы и т. д.

Для характеристики личности Ф. имеет значение такой его поступок, как назначение свидания на следующий день с последней из потерпевших. Совершенно очевидно, что Ф. таким способом добровольно, правда полностью не осознавая этого, отдал себя в руки правоохранительных органов. Возможно, что такой его поступок имел смысл окончательного разрыва с женой. Он свидетельствует и о том, что путем совершения изнасилований Ф. не добился перелома в своих личностных качествах и отношениях в сексуальной сфере, т. е. не решил неосознаваемой им психологической задачи, которая стояла за совершенными преступлениями.

Можно обоснованно предположить, что практически добровольно отдавая себя в руки правосудия, Ф. тем самым возвращался к привычной для себя личностной позиции: зависимости, подчиняемости, стремлению к опеке и определению другими собственного поведения. Необходимо учесть, что он потерпел катастрофу уже тогда, когда освободился от наказания за первое преступление, поскольку не смог занять желаемую личностную позицию ни в социальном пла-

не» поскольку был уволен с флота, ни в семейном, поскольку жена не возобновила с ним прежние «счастливые» отношения.

О том, что Ф. в результате совершенных преступлений не изменил своей жизненной позиции и своих установок, свидетельствует и тот факт, что на следствии он признался в совершении изнасилования, о котором не было известно. Здесь проявилось такое качество Ф., как стремление полного подчинения и доверия к более «сильным», дисциплинированность и привычка к определенному типу социальных взаимоотношений, которые имеют место на военной службе.

Бессознательные мотивы изнасилований обнаружены нами у преступников, тип которых можно назвать «регрессивным» потому, что в их действиях происходит либо условный возврат в прошлое субъективно комфортное эмоциональное состояние, либо уход от более сложных сексуальных отношений со взрослыми женщинами к более простым с подростками. К этой категории преступников мы относим тех, которые совершают изнасилования девочек в возрасте от 7 до 14 лет. Изнасилования чаще всего осуществляются извращенными способами в сочетании с развратными действиями, встречаются и сопряженные с тяжелыми для потерпевшей физическими последствиями. Сюда же мы относим и те случаи, когда отец вступает в насильственную половую связь со своей несовершеннолетней дочерью. Объединить всех этих преступников в один тип позволили данные психологических исследований, на которых мы подробнее остановимся ниже.

У этой категории преступников изнасилования могут сопровождаться прямым физическим подавлением потерпевшей, но чаще половой контакт осуществляется благодаря обману. Сам преступник может при этом находиться в состоянии сильного алкогольного опьянения, но обычно совершает действия, полностью осознавая их. В беседе при выяснении обстоятельств совершенного преступления они пытаются оправдать свои действия или хотя бы как-то объяснить приемлемо для других людей. Преступники этой категории, в отличие от большинства других осужденных за изнасилования, относительно редко по вполне понятным причинам ссылаются на то, что они являются жертвой сексуально-провокационных действий со стороны потерпевшей.

Иногда преступление носит характер мощной аффективной вспышки, связанной с конкретными жизненными обстоятельствами. Но, пожалуй, чаще мы имеем дело с сознательно осуществляемыми действиями, мотив которых тем не менее остается бессознательным. Нередко встречаются случаи, обычно между отцами (отчимами) и до-

черьми (падчерицами), когда первый насильственный половой контакт переходит в постоянные, систематические половые отношения.

Лица, совершающие изнасилование девочек, как правило имеют собственную семью или постоянного полового партнера — взрослую женщину. Но общим для всех такого рода преступников является то, что половой контакт с женой или любой другой взрослой женщиной не приносит им сексуального удовлетворения либо же является для них по тем или иным причинам невозможным.

Это может быть связано со слабостью сексуального влечения мужчины, с сексуальной холодностью партнерши, к которой тем не менее он психологически очень привязан и от которой эмоционально зависит, или же с имеющимися у него деформациями сексуального влечения. Как правило, у отдельного преступника рассматриваемого типа наличествуют все или почти все названные особенности.

Важным отличием этого типа преступников по объективной стороне является то, что они, как правило, стремятся сделать так, чтобы совершаемые ими преступления не получили огласки: запугивают потерпевших угрозами физической расправы, следы, связанные с половым контактом, прячут или уничтожают, скрывают факт полового акта от близких друзей и родственников.

В качестве причины педофилии, как и большинства других половых извращений, психиатры и сексopatологи называют нарушения или недостаточную дифференцированность полового влечения. Обычно это связано с задержкой на детской стадии развития (психосексуальный инфантилизм) тех аномальных форм полового удовлетворения, в которые по той или иной причине, чаще совершенно случайной, вылились ранние детские переживания конкретного лица. В современной сексopatологии разрабатывается системно-синдромологический подход. Концепцией, на которой основывается выяснение патогенеза и терапии сексуальных нарушений, является концепция партнерства, в соответствии с которой мужчина и женщина рассматриваются как единая структура для терапии сексуальных расстройств

В основе сексуальных девиаций рассматривают в качестве причин совокупность трех факторов: биогенных, психогенных и социогенных. Существует целый ряд теорий, объясняющих сексopatологические нарушения.

Вместе с тем психиатрические, сексopatологические исследования не способны в полной мере раскрыть всю сложность причин грубых нарушений сексуального поведения, в первую очередь потому, что он

не могут дать ответ на вопрос о мотивах таких нарушений. Это задача психологического, в частности патопсихологического, изучения.

По итогам исследований мы выделили среди совершивших изнасилования девочек следующие три подтипа по ведущему мотиву преступного поведения. К первому можно отнести лиц, имеющих определенную эмоциональную фиксированную установку на девочек, возникшую в связи с сильными сексуальными переживаниями, имеющими место в определенный подростковый период (обычно в 10—14 лет)¹. Ко второму можно отнести тех преступников, которые в этом же возрасте имели дефицит общения со своими сверстниками или оно отсутствовало вообще. Это привело к своеобразному дефекту в их психологическом развитии, что и послужило основой для формирования мотивации на изнасилование девочек, которое выступает здесь как психологический компенсаторный акт. В качестве третьей особой группы мы выделили отцов, которые изнасиловали своих дочерей. Это связано с тем, что в таких случаях мы обнаружили крайне сложную мотивацию, связанную с переносом взаимоотношений с жены на дочь.

Применение рисуночного теста Махвер позволило получить следующие результаты особенностей взаимоотношений с женщинами у этой категории преступников. Женщина воспринимается ими как сексуально и социально враждебная. На рисунках она занимает враждебно-агрессивную позицию по отношению к мужчине с явными признаками доминирования. Практически во всех случаях на рисунках отражается имеющий место социально-ролевой и сексуальный конфликт. Для таких преступников характерны нарушения представлений о традиционно «мужских» и «женских» сексуальных ролях. Для них в роли мужчины значима прежде всего зависимость, пассивность, слабый контроль над влечениями, недостаток уверенности в социальных отношениях и ощущение своей неполноценности. Ярко выражен конфликт в связи с трудностями контроля своих сексуальных влечений, много неудовлетворенных потребностей. В то же время на многих рисунках прослеживается проблема, связанная со стремлением обрести доминирование и сексуальный приоритет. Можно предположить также, что у таких преступников, во всяком случае у значительной их части, сильная идентификация со своей матерью, что выражается в мощной психологической зависимости от женщины. Наиболее общей характеристикой для всех преступников является такое свойство, как нарушение приспособления к окружающему миру и неумение строить межличностные отношения.

Этот феномен описан в романе В. Набокова «Лолита».

По другой рисуночной методике (АРТ) у этой категории преступников прежде всего выявляется сильная фиксированность на сексуальной сфере и фрустрация в ней. Обращает на себя внимание также и то, что они пассивно ведут себя в различных неустойчивых конфликтных ситуациях и неспособны к их радикальным решениям. Такие лица не обладают и адекватной ориентировкой в различных жизненных ситуациях, особенно в тех, которые отличаются своей неоднозначностью. Актуальной агрессии, по данным теста, у них не обнаруживается, представление о себе отличается неопределенностью, некоторой аморфностью и бессознательным наделением себя «женственными» чертами личности. Они ощущают себя мягкими, уступчивыми, пассивными, стремящимися к уединению. В их рисунках чрезмерно много символики, отражающей сильное неудовлетворенное сексуальное влечение. Можно отметить также некоторую общую дезадаптацию и отсутствие навыков взаимоотношений.

Переищем теперь к анализу мотиваций совершения изнасилований этой категорией преступников. Здесь необходимо прежде всего остановиться на разъяснении некоторых психологических феноменов, поскольку мотивация такого рода преступлений является достаточно сложной.

Среди значительного количества механизмов психологической защиты существует и такой, как регрессия. Регрессия — возвращение на более ранний уровень развития, к более простому способу самовыражения, свойственному этому уровню, а также упрощенный способ поведения, возникающий при защите от угрожающих или иных нежелательных воздействий с целью ухода от сложных ситуаций. Человек при определенных условиях может стремиться возвращаться к тем местам и способам действий, которые были точками фиксации в более раннее время.

Огромное значение для понимания изнасилования девочек имеет такой психологический механизм, как фиксация тех или иных переживаний, а также способов действий, как правило, в бессознательной сфере психики человека. Фиксация на чем бы то ни было возникает не только в связи с позитивными факторами и при переживании положительных эмоций в определенных условиях, но и при крайне негативном фрустрирующем воздействии. Регрессия и фиксация взаимосвязаны. При негативных воздействиях среды регрессивные формы поведения вытекают из определенных фиксаций, существующих в психике индивида. Подчеркнем, что регрессия встречается в человеческом поведении и ее формы чрезвычайно разнообразны. При неблагоприятно сложившихся обстоятельствах человек может как бы «возвращаться в прошлое».

Он начинает использовать способы действия и пытаться воссоздать те позитивные эмоциональные переживания, которые зафиксированы и сохранены в его психике, как правило, на бессознательном уровне.

Другим важным психологическим механизмом, который скорее можно отнести к адаптационным, является «перенос». Перенос — особый тип объективных отношений, главной его характеристикой является переживание чувств по отношению к одной личности, в действительности обращенных к другой личности. В сущности, получается, что личность в настоящем реагирует так, словно это личность из прошлого. Перенос, таким образом, по образному выражению З. Фрейда, есть повторение, новое «издание» старых объектных отношений. Содержанием переноса могут быть чувства, побуждения, страх, фантазии, отношения и т. д. Он представляет собой повторение реакций, образованных по отношению к значимым фигурам раннего детства, бессознательно перемещенных на личности в настоящем. Перенос может быть позитивным: по отношению к новому объекту испытываются такие чувства, как любовь, нежность, доверие, симпатия, восхищение, почтение и т. д., хотя объективно это может быть и неоправданно. Термин «негативный» обычно используется для обозначения переноса чувств, основанных на ненависти в любой из ее многочисленных форм. Он может быть выражен как ненависть, гнев, враждебность, недоверие, отвращение, зависть и т. д., хотя объективных оснований для этого может и не быть. Перенос — крайне сложный феномен, который исследуется в основном психологами с психоаналитической ориентацией. Поэтому мы ограничимся изложенным материалом и подробно анализировать этот психологический механизм не будем.

Как уже отмечалось, мы условно выделили три подтипа преступников, совершивших изнасилования девочек.

К одному из них мы отнесли тех, у кого в силу чаще всего объективных обстоятельств «выпал» определенный период психосексуального развития из-за нарушений взаимоотношений со сверстниками. Обычно это период с 10 до 14 лет, который сексопатологи считают наиболее важным для формирования психосексуальной ориентации. Его содержанием является прежде всего появление сексуальных фантазий, формирование способностей к эротическим ласкам, шрам, ухаживаниям и другим формам общения. Именно в этот возрастной период создаются платоническая и эротическая стадии полового влечения. Поэтому нарушение нормального полового развития ребенка в этой стадии, естественно, приводит к дефектам психосексуальной ориентации и полового влечения. Иными словами, у мужчины, не имеющего соответствующего сексуального опыта со своими

сверстницами в подростковом периоде, возникает деформированное влечение. Его создание произошло без прохождения необходимых социально-психологических ступеней на более ранних фазах психосексуального развития. В этом влечении недостаточно психологических моментов, что делает его неполноценным. С сексопатологической точки зрения здесь нарушены платонические и эротические компоненты.

Половой контакт такого мужчины со юрскими женщинами имеет предрасположенность к его функциональному нарушению, что приводит в дальнейшем к социально-психологической дезадаптации вообще. Одним из следствий, например, нарушений психосексуального развития такого характера является страх сексуальных отношений с женщинами и примитивизм в реализации влечений. Подчеркнем, что такой своеобразный дефицит развития личности в прошлом приводит прежде всего к нарушениям и деформации психологической составляющей половой потребности.

Из сказанного выше следует, что мужчины, обладающие таким сексуальным нарушением, практически обречены на неуспех в сексуальных отношениях со взрослыми женщинами или же на развитие некоторых компенсаторных форм отношений, например, материнско-детского, редко приводящего к гармонии и половому удовлетворению обеих сторон.

Фрустрация в сексуальных взаимоотношениях с женщинами, особенно если она носит хронический характер, приводит дополнительно к нарушениям межличностных связей вообще, активизирует различные психологические адаптационные механизмы. В первую очередь, как показывают наши исследования, у преступников происходила активизация механизма переноса, и они как бы «возвращались» в свое прошлое, неосознанно стремясь компенсировать в настоящем дефекты, имевшие место там. Хроническая фрустрация личности и нарушение ее социально-психологической адаптации приводили прежде всего к внутреннему дисбалансу и неустойчивости психического мира. Личность как бы «втягивалась» в структуру отношений, не имевших места в прошлом. Иными словами, мощную мотивирующую силу, приводящую к определенному типу половых отношений с девочками, порождал определенный психологический вакуум в личностном развитии.

Подчеркнем еще раз, все эти процессы носят для человека неосознанный характер, а необходимым условием для такого переноса в прошлое является прежде всего хроническая фрустрация полового влечения в настоящем. В совершении названных преступлений проявляется защитный механизм регрессии, который мы подробно описывали выше. Здесь мы

имеем дело как бы с упрощением жизненной ситуации, что выражается в «уходе» субъекта от сложных и неуспешных для него отношений со взрослой женщиной к более простым и примитивным отношениям с девочками-подростками. Поясним, что имеется в виду под упрощенными отношениями, возникающими между взрослыми мужчинами и такими девочками, в рассматриваемых случаях. Прежде всего в таких отношениях мужчина выступает как более опытный, знающий, зрелый партнер, т. е. происходит подтверждение мужского статуса, силы, а девочка выступает, естественно, как неопытный, зависимый, обучаемый партнер. Осуществляется своеобразная ролевая дифференциация: мужчина выступает в роли учителя, «открывает» глаза, а девочка — в роли ученицы.

При изучении нами таких преступлений, как совершение систематических развратных действий, эта тенденция проявлялась наиболее сильно. В анализе жизненного пути таких преступников мы сталкивались с одним и тем же феноменом. Сексуальные отношения между мужчиной и девочкой-подростком продолжались до тех пор, пока не происходило как бы выравнивания сексуального и социального опыта. Девочка выросла и начинала реализовывать себя и в социальном аспекте отношений. В этот момент наступает обесценивание «учителя», он в ее глазах перестает быть обладателем истинно мужских качеств. Иначе говоря, в их взаимоотношениях юзникают те же проблемы, что и в структуре отношений с женщинами. Происходит разрыв, и такому «учителю» надо искать себе другой объект сексуального влечения, которому он мог бы снова «открывать глаза».

Здесь важно отметить и следующий момент. Очень часто мужчина начинает «просвещение» девочки с развратных действий, которые переходят в половые акты, преимущественно, как показывает практика, в извращенной форме. На психологическом уровне это является компенсацией имеющегося дефекта психосексуального развития, своеобразного вакуума в этом процессе. Субъект путем психологического переноса как бы сам становится подростком и, вступая в половые отношения с девочкой, тем самым «заполняет» вакуум, имеющийся в его личностном становлении. Таким образом, здесь мы в качестве мотивов преступного поведения имеем такие психологические феномены, как защитный механизм регрессивного типа и используемый для сексуальной адаптации перенос в прошлое. «Вакуум», образовавшийся в психосексуальном развитии, также является фиксацией, регрессивное возвращение к которой происходит при дезадаптации в связи с фрустрацией прежде всего половой потребности.

Аналогичные механизмы и мотивацию преступного поведения мы выявляли и при анализе изнасилования отцами своих дочерей или

совершении с ними развратных действий. Правда, здесь мы также сталкивались с таким феноменом, как негативный перенос. Изнасилование дочери являлось реализацией агрессии по отношению к жене.

Жена для таких субъектов постоянно выступала как источник фрустрации, который по субъективному восприятию мужчины является слишком сильным. Поэтому агрессия к жене блокирована. Происходил перенос негативных чувств, эмоций и отношений с жены на дочь, который реализовывался в акте агрессии — изнасиловании дочери. В случае же совершения только развратных действий, особенно если они осуществлялись достаточно длительное время, мы чаще сталкивались с таким механизмом регрессивного поведения, как возврат к прошлой фиксации, перенос в прошлое в связи с наличием в психосексуальном развитии субъекта «вакуума» эмоционально-сексуальной жизни, обладающего в связи с «незаполняемостью» опытом и впечатлениями мотивирующей силой.

По данным наших исследований, среди совершивших изнасилования девочек (на основе анализа их жизненного пути) можно выделить особую группу преступников. У них в связи с имевшими место в подростковом возрасте сексуальными контактами сформировалась фиксация на определенном возрастном периоде и на определенном сексуальном объекте (фетише). Дело в том, что они получали в тот период наиболее острые эмоциональные сексуальные ощущения и впечатления. Если такие лица, уже будучи взрослыми, по тем или иным причинам (чаще всего психологического порядка) не встречают женщин, с которыми сексуальная потребность удовлетворялась бы в полной мере, это влечет фрустрацию. Тогда предпринимается своеобразная попытка вернуться к прошлым острым и удовлетворяющим эмоциональным переживаниям. Здесь мы также имеем дело с переносом в прошлое, к эмоционально позитивно окрашенному возрастному периоду. Отметим, что в данном случае нет «возврата» к тому «вакуумному» эмоциональному периоду, когда должен был, но не сформировался опыт общения с девочками-подростками.

При попытках воссоздания удовлетворяющих в прошлом переживаний вновь проявляется защитный механизм регрессивного типа, поскольку осуществляется перенос из настоящего, в котором испытываются трудности, в прошлое, которое было эмоционально положительно окрашено. Следовательно, бессознательной целью этого переноса является попытка снова испытать те позитивные переживания, которые были у субъекта в подростковом периоде при взаимодействии со сверстниками. Прошлые эмоциональные впечатления от такого общения глубоко зафиксированы в психике. Фикса-

ция вызвана тем, что они получили затем свое развитие в плане преемственности, т. е. стали основой для позитивно эмоциональной, удовлетворяющей субъекта половой жизни с женщинами. Если половой контакт с девочками начинает приносить такому мужчине сексуальное удовлетворение, то окончательно формируется аномалия влечений, сутью которого является тяготение к девочкам.

Бессознательное в совершении корыстных преступлений

1

Прежде всего необходимо сделать два предварительных замечания: 1) следующие ниже выводы сделаны в результате изучения личности и поведения осужденных за кражи, присвоение, растраты, взяточничество, т. е. за самые распространенные преступления (около 90% всех корыстных преступлений); 2) корыстные преступники чрезвычайно разнородны как по социальным, так и по психологическим свойствам. Поэтому и мотивацию их преступного поведения лучше изучать применительно к отдельным типам. Но тем не менее вначале представляется необходимым дать самые общие характеристики корыстных преступников.

В целом эти правонарушители, по сравнению особенно с насильственными преступниками, более так сказать благополучны по своим социальным статусам (прежде всего расхитители и взяточники) и многим психологическим характеристикам. Так, среди них меньше выражены такие черты, как тревожность, паранойяльность, страх смерти, они значительно менее отчуждены и одиноки.

Воры менее однородны по своим психологическим свойствам, чем насильственные преступники. По сравнению с насильственными преступниками воры в своей массе являются более социально адаптированными, менее импульсивны, обладают меньшей ригидностью и стойкостью аффекта, более лабильны и подвижны, у них меньше выражена тревога и общая неудовлетворенность социальным положением.

Агрессивность воров значительно ниже, чем у насильственных преступников, и они в большей степени могут контролировать свое поведение. Для воров характерна также по сравнению с другими преступниками (кроме расхитителей) относительно хорошая ориентация в социальных нормах и требованиях, сочетающаяся с внутренним их неприятием. Основное, что отличает воров от других преступ-

ников, это то, что воры более общительны, в большей степени стремятся к установлению контактов, у них низкий уровень тревожности и чувства вины (исключая расхитителей).

Воры занимают как бы промежуточное положение между расхитителями и насильственными преступниками. Вместе с тем среди воров значительна доля тех, кто имеет ярко выраженные акцентуации и психические аномалии. По своим психологическим характеристикам те, которые совершили кражи государственного, общественного, корпоративного и иного неличного имущества, более схожи с виновными в присвоениях и растратах, чем с теми, кто совершил кражи личного имущества.

Из общей массы обследованных воров выделяется группа квартирных воров, которая, как показал сравнительный анализ, имеет отличительные психологические признаки. Они с большим пренебрежением относятся к социальным нормам и этическим ценностям, их социальная адаптация в то же время хуже, чем у других категорий воров. По психологической характеристике и степени выраженности личностных свойств они наиболее близки к лицам, совершившим насильственные преступления. Такие результаты можно объяснить, очевидно, тем, что в преступлениях квартирных воров есть элементы насилия, но это насилие применяется не к конкретному физическому лицу, а к тому, что мешает овладеть его имуществом (замки, дверь и т. д.). Очевидно, поэтому некоторые квартирные кражи легко перерастают в грабежи, разбои, а иногда и убийства, т. е. квартирный юр психологически готов к применению насилия к любым элементам ситуации, которые могут помешать ему скрыться или овладеть чужим имуществом, в том числе и по отношению к случайно оказавшемуся дома хозяину квартиры или невольному свидетелю преступления.

Следует отметить, что среди различных категорий воров распространен тот же психологический тип (или его вариации), что и среди насильственных преступников, — но в процентном отношении их меньше.

Лица, совершившие преступления в сфере экономики, расхитители и взяточники, занимают особое место как среди преступников вообще, так и среди корыстных, в частности, в связи с психологической неоднородностью лиц, совершающих такого рода преступления. Психологические особенности расхитителей и воров играют разную криминогенную роль, проявляются по-разному при совершении хищений или краж. Но в целом те и другие значительно отличаются от насильственных и корыстно-насильственных преступников. В связи с корыстными преступными посягательствами и соответствующими им мотивами могут проявляться в большей степени одни личностные качества, а при со-

вершении насильственных — другие. Но такая проявляемость значительно колеблется в рамках отдельных типов расхитителей и воров.

Применительно к корыстным преступлениям достаточное распространение получила точка зрения, что в их совершении весьма значима конкретная жизненная ситуация, в которой оказался виновный. В этой связи особенно часто называют его материальную нужду, потребность в обеспечении себя жизненно несводимыми благами. Иными словами, речь идет о неблагоприятной жизненной ситуации, иногда крайне неблагоприятной. Однако такое мнение недостаточно учитывает полученные в последние годы криминологические данные о том, что имеется определенный тип личности, характерной особенностью которой является попадание в жесткую зависимость от актуальной ситуации. Это поведение избирательно, т. е. субъект попадает в указанную зависимость не от любой ситуации, а только от такой, которая актуализирует его глубинные и наиболее значимые, часто аффективно окрашенные переживания. Криминологией давно установлено, что из любой ситуации не может быть единственный выход в виде преступных действий, но если субъект избрал, пусть даже бессознательно, именно его, то, значит, в его личности имеются черты, детерминирующие именно данное предпочтение. Противоположная точка зрения, хотя и отдаленно, но напоминает известную схему «стимул—реакция», при которой недостаточно учитывается или даже игнорируется личность.

Кроме того, следует отличать случайное совершение, например, кражи, от эпизодического. Действительно, человек может совершить только одну кражу, и это будет лишь эпизодом в его жизни, в целом нетипичным для него. Однако это отнюдь не свидетельствует о том, что такой поступок случаен, даже если он не повторится, т. е. кража представляет собой не случайный эпизод для данного субъекта, поскольку он порожден его личностными особенностями. Но взгляд на преступное поведение как закономерное для данного лица отнюдь не означает фатальности и неизбежности такого поведения. Речь идет лишь о внутренней готовности к нему, но она может и не стать реальностью.

Вывод о внутренней закономерности совершения преступления конкретным лицом может быть сделан лишь на основе его глубокого и всестороннего психологического изучения, знания всего жизненного пути, особенно семейного воспитания на ранних этапах формирования личности. В ходе изучения преступника должны выявляться криминогенные, в том числе латентные, черты, которые в действительности привели к преступлению, а не те, которые лежат на поверхности, создавая обманчивую видимость ведущей криминогенной роли, например ситуации.

Установление мотивов имущественных преступлений¹ на первый взгляд не представляет особой сложности, если ограничиваться суждением, что все они совершаются из корысти, ради удовлетворения материальных потребностей, накопления богатства, а также для приобретения одежды, продуктов питания, спиртных напитков, ведения образа жизни, связанного со свободной тратой денег, и т. д. Однако при таком подходе остаются неясными субъективные причины выбора именно корыстных преступлений как способа решения жизненно важных проблем. К тому же, что очень существенно, далеко не каждый корыстный человек, постоянно стремящийся к накоплению материальных благ, способен совершить корыстное преступление, он избирает иные пути удовлетворения своих потребностей в этих благах.

Поэтому считаем совершенно недостаточными такие традиционные для криминологии объяснения причин корыстных преступлений, как наличие в сознании правонарушителей целого комплекса антиобщественных взглядов и привычек — стяжательства, корыстолюбия, стремления к личному обогащению любыми путями и средствами, жадности, завистливости, вещного фетишизма, пренебрежения к труду и т. д. Чтобы понять подлинные мотивы совершения рассматриваемых преступлений, необходимо, во-первых, обратиться к анализу жизненного пути преступников, условий их социализации, особенно в детстве, т. е. попытаться вскрыть происхождение мотивов корыстного преступного поведения. Во-вторых, нужно вскрыть иные личностные особенности, которые также способны порождать посягательства на государственное, общественное, личное и иное имущество. В-третьих, исследовать бессознательные мотивы такого поведения.

Относительно первой проблемы можно предположить, что, по-видимому, неблагоприятные условия формирования личности в детстве оказывают весьма существенное влияние на ее дальнейшую жизнедеятельность. Возможно, корыстные мотивы связаны с названными условиями: дефицит эмоционального общения в детстве, невключение в стойкие эмоциональные контакты, ненадлежащая эмоциональная матрица семьи в целом формируют общую неуверенность индивида в жизни, неопределенность его социальных статусов, тревожные ожидания негативного воздействия среды. Эти особенности закрепляются в нем и оказывают существенное влияние на его поведение.

¹ О мотивах корыстного преступного поведения подробнее см.: Анто-Шнян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Личность корыстного преступника. — *Ш* Томск, 1989. С. 52-65, 84-158.

Можно думать, что совершение многих имущественных преступлений, в частности краж, является своеобразной компенсацией эмоционального дефицита, порожденного психологическим отчуждением в детстве. По-видимому, происходит это потому, что такие преступления предоставляют субъекту материальные средства для того, чтобы прочнее и увереннее ощутить свое место в жизни, тем самым преодолеть состояние неуверенности и тревожных ожиданий, генетически связанных с указанными неблагоприятными условиями раннего развития. Подтверждают это и случаи совершения краж или хищений для приобретения спиртных напитков. Давно известно, что их употребление снимает, но лишь временно, указанные состояния. Затем они наступают вновь, опять порождая потребность в алкоголе, и т. д.

Однако эти предположения еще не полностью раскрывают причины того, почему общая неуверенность преодолевается именно с помощью совершения краж или других имущественных преступлений. Видимо, здесь необходимо иметь в виду следующие обстоятельства. Многие криминологические исследования показывают, что в очень редких случаях родители непосредственно втягивают детей в преступную деятельность, советуют им совершать преступления и т. д. Их негативное влияние обычно проявляется в том, что они подают личный пример отрицательного отношения к законам и моральным запретам, ведут антиобщественное существование, совершая правонарушения, что обычно не остается секретом для ребенка, юноши и девушки. Однако это не означает, что подросток обязательно воспримет соответствующие нормы и стандарты поведения. Этого не произойдет, если у него нет необходимых эмоциональных контактов с родителями. Именно поэтому он не воспринимает их как тех, чьим взглядам и поведению нужно следовать.

Чаще же всего родители будущего правонарушителя вообще не совершают никаких противозаконных действий. Напротив, они обычно предпринимают необходимые, по их мнению, усилия для нравственного воспитания своих детей, или, как минимум, пытаются добиться внешне нравственно послушного (законопослушного) поведения. Но их усилия в большинстве своем не достигают цели, если исходят от лиц, с которыми у ребенка (подростка) нет эмоциональных связей или они существенно ослаблены. Он, если и слушает их, то не слышит, так как не воспринимает именно от них нравственные нормы и представления. Социально-психологическая изоляция от семьи, препятствуя развитию адаптационных возможностей и формируя общее отчуждение личности, затрудняет обу-

чение и воспитание в школе, установление и поддержание там позитивных отношений в формальных и неформальных группах.

Отсутствие необходимых психологических взаимосвязей в семье и школе, как правило, компенсируется их установлением в неформальных малых группах, также обычно состоящих из лиц, не имеющих прочных связей в семье и школе. Если последние придерживаются антиобщественных ориентации в плане способов приобретения материальных благ, то при стремлении к идентификации с ними, обретению членства в них, постоянному общению с участниками таких групп нормы и ценности последних сравнительно быстро и легко аккумулируются личностью, что и объясняет выбор именно корыстных преступных действий как способа получения таких благ.

Если не лишено основания наше предположение, что обладание материальными благами придает человеку уверенность, снижает беспокойство по поводу своей социальной определенности, то можно думать, что оно устраняет, часто лишь временно, и чувство зависти. Он способен испытывать удовлетворение и удовольствие, особенно если с помощью похищенного может приобрести какие-либо вещи, в том числе престижные, в лучшую для него сторону изменить образ жизни или поддерживать существующий, который представляется ему наиболее предпочтительным, войти в состав эталонной для него группы, завоевать внимание интересующих его лиц и т. д., а в целом для утверждения своей личности.

Если утверждать, что корыстные преступления совершаются из корысти, то это лишь частично даст нам ответ на вопрос о субъективных стимулах преступного поведения.

В «Толковом словаре русского языка» (под редакцией Д.Н. Ушакова) и в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова корысть определяется как выгода, материальная польза. В обиходном общении под корыстью понимают крайние формы стремления к получению материальных благ — накопительство, стяжательство, жажда наживы и т. д. Однако далеко не все лица, совершающие корыстные преступления, отличаются подобными стремлениями. Так, большинство мелких расхитителей и воров похищенные ценности сразу или почти сразу расходуют. Крайние же формы корысти характерны в основном для крупных расхитителей и небольшой части воров, а также тех, кто совершает опасные преступления в сфере экономики. Поэтому обиходное понимание корысти неприменимо ко всем случаям совершения имущественных преступлений.

Корысть как мотив совершения преступления означает, что в основе побудительных причин общественно опасного деяния лежит стремление получить какую-либо материальную выгоду, имущество, вещи, деньги. Но корысть не всегда связана со стремлением к незаконному обогащению, незаконному получению какой-либо материальной выгоды за счет других с нарушением их имущественных отношений, права собственности.

Корысть — рациональный, осознанный уровень мотивации, другой — бессознательный уровень — включает в себя и (рестигные, приспособительные, защитные мотивы, мотивы утверждения и самоутверждения.

Собственно мотивы корысти исключительно социального происхождения, и формируются они путем восприятия норм и стандартов среды — семьи, неформального окружения. Но те же социальные условия жизни конкретного лица в сочетании с его природными задатками приводят к образованию и функционированию таких его психологических особенностей, которые также обладают значительной мотивирующей силой и активно включены в детерминирующий комплекс корыстного преступного поведения. Их знание позволяет понять не только то, ради удовлетворения каких материальных потребностей совершаются имущественные преступления, но и что «выигрывает» от этого человек в психологическом плане, каков личностный смысл таких действий. Эти «выигрыши» различны для разных типов корыстных преступников. Связанные с ними мотивы корыстных преступлений условно могут быть названы «некорыстными».

Так, среди расхитителей и виновных в кражах заметно выделяется тип личности, характеризующийся некоторой выключенностью из социального общения, слабыми контактами со средой, в том числе по причинам субъективно ограниченных адаптационных возможностей. В то же время они стремятся к общению, обретению членства в малых группах. Для них одним из основных мотивов, смыслом совершения хищений и краж является сохранение или приобретение значимых для них отношений с другими людьми, преодоление к своего отчуждения, дезадаптации, одиночества, приспособление к группам, поиск поддержки в них. Например, некоторые расхитители, как показывает их изучение, вверенное им имущество вначале просто раздают, разбазаривают его для завязывания и закрепления знакомств. Впоследствии сюда могут присоединяться и корыстные стимулы, приобретающие значительную мотивирующую силу.

Среди корыстных преступников распространен тип личности, смыслом преступного поведения которой является прежде всего ут-

верждение себя на социальном, социально-психологическом или индивидуальном (самоутверждение) уровнях. Разумеется, здесь присутствует и корыстный мотив, однако, он выступает как параллельный сопутствующий. Таким образом, налицо полимотивация, при этом корыстный мотив сопутствует и переплетается с самоутверждением, престижными соображениями, утверждением своего авторитета, «преподнесением» себя. Все три названных уровня были подробно рассмотрены выше.

Но еще раз вернемся к самоутверждению. Его сущность, значение для личности и связанные с этим переживания великолепно показаны А.С. Пушкиным в трагедии «Скупой рыцарь»:

«Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе миром править я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смирненно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...»

Утверждение своей значимости, стремление доминировать над окружением и управлять им может реализовываться и путем накопления значительных материальных богатств, и путем обычно длительного совершения корыстных преступлений. Можно считать, что мотивом преступных действий и для представителей названного типа преступников является утверждение себя в жизни. Для представителей этого типа характерны честолюбие, целеустремленность, решительность, стремление к лидерству. Они отличаются хорошей приспособляемостью, так как ориентируются в социальных нормах и тре-

бованиях, имеют социальный опыт и могут контролировать свое поведение. Для них совершение корыстных преступлений не игра и они стараются сделать все, чтобы избежать разоблачения.

Важно отметить, что, как показывают эмпирические исследования, крупные расхитители часто не в состоянии объяснить, ради чего они длительное время занимались хищениями и еще брали взятка, в чем смысл для них такого поведения. Никто из них не связывал его с прожитой жизнью. В этом смысле пушкинский Скупой рыцарь, конечно, исключение, но понятно, что его устами говорил автор.

Утверждая себя в жизни, такого типа преступники обычно утверждают и в собственных глазах. Самоутверждение — один из самых мощных стимулов человеческой активности, в психологическом аспекте нейтрально и становится криминологически значимым лишь в зависимости от того, какими способами реализуется.

Основная психологическая проблема преступников, стремящихся к самоутверждению путем совершения корыстных уголовно наказуемых действий, состоит в том, что их представление о себе и самооценка часто расходятся с их реальным положением в социальной среде. Поэтому у многих из них отмечается чувство неудачника, неудовлетворенность собой, нет ощущения своей личной ценности. Эти ощущения и связанные с ними переживания бессознательны. Сознательно же такие люди в общении с другими могут оценивать себя достаточно высоко, но это, как правило, не более чем попытка компенсации на вербальном уровне. На самом деле часто происходит рассогласование притязаний с их реальными, объективными достижениями и возможностями. Этот разрыв приводит к определенному поведению, в данном случае преступному, как способу самоутверждения и защиты представления о себе. Самоутверждение нередко влечет за собой активную деятельность и приводит к реальным результатам.

Самоутверждение весьма характерно, например, для расхитителей так называемого престижного типа, которые стремятся к приобретению или сохранению определенного социального статуса любой ценой, в том числе путем совершения преступлений. Недостижение такого статуса, равно как и «падение вниз», — для них подлинная жизненная катастрофа. Можно думать, что ведущим глубинным мотивом, личностным смыслом их преступлений является опасение, даже страх быть подавленным, униженным, возможно, даже уничтоженным внешней средой, а отсюда неосознанное стремление занять такое место в жизни, которое позволило бы оказать этой среде нужное сопротивление.

Именно такого рода мотивы определяют преступное поведение многих современных нуворишей, особенно тех, кто неожиданно для самого себя разбогател в первые постсоветские годы. Подобные же мотивы порождают экономические и должностные преступления тех, которые сейчас пытаются вырвать у них хотя бы часть добычи.

Имущественные преступления часто совершаются лицами, находящимися за рамками социально одобряемых связей, отношений и групп, ведущими антиобщественный, паразитический, часто бездомный образ жизни. Это в основном лица, которые систематически занимаются бродяжничеством и для которых характерен уход из социальной жизни. Многие из них являются привычными пьяницами и алкоголиками, совершают кражи и другие правонарушения корыстного характера. Однако ими движет не стремление к накоплению материальных благ как таковых, а желание обеспечить свое отчужденное существование, в большинстве случаев и потребность в спиртных напитках. Поэтому мотивы корыстных посягательств со стороны таких дезадаптированных личностей могут быть определены как «обеспечение» единственного субъективно приемлемого существования.

Как мы видим, можно выделить такие мотивы корыстных преступлений, как «утверждение» (и его разновидность «самоутверждение») и «обеспечение». Разумеется, границы между ними достаточно условны и подвижны. Так, можно рассматривать кражи, взяточничество и хищения с целью накопления материальных благ тоже как обеспечение определенного образа жизни, но в этом случае преступления совершаются для того, чтобы утвердиться в социальной среде, а при дезадаптивном образе жизни, уйдя от нее, с помощью мелких краж сохранить субъективно приемлемую жизнедеятельность.

Возникает чрезвычайно важный вопрос, являются ли «некорыстные» мотивы единственными или, по крайней мере, всегда ведущими, отсутствуют ли здесь собственно корыстные мотивы или соответственно они занимают подчиненное положение по отношению к названным? На наш взгляд, корыстные мотивы действуют наравне, параллельно с «некорыстными», обладая подчас такой же стимулирующей силой, но во многих случаях те либо другие играют доминирующую роль. Так, преобладание игровых мотивов может наблюдаться, когда субъект начинает совершать корыстные преступления. В дальнейшем, осознав в должной мере материальные, порой значительные, выгоды от их совершения, его действия в основном начинают диктоваться корыстью. Здесь потребность в игре выступает в

качестве пускового механизма, но продолжает действовать и в дальнейшем.

Однако известны случаи, когда корыстные устремления и потребности при совершении корыстных же преступлений полностью отсутствовали — безраздельно доминировали мотивы приспособления к группе и мотивы игры.

Следует особо подчеркнуть, что рассмотренные так называемые «некорыстные» мотивы, а с другой стороны собственно корыстные дополняют и усиливают друг друга, придавая преступному поведению целенаправленный, а в ряде случаев и устойчивый характер, повышая его общественную опасность. В этом можно видеть одну из главных причин длительной преступной деятельности многих расхитителей, высокого уровня специального рецидива, особенно среди лиц, совершающих кражи. Таким образом, корыстное преступное поведение полимотивировано.

Среди мотивов преступного поведения, в том числе корыстного, могут быть игровые. Им соответствует игровой тип личности, весьма сложный с психологической точки зрения.

В самом общем виде можно сказать, что представителей «игрового» типа отличает постоянная потребность в риске, поиске острых ощущений, связанных с опасностью, включение в эмоционально возбуждающие ситуации, стремление участвовать в различного рода операциях, контактах и т. д. Корыстные побуждения, как правило, действуют наряду с «игровыми», поскольку одинаково личностно значимы как материальные выгоды в результате совершения преступлений, так и те эмоциональные переживания, которые связаны с самим процессом преступной деятельности. Особенно важно подчеркнуть последнее обстоятельство, существенным образом отличающее «игроков» от представителей иных типов, а именно то, что для них психологически весьма существенен сам процесс такой деятельности. Более того, встречаются случаи, когда этот процесс играл ведущую мотивирующую роль, а остальные стимулы как бы отодвигались на второй план. Многие из них, помимо реализации стремления к острым, захватывающим ощущениям, стремятся также и обратить на себя внимание.

Разумеется, склонность к игре и «игровая» мотивация не являются чем-то, что присуще только преступникам. Можно перечислить множество видов деятельности, связанных с риском, эмоционально возбуждающими ситуациями и т. д., например, у альпинистов, авто-

мотогонщиков, каскадеров, у представителей тех профессий, чья работа представляет определенную опасность. Надо полагать, что этими видами деятельности занимаются те, кто индивидуально к этому, предрасположен и обладает соответствующими способностями. Выбор же противоправной или законопослушной формы реализации «игровой» тенденции в решающей степени зависит от нравственности личности, ее воспитания.

«Игровая» мотивация часто скрыта за иными побуждениями, например престижными, но это отнюдь не означает ее отсутствие. Наличие «игровой» мотивации позволяет объяснить совершение многих хищений, преступлений в сфере экономической деятельности, взяточничества в течение длительного времени, когда, казалось бы, преступник похитил уже достаточно много и мог бы удовлетвориться незаконно приобретенными материальными благами, однако он продолжает совершать преступления. Это обычно вызывает удивление, тем более, что постоянно возрастает риск быть разоблаченным, да и наказание в этих случаях предполагается более суровое. Считаем, что в некоторых подобных случаях преступная деятельность стимулируется уже не столько корыстью или давлением соучастников, сколько потребностью участвовать в игре, получая от этого определенные эмоциональные ощущения.

«Игровая» мотивация особенно часто наблюдается в преступлениях воров-карманников и нередко тех, кто совершает кражи из квартир, складов, магазинов и других помещений. Эта мотивация ярко проявляется в мошенничестве, где можно выделить интеллектуальное противоборство, а также азартность, ловкость, ссубжизительность, умение адекватно оценивать складывающуюся ситуацию, максимально использовать благоприятные обстоятельства и быстро принимать наиболее правильные решения. Как правило, мошенники не совершают других преступлений, а если и совершают, то почти всегда с элементами игры. Карточные шулеры, например, играют как бы в двойную игру — и по правилам, и обманывая, так что получают от всего максимальные эмоциональные переживания. Вообще распространенность азартных игр среди преступников, в первую очередь корыстных, объяснима как раз постоянным стремлением к игре многих из них.

Психологическое исследование «игроков» из числа корыстных преступников показало, что по психологическим особенностям можно выделить два основных подтипа: игровой активный и игровой демонстративный. Для первого из них характерно сочетание способности к длительной активности и импульсивности. Соединение этих свойств рождает тип личности с постоянным влечением к ост-

рым ощущениям и переживаниям. Им присущи активный поиск возбуждающих ситуаций и постоянная потребность во внешней стимуляции, что сочетается с пренебрежением социальными нормами, правилами, обычаями, сверхактивность, импульсивность в поступках, безответственность. Это люди, в значительной степени идущие на поводу своих влечений и желаний, у них часто встречается склонность к злоупотреблению алкоголем, бесконечной праздности, легкой жизни. Они чрезвычайно общительны, легко устанавливают контакты с другими людьми, всей душой отдаются играм. Совершая корыстные преступления, эти лица преследуют не только цели обогащения, но и удовлетворение своих потребностей в острых ощущениях, риске, эмоционально возбуждающих ситуациях.

В связи с этим они пускаются на отчаянные авантюры, не испытывая страха перед возможным разоблачением и не думая о последствиях.

Для игрового демонстративного подтипа характерно прежде всего сочетание высокой активности с демонстративными чертами. Это личности артистического склада, стремящиеся к демонстрации не только социального благополучия, удачливости, своих неограниченных возможностей, но и ловкости, силы, смекалки, изворотливости. Так, одни из них демонстративно тратят деньги, добытые преступным путем, чтобы произвести впечатление на окружающих, другие, например подростки, упиваются восхищением своих приятелей, являющихся очевидцами того, как ловко они совершают кражу.

Лица игрового демонстративного подтипа обладают хорошо развитым механизмом вытеснения эмоций и поэтому сравнительно легко игнорируют трудности и неудачи, с которыми встречаются. Главное для них — это произвести сильное впечатление на окружающих. За счет своей артистичности и психологической пластичности они хорошо приспосабливаются к изменениям ситуации, без особого труда меняют принятую на себя роль, что, конечно, помогает им совершать преступления. В их поведении часто сохраняется игра в нужного, полезного для всех человека, причем обычно они больше говорят, чем делают. По нашим наблюдениям, последние из перечисленных психологических черт существенно затрудняют таким лицам возможность занять лидирующие позиции в преступных группах, пользоваться там постоянным авторитетом.

Для объяснения причин «игрового» преступного корыстного поведения нас больше всего должны интересовать инфантильные осо-

бенности личности, потому что в таком поведении эмоциональные элементы играют главенствующую роль. Превалирование инфантильности обычно отражает слабую социализацию личности, недостаточное усвоение ею нового опыта и новых ролей, в том числе правил и норм. Здесь развитие субъекта как бы ограничивается его детством, не переходит в следующие стадии, столь необходимые для полноценного формирования личности. Эту мысль можно выразить иными словами: эмоциональная жизненная позиция ребенка остается в относительной нетронутости и находит в будущем непосредственное проявление в поведении. Поэтому преступные действия многих правонарушителей-«игроков» напоминают детскую игру в прятки, которая является прототипом часто разыгрываемых преступниками игр «полицейские и воры» или «казаки и разбойники».

Как известно, существенным элементом игры в прятки является огорчение, которое испытывает ребенок, когда его обнаруживают. Если кто-нибудь из родителей находит его слишком быстро, огорчение увеличивается, и игра перестает носить для него развлекательный и захватывающий характер. Больше всего ребенок доволен тогда, когда его обнаруживают через некоторое время и после определенных поисков. Если поиск слишком затягивается, ребенок начинает подсказывать, где его искать, для этого, например, роняя предметы, ударяя по чему-либо, издавая звуки и т. д. Тем самым он заставляет найти себя. Если ребенка перестают искать или ищут слишком долго, то он обычно испытывает большое разочарование и не чувствует себя победителем, так как теряется смысл игры. Тот, кто прячется слишком хорошо его не могут найти, не считается среди детей хорошим игроком.

Ребенка привлекает в игре в прятки возможность испытать тревожное ожидание быть обнаруженным, и обязательным условием поэтому является то, что его найдут. Следовательно, объективно он проигрывает, но субъективно выигрывает, так как оправдываются его ожидания, вызывая привлекательные для него эмоции. Именно в возможности испытать тревожное ожидание быть обнаруженным и заключен для него личностный смысл игры. Вместе с тем, на наш взгляд, здесь возникает очень важный вопрос о том, почему ребенок в конце концов желает, чтобы его нашли. Можно полагать, что это имеет место потому, что в глазах ребенка взрослый всегда выступает в роли более сильного, умного, сообразительного. В этом качестве (и это очень важно подчеркнуть) он предстает для ребенка как опора и защита его жизни, в чем он в этот

период особенно нуждается. Если отец (или мать) находят ребенка, они тем самым еще раз укрепляют в его представлении названные выше качественные характеристики своего образа для него, демонстрируя устойчивость и надежность его существования и тех нужных для него отношений в том мире, в котором он живет и нуждается в защите. С другой стороны, если ребенок слишком хорошо спрятался и его не могут найти, игра теряет развлекательные моменты и превращается в процедуру взрослых, что неинтересно ребенку и поэтому не нужно.

Следует вообще отметить, что если родители в игровых и других, естественно, многочисленных жизненных ситуациях не демонстрируют ребенку свою силу, надежность и т. д., это у него обычно вызывает психотравмирующие переживания и может стать причиной ненадлежащей социализации, приводя впоследствии к аномалиям — от психических расстройств до антиобщественного поведения.

Пример с игрой в прятки так подробно проанализирован потому, что игра является одним из возможных прототипов игрового поведения взрослых людей. Разумеется, из сказанного отнюдь не следует, что те дети, которые во время игры в прятки не были (или были) обнаружены взрослыми, в жизни затем будут вести себя как игроки. Приведенный пример носит иллюстративный характер и показывает, что если полноценное психологическое развитие личности не будет обеспечено, она может воссоздавать примерно то поведение и те отношения, которые у нее были в детстве. Это означает, что когда уже у взрослого человека возникают психологические, эмоциональные проблемы, то он пытается разрешить их теми же способами и подходит к ним с тех же позиций, что и в детстве. Такое поведение на психологическом уровне направлено на то, чтобы подтвердить свою первоначальную детскую эмоциональную установку к родителям, старшим как к сильным и умным, а к самому себе как к более слабому и требующему защиты.

Родители и другие ближайшие значимые люди в более старшем возрасте бессознательно начинают отождествляться с обществом, с его социальными институтами и требованиями. С ними он вступает в игровые взаимоотношения, при этом субъективно мир воспринимается как оставшийся устойчивым и прежним в том смысле, что в нем существуют те же силы и те же отношения, что и в детстве. Иными словами, роль родителей и старших теперь, когда человек стал взрослым, играют общество и его правила, которые сильнее и которым он поэтому психологически должен подчиниться, как это было

в детстве. Противостоять обществу, противодействовать ему такой человек (при наличии, конечно, соответствующих нравственных особенностей) может преимущественно в форме игровых отношений по типу, например, игры в прятки. Взрослые аналоги ее для преступников могут называться «полицейские и воры» («милиция и воры»), «реvizоры и расхитители», «таможенники и контрабандисты» и т. д. Все эти игры имеют ту же психологическую структуру и тот же психологический смысл, что и игра в прятки. Роли те же самые, но, правда, их исполнители и объективные последствия — иные.

2

Из-за недостаточного внимания к психологическим и патопсихологическим аспектам преступного корыстного поведения оказались совершенно неизученными причины совершения краж людьми с расстройствами психической деятельности. Этот пробел во многом можно восполнить благодаря криминологическо-психиатрическим изысканиям О.В. Леоновой, результаты исследования которой приведем ниже¹. Речь идет о так называемых аддиктивных (зависимых) кражах.

О.В. Леоновой были исследованы 72 обвиняемых в совершении краж, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу (СПЭ) в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Их объединяли общие клинико-криминологические особенности. Во-первых, наличие тенденции к смещению цели криминального поведения с похищаемого объекта на сам процесс совершения кражи. Во-вторых, изменение аффективного состояния как непосредственно в период правонарушения, так и после него. Участие аффективного компонента не исчерпывается переживаниями субъекта во время кражи (варьирующими от чувства удовольствия или облегчения до чувства острейшего подъема, «взлета», «восторга», «экстаза», но в ряде случаев доходит до формирования механизма эмоциональной саморегуляции путем стереотипного повторения поступка, что в конечном итоге приобретает автономный характер и развивается по механизмам, подобным зависимости от психоактивных веществ (ПАВ).

Обследованные с «аддиктивным» типом криминального поведения были разделены на 2 группы в зависимости от соответствия кри-

териям клептомании. Первую группу (38 наблюдений) составили лица, не отвечающие критериям клептомании, в основном по причине корыстной цели или группового характера хищений. Эта группа О.В. Леоновой описывается под названием «делинквентные воры» (далее — группа ДВ), так как для входящих в нее лиц совершение краж было лишь одним из видов делинквентной активности (38 набл.). Вторая группа (34 набл.) включала лиц, которым при настоящем обследовании или когда-либо в жизни устанавливался диагноз клептомании — «клептоманические воры» (далее — группа КВ). Указанный диагноз может быть установлен, когда имеются два или более случаев воровства без видимых мотивов или выгоды для индивида или другого лица; а также присутствует сильное влечение к совершению краж с чувством напряженности перед совершением поступка и Облегчением после него. При этом требуется исключить психотические расстройства, а также совершение кражи в группе или по мотивам гнева или мести.

Подэкспертных аддиктивного типа отличал молодой возраст — 88,5% были моложе 25 лет, причем лица из группы делинквентных были моложе клептоманов. Показатели социальной адаптации в обеих группах были невысокими. Социально адаптированными были 17,6% подэкспертных группы КВ и лишь 5,3% группы ДВ. В то же время лица из группы ДВ успешнее адаптировались в референтном окружении, а в четверти наблюдений они были отрицательными лидерами маргинальных групп с антисоциальной направленностью.

Наличие сочетанного воздействия неблагоприятных социальных и биологических факторов в детстве и подростковом возрасте отличало подэкспертных изучаемого типа. Отмечались наследственная отягощенность нервно-психическими расстройствами и алкоголизмом (две трети наблюдений), перенесенные вредности раннего периода развития (в 68% обеих групп), нетяжелые, но повторные черепно-мозговые травмы (54,2%), злоупотребление токсическими веществами и алкоголем (72,2%, чаще в группе ДВ), а в трети наблюдений — сочетание всех перечисленных факторов. Большинство росло в неблагоприятных условиях: в группе ДВ чаще встречались воспитанники детских домов и интернатов, а в группе КВ — приемные дети или дети без родителей, воспитывавшиеся родственниками. Деформация воспитания встречалась в обеих группах, но если в группе ДВ преобладали гипоопека и безнадзорность, то в группе клептомании — гиперопека, в основном со стороны приемных родителей, а

¹ См.: Леонова О.В. Феномены аддиктивных краж. Труды Института гуманитарного образования. — М., 2005, № 5.

со стороны родных на детей возлагалась повышенная ответственность. Нередким был ригористический тип воспитания или жестокое обращение, порой носившее характер истязаний. Каждый десятый подэкспертный (чаще в группе КВ) перенес сексуальные притязания или насилие, чаще со стороны отчима или отца. Подэкспертным из группы КВ были более свойственны реакции пассивного протеста, отказа, избегания (41,2%), а также реакции эмансипации (14,7%). У делинквентных достоверно чаще наблюдались реакции группирования (47,4%), имитации (31,6%), активные оппозиционные и протестные реакции (31,6%).

Только в двух случаях у обследованных не отмечалось психических аномалий в период пубертатного криза, что могло расцениваться как его естественное течение. Дисгармония пубертата, задержки психического развития при ускоренном физическом чаще диагностировались в группе ДВ. Патологическое течение пубертатного криза отмечалось лишь в группе КВ, наряду с аутистическим характером игровой деятельности, сверхценным фантазированием. Лица из группы ДВ больше фантазировали на темы самоутверждения. В 29,2% случаях подэкспертные обеих групп сообщали о фантазиях на темы сексуальных извращений, а еще в 26,4% представляли сцены жестокости и насилия (катастрофы, войны, месть обидчикам, расправа с соперниками, казнь врагов).

Поведение лиц группы ДВ в 89,5% отличалось антисоциальной и криминальной направленностью с чрезвычайно ранним началом. В остальных случаях поведенческие девиации выражались в сознательном иждивенчестве, конфликтности с ближайшим окружением, злоупотреблении алкоголем и наркотиками, гомосексуальном поведении. Все подэкспертные сообщали, что ранее неоднократно совершали кражи, не попадая в поле зрения правоохранительных органов. 61,1% испытуемых состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Криминальная активность зачастую поощрялась в референтной группе и носила игровой и коллективный характер. В группе kleптомании лишь около половины подэкспертных начали совершать кражи в детстве, в основном мелкие кражи предметов сувенирного типа (брелоки, ручки). Кражи денег отмечались реже. Около трети лиц из группы КВ имели просоциальные установки.

После достижения совершеннолетия в обеих группах наблюдались различные неглубокие психические расстройства, в большинстве сво-

ем непрогредиентного типа. Более половины наблюдений составляли органические психические расстройства, а в группе ДВ этот диагноз встречался более чем в трех четвертях случаев. Расстройства личности были характерны для группы kleптомании ($p < 0,05$). Синдром зависимости от психоактивных веществ лишь в отдельных наблюдениях устанавливался в качестве единственного диагноза, но злоупотребление алкоголем констатировалось в большинстве наблюдений. Расстройства шизофренического спектра были представлены в основном состояниями ремиссии и шизотипическим расстройством. Облигатными чертами выявленных расстройств были признаки дизонтогенеза (нарушений развития) и наличие аффективных колебаний. В 44,4% наблюдений отмечались психический или психофизический инфантилизм. В таком же количестве наблюдений обнаруживались изолированные феномены, свойственные более раннему возрасту — патологическое фантазирование, сверхценные образования, гебоидные, дисморфоманические расстройства. Аффективные расстройства наблюдались при настоящем обследовании у 67,1% подэкспертных. В группе КВ преобладали психогенные реакции, субдепрессии, тревожно-фобические и дистимические (с преобладанием тревоги, напряженности и тоски) расстройства ($p < 0,05$), более продолжительные и в ряде случаев сопровождавшиеся суицидальными попытками. В группе ДВ расстройства настроения имели тоскливо-злой оттенок, с угрюмостью, недовольством, ворчливостью и раздражительностью, с брутальными деструктивными или агрессивными действиями, нанесением самоповреждений для разрядки напряжения. Несмотря на яркость клинических проявлений, периоды спада настроения в группе ДВ были менее продолжительны и длились от часа до нескольких дней ($p < 0,05$).

Экспериментально-психологическое исследование выявило личностную незрелость у всех обследованных. У лиц с kleптоманией также встречались неадекватная, неустойчивая самооценка, импульсивность, низкий порог фрустрации, впечатлительность, склонность к фиксации на негативных переживаниях, стремление к ограничению контактов, зависимость от мнения значимых лиц, эгоцентризм. В группе делинквентных на первый план выходили внешнеобвиняющие формы реагирования, импульсивность, антисоциальные установки, неконформность, ригидность, снижение эмпатии, нечувствительность к замечаниям и неприятие коррекции.

Подэкспертные обвинялись в совершении более 300 хищений. В среднем им инкриминировалось 4 эпизода, но встречались и те, кто

обвинялся в совершении 28, 30 и даже 90 хищений. При этом корыстная активность группы ДВ имела характер «поликлептизма» — совершались как квартирные, так и магазинные кражи, кражи автомобилей, кражи из автомобилей, дачных домиков, складов, подвалов, с огородов и даже с кладбищ. Улиц группы КВ преобладал «моноклептизм» — избирательно похищались автомобили, предметы одежды, кошельки, очечники, брелоки, реже — компактная аппаратура (плееры, будильники, телефоны), украшения и книги.

На основании изучения анамнестических и катamnестических данных удалось проследить феноменологические и динамические особенности формирования противоправного поведения у подэкспертных обеих групп, схожие с развитием аддикции (по Ц.П. Короленко и Т.А. Донских, 1990). Процесс включает следующие «звенья»: 1. Переживание интенсивного изменения психического состояния в связи с определенными действиями и фиксация этой связи; 2. Формирование аддиктивного ритма; 3. Формирование аддиктивного поведения как интегральной части личности со стереотипизацией реагирования; 4. Доминирование аддикции, которая полностью определяет поведение, стиль жизни и взаимоотношений и является самообеспечивающейся системой; 5. «Катастрофа» или «разрушение психических и биологических процессов» в связи с постоянным стрессом.

На первой стадии эмоциональный рисунок при совершении кражи состоял из трех последовательных фаз: 1) нарастающее напряжение перед совершением кражи; 2) резкий подъем настроения сразу после завладения предметом, пик которого в большинстве случаев приходится на момент минования опасности быть пойманным; 3) достижение достаточно стабильного эмоционального состояния, отличного от пределиктного, которая и представляет собой «психотропный эффект» действия.

Пик напряжения и удовольствия, после чего наступает своеобразная разрядка, приходится при краже автомобиля на переезд через милицкий пост в другой район, при магазинной краже — на проход через турникет или на выходе из магазина, при краже в метро — на момент, когда подэкспертный вскакивал в вагон, двери которого начинают закрываться. На первом этапе кражи совершались, как правило, ради первой и второй фазы острого подъема настроения, которое подэкспертные называли «взлетом», «резким подъемом», «экстазом», а лица, злоупотреблявшие наркотиками, сравнивали с «приходом».

Эмоциональные переживания сопровождались отчетливыми вегетативными и сенсорными изменениями. При нарастании напряжения «от страха холодели руки», начинало «знобить», по коже «ползали мурашки». У некоторых отмечалась гиперактузия и гиперестезия, у других, напротив, ощущение «ваты в ушах». На этапе «пика» многие отмечали, что сердце «колотится», «бьется с перебоями», испытывали нехватку воздуха. Физические ощущения после деликта описывались как приятное тепло, иногда сопровождающееся потоотделением, а также преходящей легкой слабостью, слабостью в коленях или головокружением.

Большинство подэкспертных группы КВ порицали себя за содеянное, испытывали стыд и раскаяние. Украденные вещи хотели вернуть, но чаще выбрасывали или прятали их. Тем временем испытанные ощущения периодически всплывали в памяти, муслировались, особенно в период сниженного настроения, но воспоминания носили произвольный характер. Период между первой клеptomанической кражей и последующей мог продолжаться в наших наблюдениях до нескольких лет. Промежутки между повторными деликтами впоследствии сокращались.

Так, С, 27 лет, ранее был осужден к 3,5 годам лишения свободы за кражу продуктов из дачных домиков и за кражу автомобиля «Нива», которую после угона он оставил на стоянке неподалеку. Находясь в ПК, С. часто вспоминал «ту машину», и считал испытанные ощущения при угоне «самыми прекрасными в жизни». После освобождения он не последовал к месту предписания, а вернулся в тот же город и снял комнату напротив гаража, где стояла ранее похищенная им машина, чтобы наблюдать, как ее выводят из гаража. Через несколько месяцев у него «упало настроение». Он похитил эту же автомашину и оставил ее на стоянке, проехав один квартал. Хозяин автомобиля нашел похитителя самостоятельно и предложил ему купить у него машину. С. отказался, поясняя, что ему не нужно ей владеть, он «крадет ее как праздник, как невесту». Еще через несколько дней С. был задержан за совершенное им третье хищение той же автомашины, которую он пытался продать за бесценок и даже соглашался просто оставить ее перекупщикам. Во время следствия С. заявлял, что корыстной цели не имел, а «не мог избавиться от искушения украсть» и выражал готовность нести наказание за содеянное. Во время настоящего обследования С. охотно рассказывал, что сейчас фантазирует на эротические, в том числе и парафильные темы садомазохистско-

го содержания «для того, чтобы не думать о кражах, совершение которых он считает недостойным». Он пояснил, что перед последним похищением «просто желание» украсть переросло у него в «навязчивую идею-фикс».

В отличие от лиц с kleптоманиями, у большинства подэкспертных группы ДВ отмечалось не запечатление в памяти единственного эпизода, а постепенное «научение» удовольствию, которое подкреплялось обладанием похищенным, поощрением окружающих, что придавало чувство собственной значимости, могущества. Эмоциональные переживания во время последующих краж в течение короткого периода усиливались или оставались стабильно яркими. Желание совершать кражи не шло вразрез с личностными установками, поэтому эти лица легче и чаще, чем в группе КВ, реализовывали его в периоды пониженного настроения или «от скуки». Похищаемые объекты тем временем имели все меньшую ценность для похитителя, их нередко раздаривали окружающим. На смену корыстному мотиву приходило желание получить удовольствие или снять напряжение (гедонистическая или атарактическая мотивация). В межделиктные периоды у многих отмечались произвольные приятно окрашенные реминисценции и фантазии на темы богатства и совершения краж. Кражи совершались инициативно, преимущественно в группе с соучастниками, часто — с несовершеннолетними. Первый этап развития аддикции у группы ДВ был значительно укорочен, в первую очередь за счет чрезвычайно высокой частоты и доступности реализации девиантной активности в асоциальном окружении.

На этом этапе в обеих группах способность к произвольной регуляции поведения сохранялась полностью, эмоциональные нарушения были неглубокими. Говорить о патологичности поведенческого феномена как такового на этом этапе нельзя. Совершение кражи является средством выбора для достижения эмоционально комфортного состояния и может быть отнесено к непатологическим формам девиантного поведения. В распоряжении субъекта еще остается широкий спектр социально приемлемых средств достижения психологического комфорта.

Так, М., 24 года, сообщил, что думал, «как развеяться — выпить пива, ограбить коммерческий киоск или прыгнуть с тарзанки» и решил получить «двойное удовольствие — выпить пива, ограбив киоск».

Второе звено развития зависимости (формирование аддиктивного ритма и установление частоты реализации поведения) характери-

зуется появлением обсессивного (навязчивого) влечения к совершению краж, прогнозированием ожидаемого психологического и физиологического эффекта от реализуемой активности (формированием механизма эмоциональной саморегуляции), а затем притуплением этого эффекта (привыканием или ростом толерантности).

Подэкспертные с kleптоманией сообщали о навязчивом, периодическом желании украсть, возникавшем на фоне сниженного настроения. Принятие решения сопровождалось борьбой мотивов, беспокойством, тревогой. При неблагоприятных для них обстоятельствах (присутствие свидетелей и т. п.) подэкспертные отказывались от намерения совершить кражу. Однако ситуации, провоцирующие совершение краж, и поводы (плохое настроение, скука, чувство «нехватки адреналина») становились все более незначительными и разнообразными. Формировалось предпочтение какого-либо вида объектов кражи. Похищенное нередко коллекционировалось или складывалось в укромном месте. В период влечения лица с kleптоманией порой прибегали к заместительной активности — к азартным играм, виртуальному общению в интернете, употреблению алкоголя и марихуаны, фантазированию на эротические темы, к промискуитету.

В группе делинквентных динамика отличалась грубой прогрессивностью. Корыстный мотив терял значимость либо дезактуализировался. Подэкспертные быстро обнаруживали снижение ожидаемого психологического эффекта от криминального действия. Для его усиления они совершали кражи в состоянии алкогольного опьянения; прибегали к учащению криминальной активности, к совершению краж ежедневно или по несколько раз в неделю, вплоть до эксцессивности (до 12 краж в течение суток). Появление серийности или сезонности краж свидетельствовало о выработке аддиктивного ритма. Кражи совершались и в группах, и в одиночку. Меры предосторожности предпринимались редко. В двух третях случаев кражи совершались ситуативно, спонтанно, без предварительного планирования. Начинала реализовываться поисковая, заместительная активность, которая на следующем этапе трансформировалась в другие виды зависимого поведения либо в синдромы нарушения влечений.

С, 20 лет, вначале совершал кражи кур с птицефабрики и продавал их. Затем в течение нескольких месяцев совершал кражи сериями, «для настроения», даже если не мог получить материальной выгоды или использовать похищенное. Незадолго перед настоящим привлечением к уголовной ответственности С. поймал и убил не-

сколько кошек. По настоящему делу он обвиняется в совершении 28 краж кур, которым, еще живым, отрывал головы и испытывал удовольствие, смеялся и радовался при виде бегущей обезглавленной курицы, из которой фонтаном брызжет кровь.

На втором этапе период борьбы мотивов улиц группы ДВ практически отсутствовал, сводясь к мысли о том, «как бы не поймали». Эмоциональные или интеллектуальные нарушения способствовали фиксации аморальных и эгоистических установок. Большинство прекращало трудиться, так как преступная деятельность была для них более рациональна для удовлетворения примитивных потребностей. В периоды вынужденного воздержания от краж испытуемые группы ДВ часто прибегали к употреблению больших доз алкоголя, «тяжелых» наркотических средств (героина, первитина, галлюциногенов), ингалированию летучих растворителей, к вандализму, участию в драках, зооцидным действиям, поджогам, нанесению самоповреждений.

В рассматриваемом типе формируется поведение, сходное с поведением при зависимости от алкоголя и других психоактивных веществ. Влечение к реализации корыстной активности, достижение во время нее эмоционального и физиологического комфортного состояния, формирование ритма (серийности, сезонности) можно отнести к синдрому психофизической зависимости. Синдром измененной реактивности включает в себя исчезновение защитных знаков — снижение предосторожности при реализации краж, редукцию вегетативных компонентов реакции страха; рост толерантности (снижение амплитуды эмоциональных переживаний во время деликта, что приводит к эксцессивности). Явление отмены выражается не только в субъективном чувстве дискомфорта, но и в углублении эмоциональных нарушений, в прибегании к заместительной активности. Личностные изменения становятся заметны на следующем этапе. Перечисленные выше феномены являются составляющими так называемого «большого наркоманического синдрома», свойственного синдромам зависимости.

Таким образом, в случае делинквентных краж может идти речь о поведенческом расстройстве в виде зависимого поведения (по терминологии, предложенной В.Д. Менделевичем, 2003). В группе КВ на этом этапе имеется полное соответствие критериям клептомании. Отсутствие состояний измененного сознания, возможность переключения на иные виды активности свидетельствуют о сохранности произвольной регуляции действий на данном этапе.

Характерными для третьего звена развития аддикции (формирование аддиктивного поведения как интегральной части личности со стереотипизацией реагирования) являются: появление неодолимого (компульсивного) влечения к реализации девиантной активности; приоритет третьей фазы эмоционального паттерна (фазы стабилизации настроения) при нивелировке первых; а также встраивание в базисные структуры личности модели криминального поведения и начало использования этой модели в других обстоятельствах. Наиболее заметным динамическим феноменом на этой стадии является переход к иным формам зависимого поведения или формирование нового синдрома нарушения влечений.

По мере повторения краж наблюдались нарушения апперцепции и заметное притупление остроты эмоциональных и физиологических ощущений во время всех фаз. Исчезали защитные знаки. С целью усилить ощущения подэкспертные прибегали к неоднократным, эксцессивным совершениям краж до нескольких в день, сознательно больше рисковали при этом, редко предпринимая меры предосторожности или сокрытия следов. Эффект последствия (3-я фаза) укорачивался, что вело к нарастанию частоты краж или к сокращению светлых промежутков между сериями. Промежутки в большинстве случаев заполнялись иной активностью, также имевшей аддиктивный характер.

В межделиктный период в группе КВ отмечалось углубление аффективных колебаний, усугубление имеющихся патохарактерологических черт, усиливалась раздражительность. Появлялись, если не были свойственны ранее, отгороженность, нелюдимость. При снижении настроения влечение к кражам становилось неодолимым. Фантазии и реминисценции приобретали произвольный характер «наплывов». Несколько человек сообщили, что в период воздержания от краж они видят сны на эти темы. Период борьбы мотивов в ряде случаев мог отсутствовать. Подэкспертные описывали, что в межделиктный период их тяготили не стыд или раскаяние, как раньше, а «тягостное» чувство от бессилия прекратить кражи или «хотя бы получать от этого удовольствие», отмечая при этом чуждость, насильственность влечения. Прибегание к дополнительной активности в период совершения кражи на время «оживляло» старые ощущения. В редких случаях наблюдались эпизоды состояний измененного сознания.

У., 27 лет, заметил, что ощущения при совершении кражи притупились, а «успокаивался» он после совершения кражи «совсем нена-

долго». При повторных квартирных кражах У. перестал входить квартиру через дверь, даже если ту было легко открыть. Он специально проходил по карнизу высокого этажа, спускался с крыши по веревке и придумывал все более рискованные способы проникновения в помещение. Выходя с украденным, он старался попасться на глаза милиционеру, отчего испытывал еще большее чувство риска и, лишь оказавшись вне поля зрения посторонних, выбрасывал украденное, после чего наступало облегчение «депрессии». У. отмечал, что в последнее время ему было «достаточно любого замечания чтобы впасть в депрессию», а «рискованных ухищрений» при совершении кражи требовалось все больше, отчего он «устал». В последние несколько месяцев перед задержанием, пытаясь воздержаться от воровства, наносил самопорезы. Перед совершением одного из хищений У. нанес самопорезы, и, не дожидаясь, пока окончательно остановится кровь, начал взбираться на балкон 2-го этажа, где находилась квартира, из которой намеревался совершить кражу, и испытал более яркие ощущения, чем обычно. Он сообщил, что при этом «видел только балконную дверь и ничего вокруг», была только одна мысль — «открыть, забрать» и не помнит, что было в квартире, как он выходил обратно. Обратил внимание на то, что идет обратно знакомой дорогой, ему «легко, в коленях слабость, в руках — пальто и приемник». После двух следующих эпизодов краж самопорезы «уже не помогали». У. помнил произошедшее в деталях. После задержания У. заявил, что «рад, что закончился этот круговорот».

На этом этапе улиц с клептоманией происходила смена основного синдрома нарушения влечений, в 4 наблюдениях — на расстройства сексуального предпочтения (фетишизм, эксгибиционизм, раптофилия, педофилия). Нередко реализация парафильных актов сопровождалась совершением краж у жертв, которые один подэкспертный объяснил необходимостью «усиления ощущений». В 5 наблюдениях на этой стадии произошла спонтанная редукция клептомании, где на смену пришел синдром зависимости от психоактивных веществ. Еще в 6 наблюдениях клептоманию «вытесняли» прогрессирующие психические расстройства психотического регистра (органическое заболевание головного мозга, эпилепсия).

В группе Д В у подэкспертных преобладающим аффективным фоном в межделиктном периоде становилось напряженное, тоскливо-злобное настроение с раздражительностью, вспышками ярости. На этом этапе в основном совершались кражи со взломом, сопровожда-

ющиеся избыточно разрушительными действиями, поджогами. Наблюдалось чередование краж и разбойных нападений и грабежей. Подэкспертные часто пользовались предметами для разрушения препятствий (куски железной арматуры, кирпичи, лом). При снижении эффекта от самой кражи они испытывали эмоциональную разрядку от совершения деструктивных действий — взлома дверей, разбития стекол, разламывания на куски и разбрасывания приборных панелей при кражах из автомобилей, намеренного разбивания угнанных автомобилей. В нескольких наблюдениях они избивали соучастников, унижали их, демонстрируя им свою силу и превосходство. Кражи превращались лишь в привычный повод для подобной разрядки. Отмечавшиеся в двух случаях состояния измененного сознания относились не к моменту хищения, а к моменту совершения деструктивных действий.

На этом этапе в группе Д В также наблюдался неодолимый характер влечения. Однако это не было влечением к кражам, поскольку разрядка происходила от деструктивных или гетероагрессивных действий. У трети подэкспертных группы Д В заместительная активность носила аутоагрессивный характер — они наносили самоповреждения, в основном самопорезы, реже — ожоги, бились головой о стену, что объясняли нарастанием напряжения, «маетой», «бессильной злостью». Аутоагрессия сосуществовала или чередовалась с криминальной активностью. У всех лиц из группы Д В на этом этапе происходило формирование иных видов зависимого поведения — синдрома зависимости от ПАВ, вандализма, синдромов расстройств сексуального предпочтения (чаще — сексуального садизма), гомосексуального поведения. Эти виды поведения в своем развитии проходили те же звенья развития аддикции. Смена зависимости происходила у группы Д В чрезвычайно быстро и во всех наблюдениях на третьем этапе произошла трансформация зависимого корыстного поведения в иные виды зависимого поведения или расстройства влечений.

Улиц с клептоманией на третьем этапе влечение к кражам также носило неодолимый характер. Однако порой наряду с совершением клептоманических краж имели место корыстные кражи или кражи из гнева или мести, что уже не соответствовало критериям клептомании. Это было связано с прогрессированием аддикции, когда закрепившийся криминальный паттерн становится одним из способов личностного реагирования. Криминальное корыстное поведение могло как прогрессировать (в 3 наб.), так и трансформироваться в

новые формы аддикции или в иные синдромы нарушения влечений или редуцироваться самопроизвольно либо вследствие значительного утяжеления имеющегося психопатологического расстройства (например, эпилепсии).

На этой стадии становится очевидно, что динамика девиантной активности при аддиктивном типе имеет автономный характер и не зависит от динамики подлежащего расстройства. Наличие компульсивного характера влечения, выраженность эмоциональных расстройств, явления диссоциации в период деликта, недостаточность прогностических функций (отсутствие ожидаемого эффекта от совершаемой активности, что вело к эксцессивности и встраиванию иной активности в рисунок деликта), начинающаяся рационализация криминальной активности (снижение критических функций) свидетельствуют о сниженной способности к произвольной регуляции деятельности на этом этапе.

К последним, терминальным звеньям развития зависимого поведения могли быть отнесены при настоящем исследовании лишь 3 наблюдения группы КВ. Каждый подэкспертный обвинялся в совершении 6 и более эпизодов краж.

На настоящем этапе было характерно «избыточное» прибегание к аддиктивной активности, которая полностью определяла поведение, стиль жизни, отношения с окружающими и становилась основным модусом реагирования личности на самые разнообразные стимулы. Влечение рационализировалось, переставало быть субъективно тягостным, теряя дистонический и приобретая спаянный с личностью характер. Систематические хищения оправдывались необходимостью или какими-либо «благими целями». Появлялись заметны специфические негативные личностные изменения.

Каждый подэкспертный совершал кражи и по корыстным мотивам, и по иным. Двое были «профессиональными» ворами и относились к своей активности, как к «любимой работе». Помимо этого они совершали и кражи ненужных вещей, однако трехфазный эмоциональный рисунок здесь был нарушен. Напряжение перед кражей не ощущалось, пик положительных эмоций приходился на момент принятия решения совершить кражу или, напротив, сдвигался на выполнение появившихся ритуальных действий. Все свое время и энергию подэкспертные тратили либо на реализацию аддиктивной активности, либо на размышления по этому поводу. В отличие от предыдущих этапов кражи, совершаемые в корыстных целях, здесь тща-

тельно планировались, осуществлялись слежки за владельцами вещей, использовались технически сложные и изощренные приспособления — сканеры автомобильной сигнализации, универсальные отмычки и т. п. Совершавший карманные кражи подэкспертный занимался ежедневными многочасовыми упражнениями с шариками для тренировки кистей рук, особым образом стриг и подпиливал ногти. Хищения совершались всегда в одиночку. Аддиктивные «профессиональные» воры отказывались от работы «в цепочке» или «по заказу» и сбывали похищенное в разных местах несмотря на заведомо низкое вознаграждение. Кражи в отместку или «для удовольствия» совершались спонтанно. Раскаяния эти лица не высказывали, напротив, равнодушно или с бравადой называли себя «ворами».

Негативные личностные изменения представляли собой безразличие, несвойственную ранее черствость, эмоциональную холодность к тому, что не связано с реализацией аддиктивной активности, утратой прежних интересов, увлечений и привязанностей. Суждения обследованных отличались субъективизмом и во всех наблюдениях монотематичностью. Наблюдалось выраженное колебание настроения с обязательным присутствием апатического компонента. Обращала на себя внимание мозаичность личности — отгороженность, нелюдимость, монотонность, чувство самодостаточности, бездеятельность, высокомерие, недоверчивость сочетались с крайним эгоцентризмом, инфантильностью, неустойчивой самооценкой, склонностью к немедленной реализации необдуманных, сиюминутных решений, импульсивным поступкам, реакциям отказа, самовзвинчиванию. Безразличные и холодные, когда речь заходила о воровстве, они оживлялись, улыбались, становясь многословными и гротескно монотематичными. В двух случаях подэкспертные «одушевляли» объекты кражи — автомобили, говорили о них, как о живых. Отношение к объекту кражи в случае моноклептизма было сверхценным.

Так, подэкспертный Д., 27 лет, обвинявшийся в краже 11 автомобилей, рассказал, что автомобили ему нравились с детства, но воровать их начал с 18 лет, после смерти матери, к которой был сильно привязан. Вначале делал это «для риска, чтобы выйти из тоски». Через год для усиления ощущений начал прибегать к рискованному вождению и намеренно разбивать машины. Постепенно тяга к угонам стала неодолимой, «мешала жить». УД. выработалась привычка после угона обязательно проехать по «счастливому маршруту». В периоды воздержания от краж он стал испытывать «апатию и бессилие», что

«было хуже тоски». Когда у Д. родился ребенок, «решил сделать свое наваждение работой» и стал продавать автомобили, которые «теперь угонял только у плохих людей». Д. сообщил, что мог потратить сут для того, чтобы «в воспитательных целях» угнать недорогую автомашину и чувствовал себя хорошо «не от кражи, а от того, что поступил справедливо». Д. уверял, что машины «чувствуют» и говорил о них, как об одушевленных предметах. Во время экспертизы Д. был бездеятелен, к общению не стремился, но интересовался у каждого собеседника, имеет ли тот автомобиль и какой марки — у одних он выражал намерение угнать автомобиль «за плохое отношение к людям», другим, напротив — подарить.

Зависимое поведение как при kleptomатических, так и при делинквентных кражах, имеющее непатологические и патологические формы, развивается на основе различных психических расстройств, но приобретает особую автономную динамику, часто не совпадающую с динамикой основного расстройства. Интегративный подход к оценке состояния подэкспертного в этих случаях предполагает не только оценку изначального психического расстройства, но и установление этапа динамики зависимого поведения и феноменов, присущих этому этапу, что позволит точнее оценить способность субъекта к произвольной регуляции своих действий, а знание тенденций динамики зависимого поведения поможет представить более надежный прогноз в отношении как основного психического расстройства, так и зависимого криминального поведения для своевременного применения профилактических мер.

Таковы данные, полученные О.В. Леоновой, которые характеризуют особенности личности и субъективных стимулов поведения лиц, попавших в психологическую зависимость от собственного влечения к совершению краж и некоторых иных антиобщественных действий. Сама природа такого влечения еще не ясна до конца, но можно предположить, что здесь на «совершенно» бессознательном уровне действует, в одних случаях, страх не состояться без обладания какой-либо вещью, а в других — острая потребность в игре, ощущение опасности и угрозы, т. е. переживание страха. В любом случае соответствующие влечения носят патологический характер, причем они вполне способны сочетаться в одном человеке. Но тогда можно обнаружить их амбивалентный характер: страх не состояться, т. е. уйти от опасности, переплетается с противоположным стремлением пойти навстречу опасности, т. е. испытать страх. Это дает основание ду-

мать, что здесь мы имеем дело со страхами разной природы, выполняющими для личности различные функции.

Нельзя не отметить у аддиктивных преступников очевидную склонность к игре, клишированность, стереотипность действий, совершаемых, как правило, на определенной территории, причем некоторые такие действия носят символический характер. Подобное поведение свидетельствует о возврате человека к более ранним стадиям своей жизни. Это — в основном инфантильные личности. Они, естественно, не осознают наличие у них упомянутых черт и, главное, их роли в совершении общественно опасных действий. Они функционируют бессознательно.

Причины террористического преступного поведения и роль бессознательного

1

Если попытаться дать общую психологическую характеристику террористам, то можно прийти к выводу, что они принадлежат к экстремистскому типу сознания. Однако подобное суждение выглядит достаточно общим и расплывчатым, если не назвать конкретные психологические черты, которые присущи именно террористам и могут расцениваться в качестве их преступного поведения. Между тем депрессивные уже неоднократно квалифицировали как шизофреников, садистов, фанатиков, ущербных личностей, самоутверждающихся, пожираемых амбициями, морально глухих и даже бескорыстных и чистых мучеников за идею. О террористах же как об отдельном психолого-психиатрическом и даже социальном типе можно говорить лишь в том случае, если будут найдены такие их черты, совокупность которых свойственна именно им, а не другим типам.

Тогда можно будет обоснованно судить о террористическом поведении. В целом же психологов интересует информация о личности террориста нужна для решения многих практических задач в ходе оперативно-розыскной и оперативно-боевой деятельности, расследования преступлений террористического характера и их профилактики, задержания преступников и проведения с ними отдельных следственных действий, построения следственных версий, для ведения переговоров с террористами и т. д.

За последние годы накоплена значительная научная информация о личности террориста и субъективной детерминации преступного террористического поведения. Хотя соответствующие исследования еще не носят систематического характера, а психологические и психиатрические сведения о террористах достаточно отрывисты, они все-таки могут использоваться в теоретических и практических целях.

По мнению большинства исследователей, террористы составляют специфическую диагностико-психиатрическую группу. Хотя в некоторых работах среди террористов обнаружены отдельные расстройства психической деятельности, значительная часть сравнительных исследований не выявила никакой явной психической ненормальности в большинстве случаев. Тем не менее, на путь терроризма чаще становятся люди со специфической личностной предрасположенностью, которая не приводила бы ни к каким негативным последствиям, если бы не воздействие микросреды.

Приводимые ниже данные основаны на изучении группы лиц, обвиняемых в терроризме, захвате заложников и похищении людей. Для их обследования специально была составлена анкета, в которую вносились данные биографического, криминологического, психологического и психиатрического характера. При этом широко использовались клинические беседы и психологическое тестирование. Если суммировать результаты исследований, наиболее характерными для террористов особенностями являются следующие.

Общая черта многих террористов — тенденция к экстернализации, поиску вовне источников личных проблем, а поэтому такие источники становятся объектами агрессии. Хотя эта черта не является явно паранойяльной, имеет место сверхсосредоточенность на ней. Причем необходимо отметить, что экстернализация присуща практически всем категориям террористов: политическим, сепаратистским, этнорелигиозным и др. Такая особенность является психологической и идеологической основой для спланированного терроризма и несомненно принадлежит к числу ведущих. Она активно питает ненависть к представителям иных национальных, религиозных или социальных групп, приписывание им самых отвратительных черт, объяснение собственных недостатков, неудач и промахов только коварством и злобой врагов. Отсюда особая жестокость при совершении террористических актов, отсутствие сопереживания их жертвам. Как показали проведенные нами обследования конкретных лиц, об-

виняемых в терроризме¹, им непереносимо признать себя источником собственных неудач.

Другие характерные психологические черты личности террористов — постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой и незначительное внимание к чувствам других, иногда даже их игнорирование. Эти черты связаны с паранойяльностью террористов, которые склонны видеть постоянную угрозу со стороны «других» и отвечать на нее агрессией. Так, для 88% обследованных нами лиц, обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности, типична агрессия как реакция на возможную опасность со стороны среды.

Паранойяльность у террористов сочетается с инертностью, застреванностью эмоций и переживаний, которые сохраняются на длительный срок даже после того, как исчезла вызвавшая их причина. Ригидные явления и процессы ведут как бы автономные от личности переживания.

Многие террористы испытывают болезненные переживания, связанные с нарциссическими влечениями, неудовлетворение которых ведет к недостаточному чувству самоуважения и неадекватной оценке личности. Вообще нарциссизм имманентно присущ террористам, причем не только лидерам террористических организаций, но и рядовым исполнителям. Эту черту можно наблюдать как у политических, так и этнорелигиозных террористов, особенно в их высказываниях, в которых звучит явное торжество по поводу их принадлежности к данной группе. Они убеждены в своем совершенстве, в своих выдающихся личных особенностях и превосходстве над другими только или главным образом по той причине, что они принадлежат к данной этнорелигиозной (политической, социальной) группе, которая является единственно «правильной». Чтобы доказать это себе и другим, такой террорист совершает дерзкие нападения и пренебрегает общечеловеческими ценностями.

Собственно говоря, это нарциссизм, причем в самом опасном обличье — групповом, проистекающем из принадлежности к большой социальной группе.

Нарциссические личности воспринимали бы свои ошибки и недостатки в окружающем их мире: им важно, что названные причины никак не мо-

¹ Эмпирическое изучение личности террориста осуществлено совместно с Б.В. Шостаковичем, Э.А. Биджиевой и В.И. Поливановым.

гут быть порождением их личности и тем более собственной группы. Вот почему они отщепляют от своей личности низкооцениваемые и причиняющие психотравму части и проецируют их на другие национальные и религиозные группы, на культуру, которую они считают враждебной, и уже в таком качестве воспринимают ее. Другая культура и ее носители поэтому вполне могут стать объектом нападения.

Для многих людей, профессионально занимающихся террором, характерна замкнутость на своей террористической группе, ее ценностях, целях, активности. Такая сосредоточенность вроде бы свидетельствует о цельности и целостности личности, но на самом деле ведет ее к культурологической изоляции, накладывает жесткие ограничения на индивидуальность человека и свободу его выбора. Он начинает еще более резко делить весь мир на свой и чужой, постоянно преувеличивая опасности, грозящие со стороны других культур.

Лица, склонные к терроризму, принадлежат к людям тогосклада, для которого характерен примат эмоций над разумом, непосредственных активных реакций на действительность над ее осмыслением; предвзятость оценок, низкий порог терпимости и отсутствие должного самоконтроля, они достаточно легко и естественно сживаются с идеей насилия. Не случайно среди обследованных нами преступников террористической направленности 44% отличаются явной эмоциональной неустойчивостью, а для 80% характерны эмоционально насыщенные ассоциативные образы. 51% обследованных склонны скорее действовать, чем осмысливать происходящее и строить обоснованный прогноз. Разумеется, указанные особенности личности террористов не исключают продуманности и рациональности их агрессивных действий, что еще раз свидетельствует о полимотивации последних. Так, среди обследованных нами лиц, причастных к терроризму, 68% двигали корыстные стимулы, а 24% — достижение таких конкретных целей, как освобождение арестованных и осужденных соучастников и иных лиц, связанных с террористами.

Среди террористов много тех, кто движим бессознательными игровыми мотивами. Для них участие в террористических актах — игра: с обстоятельствами, врагом, правоохранительными органами, судьбой, даже со смертью. Особенно это характерно для молодых людей, в том числе подростков. Не исключено, что это может быть черта национального характера, связанного с трудной и противоречивой исторической судьбой народа.

Исследуя конкретных террористов, можно было убедиться, что большинству из них присущи предельная нетерпимость к тем, кто думает иначе, и фанатизм, порожденный максималистскими идеями «спасения» свой этнорелигиозной группы, ее торжества и полного посрамления и уничтожения ненавидимых врагов. Им свойственна твердая уверенность в обладании абсолютной, единственной и окончательной истиной или в то, что те, кому они подчиняются, конечно же, обладают ею. Отсюда вера в свое мессианское предназначение, в высшую и уникальную миссию во имя «спасения» и счастья своей нации или сторонников своей веры. Убежденность в воевой миссии может быть «темной», чисто эмоциональной, а может основываться на «рациональных» идеологических постулатах, святости традиции, мудрости лидеров. Подобная убежденность отличает истинных террористов от «попутчиков», которые согласились совершать террористические акты из корыстных соображений, и от темных, неосведомленных, попавших под чье-то влияние людей.

Полагаем, что предельная нетерпимость обычно порождается шизоидностью, что, кстати, свойственно многим малым народам, особенно тем, кто вынужден постоянно отстаивать свою независимость.

В целом этнорелигиозные террористы принадлежат к закрытому типу личности, что исключает всяческую критическую мысль и свободу выбора, поскольку они видят мир только в свете предустановленной «единственной истины». Логическим следствием «закрытости» и фанатизма является подчас поразительная парадоксальность, узость, односторонность, стереотипность, ведущие к максималистской абсолютизации частного, произвольно вырванного из общей системы связи и совершенно не учитывающего другие позиции и представления. Очень часто вследствие этого мир теряет реальные очертания, само же сознание и его образы становятся мифологизированными. Формирующиеся в нем символы приобретают бытийное значение, а поэтому посягательства на них, действительные или мнимые, воспринимаются крайне болезненно.

Психолого-психиатрические особенности личности террориста во многом определяются тем, что он непосредственно соприкасается со смертью, которая, с одной стороны, влияет на его психику, поступки и события, в которые он включен, а с другой — его личностная специфика такова, что он стремится к ней. Террорист начинает соответствовать ей, разрушает последние преграды, отделяющие от нее, как бы

позволяет ей непосредственно влиять на себя. Это — террорист-некрофил. Смерть отпечатывается на нем образ, начинает говорить с ним на своем языке, и он его понимает. Террорист не защищен от нее задачей выживания, которую чаще всего и не ставит перед собой, поскольку сам стремится к ней. Раз приблизившись к ней, такой человек начинает приобретать опыт, который либо осознается и становится основой внутреннего развития, либо не осознается и на уровне личностного смысла определяет поведение, в том числе через потребность вновь и вновь испытать дрожь соприкосновения с тем, что находится за гранью. Наркотическая для них атмосфера близости к смерти может толкать на совершение самоубийственных террористических актов, но также и других убийств, не обязательно террористических, например, при участии в разных военных конфликтах.

Всех обследованных террористов мы сопоставили с теми, которые совершили убийства в сфере быта, семьи и досуга. Приведем вначале некоторые общие показатели, характеризующие эти две группы. Прежде всего оказалось, что средний возраст террористов (28 лет) несколько ниже, чем возраст бытовых убийц.

Семейная адаптация и состояние в браке в этих группах были сходными. Как показатель внутрисемейной адаптации учитывалась роль обследуемого лица в семье. При этом роль лидера в семьях была одинаковой в обеих группах, однако роль подчиненного в основной группе обследованных отсутствовала, в то время как в группе «обычных» убийц она встречалась в 16%.

Уровень образования в основной группе был выше за счет лиц, имеющих высшее или незаконченное высшее образование (26% против 10%). Число лиц, занятых умственным трудом, более чем в три раза превышало этот показатель в группе сравнения (17% против 5%). Лиц, занятых физическим трудом, в основной группе было на 10% меньше; здоровых, но неработающих вдвое больше.

Без особенностей прошли армейскую службу 37% подэкспертных основной группы и 47% группы сопоставления. Не служили по иным причинам 13% из группы террористов и 21% из группы сопоставления.

Половина подэкспертных основной группы воспитывалась в полных семьях. Значительных нарушений типа воспитания не было, только у 4% можно было отметить гипоопеку, в то время как в группе сопоставления почти у половины прослежена гипоопека и у трети — гиперопека. Возможно, это связано с некоторыми национальными особенностями воспитания.

Таким образом, можно полагать, что в целом уровень социальной адаптации в основной группе был выше, чем в группе лиц, совершивших «обычные» убийства за счет более высокого образовательного уровня, хотя число неработающих оказалось больше.

Среди психиатрических данных обращает внимание меньшая психопатологическая отягощенность у этих испытуемых. Так, среди родственников шизофрении встречалась примерно одинаково в обеих группах (6% и 7,5%), в то время как алкоголизм в пять раз реже (8% в основной группе против 42% в группе сопоставления). Патология в родах также отмечена у первых в два раза реже.

Известно, что в развитии агрессивных установок большое значение имеет игровая деятельность в детстве. Социально приемлемые формы игровой деятельности прослеживались почти у половины лиц обеих групп, в то время как социально неприемлемые в основной группе встречались почти в два раза реже (соответственно 12% и 21%). Взаимоотношения со сверстниками отличались главным образом по показателю отвержения, отказа от совместных игр. Таких в основной группе было в три раза меньше по сравнению с группой «обычных» убийц (4% и 12%). В то же время показатели равных, партнерских отношений и лидерства в основной группе были ниже, чем среди совершивших убийства (соответственно 33% и 55% и 10% и 14%).

Из приведенных данных можно сделать очень важный вывод: истоки формирования личности именно террориста лежат в социальной среде, *Всmb^Lmw^mzsmmiah*. В ней человек оказывается совсем не свободным в выборе поведения и определении ведущих ценностей. Они ему конечно, не навязываются, а «входят» в него незаметно. Он жестко привязан к среде, его беда не в отчуждении, а, напротив, в чрезмерной зависимости от непосредственного окружения.

Так называемый социальный преморбид, т. е. формирование социальных установок, которое происходит в юности, имеет большое значение для последующей криминальной активности. При исследовании группы «обычных» убийц было отмечено, что более чем у трети обвиняемых не было выявлено каких-либо особенностей в формировании социальных установок, но у половины остались сформированными общепринятые морально-этические нормы. В основной группе (террористов) формирование обычных социальных установок прослежено почти в половине случаев (46%), их несформированность выявлялась реже. Однако в *цж^к^дагополучное* социальное развитие в обеих группах встречается весьма часто. Вместе с

тем к этим данным нужно подходить с немалой осторожностью. Необходимо помнить, что неблагоприятный ход жизни может заключаться как раз в том, что формируются искаженные представления о своей нации и вере и нации и вере других, в целом негативное отношение к культуре других народов.

Приведем некоторые психиатрические данные, имеющие криминальный характер.

Черепно-мозговые травмы в прошлом отмечались примерно с одинаковой частотой. Под наблюдением ГТНД в прошлом состояли лишь треть лиц из основной группы и 42% группы сопоставления. Диагноз алкоголизма встречался значительно реже в исследуемой группе террористов. Это заболевание вообще очень редко встречается среди террористов, сам характер террористического поведения обычно исключает алкоголизм. Судебно-психиатрическую экспертизу по прежним уголовным делам проходили 8% террористов и 27% убийц, причем доля невменяемых оказалось почти равной — 6 и 7%.

Оценка особенностей психопатологического синдрома в период совершения правонарушения показала, что этот признак в группе сравнения встречался почти в два раза чаще. Так, бредовые и сверхценные образования в основной группе составили 4%, в сравнительной — 22%, аффективные синдромы соответственно 4% и 23,5%, различные варианты личностных расстройств — 38% и 56,5%, расстройства влечений — 2% и 26,5%, умственная отсталость — 4% и 14%.

Экспертное решение «вменяемы» было принято в отношении 88% лиц основной группы, а в группе сравнения — 63%, невменяемы — 8% среди первых и 31% среди убийц.

Психиатрический диагноз в результате проведенных экспертиз выглядит следующим образом: «психически здоров» среди террористов — 42%, убийц — 10%; «шизофрения» — соответственно 8% и 16%, «эпилепсия» — 2% и 2%; «психопатия» — 6% и 15%, «остаточные поражения головного мозга» — 24% и 33%, «алкоголизм» и «наркомания» — 4% и 10%; «умственная отсталость» — 2% и 4%.

Иными словами, в группе террористов доля лиц с психической патологией оказалась значительно меньшей, хотя личностные расстройства встречались довольно часто.

При сопоставительном анализе мотивации общественно опасных действий выяснено, что болезненная мотивация, если в нее включать психопатическую, составила 20% у лиц основной группы и 36% в сравнительной группе.

Среди вариантов психологической мотивации поведения преобладала корыстная мотивация действий более чем в 68% против 9% в группе сравнения. Это понятно, поскольку в основную группу были включены и лица, обвинявшиеся в захвате заложников с целью выкупа. При этом надо заметить, что корыстная мотивация не самая характерная черта «бытовых» убийц. Мотив мести конкретным лицом лишь отмечен в 4%. По сравнению с 10% в группе «обычных» убийц. В одной трети случаев выявлены «иные мотивы» действий. Вообще мотивы террористического поведения не следует грубо делить на две группы — корыстные и бескорыстные, даже в случае захвата заложников. Такое поведение почти всегда полимотивировано, но некоторые мотивы на глубинном, смысловом уровне могут носить бессознательный характер и не выявляются при недостаточно квалифицированном личностном анализе.

При анализе мотивов общественно опасных действий, кроме отмеченных выше преобладающих корыстных, выявлены мотивы истерической самоактуализации (6%), «наведение страха» (4%), получение политических выгод (6%), достижение конкретных целей (24%), установление «справедливости» (24%), уничтожение политических и иных противников, обеспечение торжества своей религии или нации (8%).

Психическое здоровье «обычных» убийц оказалось гораздо хуже, чем у террористов, и, следовательно, оказывало большее влияние на их преступные действия. Так, бредовые расстройства — обнаружены у 22% среди первых и только 6% среди вторых, аффективные расстройства — соответственно 23,5% и 4%, синдромы расстройств личности — 55,9% и 38%, синдромы расстройств влечений — 26,5% и 2%, слабоумие — 13,7% и 4%. Что касается некоторых психологических данных, то они характеризуют террористов следующим образом: мнестические процессы в норме зафиксированы у 84%, высокий темп умственной деятельности — у 26%, достаточный — у 60%, устойчивое внимание — у 77%, устойчивая работоспособность — у 60%, высокий уровень обобщения — у 60%, средний — у 33%; существенные признаки способны обобщать 80%, способность к переносу и установлению логических связей выявлена у 60%.

Более половины обследованных террористов были способны к ясному осознанию и постановке целей своего поведения, около половины могли четко оценивать промежуточные цели и прогнозировать возможные последствия своих поступков. Абсолютное большинство

преступления в группе террористов планировались и готовились заранее, в то время как в группе «обычных» убийц запланированными было только около 15%.

Группоцентрическое поведение, т. е. ориентация на референтные нормы асоциальной группы при регуляции поступков, выявлено более чем у половины лиц из группы террористов. Лидирующее или высокое положение в группе занимали почти три четверти обследованных, рядовых исполнителей была одна четверть. В групповых преступлениях «бытовых» убийц имели место обратные отношения — среди обследованных убийц преобладали исполнители. 75% групп террористов состояло из 5 человек и более.

Эти данные дают все основания для важного предположения, что мотивы террористических действий в основном формируются не в неформальных антиобщественных малых группах, не под влиянием опасных общеуголовных преступников и не в совместном совершении «обычных» преступлений. Возникновение и развитие указанных мотивов происходит в ходе семейного воспитания, под влиянием местных этнорелигиозных обычаев и традиций, носящих сугубо пережиточный характер, под влиянием призывов старших и авторитетных лиц. Данные обстоятельства имеют немалое практическое значение.

В свете сказанного большой интерес представляют собой полученные нами данные об отношении террористов и «обычных» убийц к содеянному: среди первых полностью отрицают свою виновность 31 %, среди вторых — 20%, не сожалеют о содеянном соответственно 8% и 12,7%. Такие различия могут быть отчасти объяснены тем, что «обычные» убийцы совершили насилие в отношении главным образом своих, а террористы — исключительно в отношении чужих и чуждых, которых к тому же ненавидели как представителей иной культуры. Полагаем, что последний фактор принадлежит к числу ведущих.

Перейдем к рассмотрению проблем бессознательной мотивации самоубийственного терроризма, исследование которого актуально для многих стран, в том числе и России.

Иногда, особенно в средствах массовой информации, этот вид терроризма именуют шахидизмом, а террористов — шахидами. Это не может не вызывать возражений, поскольку, во-первых, шахидами называют мучеников за веру, за Аллаха, но в России никого за это не

преследуют, да и никогда не преследовали. Во-вторых, к самоубийственному терроризму могут прибегать не только мусульмане, но и представители любых других конфессий.

Самоубийственный терроризм, как и терроризм в целом, всегда есть проявление слабости, потому что к нему прибегают тогда, когда другими путями решить поставленные задачи невозможно. Это принципиальное положение относится не только к области терроризма, но и к войне: к самоубийственным атакующим действиям прибегают лишь в случае военной несостоятельности, как, например, японские камикадзе. В сильных, победоносных армиях такое не практикуется, а если имеет место, то лишь по собственному индивидуальному желанию. Естественно, что и насаждать подобное в армии, специально обучать этому можно лишь при наличии определенной ментальности™, соответствующих духовно-нравственных установок. Они были, например, в Советской армии времен Второй мировой войны, когда жизнь человеческая совсем не ценилась. В отдельных случаях в самопожертвовании бывают весьма заинтересованы государство или террористические группировки (например, этнорелигиозные), если им нужны жертвы для возбуждения жажды мести за погибших. Это наблюдали, например, во время чеченских войн.

Один из самых сложных вопросов — из кого выбирают террористов-самоубийц, как их готовят, какие методы для этого используют. Здесь много зависит от характера и объекта намечаемого террористического акта. Атаки японских камикадзе в годы Второй мировой войны или исламских экстремистов на небоскребы Нью-Йорка и здание Пентагона в Вашингтоне несомненно требовали тщательного отбора и длительной подготовки кандидатов в самоубийцы.

Как следует из имеющихся эмпирических материалов, сама подготовка неоднозначна — она включает в себя психологический, технический, оперативный и иные аспекты, в зависимости от конкретных задач, которые поставлены перед террористами. Но как минимум два из них присутствуют во всех случаях — это психологический и технический.

Психологическая подготовка всегда чрезвычайно важна, представляет собой воздействие на психику человека, убеждение его в необходимости, обоснованности и целесообразности совершения самоубийственного шага, подавление воли и полное, если это требуется, подчинение «наставнику». Проще это сделать в отношении лиц с повышенной внушаемостью или сильным чувством вины, что весьма характерно

для акцентуированных и психопатических личностей, фанатически заряженных людей, склонных видеть причины собственных провалов и неудач или незавидного, по их мнению, положения своего народа в «коварных происках» представителей других культур, причем тут этническая и религиозная принадлежность «врагов» имеет первостепенное значение.

Среди исламских экстремистов объектом внушения для последующего террористического использования всегда были женщины, поскольку они занимали подчиненное место в микросреде. С их желаниями и мнениями можно не считаться, они просто «обязаны» делать все, что прикажет мужчина, тем более облеченный властью. Достаточно распространены систематические расправы над женщинами, которых определили в террористки-самоубийцы: их постоянно избивают, унижают, грозят убийством, разглашением позорящих сведений и т. д. Доведенные до отчаяния, подобные лица в самоубийстве начинают видеть желаемый выход из своей тупиковой ситуации. Особенно часто кандидатками в террористки-самоубийцы оказываются молодые женщины, мужья которых и другие близкие погибли во время войн (например, чеченских) или этнорелигиозных и иных конфликтов. В отношении их активно эксплуатируется чувство вины, им постоянно внушается, что они обязаны мстить.

Л.А. Китаев-Смык в интервью журналу «Огонек» (2004 г.) говорит о том, что в Чечне женщины, вступившие на путь войны, называются «джаро» — вдова, даже если она не вдовая. Это слово предосудительное, унижает женщину, намекает на некие ее неправильные действия, потому что женщина должна заниматься женским делом, а не воевать. Если она вступила в мужской коллектив, пусть даже мстя за родственников, она уже не сможет быть благопристойной женщиной, в мужском коллективе что-то на нее обязательно накладывается. Даже если это и оправдано, всегда в какой-то мере позорно. К тому же многие чеченцы, и не только кандидатки в самоубийцы, находятся в депрессивном состоянии (поданным Китаева-Смыка, 90—98%), переживают отчаяние, горе, безысходность. Поэтому для них самоубийственная месть представляется выходом из таких состояний.

Особое внимание Китаев-Смык обращает на состояние женщин, которые должны пожертвовать собой. Его он называет предсмертный транс, в рамках которого чувство приятнейшего экстаза, необычайной радости жизни, «Я» освобождается от любого давления, никакого «суперэго» не остается, все традиции и социальные нормы уже малозначимы. Человек делает только то, что приятно. Когда за

день-два женщина идет по улице, ей приятно идти, потому что это она сама лично идет, а не кто-то, кого всю жизнь родители или семья загоняли в нормы горских обычаев. Характерным качеством души террористки-смертницы является то, что все вокруг становится необычайно ярким. И чем ближе смерть, тем ярче мир. К тому же они находятся в состоянии упоения властью. Вот ходят вокруг беспечные люди, и все во власти человека, обреченного на смерть и готового взорвать себя и их.

Имеющиеся эмпирические данные не дают оснований согласиться с отдельными приведенными здесь положениями. Так, вызывает сомнение, что смертницы-чеченки испытывают чувство приятнейшего экстаза и необычайной радости, во всяком случае далеко не все, особенно учитывая, что их заставили пожертвовать собой.

Если иметь в виду террористов не только в Чечне, то следует отметить, что иногда психологическая подготовка к террористическому акту включает в себя наркотизацию кандидатов или кандидаток в суициденты. В одних случаях в состоянии острого абстинентного синдрома им дают наркотики только в обмен на беспрекословное подчинение и согласие пожертвовать собой. В других, более сложных ситуациях в состоянии наркотического опьянения мужчине предлагают различные яства и женщин, убеждая в том, что он находится в раю. Когда он со временем и путем повторения таких ситуаций перестает чувствовать разницу между действительностью и виртуальной реальностью, созданной наркотиком, ему для того, чтобы он смог в очередной раз «посетить рай», предлагают совершить самоубийственный террористический акт.

Тех женщин, которых готовят в Чечне к самоубийственным террористическим актам, постоянно «подпитывают» наркотиками, добиваясь этим и полного подчинения, и утраты связи с реальностью. По-видимому, это повседневная практика, распространяющаяся и на мужчин.

Психологическая подготовка самоубийц, совершивших террористические атаки в США в сентябре 2001 г., была, как можно полагать, весьма квалифицированной, тщательной и длительной. Ее осуществили прекрасно подготовленные специалисты, причем их работа затруднялась тем обстоятельством, что террористы, которых они готовили, не были изолированы в каком-то центре, поскольку обучались летному делу, и, следовательно, общались с широким кругом людей, несколько не подозревавших об их террористических намерениях.

рениях. Последние невольно могли воздействовать на такие намерения. Был велик риск не только того, что подготавливаемые откажутся участвовать в нападении, но и могут предать своих «начальников» и наставников. К тому же, обучение летному делу было длительным, что тоже весьма повышало степень риска. Если кто-то из них и отказался от террористического самоубийства, то это прошло незамеченным, предательство же, скорее всего, не имело места.

Следовательно, отбор кандидатов и их психологическая подготовка были безукоризненными, хотя мы и не знаем, как эта работа осуществлялась, и судим по результатам. Они убеждают нас в том, что люди, которые использовались в беспрецедентных нападениях в США, отличались особой стойкостью и убежденностью в своей правоте, исключительной ригидностью и фанатической заряженностью, не подвластны никаким аргументам. Вероятно, такие люди разделяли весь мир на своих и чужих, раз и навсегда наделив последних всеми чертами гнусных врагов. Они обладали и другими очень важными особенностями, о которых пойдет речь ниже: чтобы пожертвовать собой, недостаточно быть толерантным, ригидным и фанатичным.

Таким людям нужно было дать и требуемое техническое летное образование, чтобы они могли осуществить задуманное. Значит, эти люди должны были обладать определенными техническими навыками и умениями. Вообще элементарные технические знания необходимы и другим террористам-самоубийцам, например, тем, которые взрывают на себе пояса смертников в местах скопления людей: они должны уметь это сделать.

В некоторых случаях террористы-самоубийцы должны получить и оперативную подготовку, если им надо замаскироваться, незаметно проникнуть на нужный объект, обмануть охрану, пронести взрывное устройство, поддерживать связь с другими преступниками и т. д. Могут понадобиться и навыки владения оружием.

По понятным причинам мы не располагаем достоверной эмпирической информацией о психологических особенностях личности тех, кто решился на самоубийственные террористические акты. По этой причине огромную ценность представляют выборочные, даже отрывочные сведения, получаемые относительно отдельных террористок.

И. родилась и воспитывалась в Чечне, в 19 лет вышла замуж без юридического оформления брака, стала второй женой. Через несколько месяцев муж был убит. Родившегося после его смерти ребенка забрали родители мужа, в связи с чем И. испытывала острые

переживания. В этот период познакомилась с мужчиной, который оказался чеченским боевиком. Он, по ее словам, постепенно сделал ее ваххабисткой, уговорил вступить в борьбу с неверными, постоянно снабжал ее религиозной литературой. Сначала она жила с ним в деревне в Чечне, затем под Москвой. Вместе с ней жили еще несколько женщин, которые также готовились стать самоубийцами-смертницами, а также еще один боевик-террорист. Время от времени женщинам давали выпить какую-то жидкость якобы для того, чтобы они не волновались. Когда пришло время привести взрывное устройство в действие, в последний момент И. отказалась это сделать.

Психологическое обследование И. показало, что ее эмоциональные реакции адекватны ситуации. Интеллектуально-мнестические функции сохранены, однако суждения нередко поверхностны и незрелы. Отмечаются черты эмоциональной незрелости с сочетанием непосредственности в поведении, некоторой прямолинейности и импульсивности, склонности к вытеснению, с одной стороны, и склонности к тревоге, настороженности по отношению к окружающим, тенденции к анализу ситуации и рационализации, с другой. Ее отличает высокое чувство ответственности, обязательность, упорство при достижении цели, хороший самоконтроль, осознание социальных требований, эмоциональная стабильность и уравновешенность, практичность и прагматичность установок. В то же время высокая сензитивность, склонность остро реагировать на потенциальные и реальные угрозы, сдержанность и скрытность определяют возможную дезорганизацию поведения в стрессовых условиях с трудностью выбора конструктивных самостоятельных выходов из конфликтных ситуаций, в которых доминирующими моментами являются отрицание своей вины при обвинениях в ее адрес, сдерживание собственных внешнеобвиняющих реакций, надежда на естественный ход событий.

При стремлении к независимости и самостоятельности у И. развиты навыки приспособления к окружающим. В самосознании доминирующими ценностями являются стремление к внутренней свободе и покою.

Перечисленные психологические особенности И. позволяют понять, почему она попала под влияние тех, кто готовил ее к роли смертницы, и почему она все-таки отказалась взрывать себя, хотя именно эта женщина в силу последнего обстоятельства не может считаться типичной некрофильской личностью. Так, прямолинейность и импульсивность,

высокое чувство ответственности и обязательность объясняет то, что она попала под влияние террористов. Высокая сензитивность, склонность остро реагировать на угрозы дают возможность понять ее колебания в решающий момент и окончательный отказ взорвать себя.

Однако выявление, учет и оценка отдельных психологических особенностей личности террористов-самоубийц, как бы важны не были полученные сведения, не позволяют понять и объяснить все исследуемые явления в целом. Нужны еще более широкие обобщения, обращение к скрытым, потайным механизмам человеческого поведения, глубинным мотивам. Научное исследование здесь ни в коем случае не может ограничиваться только учетом внешних, пусть и глобальных и самых разрушительных влияний.

Для объяснения самоубийственного терроризма необходимо использовать результаты теоретического осмысления эмпирического материала о некрофильских особенностях некоторых категорий насильственных преступников. О них уже говорилось в этой книге ранее. Напомним лишь, что некрофильское убийство, поскольку убийца стоит на грани между жизнью и смертью, а само оно в наиболее полной форме выражает движение к последней, является одним из способов связи между этими важнейшими сферами. Люди издревле искали такую связь, пытались заглянуть в небытие в первую очередь для того, чтобы узнать, каково им будет там. В меньшей степени они ждали от смерти предсказаний, т. е. наделяли ее прогностической силой, причем очень большой. Так, идолопоклонники Сирии и Иудеи пытались получить предсказания от отрубленных голов убитых ими детей, сообщает Э. Леви в своей «Истории магии». Они верили, что последние крики их жертв могут дать им необходимую информацию.

Анализ имеющихся материалов на самоубийц-смертников делает возможным предположить у них наличие следующих качеств:

- полное отсутствие психологической идентификации с жертвами; они никогда не думают о них, не жалеют их, не способны сочувствовать им;
- ощущение своего особого назначения, своей избранности в связи с исполнением чрезвычайно важной и почетной миссии;
- бессознательное влечение к смерти, в которой они видят не небытие, а некий рубеж, за которым начинается новое существование, гораздо более счастливое и радостное;
- острое переживание чувства вины и осознание необходимости понести кару за свои действительные или мнимые грехи. У значи-

тельной части подобных людей наблюдаются депрессивные состояния при ограничении внешних контактов и отсутствии действенной помощи. В отношении них следует особенно подчеркнуть чувство вины и самоупрека. Подобных «виновных» надо отличать от тех, которые покончили с жизнью из-за утраты ее смысла и невозможности поэтому жить дальше. Они как бы подводят итог, приходят к самому неутешительному балансу, ощущая себя в глухом тупике, из которого нет иного выхода, кроме смерти;

- восприятие смерти, своей и чужой, не как наивысшей катастрофы, а как переход в новое бытие, как способ решения очень актуальной и сложной проблемы;
- сниженная устойчивость к эмоциональным нагрузкам, неадекватная личностным возможностям низкая самооценка, слабые способности психологической защиты. Среди террористов-самоубийц (мужчин и, прежде всего, женщин) эти особенности налицо: они не способны эффективно защищаться при психологическом давлении на них, оценивают себя весьма невысоко, бессознательно воспринимая себя лишь в качестве «пушечного мяса», т. е. человека, который годен лишь на то, чтобы взорвать себя, использовать лишь свое тело в достаточно несложных, даже примитивных поступках.

Не только для многих примитивных народов, но и для современных верующих, в том числе христиан и мусульман, особенно для богословов, человек умирал лишь для мирской жизни, что не являлось важным, поскольку жизнь представляется лишь звеном в переходе к вечному существованию. Смерть означает начало духовного возрождения, что и имеет наивысшую ценность, хотя страх смерти присутствовал всегда, и его не способна устранить ни одна религия или иное верование в мире. Но человек ни в коем случае не должен останавливаться, а двигаться вперед. Постоянное движение даже к смерти является важным условием загробного существования, а сама смерть непременным его началом. Следовательно, к смерти можно и нужно стремиться.

Такая схема должна лежать в основе объяснения суицидальных террористических актов, особенно мусульманских экстремистов, среди которых религиозные верования весьма крепки. Подобно древним людям, они возлагают на смерть задачу решения жизненных вопросов. В данном случае речь идет не о тех, кто организует самоубийственный терроризм — они ведут войну, используя особые средства, поскольку иные им недоступны, — а о тех, кто жертвует собой.

Следует выделить чеченских женщин, которые пожертвовали собой. Выше уже отмечались те ситуации, в которых они находились перед суицидальным актом, когда их готовили к его совершению. Нельзя сказать, что все они как одна безропотно решались на такой шаг, отдельные из них пытались сопротивляться и, в конце концов, отказывались сделать требуемое, что и спасало им жизнь. В одних случаях их за это просто убивали, в других — они оказывались полными изгоями в своей среде, спивались, становились проститутками, опускались на самое дно, от них отворачивались даже собственные родители. В условиях же подготовки к террористическому акту такие женщины обычно оказывались в абсолютно тупиковой ситуации, из которой они видели только один выход — смерть. Очень важно отметить, что сами кандидатки в смертницы не распоряжаются своей жизнью, она в руках тех, кому они привыкли повиноваться. Как правило, смертницы вербуются из числа потерявших мужа, брата или других родственников, за которых надо мстить. Подготовка смертниц практических всегда проходила подпольно, что психологически очень сближало всех, кто в ней участвовал. Женщины, которыми до того времени мало кто интересовался, и некоторые из них как бы находились за бортом жизни (среди них были незамужние, на которых террористы якобы женились — браки нигде не регистрировались), вдруг почувствовали, что они значимы, востребованы, нужны, им доверено очень важное дело, с ними иногда даже и общаются как с равными.

Вообще некрофилия может носить фундаментальный либо ситуационный характер. В первом случае — это ведущая, исконная черта человека, определяющая его жизнь, бессознательный выбор тех или иных вариантов поведения, сфер общения, даже профессии. Во втором — она формируется и становится доминирующей под сильным влиянием конкретной жизненной ситуации, иногда длительной и психотравмирующей. Для чеченских женщин-самоубийц наиболее характерен, как можно предположить, последний вариант, предшествующий своей жизнью, условиями этой жизни они как бы подготовлены к такой роли, в первую очередь тем, что у них всегда был подчиненный статус, иногда просто униженный. В условиях тотального давления со стороны террористов-боевиков и полной изоляции, когда их готовят к смерти, они не знают, где и в ком искать защиту, их не могут, да и не всегда хотят защитить даже родственники.

Между тем внутренней субъективной опорой для изучаемых суицидентов является и вера в Бога, который никогда не оставит их и,

поскольку они умирают за него, в загробной жизни смогут вкушать все мыслимые радости. Подобные представления, с которыми они знакомы с детства, постоянно внушаются им в период подготовки к самоубийству. Это едва ли не самая важная часть подготовки наряду с насаждением ненависти к русским и «спасения» родины от них.

По-видимому, существует весьма многочисленная категория людей, для которых смерть обладает повышенной притягательной силой, в чем они обычно не отдают себе отчета и чрезвычайно редко облачают это в слова. Здесь речь идет не обо всех верующих, для которых она, выражаясь словами С. Кьеркегора, вмещает больше надежды, чем сама жизнь. Мы имеем в виду религиозных и политических фанатиков, людей-снарядов типа камикадзе, лиц, склонных к чрезмерному риску в спортивных и военных делах, тех, кто игнорирует опасность смертельных заражений или, тяжело заболев, не обращается за медицинской помощью, кто длительное время злоупотребляет алкоголем или наркотиками, но прежде всего, конечно же, «обычных» самоубийц.

Ожидание смерти может дарить террористическим самоубийцам больше надежды, чем жизнь, поскольку она несет избавление, утешение от мирских несчастий. Поэтому они ценят ее выше жизни.

Для чеченских террористок-самоубийц весьма характерна высокая тревожность, о котором уже говорилось как об атрибутивном качестве преступников. Понятно, что в условиях войны или постоянных вооруженных конфликтов тревожность будет очень высокой и длительной. Она будет охватывать многих людей, проявляя себя в самых разных ситуациях, иногда очень неожиданно. Население Чечни все время живет в состоянии стресса.

Человек стремится найти источник тревоги — самоубийца находит его в смерти, страх перед ней и есть причина тревоги. У некоторых суицидентов мысли о смерти навязчивы и постоянны, они присутствуют всегда и обычно охватываются сознанием; у других же связанные с нею переживания глубоко скрыты и не осознаются, но, как можно думать, идея смерти присутствует всегда.

Самоубийца прячется в смерти, как в безопасном месте, где нет конфликтов и ничто ему не угрожает, где не нужно искать смысл существования и свое место во вселенной, где можно избавиться от этой изматывающей тревоги. Некоторые из них зачарованы смертью, но в то же время своей добровольной гибелью пытаются обесмертвить себя и преодолеть страх смерти. Главным образом это от-

Почему люди совершают преступления

носится к террористам-самоубийцам. Отнюдь не случайно, что те из них, которые после совершения террористического акта остались в живых, продолжали стремиться к смерти. Мария Спиридонова, совершив убийство Луженковского, «усмирителя» крестьян, никем не была задержана, но сама же стала кричать в толпе: «Расстреливайте меня!». Отказываясь подавать апелляцию, поясняла, что ее смерть нужна для счастья народа. Сазонов, убийца Плеве, на каторге все-таки покончил с собой.

* * *

Преступность является системой, поскольку отвечает требованиям, предъявляемым к системным объектам: она представляет собой совокупность взаимосвязанных объектов, составляющих единое целое. Здесь, разумеется, не могут не возникнуть сомнения в первую очередь по поводу того, что не существует видимой связи между отдельными преступлениями, т. е. актами человеческого поведения. Подобной связи нет и между такими актами, как, скажем, лечение больного и продажа арбузов, но поскольку все это делают люди, они объединяются понятием «поведение».

Системные подходы и методы необходимы не только при исследовании всей преступности и ее отдельных видов, но и личности преступника и преступного поведения. Они позволяют связать воедино все биосоциальные особенности человека, а их в свою очередь — с процессом совершения преступлений.

На разных этапах развития человечества и в разных странах действуют различные конкретные причины преступности (совершения преступлений), определяющее не только ее наличие, но и специфику, структуру и динамику, уровень общественной опасности. Но всегда и везде ее природа одинакова и неизменна: люди убивают, насилюют и крадут потому, что они одиноки и отчуждены, переживают действительные или мнимые угрозы со стороны среды и боятся смерти. Эти факторы связаны между собой и могут действовать одновременно, но часто какой-нибудь из них превалирует.

Научный поиск причин преступности в целом, отдельных ее видов и преступного поведения никогда не прекратится. Это представляет собой потребность человека и общества, кровно заинтересованных в эффективной борьбе с таким злом. За последние годы в этом

направлении сделано немало, но, как это совершенно очевидно, еще недостаточно. Думается, что сейчас усилия должны быть сосредоточены на исследовании психологических, в том числе социально-психологических и бессознательных, факторов преступного поведения и роли в нем биологических явлений. Представляется, что здесь сделаны лишь первые шаги, но вполне возможно, что именно на этих направлениях открываются захватывающие перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

- Агрессия и психическое здоровье. — СПб., 2002.
 Айзенк Г.Ю. Структура личности. — М. — СПб., 1999.
 Анри М. Значение понятия бессознательного для познания человека / В сб. Бессознательное. Многообразие видения. — Новочеркасск, 1994.
 Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г. Бессознательное в мотивации преступного поведения. В кн.: Криминальная мотивация / Под ред. В.Н.Кудрявцева. — М., 1986.
 Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилование: причины и предупреждение. — М., 1990.
 Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. — Томск, 1989.
 Бассин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е. Введение к кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования. — Тбилиси, Т. I, 1978.
 Гроф С, Гроф К. Неистовый поиск себя. — М., 1996.
 Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности (современные буржуазные теории). — М.: Прогресс, 1966.
 Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. — СПб., 1912.
 Дюркгейм Э. Самоубийство. — М., 1994.
 Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб., 2002.
 Криминология: Учебник. — М., 1966.
 Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. — М., 2001.
 Леви-Брюль Л. Сверхестественное в первобытном мышлении. — М., 1999.
 Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 33.
 Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1977.
 Леонова О.В. Феномены аддиктивных краж. Труды Института гуманитарного образования. — М., 2005, № 5.
 Маклаков А.Г. Общая психология. — СПб., 2002.
 Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. — М., 2004.
 Меннингер К. Война с самим собой. — М., 2000.

- Мертон Р.К. Социальная культура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории). — М., 1966.
- Немов Р.С. Психология. Кн. 1. — М., 2001.
- Нибура Р. Опыт интерпретации христианской этики / В кн. Христос и культура. Избранные труды Рич. Нибура и Райн. Нибура. — М., 1996.
- Райх В. Функция оргазма. Основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. — СПб., 1997.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М., 1957.
- Рязанцев С. Танатология — наука о смерти / В кн. 3. Фрейд. Мы и смерть. По ту сторону принципа наслаждения. — СПб., 1994.
- Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. — М., 1997.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. — М., 1989.
- Файвишевский В.А. Биологически обусловленные бессознательные мотивации в структуре личности / В сб.: Бессознательное. Многообразие видений. — Новочеркасск, 1994.
- Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М., 1986.
- Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Дополнительный том. — М., 1998.
- Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. — М., 1992.
- Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. Двадцать восьмой президент США. Психологическое исследование. — М., 1992.
- Фрейд З. Психология бессознательного. — СПб., 2002.
- Фрейд З. Толкование сновидений. — СПб., 1997.
- Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. — СПб., 1998.
- Фромм Э. Психоанализ и этика. — М., 1993.
- Фромм Э. Бегство от свободы. — Минск, 2004.
- Фромм Э. Иметь или быть? — М., 1990.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. — М., Т. I, 1986.
- Хорни К. Сбор. соч. в трех томах. Том 1. — М., 1997.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. — СПб., 2002.
- Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. — Тбилиси, 1979.
- Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969.
- Элиаде М. Аспекты мифа. — М., 1997.
- Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. — М., 1996.
- Юнг К.Г. Архетип и символ. — М., 1969.
- Юнг К.Г. Психология бессознательного. — М., 1994.
- Юнг К.Г. Aion. Исследование феноменологии самости. — М., 1997.
- Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. — Киев, 1994.
- Яковлев А.М. Преступность и социальная психология (социально-психологические закономерности противоправного поведения). — М., 1971.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.

^BUS&EM;^BBH

МИ РАН О ВИЧ

I доктор юридических наук,
И профессор,
I заслуженный деятель
I науки России,
полковник милиции в отставке

Автор около 400 научных публикаций
по криминологии, уголовному праву,
уголовно-исправительному праву,
юридической психологии,
философии религии, среди них:
«Миф и вечность» (2001),
«Человек и Бог, творящие друг друга» (2003),
«Исследование Апокалипсиса» (2005),
«Криминология. Избранные лекции» (2004),
«Личность преступника» (2004) и др.

